

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Двадцать лет спустя

Читай и понимай без словаря

Александр Дюма

Двадцать лет спустя.

Англо-русская билингва

<https://litres.ru/74615957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать Дюма на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не спотыкаетесь о незнакомые слова и не тратите время на словарь. Просто читаете и понимаете всё с первой страницы.

«Двадцать лет спустя» — продолжение истории мушкетёров. Здесь снова есть дружба, интриги, дворцовые тайны и опасные приключения. Герои повзрослели, но читать о них всё так же увлекательно. Вы следите за сюжетом и не замечаете, как английский перестаёт быть преградой.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Александр Дюма
Двадцать лет спустя.
Англо-русская билингва

АНГЛИЙС Алексо Двадц

Хотите читать Дюма на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не спотыкаетесь о незнакомые слова и не тратите время на словарь. Просто читаете и понимаете всё с первой страницы.

«Двадцать лет спустя» — продолжение истории мушкетёров. Здесь снова есть дружба, интриги, дворцовые тайны и опасные приключения. Герои повзрослели, но читать о них всё так же увлекательно. Вы следите за сюжетом и не замечаете, как английский перестаёт быть преградой.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

© Самойлов А.Г., 2026г.

Alexandre Dumas Александр Дюма

Twenty years later Двадцать лет спустя

Part One Часть первая

Chapter I Глава I

The Shadow of Richelieu Тень Ришелье

In one of the rooms of the cardinal's palace, already familiar to us, at a table with gilded corners, littered with papers and books, sat a man, his head supported by both hands. В одном из покоев уже знакомого нам кардинальского дворца, за столом с позолоченными углами, заваленным бумагами и книгами, сидел мужчина, подперев обеими руками голову.

Behind him, a bright fire burned in the huge fireplace, and flaming brands crashed onto the gilded grate. Позади него в огромном камине горел яркий огонь, и пылающие головни с треском обваливались на вызолоченную решетку. The light from the hearth fell from behind on the magnificent clothing of the thoughtful man, and his face was illuminated by the flames of the candles lit in the candelabra. Свет очага падал сзади на великолепное одеяние задумавшегося человека, а лицо его освещало пламя свечей, зажженных в канделябрах.

And the red cassock, trimmed with rich lace, and the pale forehead, darkened by heavy thought, and the secluded study, and the silence of the empty neighboring halls, and the measured steps of the sentries on the landing of the stairs - everything suggested the thought that the shadow of Cardinal Richelieu still remained in his former home. И красная сутана, отделанная богатыми кружевами, и бледный лоб, омраченный тяжелой думой, и уединенный кабинет, и тишина пустых соседних зал, и мерные шаги часовых на площадке лестницы – все наводило на мысль, что это тень кардинала Ришелье оставалась

еще в своем прежнем жилище.

Alas, this was truly only the shadow of a great man! Увы, это была действительно только тень великого человека! A weakened France, the shaken power of the king, the turbulent nobility that had once again gathered its strength, and the enemy that had crossed the border, testified to the fact that Richelieu was no longer here. Ослабевшая Франция, пошатнувшаяся власть короля, вновь собравшееся с силами буйное дворянство и неприятель, переступивший границу, свидетельствовали о том, что Ришелье здесь больше нет.

But what further confirmed the idea that the red cassock did not belong to the old cardinal was the solitude in which this figure dwelt, more befitting a ghost than a living man: the empty corridors were not crowded with courtiers, but the courtyards were full of guards; from the street to the cardinal's windows flew the jeers of the entire city, united in a stormy hatred for him; finally, from afar, from time to time, the sound of gunfire could be heard, which, it is true, was for the time being in vain, with the sole purpose of showing the guards, the Swiss mercenaries, the musketeers and the soldiers surrounding the Palais-Royal (now the cardinal's palace itself had changed its name) that the people also had weapons. Но еще больше утверждало в мысли, что красная сутана принадлежала вовсе не старому кардиналу, одиночество, в котором пребывала эта фигура, тоже более подобавшее призраку, чем живому человеку: в пустых коридорах не толпились придворные, зато дворы были полны

стражи; с улицы к окнам кардинала летели насмешки всего города, объединившегося в бурной ненависти к нему; наконец, издали то и дело доносилась ружейная пальба, которая, правда, пока велась впустую, с единственной целью показать караулу, швейцарским наемникам, мушкетерам и солдатам, окружавшим Пале-Рояль (теперь и самый кардинальский дворец сменил имя), что у народа тоже есть оружие.

This shadow of Richelieu was Mazarin. Этой тенью Ришелье был Мазарини.

He felt lonely and powerless. Он чувствовал себя одиноким и бессильным.

– A foreigner! – Иностранец! – he whispered. – шептал он. – An Italian! – Итальянец! These are their favorite words. Вот их излюбленные слова. With these words they killed, hanged, and exterminated Concini. С этими словами они убили, повесили, истребили Кончини. If I had given them free rein, they would have killed, hanged, and exterminated me too. Если бы я дал им волю, они бы и меня убили, повесили, истребили. And what harm have I done them? А какое я им сделал зло? I only oppressed them a little with taxes. Только прижал их немного налогами. Fools! Дурачье! They do not understand that their enemy is not an Italian at all, who speaks French poorly, but various talkers, with the purest Parisian accent, holding forth to them. Они не понимают, что враг их совсем не итальянец, плохо говорящий по-французски, а разные краснобаи, с чистейшим парижским выговором разглагольствующие перед

ними.

“Yes, yes,” muttered the minister with a thin smile that now seemed out of place on his pale lips, “yes, your murmur reminds me how precarious is the fate of a temporary worker; but if you know this, then know that I am not a simple temporary worker!” – Да, да, – бормотал министр с тонкой улыбкой, казавшейся сейчас неуместной на его бледных губах, – да, ваш ропот напоминает мне, как непрочна судьба временщика; но если вы это знаете, то знайте же, что я-то не простой временщик! The Earl of Essex had a magnificent diamond ring, which was given to him by his royal mistress; and I have a simple ring with a monogram and a number, but this ring is blessed in the church of the Palais-Royal. У графа Эссекса был великолепный перстень с алмазами, который подарила ему царственная любовница; а у меня простое кольцо с вензелем и числом, но это кольцо освящено в церкви Пале-Рояль. They cannot break me, however much they threaten. Им не сломить меня, сколько они ни грозятся. They do not notice that, although they are always shouting: "Down with Mazarin!" Они не замечают, что, хоть они и кричат вечно: «Долой Мазарини! - I make them also shout: "Long live the Duke of Beaufort!" » – я заставляю их кричать также: «Да здравствует герцог Бофор! "Long live the Prince of Condé!" », «Да здравствует принц Конде! or "Long live the Parliament!" » или «Да здравствует парламент! ». And here is the Duke of Beaufort in Vincennes, the Prince will end up there any day now, and the Parliament... (Here the Cardinal's

smile turned into a grimace of such hatred as had never been seen on his kind face. И вот герцог Бофор в Венсене, принц не сегодня-завтра угодит туда же, а парламент... (Тут улыбка кардинала превратилась в гримасу такой ненависти, какой никогда не видели на его ласковом лице.) The Parliament... We will see what to do with the Parliament; Orleans and Montargis are for us.) Парламент... Посмотрим еще, что сделать с парламентом; за нас Орлеан и Монтаржи. Oh, I will not hurry; but those who started by shouting "Down with Mazarin!" О, я спешить не стану; но те, кто начал криком «Долой Мазарини! will end up shouting "down with" all these people, each one in turn. », в конце концов будут кричать «долой» всем этим людям, каждому по очереди.

Cardinal Richelieu, whom they hated while he was alive, and about whom they talk only since his death, had it worse than I, for he was driven out several times, and very often he was afraid of being driven out. Кардиналу Ришелье, которого они ненавидели, пока он был жив, и о котором только и говорят с тех пор, как он умер, приходилось хуже меня – ведь его несколько раз прогоняли, и очень часто он боялся быть выгнанным. But the queen will never drive me out, and if I am forced to give in to the people, she will give in with me; if I have to flee, she will flee with me, and then we will see how the rebels will manage without their queen and king. Меня же королева никогда не прогонит, и если я буду вынужден уступить народу, то она уступит вместе со мной; если мне придется бежать,

она убежит вместе со мной, и тогда посмотрим, как бунтовщики обойдутся без своей королевы и короля. Ah, if only I were not a foreigner, if only I were a Frenchman, if only I were a nobleman! Ах, не будь я иностранец, будь я француз, будь я дворянин!.. ..

And he fell into thought again. И он снова впал в задумчивость.

Indeed, the situation was difficult, and the day that had passed had made it even more difficult. Действительно, положение было трудное, а истекший день усложнил его еще более. Mazarin, always driven by his vile greed, was crushing the people with taxes, and the people, who, as the prosecutor Talon said, had only a soul left in their bodies, and that because it could not be sold at public auction - this people, whose throats they wanted to shut with the thunder of military victories and who were convinced that they would not be satisfied with laurels - had long been grumbling. Мазарини, вечно подстрекаемый своей гнусной жадностью, давил народ налогами, и народ, у которого, как говорил прокурор Талон, оставалась одна душа в теле, и то потому, что ее не продашь с публичных торгов, — этот народ, которому громом военных побед хотели заткнуть глотку и который убедился, что лаврами он сыт не будет, — давно уже роптал.

But that was not all. Но это было еще не все. While only the people grumbled, the court, separated from it by the bourgeoisie and the nobility, did not hear their murmurings; but Mazarin had

the imprudence to touch upon the judicial department: he sold twelve patents for the post of parliamentary rapporteur! Пока ропщет один только народ, двор, отделенный от него буржуазией и дворянством, не слышит его ропота; но Мазарини имел неосторожность затронуть судебное ведомство: он продал двенадцать патентов на должность парламентских докладчиков! Meanwhile, the officials paid very dearly for their positions; and since the appearance of twelve new confreres was supposed to lower the price, the former ranks united and swore on the Gospel under no circumstances to admit new rapporteurs and to resist all oppression by the court; they pledged, in the event that one of them lost his position for disobedience, to pool their resources and return the cost of his patent. Между тем чиновники платили за свои места очень дорого; а так как появление двенадцати новых собратьев должно было снизить цену, то прежние чины соединились и поклялись на Евангелии ни под каким видом не допускать новых докладчиков и сопротивляться всем притеснениям двора; они обязались, в случае если бы один из них за неповиновение потерял свою должность, сложиться и возвратить ему стоимость патента.

These are the actions taken by both sides. Вот какие действия были предприняты с обеих сторон.

On the seventh of January, about eight hundred Parisian merchants assembled, indignant at the new taxes on householders, and, having elected ten deputies, sent them to the Duke of Orleans, who, according to his old custom, made

advances to the people. Седьмого января около восьмисот парижских купцов собрались, возмущенные новыми налогами на домовладельцев, и, избрав десять депутатов, отправили их к герцогу Орлеанскому, который, по своему старому обычаю, заигрывал с народом. The Duke of Orleans received them, and they declared to him that they had resolved not to pay the new tax, even if they had to defend themselves against the king's collectors with arms in hand. Герцог Орлеанский принял их, и они заявили ему, что решили не платить нового налога, хотя бы им пришлось защищаться против королевских сборщиков с оружием в руках. The Duke of Orleans listened to them very favorably, encouraged them, promised to discuss a reduction of the tax with the queen, and parted with them, as befits a prince, with the promise: "We will see." Герцог Орлеанский выслушал их очень благосклонно, обнадежил, посулил поговорить об уменьшении налога с королевой и напутствовал их, как и полагается принцу, обещанием: «Посмотрим».

For their part, the parliamentary speakers came to the cardinal on the ninth, and one of them, on behalf of all the others, spoke so decisively and boldly that the cardinal was astonished; he dismissed them, saying, like the Duke of Orleans: "We will see." Со своей стороны, парламентские докладчики девятого числа явились к кардиналу, и один из них от лица всех остальных говорил так решительно и смело, что кардинал был изумлен; он отпустил их, сказав, как и герцог Орлеанский: «Посмотрим».

And so, to see, a council was called; they sent for the financial manager d'Emery. И вот, чтобы посмотреть, был созван совет; послали за управляющим финансами д'Эмери.

The people hated this d'Emery: firstly, because he was in charge of finances, and a finance manager is always hated, secondly, it must be admitted, he really deserved it. Народ ненавидел этого д'Эмери: во-первых, потому, что он управлял финансами, а управляющего финансами всегда ненавидят, во-вторых, надо признаться, он этого в самом деле заслуживал.

He was the son of the Lyon banker Particelli, who after bankruptcy changed his name and became known as d'Emery. Это был сын лионского банкира Партичелли, который после банкротства переименовал фамилию и стал называться д'Эмери. Cardinal Richelieu, noticing his great financial abilities, introduced him to Louis XIII under the name d'Emery and, wishing to appoint him as manager of finances, praised him highly. Кардинал Ришелье, заметив в нем большие финансовые способности, представил его Людовику XIII под именем д'Эмери и, желая назначить его управляющим финансами, расхвалил его.

“Wonderful!” – Чудесно! replied the king. – ответил король. “I am very glad that you propose d'Emery for this position, where an honest man is needed. – Я очень рад, что вы предлагаете д'Эмери на это место, где нужен человек честный. I was told that you patronize the swindler Particelli, and I was afraid that

you would force me to take him. Мне говорили, что вы покровительствуете мошеннику Партичелли, и я боялся, что вы заставите меня взять его.

“Sire,” replied the cardinal, “rest assured: Particelli, whom your majesty was pleased to remember, has already been hanged.” – Государь, – ответил кардинал, – будьте покойны: Партичелли, о котором угодно было вспомнить вашему величеству, уже повешен.

“Ah, so much the better!” – А, тем лучше! exclaimed the king. – воскликнул король. “So it is not in vain that they call me Louis the Just. – Значит, не напрасно называют меня Людовиком Справедливым.

And he signed d'Emery's appointment. И он подписал назначение д'Эмери.

This same d'Emery was now the financial manager. Этот самый д'Эмери и был теперь управляющим финансами.

He was sent for in the name of the minister; he came running pale and frightened, and told them that his son had almost been killed that day in the palace square: he had been recognized, surrounded, and reviled for the luxury in which his wife lived—her chambers were upholstered in red velvet with gold fringe. За ним послали от имени министра; он прибежал бледный, перепуганный и рассказал, что его сына чуть не убили сегодня на дворцовой площади: его узнали, окружили и стали поносить за роскошь, в которой жила его жена, – ее покои были обиты красным бархатом с золотой бахромой. She was the

daughter of Nicolas Le Camus, secretary since 1617, who had come to Paris with twenty livres in his pocket, and had recently, keeping forty thousand livres in rent, divided nine million among his children. Она была дочерью Николя Ле Камю, секретаря с 1617 года, который пришел в Париж с двадцатью ливрами в кармане, а недавно, оставив для себя сорок тысяч ливров ренты, разделил между своими детьми девять миллионов.

D'Emery's son was nearly strangled. Сына д'Эмери едва не задушили. One of the rebels suggested that they should crush him until they squeezed the stolen gold out of him. Один из бунтовщиков предлагал мять его до тех пор, пока из него не выжмут награбленного золота.

The financial manager was too upset by the incident with his son to think calmly, and the council decided nothing that day. Управляющий финансами был слишком взволнован происшествием с сыном, чтобы рассуждать спокойно, и совет ничего не решил в этот день.

The next day, the first president of parliament, Mathieu Molay, whose courage in such circumstances, according to Cardinal de Retz, was equal to that of the Duke of Beaufort and the Prince of Condé, in other words, two men considered the most courageous in all of France – this first president was also attacked the next day: the people threatened to deal with him for all the evil he had done. На следующий день первый президент парламента Матье Моле, смелость которого в подобных обстоятельствах, по словам кардинала де Реца, равнялась храб-

рости герцога Бофора и принца Конде, иначе говоря, двух лиц, считавшихся самыми отважными во всей Франции, — этот первый президент на другой день тоже подвергся нападению: народ угрожал разделаться с ним за все учиненное зло. However, the first president replied with his usual calm, without agitation or showing surprise, that if the troublemakers did not submit to the will of the king, he would order gallows to be erected in the squares and would immediately hang the most violent ones on them. Однако первый президент ответил со своим обычным спокойствием, не волнуясь и не выказывая удивления, что если смутьяны не подчинятся воле короля, то он велит поставить на площадях виселицы и тотчас же вздернет на них самых буйных. To this he was told that the gallows were long overdue for erection: they would come in handy to hang the extortionate judges who bought the favor of the court at the price of the people's poverty. На это ему сказали, что виселицы давно пора поставить: они пригодятся, чтобы вздернуть на них судей-лихоимцев, покупающих себе милость двора ценой народной нищеты.

But that was not all. Но и это было еще не все. On the eleventh, when the queen was heading to mass at Notre Dame Cathedral, which she did every Saturday, more than two hundred women followed her, shouting and demanding justice. Одиннадцатого числа, когда королева направлялась к обедне в собор Парижской Богоматери, что она делала неизменно каждую субботу, за ней двинулось больше двухсот женщин,

крича и требуя справедливости. However, they had no bad intentions: they only wanted to kneel before the queen and awaken compassion in her. Впрочем, у них не было дурных намерений: они хотели только стать на колени перед королевой и пробудить в ней сострадание. But the escort did not allow them, and the queen passed by haughtily and proudly, not listening to complaints. Но конвой не допустил их, а королева прошла надменно и гордо, не слушая жалоб.

In the afternoon the council was again assembled, and it was decided to uphold the king's authority; for this purpose a meeting of parliament was appointed for the following day, the twelfth. После полудня был снова собран совет, и на нем решено было поддержать авторитет короля; для этой цели на следующий день, двенадцатого числа, было назначено заседание парламента.

On the day on which we begin our story, the ten-year-old king, who had just recovered from chickenpox, went to give thanks to Notre Dame de Paris for his recovery. В тот день, с вечера которого мы и начинаем наш рассказ, десятилетний король, только что выздоровевший от ветряной оспы, ходил благодарить за свое исцеление Парижскую Богоматерь. Under this pretext, by royal command, all the guards, Swiss, and musketeers were assembled and lined up around the Palais Royal, along the embankments and the Pont Neuf. Под этим предлогом по королевскому приказу были собраны все гвардейцы, швейцарцы, мушкетеры и выстроены вокруг Пале-Рояля, вдоль на-

бережных и Нового моста. After listening to mass, the king went to parliament, where a "royal session" thus unexpectedly took place, and not only confirmed all the previous edicts, but also announced five or six new ones, one more destructive than the other, according to Cardinal de Retz. Прослушав обедню, король отправился в парламент, где таким образом неожиданно состоялось «королевское заседание», и не только подтвердил все прежние эдикты, но огласил еще пять или шесть новых, один разорительнее другого, по словам кардинала де Реца. And now even the first president, who, as we have seen, had previously sided with the court, decisively spoke out against bringing the king to parliament to restrict the freedom of the deputies. И теперь даже первый президент, который, как мы видели, держал раньше сторону двора, решительно выступил против того, чтобы короля приводили в парламент для стеснения свободы депутатов.

But President Blancmesnil and Councillor Brussel were especially bold in their rebellion against the new taxes. Но особенно дерзко восстали против новых налогов президент Бланмениль и советник Брюссель.

Having read the edicts, the king returned to the Palais Royal. Огласив эдикты, король вернулся в Пале-Рояль. The people crowded on his way. Народ толпился на его пути. Everyone knew that he was returning from Parliament, but it was unknown whether he went there to protect the people or to oppress them further. Все знали, что он возвращается из парламента, но

неизвестно было, ходил ли он туда, чтобы защитить народ, или для того, чтобы сильнее притеснить его. That is why along his entire journey there was not a single joyful cry, not a single greeting on the occasion of his recovery. Вот почему на всем пути его не раздалось ни одного радостного крика, ни одного приветствия по случаю его выздоровления. The faces of the townspeople, on the contrary, were gloomy and restless; some even expressed a threat. Лица горожан, напротив, были мрачны и беспокойны; на некоторых выражалась даже угроза.

Although the king returned to the palace, the troops remained in their places – they were afraid that a rebellion would break out when the results of the parliament session became known. Хотя король вернулся во дворец, войска остались на своих местах – боялись, как бы не вспыхнул мятеж, когда станут известны результаты заседания парламента. And indeed, as soon as the rumor spread that the king, instead of easing taxes, had increased them even more, people immediately began to gather in groups, loud complaints and cries were heard: “Down with Mazarin! И правда, едва лишь разнесся слух, что король, вместо того чтобы облегчить налоги, еще более их увеличил, люди сейчас же стали собираться кучками, слышались громкие жалобы и крики: «Долой Мазарини! Long live Brussels! Да здравствует Брюссель! Long live Blancmesnil! Да здравствует Бланмениль!” »

The people knew that Brussel and Blancmesnil had spoken in their favor, and although their eloquence had been wasted, they

were nevertheless grateful to them. Народ знал, что Брюссель и Бланмениль говорили в его пользу, и хотя их красноречие пропало даром, он тем не менее был им благодарен.

They wanted to disperse the crowd, they wanted to silence it, but, as always happens in such cases, it only grew and the shouts grew louder. Толпу хотели разогнать, хотели заставить ее замолчать, но, как всегда бывает в таких случаях, она только разрасталась и крики усиливались.

The Royal Guards and the Swiss were ordered not only to contain the crowd, but also to send patrols to the Rues Saint-Denis and Saint-Martin, where the gatherings appeared particularly numerous and excited; here, at the Palais-Royal, the arrival of the merchant elder was reported. Королевским гвардейцам и швейцарцам был отдан приказ не только сдерживать толпу, но и выслать патрули на улицы Сен-Дени и Сен-Мартен, где сборища казались особенно многочисленными и возбужденными; тут в Пале-Рояле доложили о приезде купеческого старшины.

He was immediately received and declared that if the government did not cease its hostile actions, then within two hours all of Paris would take up arms. Он немедленно был принят и объявил, что если правительство не прекратит своих враждебных действий, то через два часа весь Париж возьмется за оружие.

They were still arguing about what measures should be taken when Lieutenant of the Guards, Comminge, entered. Еще спо-

рили о том, какие следует принять меры, когда вошел гвардейский лейтенант Коменж. His face was covered in blood, his dress was torn. Лицо его было в крови, платье изодрано. Upon seeing him, the queen cried out in amazement and asked what had happened to him. Увидев его, королева вскрикнула от изумления и спросила, что с ним случилось.

But what the merchant elder had foreseen happened: the people were irritated by the appearance of the soldiers. А случилось то, что предвидел купеческий старшина: народ раздражило появление солдат. The alarm sounded from all the bell towers. Со всех колоколен ударили в набат. Comminges did not lose his composure, arrested a man who seemed to him to be one of the main rebels, and ordered, as an example, to hang him on a cross in the middle of the Place Traguar; the soldiers grabbed him and dragged him away to carry out the order. Коменж не растерялся, арестовал какого-то человека, который показался ему одним из главных бунтарей, и велел, для примера, повесить его на кресте посреди площади Трагуар; солдаты схватили его и потащили, чтобы выполнить приказ. But near the market, a crowd attacked them: stones rained down and halberds struck. Но около рынка на них напала толпа: посыпались камни и удары алебард. The rebel took advantage of the moment, ran to the Rue des Changes and hid in a house, the doors of which the soldiers immediately broke down. Мятежник воспользовался минутой, добежал до улицы Менял и скрылся в доме, двери которого солдаты тотчас же выломали.

However, this brutal violence turned out to be in vain: the culprit could not be found anywhere. Однако это грубое насилие оказалось напрасным: виновного нигде не могли найти. Comminges posted a guard near the house, and he himself, with the rest of the soldiers, returned to the palace to report everything to the queen. Коменж поставил караул около дома, а сам с остальными солдатами вернулся во дворец, чтобы доложить обо всем королеве. All along the way they were pursued by shouts and threats; several of his detachment were wounded by pikes and halberds, and he himself had his eyebrow cut with a stone. По всему пути их преследовали крики и угрозы; несколько человек из его отряда были поранены пиками и алебардами, и самому ему камнем рассекли бровь.

Comminges's story confirmed the elder's statement; there was a whiff of a serious uprising, and they were unprepared for it. Рассказ Коменжа подтвердил заявление старшины; дело пахло серьезным восстанием, а к нему не были подготовлены. Therefore, the cardinal ordered a rumor to be spread among the people that the troops were drawn up on the embankments and on the Pont Neuf only for the occasion of the ceremony and would now withdraw. Поэтому кардинал велел распустить в народе слух, что войска выстроены на набережных и на Новом мосту только по случаю церемонии и сейчас удалятся. Indeed, by four o'clock in the afternoon they had all been drawn up to the Palais-Royal; they set up a post at the outpost of the Sergeants, another at the Three Hundred Blind, and a third on the hill of

Saint-Roc. Действительно, к четырем часам дня они все были стянуты ко дворцу Пале-Рояль; поставили пост у заставы Сержантов, другой – у Трехсот Слепых, третий – на холме Святого Рока. In the courtyards and lower floors of the palace they gathered the Swiss and musketeers and began to wait. Во дворах и нижних этажах дворца собрали швейцарцев и мушкетеров и стали ждать.

This was the state of affairs when we introduced the reader to the study of Cardinal Mazarin, which had formerly been Richelieu's study. Вот в каком положении были дела, когда мы ввели читателя в кабинет кардинала Мазарини, бывший прежде кабинетом Ришелье. We saw in what frame of mind the cardinal was, listening to the popular murmur that reached him and to the distant gunshots. Мы видели, в каком расположении духа был кардинал, прислушиваясь к доносившемуся до него народному ропоту и к далеким ружейным выстрелам.

Suddenly he raised his head, frowning like a man who has made up his mind about something, glanced at the huge wall clock, which was about to strike ten, took from the table the gilded whistle that was always at hand and whistled twice. Вдруг он поднял голову, нахмутив брови, как человек на что-то решившийся, взглянул на огромные стенные часы, которые сейчас должны были пробить десять, взял со стола бывший у него всегда под руками золоченый свисток и свистнул два раза.

The door hidden under the wall paneling opened silently; a

man dressed in black quietly came out and stood behind his chair. Бесшумно отворилась скрытая под стенной обивкой дверь; из нее тихо вышел человек, одетый в черное, и встал за его креслом.

“Bernuin,” said the cardinal, without even looking around, since he knew that the valet would appear at the sound of two whistles, “what kind of musketeers are on duty in the palace?” – Бернуин, – сказал кардинал, даже не оглянувшись, так как знал, что на два свистка должен явиться камердинер, – что за мушкетеры дежурят во дворце?

- The Black Musketeers, Monsignor. – Черные мушкетеры, монсеньор.

- Which company? – Какой роты?

- Monsieur de Treville. – Господина де Тревиля.

- Are there any officers from this company in the front? – Есть кто-нибудь из офицеров этой роты в передней?

- Lieutenant d'Artagnan. – Лейтенант д'Артаньян.

- Reliable, I hope? – Надежный, надеюсь?

- Yes, monsignor. – Да, монсеньор.

- Give me the musketeer's uniform and help me get dressed. – Подай мне мушкетерский мундир и помоги одеться.

The valet left as silently as he had entered, and returned a minute later with the dress. Камердинер вышел так же беззвучно, как вошел, и через минуту вернулся с платьем.

In silent thought, Mazarin began to take off his ceremonial attire, which he had put on to attend the session of parliament;

then he put on the military uniform, which he had worn with a certain ease even during the Italian campaigns. В молчаливой задумчивости Мазарини стал снимать свое парадное облачение, которое надел, чтобы присутствовать на заседании парламента; затем натянул военный мундир, который он носил с известной непринужденностью еще в итальянских походах. Having dressed, he said: Одевшись, он сказал:

– Call d'Artagnan here. – Позови сюда д'Артаньяна.

The valet came out, this time through the middle door, still silent as a shadow. Камердинер вышел, на этот раз в среднюю дверь, по-прежнему безмолвный, словно тень.

Left alone, the cardinal looked at himself in the mirror with satisfaction. Оставшись один, кардинал с удовлетворением посмотрел на себя в зеркало. He was still young - he had just turned forty-six years old - well built, slightly below average height; he had a beautiful, fresh complexion, eyes full of fire, a large but beautiful nose, a wide proud forehead, light brown, slightly curly hair; his beard, darker than the hair on his head, was always carefully curled, which suited him very well. Он был еще молод – ему только что минуло сорок шесть лет, – хорошо сложен, роста чуть ниже среднего; у него был прекрасный, свежий цвет лица, глаза, полные огня, большой, но красивый нос, широкий гордый лоб, русые, слегка курчавые волосы; борода, темнее волос на голове, была всегда тщательно завитая, что очень шло к нему.

The cardinal put on his sword belt, looked smugly at his

beautiful and well-groomed hands and, throwing off the rough suede gloves required by the uniform, put on ordinary silk ones. Кардинал надел перевязь со шпагой, самодовольно оглядел свои красивые и выхоленные руки и, отбросив грубые замшевые перчатки, полагающиеся по форме, надел обыкновенные – шелковые.

At that moment the door opened. В эту минуту дверь открылась.

“Lieutenant d’Artagnan,” the valet reported. – Лейтенант д’Артаньян, – доложил камердинер.

An officer entered. Вошел офицер.

He was a man of about thirty-nine or forty years of age, of small stature, but slender, thin, with lively, intelligent eyes, with a black beard, but with gray hair on his head, which often happens to people who have lived their lives too happily or too sadly, especially if their hair is dark. Это был мужчина лет тридцати девяти или сорока, небольшого роста, но стройный, худой, с живыми умными глазами, с черной бородой, но с проседью на голове, что часто бывает у людей, которые прожили жизнь слишком весело или слишком печально, – в особенности если волосы у них темные.

D’Artagnan, entering the room, immediately recognized the office of Cardinal Richelieu, where he had once been. Д’Артаньян, войдя в комнату, сразу же узнал кабинет кардинала Ришелье, где ему пришлось побывать однажды. Seeing that there was no one there except a musketeer of his company,

he looked closely at this man and immediately recognized the cardinal under the musketeer's clothes. Видя, что здесь никого нет, кроме мушкетера его роты, он внимательно посмотрел на этого человека и под одеждой мушкетера сразу же узнал кардинала.

D'Artagnan stood in a respectful but dignified pose, as befits a man of society accustomed to meeting often with nobles. Д'Артаньян остановился в позе почтительной, но полной достоинства, как подобает человеку из общества, привыкшему часто встречаться с вельможами.

The cardinal fixed his gaze on him, rather sharply than deeply, examined him carefully and after a few seconds of silence asked: Кардинал устремил на него взгляд, скорее острый, нежели глубокий, рассмотрел его внимательно и после нескольких секунд молчания спросил:

- Are you Monsieur d'Artagnan? – Вы господин д'Артаньян?

"Yes sir," replied the officer. – Так точно, монсеньор, – ответил офицер.

The Cardinal looked once more at the intelligent head, at the face, the extraordinary mobility of which had been curbed by years and experience. Кардинал еще раз посмотрел на умную голову, на лицо, чрезвычайную подвижность которого обуздали годы и опытность. D'Artagnan had passed the test: he had once been looked at by eyes sharper than those that were now examining him. Д'Артаньян выдержал испытание: на него смотрели некогда глаза поострее тех, что подвергали его ис-

следованию сейчас.

“You will go with me, sir,” said the cardinal, “or rather, I will go with you.” – Вы поедете со мной, сударь, – сказал кардинал, – или, вернее, я поеду с вами.

“I am at your service, Monseigneur,” replied d’Artagnan. – Я к вашим услугам, монсеньор, – ответил д’Артаньян.

“I would like to personally inspect the posts at the Palais Royal. – Я хотел бы лично осмотреть посты у Пале-Рояля. Do you think it is dangerous?” Как вы думаете, это опасно?

“Is it dangerous, Monsignor?” – Опасно, монсеньор? – d’Artagnan was surprised. – удивился д’Артаньян. – “Why not?” – Почему же?

– They say the people have completely rebelled. – Говорят, народ совсем взбунтовался.

“The uniform of the king’s musketeers is held in high esteem, Monseigneur, and, if necessary, I and three comrades undertake to disperse a hundred of these idlers. – Мундир королевских мушкетеров пользуется большим уважением, монсеньор, и, в случае надобности, я с тремя товарищами берусь разогнать сотню этих бездельников.

- But do you know what happened to Komenzh? – Но вы знаете, что случилось с Коменжем?

“Monsieur Comminges is a guardsman, not a musketeer,” replied d’Artagnan. – Господин Коменж – гвардеец, а не мушкетер, – ответил д’Артаньян.

“You mean to say,” the cardinal remarked, smiling, “that the

musketeers are better soldiers than the guards?" – Вы хотите сказать, – заметил кардинал, улыбаясь, – что мушкетеры лучшие солдаты, чем гвардейцы?

– Everyone is proud of his uniform, Monsignor. – Каждый гордится своим мундиром, монсеньор.

"Not me," laughed Mazarin. – Только не я, – рассмеялся Мазарини. "You see, I traded it for yours." – Вы видите, я променял его на ваш.

- The devil take it! – Черт побери! - cried d'Artagnan. – воскликнул д'Артаньян. - You say this out of modesty, Monseigneur! – Вы это говорите из скромности, монсеньор! As for me, if I had Your Eminence's uniform, I would be content with it and would take care never to wear another. Что до меня, то, будь у меня мундир вашего преосвященства, я удовольствовался бы им и позаботился бы о том, чтобы никогда не надевать другого.

- Yes, but for today's walk it is perhaps not very reliable. – Да, только для сегодняшней прогулки он, пожалуй, не очень надежен. Bernouin, your hat! Бернуин, шляпу!

The servant handed him a wide-brimmed uniform hat. Слуга подал форменную шляпу с широкими полями. The Cardinal put it on, cocking it jauntily to one side, and turned to d'Artagnan: Кардинал надел ее, лихо заломив набок, и обернулся к д'Артаньяну:

– Do you have saddled horses in your stable? – У вас в конюшне есть оседланные лошади?

- Yes, Monsignor. – Есть, монсеньор.

- So let's go. – Так едем.

– How many people would you like to take with you, Monsignor? – Сколько человек прикажете взять с собою, монсеньор?

“You said that four of you could handle a hundred idlers; since we might encounter two hundred of them, take eight.” – Вы сказали, что вчетвером справитесь с сотней бездельников; так как мы можем встретить их две сотни, возьмите восьмерых.

- As you command. – Как прикажете.

- Go, I'm following you. – Идите, я следую за вами. Or no, wait, let's go through here. Или нет, постойте, лучше пройдем здесь. Bernouin, give us the light. Бернуин, посвети нам.

The servant took the candle, and the cardinal took a small carved key from the table, and, going out by a secret staircase, they found themselves in the courtyard of the Palais Royal a minute later. Слуга взял свечу, а кардинал взял со стола маленький вырезной ключ, и, выйдя по потайной лестнице, они через минуту очутились во дворе Пале-Рояль.

Chapter II Глава II

Night Watch Ночной дозор

Ten minutes later, the small detachment rode out onto the Rue des Bons Enfants, rounding the theatre built by Cardinal Richelieu for the first performance of "Miram"; now, at the behest of Cardinal Mazarin, who preferred music to literature,

the first opera performances in France were held here. Десять минут спустя маленький отряд выехал на улицу Добрых Ребят, обогнув театр, построенный кардиналом Ришелье для первого представления «Мирам»; теперь здесь, по воле кардинала Мазарини, предпочитавшего литературе музыку, шли первые во Франции оперные спектакли.

Everything in the city testified to popular unrest. Все в городе свидетельствовало о народном волнении. Numerous crowds moved through the streets, and, contrary to what d'Artagnan had said, people stopped and looked at the soldiers insolently and menacingly. Многочисленные толпы двигались по улицам, и, вопреки тому, что говорил д'Артаньян, люди останавливались и смотрели на солдат дерзко и с угрозой. It was clear that the townspeople's usual good nature had given way to a more warlike mood. По всему видно было, что у горожан обычное добродушие сменилось более воинственным настроением. From time to time, a hum of voices could be heard from the direction of the market. Время от времени со стороны рынка доносился гул голосов. Guns were fired in the Rue Saint-Denis, and from time to time, somewhere suddenly and for some unknown reason, solely at the whim of the crowd, a bell began to ring. На улице Сен-Дени стреляли из ружей, и по временам где-то внезапно и неизвестно для чего, единственно по прихоти толпы, начинали бить в колокол.

D'Artagnan rode with the carelessness of a man to whom such trifles mean nothing. Д'Артаньян ехал с беззаботностью чело-

века, для которого такие пустяки ничего не значат. If a crowd blocked the road, he would direct his horse towards it without even shouting "Beware!" Если толпа загораживала дорогу, он направлял на нее своего коня, даже не крикнув «берегись! and, as if understanding the kind of person they were dealing with, the crowd would part and make way for the horsemen. »; и, как бы понимая, с каким человеком она имеет дело, толпа расступалась и давала всадникам дорогу. The Cardinal envied this calm; and although it was explained, in his opinion, only by habituation to danger, he felt for the officer under whose command he suddenly found himself that involuntary respect which prudence cannot deny to careless courage. Кардинал завидовал этому спокойствию; и хотя оно объяснялось, по его мнению, только привычкой к опасностям, он чувствовал к офицеру, под начальством которого вдруг очутился, то невольное уважение, в котором благоразумие не может отказать беспечной смелости.

As they approached the post at the Sergeant's outpost, a sentry called out to them: Когда они приблизились к посту у заставы Сержантов, их окликнул часовой:

- Who goes there? – Кто идет?

D'Artagnan responded and, having asked the cardinal for the password, rode up to the guard. Д'Артаньян отозвался и, спросив у кардинала пароль, подъехал к караулу. The password was: Louis and Rocroi. Пароль был: Людовик и Рокруа.

After an exchange of formalities, d'Artagnan asked if

Lieutenant Comminges was in command of the guard. После обмена условными словами д'Артаньян спросил, не лейтенант ли Коменж командует караулом.

The sentry pointed out to him an officer who was standing and talking to a horseman, his hand on his horse's neck. Часовой указал ему на офицера, который стоя разговаривал с каким-то всадником, положив руку на шею лошади. This was the one d'Artagnan was looking for. Это был тот, кого искал д'Артаньян.

"Monsieur de Comminges is here," said d'Artagnan, returning to the cardinal. – Господин де Коменж здесь, – сказал д'Артаньян, вернувшись к кардиналу.

Mazarin rode up to him, while d'Artagnan, out of modesty, remained aloof; from the manner in which both officers, on foot and on horseback, removed their hats, he saw that they recognized the Cardinal. Мазарини подъехал к нему, между тем как д'Артаньян из скромности остался в стороне; по манере, с какой оба офицера, пеший и конный, сняли свои шляпы, он видел, что они узнали кардинала.

"Bravo, Guiteau," said the cardinal to the horseman, "I see that, despite your sixty-four years, you are still vigilant and devoted. – Bravo, Гито, – сказал кардинал всаднику, – я вижу, что, несмотря на свои шестьдесят четыре года, вы по-прежнему бдительны и преданны. What did you say to this young man?" Что вы говорили этому молодому человеку?

"Monseigneur," replied Guiteau, "I told him that we are living

through strange times and that today is very reminiscent of the days of the League, about which I heard so much in my youth. – Монсеньор, – отвечал Гито, – я говорил ему, что мы переживаем странные времена и что сегодняшний день очень напоминает дни Лиги, о которой я столько слышал в молодости. You know, today on the streets of Saint-Denis and Saint-Martin there was talk of nothing more and nothing less than barricades!” Знаете, сегодня на улицах Сен-Дени и Сен-Мартен речь шла не более и не менее, как о баррикадах!

- And what did Cominges answer you, my dear Guito? – И что же ответил вам Коменж, мой дорогой Гито?

“Monseigneur,” said Comminges, “I replied that they lack something for the League, and not a small one, namely the Duke of Guise; but such things do not happen again. – Монсеньор, – сказал Коменж, – я ответил, что для Лиги им кой-чего недостает, и немало, – а именно герцога Гиза; да такие вещи и не повторяются.

“That’s true, but they are preparing the Fronde, as they say,” Guiteau remarked. – Это верно, но зато они готовят Фронду, как они выражаются, – заметил Гито.

“What is the Fronde?” – Что такое Фронда? asked Mazarin. – спросил Мазарини.

- That's what they call their party, Monsignor. – Они так называют свою партию, монсеньор.

- Where does this name come from? – Откуда это название?

- It seems that a few days ago, Councillor Bashomont said

in Parliament that all the rebels were like Parisian schoolboys who sit in the gutters with a sling and throw stones; as soon as they see a policeman, they run away, but as soon as he passes, they start up again. – Кажется, несколько дней назад советник Башомон сказал в парламенте, что все мятежники похожи на парижских школьников, которые сидят по канавам с пращой и швыряют камнями; чуть завидят полицейского – разбегаются, но как только он пройдет, опять принимаются за прежнее. They picked up this word and began to call themselves Frondeurs, just as the Brussels ragamuffins call themselves Guez. Они подхватили это слово и стали называть себя фрондерами, как брюссельские оборванцы зовут себя гезами. In these two days, everything has become “Frondeur” – buns, hats, gloves, muffs, fans; but listen for yourself. За эти два дня все стало «по-фрондерски» – булки, шляпы, перчатки, муфты, веера; да вот послушайте сами.

Indeed, at that very moment a window swung open, a man leaned out and began to sing: The whisper of the wind is heard, The whistle is heard at times, This is the murmur of the Fronde: “Down with Mazarin!” Действительно, в эту самую минуту распахнулось какое-то окно, в него высунулся мужчина и запел: Слышен ветра шепот, Слышен свист порой, Это Фронды ропот: «Мазарини долой! »

“You impudent fellow,” Guito grumbled. – Наглец, – проворчал Гито.

“Monseigneur,” said Comminges, who was in a bad mood

because of the beating he had received and was looking for an opportunity to inflict a wound in revenge for his bump, “may I give you permission to send a bullet to this rascal to teach him not to sing so out of tune next time?” – Монсеньор, – сказал Коменж, который из-за полученных побоев был в дурном настроении и искал случая в отместку за свою шишку нанести рану, – разрешите послать пулю этому бездельнику, чтобы научить его не петь в другой раз так фальшиво?

And he already reached out his hand to the holster on his uncle’s saddle. И он уже протянул руку к кобуре на дядюшкином седле.

– No, no! – Нет, нет! – exclaimed Mazarin. – воскликнул Мазарини. – Devil, my dear friend, you will ruin the whole thing, and so far it is going wonderfully. – Diabol, мой милый друг, вы все дело испортите, а оно пока идет чудесно. I know all your Frenchmen, from the first to the last: they sing, which means they will pay. Я знаю всех ваших французов, от первого до последнего: поют – значит, будут платить. In the times of the League, which Guiteau was now recalling, they sang only masses, and well, it was very bad. Во времена Лиги, о которой вспоминал сейчас Гито, распевали только мессы, ну и было очень плохо. Let’s go, Guiteau, let’s go, we will see if the guard at the Three Hundred Blind is as good as at the Sergeants’ Outpost. Едем, Гито, едем, посмотрим, так ли хорош караул у Трехсот Слепых, как у заставы Сержантов.

And, waving his hand to Comminges, he rode up to

d'Artagnan, who had again taken his place at the head of his small detachment. И, махнув Коменжу рукой, он подъехал к д'Артаньяну, который снова занял место во главе своего маленького отряда. Following him rode the Cardinal and Guiteau, and a little further away the rest. Следом за ним ехали кардинал и Гито, а немного поодаль остальные.

"It's true," grumbled Comminges, looking after the departing cardinal. – Это правда, – проворчал Коменж, глядя вслед удаляющемуся кардиналу. "I forgot: pay and pay, he doesn't need anything else. – Я и забыл: платить да платить, больше ему ничего не надо.

Now they rode along the Rue Saint-Honoré, continually scattering groups of people along the way. Теперь они ехали по улице Сент-Оноре, беспрестанно рассеивая по пути кучки народа. The crowd talked of nothing but the new edicts; they pitied the young king, who, without knowing it, was ruining the people; they blamed Mazarin; they talked of appealing to the Duke of Orleans and the Prince of Condé; they enthusiastically repeated the names of Blancmesnil and Brussel. В толпе только и разговору было, что о новых эдиктах; жалели юного короля, который, сам того не зная, разоряет народ; всю вину сваливали на Мазарини; поговаривали о том, чтобы обратиться к герцогу Орлеанскому и к принцу Конде; восторженно повторяли имена Бланмениля и Брюсселя.

D'Artagnan rode carelessly among the people, as if he and his horse were made of iron; Mazarin and Guitant were talking

quietly; the musketeers, who had finally recognized the cardinal, remained silent. Д'Артаньян беспечно ехал среди народа, как будто он сам и его лошадь были из железа; Мазарини и Гито тихо разговаривали; мушкетеры, наконец узнавшие кардинала, хранили молчание.

When they arrived at the Three Hundred Blind post along the Rue Saint-Thomas, Guiteau called for a junior officer. Когда по улице Святого Фомы они подъехали к посту Трехсот Слепых, Гито вызвал младшего офицера. He came forward with a report. Тот подошел с рапортом.

“Well, how are you?” – Ну, как дела? asked Guito. – спросил Гито.

“Captain,” the officer replied, “everything is going well; only in this palace, in my opinion, there is something wrong.” – Капитан, – ответил офицер, – все обстоит благополучно; только в этом дворце что-то неладно, на мой взгляд.

And he pointed with his hand to the magnificent palace that stood where the Vaudeville Theatre was later built. И он показал рукой на великолепный дворец, стоявший там, где позже построили театр Водевиль.

“In this house?” – В этом доме? asked Guiteau. – спросил Гито. “But this is the Rambouillet mansion.” – Да ведь это особняк Рамбулье.

“I don't know if it was Rambouillet or not, but I saw with my own eyes how many suspicious people entered there. – Не знаю, Рамбулье или нет, но только я видел своими глазами,

как туда входило множество подозрительных лиц.

- So that's it! – Вот оно что! - Guito burst out laughing. – расхохотался Гито. - But they are poets! – Да ведь это поэты!

“Hey, Guiteau,” said Mazarin, “don’t speak so disrespectfully of these gentlemen.” – Эй, Гито, – сказал Мазарини, – не отзывайся так непочтительно об этих господах. I myself was a poet in my youth and wrote verses in the manner of Benserade. Я сам в юности был поэтом и писал стихи на манер Бенсерада.

- You, Monsignor?! – Вы, монсеньор?!

- Yes, I do. – Да, я. Do you want me to recite it? Хочешь, продекламирую?

- That won't convince me. – Это меня не убедит. I don't understand Italian. Я не понимаю по-итальянски.

“But when they speak to you in French, you understand, my glorious and brave Guiteau,” Mazarin continued, placing his hand on his shoulder in a friendly manner, “and whatever order they give you in this language, you will carry it out?” – Зато когда с тобой говорят по-французски, ты понимаешь, мой славный и храбрый Гито, – продолжал Мазарини, дружески кладя руку ему на плечо, – и какое бы ни дали тебе приказание на этом языке, ты его исполнишь?

- Without a doubt, Monseigneur, as always, if, of course, the order comes from the Queen. – Без сомнения, монсеньор, как всегда, если, конечно, приказание будет от королевы.

“Yes, yes!” – Да, да! said Mazarin, biting his lip. – сказал Мазарини, закусывая губу. “I know you are completely devoted

to her.” – Я знаю, ты всецело ей предан.

– I have been a captain in Her Majesty’s Guard for twenty years now. – Уж двадцать лет я состою капитаном гвардии ее величества.

“On your way, d’Artagnan,” said the cardinal, “everything is in order here.” – В путь, д’Артаньян, – сказал кардинал, – здесь все в порядке.

D’Artagnan, without saying a word, took his place at the head of the column with that blind obedience which is the distinguishing characteristic of a soldier. Д’Артаньян, не сказав ни слова, занял свое место во главе колонны с тем слепым повиновением, которое составляет отличительную черту солдата.

They rode along the streets of Richelieu and Vildo to the third post on the hill of Saint-Roc. Они проехали по улицам Ришелье и Вильдо к третьему посту на холме Святого Рока. This post, located almost at the very fortress wall, was the most secluded, and the part of the city adjacent to it was sparsely populated. Этот пост, расположенный почти у самой крепостной стены, был самым уединенным, и прилегающая к нему часть города была мало населена.

“Who is in charge of this post?” – Кто командует этим постом? asked the cardinal. – спросил кардинал.

“Villequier,” answered Guiteau. – Вилькье, – ответил Гито.

“Damn it!” – Черт! Mazarin cursed. – выругался Мазарини.
“Talk to him yourself.” – Поговорите с ним сами. You know,

we have not been on good terms since you were ordered to arrest the Duke of Beaufort: he is offended that he, the captain of the royal guard, was not entrusted with this honor. Вы знаете, мы с ним не в ладах с тех пор, как вам поручено было арестовать герцога Бофора: он в обиде, что ему, капитану королевской гвардии, не доверили эту честь.

“I know, and I have proved to him a hundred times that he is wrong, because the king, who was then four years old, could not give him such an order. – Знаю и сто раз доказывал ему, что он не прав, потому что король, которому было тогда четыре года, не мог ему дать такого приказа.

- Yes, but I could have given it to you, Guito; however, I preferred you. – Да, но зато я мог его дать, Гито; однако я предпочел вас.

Guiteau, without answering, spurred his horse and, having exchanged the password with the sentry, summoned Villequier. Гито, ничего не отвечая, прищпорил лошадь и, обменявшись паролем с часовым, вызвал Вилькье.

He approached him. Тот подошел к нему.

“Ah, it’s you, Guito!” – А, это вы, Гито! he said grumpily, as was his custom. – проговорил он ворчливо, по своему обыкновению. “What the hell did you come here for?” – Какого черта вы сюда явились?

- I came to find out what’s new with you. – Приехал узнать, что у вас нового.

- What do you want? – А чего вы хотите? They shout: “Long

live the king!” Кричат: «Да здравствует король! and “Down with Mazarin!” » и «Долой Мазарини! This is nothing new: we have become accustomed to such shouts lately. » Ведь это уже не новость: за последнее время мы привыкли к таким крикам.

“And you yourself echo them?” – И сами им вторите? – Guito asked laughing. – смеясь, спросил Гито.

– To tell the truth, sometimes I want to! – По правде сказать, иной раз хочется! In my opinion, they are right, Guiteau; and I would gladly give up all the salary I have not been paid for five years, if only the king were now five years older! По-моему, они правы, Гито; и я охотно бы отдал все не выплаченное мне за пять лет жалованье, лишь бы король был теперь на пять лет старше!

– I see! – Вот как! And what would have happened if the king had been five years older? А что было бы, если бы король был на пять лет старше?

– It would be like this: the king, if he were of age, would give orders himself, and it is much more pleasant to obey the grandson of Henry IV than the son of Pietro Mazarin. – Было бы вот что: король, будь он совершеннолетним, стал бы сам отдавать приказания, а гораздо приятнее повиноваться внуку Генриха Четвертого, чем сыну Пьетро Мазарини. For the king, damn it, I would die with pleasure; but to lay down my life for Mazarin, as almost happened today with your nephew! За короля, черт возьми, я умру с удовольствием; но сложить голову за Мазарини, как это чуть не случилось сегодня с ва-

шим племянником!.. No heaven will console me for this, no matter what position they give me there. Никакой рай меня в этом не утешит, какую бы должность мне там ни дали.

“Very well, very well, Captain Vilquier,” said Mazarin, “rest assured, I will report your loyalty to the king.” – Хорошо, хорошо, капитан Вилькье, – сказал Мазарини, – будьте покойны, я доложу королю о вашей преданности. And, turning to his companions, he added: “Let’s go, gentlemen; everything is in order.” – И, обернувшись к своим спутникам, прибавил: – Едем, господа; все в порядке.

– Well, well! – Вот так штука! – exclaimed Vilquier. – воскликнул Вилькье. – Mazarin himself is here! – Сам Мазарини здесь! So much the better: I’ve been itching to tell him to his face what I think of him for a long time. Тем лучше: меня уже давно подмывало сказать ему в глаза, что я о нем думаю. You’ve given me a good opportunity, Guiteau, and although you hardly had good intentions, I still thank you. Вы доставили мне подходящий случай, Гито, и хотя у вас вряд ли были добрые намерения, я все же благодарю вас.

He turned on his heel and walked into the guardhouse, whistling a rebel song. Он повернулся на каблуках и ушел в караульню, насвистывая фрондерскую песенку.

Mazarin rode the entire return journey in thought: everything he had heard from Comminges, Guitant, and Villequier convinced him that in a difficult moment no one would stand up for him except the queen; and the queen so often abandoned

her friends that her support sometimes seemed to the minister, despite all the measures he had taken, very unreliable and dubious. Весь обратный путь Мазарини ехал в раздумье: все услышанное им от Коменжа, Гито и Вилькье убеждало его, что в трудную минуту за него никто не постоит, кроме королевы; а королева так часто бросала своих друзей, что поддержка ее казалась иногда министру, несмотря на все принятые им меры, очень ненадежной и сомнительной.

During his night journey, which lasted about an hour, the cardinal, while questioning Comminges, Guitant, and Villequier, never ceased to observe one man. В продолжение своей ночной поездки, длившейся около часа, кардинал, расспрашивая Коменжа, Гито и Вилькье, не переставал наблюдать одного человека. This musketeer, who remained calm in the face of popular storms and did not even raise an eyebrow at Mazarin's jokes or the ridicule of which the cardinal himself was the subject, seemed to him an unusual man and sufficiently seasoned for the events that were taking place, and even more so for those that were to come. Этот мушкетер, который сохранял спокойствие перед народными грозами и даже бровью не повел ни на шутки Мазарини, ни на те насмешки, предметом которых был сам кардинал, казался ему человеком необычным и достаточно закаленным для происходящих событий, а еще больше для надвигающихся в будущем.

Moreover, the name d'Artagnan was not entirely unfamiliar to him, and although he, Mazarin, had arrived in France only

in 1634 or 1635, that is, seven or eight years after the events we described in the previous book, he had nevertheless heard somewhere that this was the name of a man who had once shown (he had already forgotten under what circumstances) miracles of dexterity, courage and devotion. К тому же имя д'Артаньяна не было ему совсем незнакомо, и хотя он, Мазарини, явился во Францию только в 1634 или 1635 году, то есть лет через семь-восемь после происшествий, описанных нами в предыдущей книге, он все-таки где-то слышал, что так звали человека, проявившего однажды (он уже позабыл, при каких именно обстоятельствах) чудеса ловкости, смелости и преданности.

This thought occupied him so much that he resolved to immediately look into the matter, but it was not d'Artagnan he was going to turn to for information about d'Artagnan! Эта мысль настолько занимала его, что он решил немедленно разобраться в этом деле, но за сведениями о д'Артаньяне не к д'Артаньяну же было обращаться! From certain words spoken by the lieutenant of the musketeers, the cardinal recognized him as a Gascon; and Italians and Gascons are too much alike and understand each other too well to trust what each of them can say about himself. По некоторым словам, произнесенным лейтенантом мушкетеров, кардинал признал в нем гасконца; а итальянцы и гасконцы слишком схожи и слишком хорошо понимают друг друга, чтобы относиться с доверием к тому, что каждый из них может наговорить о самом себе.

Therefore, when they rode up to the wall that surrounded the garden of the Palais-Royal, the cardinal knocked on the gate (approximately in the place where the Café Foy now stands), thanked d'Artagnan and, asking him to wait in the courtyard, made a sign to Guitaud to follow him. Поэтому, когда они подъехали к стене, окружавшей сад Пале-Рояль, кардинал постучался в калитку (примерно в том месте, где сейчас находится кафе «Фуа»), поблагодарил д'Артаньяна и, попросив его обождать во дворе, сделал знак Гито следовать за собой. Both dismounted, threw the reins to the footman who opened the gate, and disappeared into the garden. Оба сошли с лошадей, бросили поводья лакею, отворившему калитку, и исчезли в саду.

“Dear Guiteau,” said the cardinal, taking the old captain of the guard by the arm, “you reminded me recently that you have been in the Queen’s service for more than twenty years. – Дорогой Гито, – сказал кардинал, беря под руку старого гвардейского капитана, – вы мне напомнили недавно, что уже более двадцати лет состоите на службе королевы.

“Yes, that’s true,” Guito replied. – Да, это так, – ответил Гито.

“So, my dear Guiteau,” continued the cardinal, “I have noticed that, in addition to your courage, which is beyond all doubt, and your loyalty, which has been proven many times, you are also distinguished by an excellent memory. – Так вот, мой милый Гито, – продолжал кардинал, – я заметил, что вы, кроме вашей храбрости, которая не подлежит никакому сомнению, и

много раз доказанной верности, отличаетесь еще и превосходной памятью.

“Have you noticed that, Monsignor?” – Вы это заметили, монсеньор? said the captain of the guard. – сказал гвардейский капитан. “Damn it, so much the worse for me.” – Черт, тем хуже для меня.

- Why? – Почему?

– Without a doubt, one of the main virtues of a courtier is the ability to forget. – Без сомнения, одно из главных достоинств придворного – это умение забывать.

“But you, Guiteau, are not a courtier, you are a brave soldier, one of those glorious warriors who still remain from the time of Henry IV and, unfortunately, will soon be completely extinct. – Но вы, Гито, не придворный, вы храбрый солдат, один из тех славных воинов, которые еще остались от времен Генриха Четвертого и, к сожалению, скоро совсем переведутся.

– Damn it, Monsignor! – Черт побери, монсеньор! Did you invite me here to have my horoscope drawn up? Уж не пригласили ли вы меня сюда для того, чтобы составить мой гороскоп?

“No,” replied Mazarin, laughing, “I invited you to ask if you noticed our lieutenant of the musketeers.” – Нет, – ответил Мазарини, смеясь, – я пригласил вас, чтобы спросить, обратили ли вы внимание на нашего лейтенанта мушкетеров.

- D'Artagnan? – Д'Артаньян?

- Yes. – Да.

"I had no need to pay attention to him, Monsignor: I have known him for a long time. – Мне ни к чему было обращать на него внимание, монсеньор: я уже давно его знаю.

- What kind of person is this? – Что же это за человек?

"What kind of man is he?" – Что за человек? exclaimed Guiteau, surprised by the question. – воскликнул Гито, удивленный вопросом. "A Gascon." – Гасконец.

"I know that; but I wanted to ask: can he be completely trusted?" – Это я знаю; но я хотел спросить: можно ли ему вполне довериться?

"Monsieur de Treville treats him with great respect, and Monsieur de Treville, as you know, is one of the Queen's best friends. – Господин де Тревиль относится к нему с большим уважением, а господин де Тревиль, как вы знаете, один из лучших друзей королевы.

- I would like to know if he has proven himself in practice... – Я хотел бы знать, показал ли он себя на деле...

- A brave soldier? – Храбрым солдатом? I can answer you right away. На это я могу ответить вам сразу. I was told that at the siege of La Rochelle, at Susa, at Perpignan, he did more than his duty required. Мне говорили, что при осаде Ла-Рошели, под Сузой, под Перпиньяном он совершил больше, чем требовал его долг.

- But you know, dear Guiteau, we poor ministers often need other kinds of people, not only brave men. – Но вы знаете, милый Гито, мы, бедные министры, нуждаемся часто и в друго-

го рода людях, не только в храбрецах. We need clever people. Мы нуждаемся в ловких людях. D'Artagnan, under the late cardinal, seems to have been involved in a major intrigue, from which, according to rumors, he extricated himself very skillfully? Д'Артаньян при покойном кардинале, кажется, был замешан в крупную интригу, из которой, по слухам, выпутался очень умело?

“Monseigneur, on this matter,” said Guitaud, who realized that the cardinal wanted to force him to spill the beans, “I must say that I have little faith in rumors and fabrications. – Монсеньор, по этому поводу, – сказал Гито, который понял, что кардинал хочет заставить его проговориться, – я должен сказать, что мало верю всяким слухам и выдумкам. I myself never get involved in any intrigues, and if sometimes I am let into other people’s, it is not my secret, and Your Eminence will approve of me for keeping it for the sake of the one who has trusted me.” Сам я никогда не путаюсь ни в какие интриги, а если иногда меня и посвящают в чужие, то ведь это не моя тайна, и ваше преосвященство одобрит меня за то, что я храню ее ради того, кто мне доверился.

Mazarin shook his head. Мазарини покачал головой.

“Ah,” he said, “honestly, there are some lucky ministers who find out everything they want to know.” – Ах, – сказал он, – честное слово, бывают же счастливицы министры, которые узнают все, что хотят знать.

“Monseigneur,” replied Guiteau, “such ministers do not

measure all people by the same yardstick: for military affairs they use military men, for intrigues – intriguers. – Монсеньор, – ответил Гито, – такие министры не меряют всех людей на один аршин: для военных дел они пользуются военными людьми, для интриг – интриганами. Turn to any intriguer of the times you speak of, and from him you will learn whatever you want... for a fee, of course. Обратитесь к какому-нибудь интригану тех времен, о которых вы говорите, и от него вы узнаете, что захотите... за плату, разумеется.

“Okay,” Mazarin winced, as he always did when the conversation turned to money in the sense that Guiteau had mentioned it, “we’ll pay... if there’s no other way.” – Хорошо, – поморщился Мазарини, как всегда бывало, когда речь заходила о деньгах в том смысле, как про них упомянул Гито, – заплатим... если иначе нельзя.

“Do you really want me to point out to you the person who was involved in all the intrigues of that time?” – Вы действительно желаете, чтобы я указал вам человека, участвовавшего во всех кознях того времени?

– Per Vasso! – Per Bacco! – exclaimed Mazarin, beginning to lose patience. – воскликнул Мазарини, начиная терять терпение. – I’ve been telling you this for an hour now, you stubborn head! – Уже целый час я толкую вам об этом, упрямая голова!

“There is a person who seems quite suitable, but will he agree to talk?” – Есть человек, по-моему, вполне подходящий, но только согласится ли он говорить?

- I'll take care of that. – Уж об этом позабочусь я.

- Ah, Monsignor, it is not always easy to make a man speak who prefers to remain silent. – Ах, монсеньор, не всегда легко заставить говорить человека, предпочитающего молчать.

- Bah! – Ба! With patience you can achieve anything. Терпением можно всего добиться. So, who is he? Итак, кто он?

- Count Rochefort. – Граф Рошфор.

- Count Rochefort? – Граф Рошфор?

- Yes, but unfortunately he disappeared about four years ago, and I don't know what happened to him. – Да, но, к несчастью, он исчез года четыре назад, и я не знаю, что с ним случилось.

“I know, Guiteau,” said Mazarin. – Я-то знаю, Гито, – сказал Мазарини.

- So why did you just now complain, Your Eminence, that you don't know anything? – Так почему же вы сейчас жаловались, ваше преосвященство, что ничего не знаете?

“So you think,” said Mazarin, “that this Rochefort... – Так вы думаете, – сказал Мазарини, – что этот Рошфор...

“He was devoted to the cardinal body and soul, Monsignor.” – Он был предан кардиналу телом и душой, монсеньор. But I warn you, it will cost you dearly: the late cardinal was generous with his favorites. Но предупреждаю, это будет вам дорого стоить: покойный кардинал был щедр со своими любимцами.

“Yes, yes, Guiteau,” said Mazarin, “the Cardinal was a great man, but he had this very flaw.” – Да, да, Гито, – сказал Мазарини, – кардинал был великий человек, но этот-то недоста-

ток у него был. Thank you, Guiteau, I will take advantage of your advice, and today at that. Благодарю вас, Гито, я воспользуюсь вашим советом, и притом сегодня же.

At this time both interlocutors approached the courtyard of the Palais Royal; the cardinal dismissed Guiteau with a wave of his hand and, noticing the officer pacing back and forth across the courtyard, approached him. Оба собеседника подошли в это время ко двору Пале-Рояль; кардинал движением руки отпустил Гито и, заметив офицера, шагавшего взад и вперед по двору, подошел к нему.

It was d'Artagnan, who was waiting for the cardinal at his command. Это был д'Артаньян, ожидавший кардинала по его приказанию.

“Come to me, Monsieur d'Artagnan,” said Mazarin in his most pleasant voice, “I have a message for you.” – Пойдемте ко мне, господин д'Артаньян, – проговорил Мазарини самым приятным голосом, – у меня есть для вас поручение.

D'Artagnan bowed, followed the cardinal down the secret staircase, and a minute later found himself in the study where he had already been that evening. Д'Артаньян поклонился, прошел вслед за кардиналом по потайной лестнице и через минуту очутился в кабинете, где уже побывал в этот вечер.

The cardinal sat down at his desk and jotted down a few lines on a piece of paper. Кардинал сел за письменный стол и набросал несколько строк на листке бумаги.

D'Artagnan stood and waited dispassionately, without

impatience or curiosity, like a military machine, ready to act or, more accurately, to carry out someone else's will. Д'Артаньян стоял и ждал бесстрастно, без нетерпения и любопытства, словно военный автомат, готовый к действию или, вернее, к выполнению чужой воли.

The cardinal folded the note and sealed it with his seal. Кардинал сложил записку и запечатал ее своей печатью.

“Monsieur d'Artagnan,” he said, “deliver this order immediately to the Bastille and bring back from there the man mentioned here.” – Господин д'Артаньян, – сказал он, – доставьте немедленно этот ордер в Бастилию и привезите оттуда человека, о котором здесь говорится. Take a carriage and an escort and keep a close eye on the prisoner. Возьмите карету и конвой да хорошенько смотрите за узником.

D'Artagnan took the letter, saluted, turned left, no worse than any sergeant on drill, left the office, and a moment later his abrupt and calm voice was heard: Д'Артаньян взял письмо, отдал честь, повернулся налево кругом, не хуже любого сержанта на ученье, вышел из кабинета, и через мгновение слышался его отрывистый и спокойный голос:

– Four guards, a carriage, my horse. – Четырех конвойных, карету, мою лошадь.

Five minutes later, the wheels of the carriage and the horseshoes of the horses began to clatter on the pavement. Через пять минут колеса кареты и подковы лошадей застучали по мостовой.

Chapter III Глава III

Two ancient enemies Два старинных врага

When d'Artagnan arrived at the Bastille, half past eight had struck. Когда д'Артаньян подъехал к Бастилии, пробило половину девятого.

He ordered that he be reported to the commandant of the prison, who, having learned that the officer had arrived with an order from the cardinal and at his command, went out to meet the messenger on the porch. Он велел доложить о себе коменданту тюрьмы, который, узнав, что офицер приехал с приказом от кардинала и по его повелению, вышел встречать посланца на крыльцо.

The commandant of the Bastille at that time was Mr. du Tremblay, brother of Richelieu's formidable favorite, the famous Capuchin Joseph, nicknamed the Grey Cardinal. Комендантом Бастилии был в то время г-н дю Трамбле, брат грозного любимца Ришелье, знаменитого капуцина Жозефа, прозванного Серым Кардиналом.

When, during the imprisonment of Marshal Bassompierre in the Bastille, who had served exactly twelve years, his comrades in misfortune, dreaming of freedom, would say to each other: "I will be released then," "And I then," Bassompierre would declare: "And I, gentlemen, will be released when Monsieur du Tremblay is released." Когда во времена заключения в Бастилии маршала Бассомпьера, просидевшего ровно двенадцать лет, его

товарищи по несчастью, мечтая о свободе, говорили, бывало, друг другу: «Я выйду тогда-то», «А я тогда-то», Бассомпьер заявлял: «А я, господа, выйду тогда, когда выйдет и господин дю Трамбле». He was hinting that after the death of Cardinal du Tremblay would inevitably lose his place in the Bastille, while he, Bassompierre, would take his place at court. Он намекал на то, что после смерти кардинала дю Трамбле неминуемо потеряет свое место в Бастилии, тогда как он, Бассомпьер, займет свое – при дворе.

His prediction almost came true, only in a different sense than he had thought; after the death of the cardinal, contrary to general expectations, everything remained as before: M. du Tremblain left, and Bassompierre, too, almost spent the rest of his life in the Bastille. Его предсказание едва не исполнилось, только в другом смысле, чем он думал; после смерти кардинала, вопреки общему ожиданию, все осталось по-прежнему: г-н дю Трамблене ушел, и Бассомпьер тоже чуть не просидел в Бастилии до конца своей жизни.

Monsieur du Tremblay was still commandant of the Bastille when d'Artagnan came there to carry out the minister's orders. Господин дю Трамбле все еще был комендантом Бастилии, когда д'Артаньян явился туда, чтобы выполнить приказ министра. He received him with exquisite politeness; and as he was just about to sit down to table, he invited d'Artagnan to dine with him. Он принял его с изысканной вежливостью; и так как он собирался как раз сесть за стол, то пригласил и д'Артаньяна

отужинать вместе.

“I would be glad to,” said d’Artagnan, “but, if I’m not mistaken, the envelope is marked ‘Very urgent.’” – Я и рад бы, – сказал д’Артаньян, – но, если не ошибаюсь, на конверте стоит надпись: «Очень спешное».

“That’s true,” said du Tremblay. – Это правда, – сказал дю Трамбле. “Hey, Major, have them bring in number two hundred and fifty-six.” – Эй, майор, пусть приведут номер двести пятьдесят шесть.

Upon entering the Bastille, a prisoner ceased to be a man and became a number. Вступая в Бастилию, узник переставал быть человеком и становился номером.

D’Artagnan shuddered involuntarily when he heard the jingle of keys; he did not even want to get off his horse when he saw up close the barred windows and the gigantic walls that he had previously only looked at from the other side of the moat and which had once so frightened him twenty years ago. Д’Артаньян невольно вздрогнул, услышав звон ключей; ему не захотелось даже сойти с лошади, когда он увидел вблизи забранные решетками окна и гигантские стены, на которые он глядел раньше только с той стороны рва и которые однажды так напугали его лет двадцать назад.

The bell rang. Раздался удар колокола.

“I must leave you,” du Tremblay told him, “I am being called to sign a pass for the prisoner.” – Я должен вас оставить, – сказал ему дю Трамбле, – меня зовут подписать пропуск заклю-

ченному. Goodbye, Monsieur d'Artagnan. До свидания, господин д'Артаньян.

“The devil take me if I want to see you again!” – Черт меня побери, если я захочу еще раз с тобой свидеться! muttered d'Artagnan, accompanying this curse with the sweetest smile. – проворчал д'Артаньян, сопровождая это проклятие самой сладкой улыбкой. “It's enough to stay in this courtyard for five minutes to get sick. – Довольно пробыть в этом дворе пять минут, чтобы заболеть. I'd rather die on the straw, which is probably what will happen to me, than receive ten thousand livres and be commandant of the Bastille. Я согласен лучше умереть на соломе, что, вероятно, и случится со мной, чем получать десять тысяч ливров и быть комендантом Бастилии.

He had hardly finished this monologue when the prisoner appeared. Едва он закончил этот монолог, как появился узник. Seeing him, d'Artagnan involuntarily shuddered with surprise, but immediately suppressed his feelings. Увидев его, д'Артаньян невольно вздрогнул от удивления, но тотчас же подавил свои чувства. The prisoner got into the carriage, apparently not recognizing d'Artagnan. Узник сел в карету, видимо не узнав д'Артаньяна.

“Gentlemen,” said d'Artagnan to the four musketeers, “I have been ordered to keep the strictest watch over the prisoner, and since the carriage doors have no locks, I will sit next to him. – Господа, – сказал д'Артаньян четырем мушкетерам, – мне предписан строжайший надзор за узником, а так как дверцы

кареты без замков, то я сяду с ним рядом. Lilbon, do me the favor of leading my horse by the bridle. Лильбон, окажите любезность, поведите мою лошадь на поводу.

“Gladly, Lieutenant,” replied the one he addressed. – Охотно, лейтенант, – ответил тот, к кому он обратился.

D'Artagnan dismounted, handed the reins to the musketeer, sat down next to the prisoner and ordered in a voice in which not the slightest excitement could be heard: Д'Артаньян спешил-ся, отдал повод мушкетеру, сел рядом с узником и приказал голосом, в котором нельзя было расслышать ни малейшего волнения:

– To the Palais Royal, at a trot. – В Пале-Рояль, да рысью.

As soon as the carriage started moving, d'Artagnan, taking advantage of the darkness that reigned under the arches through which they were passing, threw himself on the prisoner's neck. Как только карета тронулась, д'Артаньян, пользуясь темнотой, царившей под сводами, где они проезжали, бросился на шею пленнику.

– Rochefort! – Рошфор! – he exclaimed. – воскликнул он.
– You! – Вы! It's really you! Это действительно вы! I'm not mistaken! Я не ошибаюсь!

- D'Artagnan! – Д'Артаньян! - Rochefort exclaimed in surprise. – удивленно воскликнул Рошфор.

“Ah, my poor friend!” – Ах, мой бедный друг! continued d'Artagnan. – продолжал д'Артаньян. “Not having seen you for five years, I thought you were dead.” – Не видя вас пятый год,

я думал, что вы умерли.

“In my opinion,” answered Rochefort, “there is little difference between the dead and the buried, and I have already been buried, or as good as buried.” – По-моему, – ответил Рошфор, – мало разницы между мертвым и погребенным, а меня уже похоронили или все равно что похоронили.

- For what crime are you in the Bastille? – За какое же преступление вы в Бастилии?

- Should I tell you the truth? – Сказать вам правду?

- Yes. – Да.

- Well, here's the thing: I don't know. – Ну так вот: я не знаю.

- You don't trust me, Rochefort! – Вы мне не доверяете, Рошфор!

- No, I swear on my honor! – Да нет же, клянусь честью! It's impossible that I'm actually sitting in jail for what I'm accused of. Ведь невозможно, чтобы я действительно сидел за то, в чем меня обвиняют.

- In what way? – В чем же?

- In a night robbery. – В ночном грабеже.

- You are a night robber! – Вы ночной грабитель! Rochefort, you are joking. Рошфор, вы шутите.

- I understand you. – Я вас понимаю. This requires an explanation, doesn't it? Это требует пояснения, не правда ли?

- I confess. – Признаюсь.

- It happened like this: one evening, after a drinking bout at Reynard's, in the Tuileries, with Fontrales, de Rieux and others,

the Duke d'Harcourt proposed going to the Pont Neuf to tear the cloaks off passers-by; this entertainment, as you know, became very fashionable thanks to the Duke of Orleans. – Дело было так: однажды вечером, после попойки у Рейнара, в Тюильри, с Фонтралем, де Рие и другими, герцог д'Аркур предложил пойти на Новый мост срывать плащи с прохожих; это развлечение, как вы знаете, вошло в большую моду с легкой руки герцога Орлеанского.

- At your age! – В ваши-то годы! You're crazy, Rochefort! Да вы с ума сошли, Рошфор!

- No, I was simply drunk; but still I considered this amusement unsuitable for myself and proposed to the Chevalier de Rieux to be a spectator with me, not an actor, and, in order to see the performance as from a box, to mount the equestrian statue. – Нет, попросту я был пьян; но все же эту забаву я счел для себя негожей и предложил шевалье де Рие быть вместе со мной зрителем, а не актером и, чтобы видеть спектакль как из ложи, влезть на конную статую. No sooner said than done. Сказано – сделано. Thanks to the spurs of the bronze horseman, which served as stirrups for us, we quickly climbed onto the croup, settled ourselves perfectly and saw everything perfectly. Благодаря шпорам бронзового всадника, послужившим нам стременами, мы мигом взобрались на круп, устроились отлично и видели все превосходно. Five cloaks had already been pulled off, and so deftly that no one dared even utter a squeak, when suddenly one less accommodating fool took

it into his head to shout: “Help!” Уж пять плащей было сдернуто, и так ловко, что никто даже пикнуть не посмел, как вдруг один менее покладистый дуралей вздумал закричать: «Караул! – and a patrol of archers was right there. » – и патруль стрелков тут как тут. The Duke d'Harcourt, Fontrales and the others ran away; de Rieux also wanted to run away. Герцог д'Аркур, Фонтраль и другие убежали; де Рие тоже хотел удрать. I tried to hold him back; I say that no one will notice us here; no such luck, he doesn't listen, he started to get off, stepped on a spur, the spur broke in half, he fell, breaking his leg, and, instead of keeping silent, he began to scream at the top of his lungs. Я его стал удерживать; говорю, что никто нас здесь не заметит; не тут-то было, не слушает, стал слезать, ступил на шпору, шпора пополам, он свалился, сломав себе ногу, и, вместо того чтобы молчать, стал вопить благим матом. Then I jumped off, but it was too late. Тут уж и я соскочил, но было поздно. I fell into the hands of the archers, who took me to the Chatelet, where I fell asleep peacefully, fully confident that I would get out of there the next day. Я попал в руки стрелков, которые отвезли меня в Шатле, где я и заснул преспокойно в полной уверенности, что назавтра выйду оттуда. But a day passed, then another, a whole week. Но миновал день, другой, целая неделя. I write to the cardinal. Пишу кардиналу. They immediately come for me, take me to the Bastille, and here I am for five years. Тотчас за мной приходят, отвозят в Бастилию, и вот я здесь пять лет. For what? За что? Probably for insolence, for

mounting a horse behind Henry IV, what do you think? Должно быть, за дерзость, за то, что сел на коня позади Генриха Четвертого, как вы думаете?

- No, you are right, my dear Rochefort, of course, not for that. – Нет, вы правы, мой дорогой Рошфор, конечно, не за это. But you, in all likelihood, will now find out why you were imprisoned. Но вы, по всей вероятности, сейчас узнаете, за что вас посадили.

- Yes, by the way, I forgot to ask you: where are you taking me? – Да, кстати, я и забыл спросить вас: куда вы меня везете?

- To the cardinal. – К кардиналу.

- What does he want from me? – Что ему от меня нужно?

“I don’t know, I didn’t even know that I was sent specifically for you.” – Не знаю, я даже не знал, что меня послали именно за вами.

- Are you the cardinal's favorite? – Вы фаворит кардинала? No, that's impossible! Нет, это невозможно!

“I am the favorite!” – Я фаворит! exclaimed d’Artagnan. – воскликнул д’Артаньян. “Ah, my unfortunate Count!” – Ах, мой несчастный граф! “I am still the same penniless Gascon as I was twenty-two years ago, when, remember, we met in Meung.” Я и теперь такой же неимущий гасконец, как двадцать два года назад, когда, помните, мы встретились в Менге.

A heavy sigh finished his sentence. Тяжелый вздох закончил его фразу.

– However, you have been given an assignment... – Однако же вам дано поручение...

“Because I happened to be in the hallway and the cardinal addressed me as he would have addressed anyone else; no, I am still a lieutenant of the musketeers, and, if I am not mistaken, already in my twenty-first year.” – Потому что я случайно оказался в передней и кардинал обратился ко мне, как обратился бы ко всякому другому; нет, я все еще лейтенант мушкетеров, и, если не ошибаюсь, уж двадцать первый год.

- However, no harm has happened to you; that is not so little. – Однако с вами не случилось никакой беды; это не так-то мало.

– And what misfortune could happen to me? – А какая беда могла бы со мной случиться? There is a Latin verse (I have forgotten it, and perhaps I never knew it for sure): “Lightning does not strike in the valleys.” Есть латинский стих (я его забыл, да, пожалуй, никогда и не знал твердо): «Молния не ударяет в долины». And I am a valley, dear Rochefort, and one of the lowest. А я долина, дорогой Рошфор, и одна из самых низких.

- So Mazarin is still Mazarin? – Значит, Мазарини по-прежнему Мазарини?

- More than ever, my dear; they say he is the queen's husband. – Больше чем когда-либо, мой милый; говорят, он муж королевы.

- Husband! – Муж!

“If he is not her husband, then he is certainly her lover.” – Если он не муж ее, то уж наверное любовник.

– Resist Buckingham and surrender to Mazarin! – Устоять против Бекингэма и сдаться Мазарини!

“That’s what women are like!” – Таковы женщины. d’Artagnan remarked philosophically. – философски заметил д’Артаньян.

– Women – let them; but queens! – Женщины – пусть их; но королевы!.. ...

- Oh, my God, in this respect queens are doubly women. – Ах, бог ты мой, в этом отношении королевы – женщины вдвойне.

- Is the Duke of Beaufort still in prison? – А герцог Бофор все еще в тюрьме?

- Still the same. – По-прежнему. Why are you asking about this? Почему вы об этом спрашиваете?

- Because he was good to me and could help me. – Потому что он был хорош со мной и мог бы мне помочь.

“You are probably closer to freedom now; you are more likely to help him.” – Вы-то, вероятно, сейчас ближе к свободе; скорее, вы поможете ему.

- So, it’s war? – Значит, война?

- It will be. – Будет.

- With Spain? – С Испанией?

- No, with Paris. – Нет, с Парижем.

- What do you want to say? – Что вы хотите сказать?

- Do you hear gunshots? – Слышите ружейные выстрелы?

- Yes. – Да. So what? Так что же?

- These are peaceful townspeople having fun in anticipation of something serious. – Это мирные горожане тешатся в ожидании серьезного дела.

- Do you think they are capable of anything? – Вы думаете, они на что-нибудь способны?

“They are promising, and if they had a leader who could unite them... – Они подают надежды, и, если бы у них был предводитель, который бы их объединил...”

– What a misfortune to be locked up! – Какое несчастье быть взаперти!

- My God! – Бог ты мой! Don't despair. Да не отчаивайтесь. If Mazarin sent for you, it means he needs you; and if he needs you, then I dare to congratulate you. Уж если Мазарини послал за вами, значит, он в вас нуждается; а если он в вас нуждается, то смею вас поздравить. For example, no one has needed me for a long time, and you see for yourself to what position this has brought me. Вот во мне, например, уже давно никто не нуждается, и сами видите, до какого положения это меня довело.

- Well, you're still thinking of complaining! – Вот еще, вздумали жаловаться!

– Listen, Rochefort, let's make an agreement... – Слушайте, Рошфор, заключим договор...

- Which one? – Какой?

- You know that we are good friends. – Вы знаете, что мы

добрые друзья.

- Damn it! – Черт возьми! This friendship left marks on my body: three sword blows. Эта дружба оставила следы на моем теле: три удара шпаги.

- Well, if you are in favor again, don't forget me. – Ну, так если вы опять будете в милости, не забудьте меня.

- On Rochefort's word of honor, but on the understanding that you will do the same. – Честное слово Рошфора, но с тем, что и вы сделаете то же.

- Certainly, here is my hand. – Непременно, вот вам моя рука.

- So, as soon as you have the opportunity to talk about me... – Итак, как только вам представится случай поговорить обо мне...

- I'll talk. – Я поговорю. And you? А вы?

- Me too. – Я тоже. And your friends, do you need to take care of them too? А ваши друзья, о них тоже нужно позаботиться?

- What friends? – Какие друзья?

- Athos, Porthos and Aramis. – Атос, Портос и Арамис. Have you forgotten about them? Разве вы забыли о них?

- Almost. – Почти.

- What happened to them? – Что с ними случилось?

- I don't know at all. – Совсем не знаю.

- Really? – Неужели?

- I swear it is so. – Клянусь, что так. As you know, we parted. Как вы знаете, мы расстались. They are alive – that's all I know.

Они живы – вот все, что мне известно. Sometimes I hear from them indirectly. Иногда получаю от них вести стороной. But where they are, even if you kill me, I can't tell you. Но где они, хоть убейте, не могу вам сказать. Honestly! Честное слово! Of all my friends, only you remain, Rochefort. Из всех моих друзей остались только вы, Рошфор.

- And the famous... what was his name, that fellow whom I promoted to sergeant in the Piedmontese regiment? – А знаменитый... как его звали, того малого, которого я произвел в сержанты Пьемонтского полка?

- Planchet? – Планше?

- That's it! – Вот-вот! What happened to the famous Planchet? Что же случилось со знаменитым Планше?

- He married the owner of a pastry shop on the Rue des Changes; he has always loved sweets; and since he is now a Parisian bourgeois, he is, in all likelihood, participating in the rebellion. – Он женился на хозяйке кондитерской с улицы Менял; он всегда любил сласти; и так как он сейчас парижский буржуа, то, по всей вероятности, участвует в бунте. You will see that this rogue will be a town elder before I am a captain. Вы увидите, что этот плут будет городским старшиной раньше, чем я капитаном.

- Come on, my dear d'Artagnan, don't be discouraged! – Полноте, милый д'Артаньян, не унывайте! Just at the moment when you are at the very bottom, the wheel turns and lifts you up. Как раз в тот миг, когда находишься в самом низу, коле-

со поворачивается и поднимает тебя вверх. Perhaps from this very evening your fate will change. Может быть, с сегодняшнего же вечера ваша судьба изменится.

“Amen!” – Аминь! said d’Artagnan and stopped the carriage. – сказал д’Артаньян и остановил карету.

“What are you doing?” – Что вы делаете? asked Rochefort. – спросил Рошфор.

“We have arrived, but I don’t want anyone to see me getting out of the carriage: we are strangers. – Мы приехали, а я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из кареты: мы с вами незнакомы.

- You are right. – Вы правы. Goodbye. Прощайте.

- Goodbye; remember your promise. – До свидания; помните ваше обещание.

D’Artagnan jumped on his horse and rode ahead. Д’Артаньян вскочил на лошадь и поскакал впереди.

About five minutes later they entered the courtyard of the Palais Royal. Минут пять спустя они въехали во двор Пале-Рояль.

D’Artagnan led the prisoner up the grand staircase through the reception room into the corridor. Д’Артаньян повел узника по большой лестнице через приемную в коридор. Having reached the door of Mazarin’s office, he was about to order his presence to be announced when Rochefort placed his hand on his shoulder. Дойдя до дверей кабинета Мазарини, он уже хотел велеть доложить о себе, когда Рошфор положил ему руку на

плечо.

“D’Artagnan,” said Rochefort, smiling, “shall I confess to you what I was thinking about the whole way as we passed through the crowd of townspeople who cast angry glances at you and your four soldiers?” – Д’Артаньян, – сказал Рошфор, улыбаясь, – признаться вам, о чем я думал всю дорогу, когда мы проезжали среди толпы горожан, бросавших злобные взгляды на вас и ваших четырех солдат?

“Tell me,” answered d’Artagnan. – Скажите, – ответил д’Артаньян.

“I thought that all I had to do was shout, ‘Help!’ – Я думал, что мне стоило только крикнуть: «Помогите! and you and your convoy would be torn to pieces, and I would be free. », и вы с вашим конвоем были бы разорваны в клочья, а я был бы на свободе.

“Why didn’t you do it?” – Почему же вы этого не сделали? said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян.

“What are you saying!” – Да что вы! – objected Rochefort. – возразил Рошфор. – “And what about our oath and friendship?” – А наша клятва и дружба? If it weren’t for you, but someone else, who was driving me, then... Если бы не вы, а кто-нибудь другой вез меня, тогда...

D’Artagnan lowered his head. Д’Артаньян опустил голову.

“Has Rochefort really become better than me?” «Неужели Рошфор стал лучше меня? he thought and ordered that the minister be informed about him. » – подумал он и велел доло-

жить о себе министру.

“Bring in Monsieur Rochefort,” Mazarin’s impatient voice rang out as soon as these two names were mentioned, “and ask Lieutenant d’Artagnan to wait: I still need him.” – Введите господина Рошфора, – раздался нетерпеливый голос Мазарини, едва эти два имени были названы, – и попросите лейтенанта д’Артаньяна подождать: он мне еще нужен.

D’Artagnan beamed at these words. Д’Артаньян просиял от этих слов. As he had just said, no one had needed him for a long time, and Mazarin’s order seemed to him a good omen. Как он только что говорил, он уже давно никому не был нужен, и приказ Мазарини показался ему добрым предзнаменованием.

As for Rochefort, these words made him wary. Что до Рошфора, то его эти слова заставили насторожиться. He entered the office and saw Mazarin at his desk, in a modest dress, almost the same as that of the abbots of that time - only the stockings and cloak were violet. Он вошел в кабинет и увидел Мазарини за письменным столом, в скромном платье, почти таком же, как у аббатов того времени, – только чулки и плащ были фиолетовые.

The door closed again. Дверь снова закрылась. Rochefort glanced sideways at Mazarin, and their eyes met. Рошфор искоса взглянул на Мазарини, и их взгляды встретились.

The minister was still the same, his hair combed, curled, perfumed, and, thanks to his coquetry, seemed younger than his

years. Министр был все такой же, причесанный, завитой, надушенный, и благодаря кокетству казался моложе своих лет. This could not be said of Rochefort: five years spent in prison had aged Richelieu's worthy friend; his black hair had turned completely white, and his bronze complexion had given way to an almost sickly pallor—he was so exhausted. Этого нельзя было сказать о Рошфоре: пять лет, проведенные в тюрьме, состарили достойного друга Ришелье; его черные волосы совсем побелели, а бронзовый цвет лица сменился почти болезненной бледностью – так он был изнурен. At the sight of him, Mazarin shook his head slightly, as if to say: "Here is a man who, it seems, is no longer fit for anything." При виде его Мазарини слегка покачал головой, словно желая сказать: «Вот человек, который, кажется, уже больше ни на что не пригоден». After a rather long silence, which seemed endless to Rochefort, Mazarin pulled an unfolded letter from a pile of papers and showed it to Rochefort. После довольно продолжительного молчания, которое Рошфору показалось бесконечным, Мазарини вытащил из пачки бумаг развернутое письмо и показал его Рошфору.

– I found this letter here in which you ask for your freedom to be returned. – Я нашел здесь это письмо, в котором вы просите возвратить вам свободу. Are you in prison? Разве вы в тюрьме?

Rochefort shuddered with anger. Рошфор вздрогнул от гнева.

“It seems to me that your Grace knows this better than anyone else,” he replied. – Мне кажется, вашему преосвященству это известно лучше, чем кому бы то ни было другому, – ответил он.

– Me? – Мне? Not at all! Нисколько! There are many people in the Bastille who were imprisoned during the time of Cardinal Richelieu and whose names I don’t even know. В Бастилии множество людей, которых посадили еще при кардинале Ришелье и даже имена которых мне неизвестны.

“But with me it’s a different matter, Monseigneur. You knew my name, after all, it was by order of Your Eminence that I was transferred from the Chatelet to the Bastille.” – Но со мной дело другое, монсеньор, мое-то имя вы знали, ведь именно по приказу вашего преосвященства я был переведен из Шатле в Бастилию.

- Do you think so? – Вы так полагаете?

- I know for sure. – Я знаю наверное.

- Yes, I remember, indeed. – Да, припоминаю, действительно. Didn’t you once refuse to go to Brussels on the Queen’s business? Не отказались ли вы некогда съездить в Брюссель по делу королевы?

- Ah! – A! - said Rochefort. – сказал Рошфор. - So that’s the real reason? – Так вот настоящая причина? And I’ve been racking my brains for five years. А я пять лет ломал себе голову. What a fool I am not to have guessed! Какой же я глупец, что не догадался!

“But I’m not saying at all that this is the reason for your arrest. – Но я вовсе не говорю, что это причина вашего ареста. Understand me, I’m asking you, that’s all: did you refuse to go to Brussels on the Queen’s business, when you had previously agreed to go there on the business of the late cardinal?” Поймите меня, я спрашиваю вас, только и всего: не отказались ли вы ехать в Брюссель по делу королевы, тогда какраньше согласились ехать туда по делу покойного кардинала?

– It was precisely because I went there on the late cardinal’s business that I could not go there on the queen’s business. – Как раз по той причине, что я ездил туда по делам покойного кардинала, я не мог поехать туда же по делам королевы. I was in Brussels at a difficult time. Я был в Брюсселе в тяжелую минуту. It was during the Chalais conspiracy. Это было во время заговора Шале. I had to intercept Chalais’s correspondence with the Archduke, and when I was recognized there, they almost tore me to pieces. Я должен был перехватить переписку Шале с эрцгерцогом, и меня, узнав там, чуть не разорвали на куски. How could I go back there? Как же я мог туда вернуться? I would have ruined the queen instead of doing her a service. Я погубил бы королеву, вместо того чтобы оказать ей услугу.

- Well, you see how sometimes the best intentions are misinterpreted, my dear Rochefort! – Ну вот видите, как иногда лучшие намерения истолковываются в дурную сторону, мой дорогой Рошфор! The Queen saw in your refusal only a refusal, simple and clear: Her Majesty had many reasons to be

dissatisfied with you under the late Cardinal! Королева увидела в вашем отказе только отказ, простой и ясный: ее величество имела много причин быть вами недовольной при покойном кардинале!

Rochefort smiled contemptuously: Рошфор презрительно улыбнулся:

“You might understand, Monseigneur, that since I served Richelieu well against the Queen, that is precisely why I could serve you well against the whole world after the death of the Cardinal.” – Вы могли бы понять, монсеньор, что раз я хорошо служил Ришелье против королевы, то именно поэтому я мог бы отлично служить вам против всего света после смерти кардинала.

“No, Rochefort,” said Mazarin, “I am not like Richelieu, who strove for absolute power: I am a simple minister who does not need servants, being himself a servant of the queen.” – Нет, Рошфор, – сказал Мазарини, – я не таков, как Ришелье, стремившийся к единовластию: я простой министр, который не нуждается в слугах, будучи сам слугой королевы. You know that Her Majesty is very touchy: when she heard of your refusal, she read in it a declaration of war, and, remembering what a strong, and therefore dangerous man you are, my dear Rochefort, she ordered me to neutralize you. Вы знаете, что ее величество очень обидчива: услышав о вашем отказе, она прочла в нем объявление войны, и, помня, какой вы сильный, а значит, и опасный человек, мой дорогой Рошфор, она приказала мне

обезвредить вас. That is how you ended up in the Bastille. Вот каким образом вы очутились в Бастилии.

“Well, Monseigneur, it seems to me,” said Rochefort, “that if I ended up in the Bastille through a misunderstanding...” – Ну что ж, монсеньор, мне кажется, – сказал Рошфор, – что если я попал в Бастилию по недоразумению...

“Yes, yes,” interrupted Mazarin, “everything can still be put right; you are a man capable of understanding known matters and, having sorted them out, of successfully bringing them to an end.” – Да, да, – перебил Мазарини, – все еще можно исправить; вы человек, способный понять известные дела и, разобравшись в этих делах, с успехом довести их до конца.

“Cardinal Richelieu was of this opinion, and my admiration for this great man is further increased by the fact that you share his opinion. – Такого мнения держался кардинал Ришелье, и мое восхищение этим великим человеком еще увеличивается от того, что вы разделяете его мнение.

“It is true,” continued Mazarin, “the cardinal was first and foremost a politician, and in this he had a great advantage over me. – Это правда, – продолжал Мазарини, – кардинал был прежде всего политик, и в этом он имел большое преимущество передо мной. But I am a simple, straightforward man, and this would be a great disadvantage to myself; I have a purely French frankness. А я человек простой, прямодушный и этим очень врежу себе; у меня чисто французская откровенность.

Rochefort bit his lip to keep from smiling. Рошфор закусил

губу, чтобы не улыбнуться.

– So, straight to the point! – Итак, прямо к делу! I need good friends, faithful servants; when I say: I need them, it means that the queen needs them. Мне нужны добрые друзья, верные слуги; когда я говорю: мне нужны, это значит, что они нужны королеве. I do everything only by order of the queen, you understand, and not like Cardinal Richelieu, who acted on his own whim. Я все делаю только по приказу королевы, вы понимаете, а не так, как кардинал Ришелье, который действовал по собственной прихоти. That is why I will never become a great man like him, but I am a good man, Rochefort, and I hope to prove it to you. Потому-то я никогда не стану великим человеком, как он, но зато я добрый человек, Рошфор, и, надеюсь, докажу вам это.

Rochefort knew well that velvety voice, in which at times one could hear the hiss of a viper. Рошфор хорошо знал этот бархатный голос, в котором по временам слышалось шипение гадюки.

“I am ready to believe you, Monseigneur,” he said, “though from personal experience I am little acquainted with the kindness of which Your Eminence was pleased to mention.” – Готов вам поверить, монсеньор, – сказал он, – хотя по личному опыту мало знаком с той добротой, о которой угодно было упомянуть вашему преосвященству. “Don’t forget, Monseigneur,” Rochefort continued, noticing the movement that the minister could not resist, “don’t forget that I spent five years in the Bastille,

and nothing distorts one's view of things more than prison bars.” Не забудьте, монсеньор, – продолжал Рошфор, заметив движение, от которого не удержался министр, – не забудьте, что я пять лет провел в Бастилии, и ничто так не искажает взгляда на вещи, как тюремная решетка.

- Ah, Monsieur Rochefort, I told you that I am not to blame for your imprisonment. – Ах, господин Рошфор, ведь я сказал вам, что я не повинен в вашем заключении. It's all the queen's fault... The anger of a woman and a princess, you understand! Все это королева... Гнев женщины и принцессы, понимаете сами! But it quickly passes, and then everything is forgotten... Но он быстро проходит, и тогда все забывается...

“I readily believe that she forgot everything after spending five years in the Palais Royal, among festivities and courtiers, but I spent them in the Bastille... – Охотно верю, что она все забыла, проведя пять лет в Пале-Рояле, среди празднеств и придворных, но я-то провел их в Бастилии...

- Oh, my God, my dear Monsieur Rochefort, don't imagine that life at the Palais Royal is all that fun. – Ах, боже мой, дорогой господин Рошфор, не воображайте, будто жизнь в Пале-Рояле такая уж веселая. No, what are you saying, what are you saying! Нет, что вы, что вы! We have a lot of troubles here too, I assure you. У нас здесь тоже, уверяю вас, немало бывает неприятностей. But enough of that. Но довольно об этом. I'm playing fair, as always. Я веду чистую игру, как всегда. Tell me: are you on our side, de Rochefort? Скажите: вы на нашей

стороне, де Рошфор?

– Of course, Monseigneur, and I wish for nothing better, but I know nothing about what is going on. – Разумеется, монсеньор, и ничего лучшего я не желаю, но ведь я ничего не знаю о том, что делается. In the Bastille, one can only talk about politics with soldiers and jailers, and you cannot imagine, Monseigneur, how little these people are informed about events. В Бастилии о политике приходится разговаривать лишь с солдатами да тюремщиками, а вы не представляете себе, монсеньор, как плохо эти люди осведомлены о событиях. I know about what happened only from Bassompierre's words. О том, что происходило, я знаю только со слов Бассомпьера. By the way, is he still one of the seventeen nobles? Кстати, он все еще один из семнадцати вельмож?

“He died, sir, and it is a great loss.” – Он умер, сударь, и это большая потеря. He was devoted to the queen, and devoted people are rare. Он был предан королеве, а преданные люди редки.

“Of course,” said Rochefort, “if they are found, you put them in the Bastille.” – Еще бы, – сказал Рошфор, – если и сыщутся, вы их сажаете в Бастилию.

“But on the other hand,” said Mazarin, “how can one prove loyalty?” – Но с другой стороны, – сказал Мазарини, – чем можно доказать преданность?

– Business! – Делом! – answered Rochefort. – ответил Рошфор.

“Yes, yes, action!” – Да, да, делом! – the minister said thoughtfully. – задумчиво проговорил министр. – “But where can we find people of action?” – Но где же найти людей дела?

Rochefort shook his head. Рошфор потрянул головой.

“There is never a shortage of them, Monsignor, you just don’t look hard enough.” – В них никогда нет недостатка, монсеньор, только вы плохо ищете.

– Am I looking badly? – Плохо ищу? What do you mean by this, dear Monsieur Rochefort? Что вы хотите сказать этим, дорогой господин Рошфор? Teach me. Поучите меня. Your friendship with the late cardinal must have taught you a lot. Вас должна была многому научить дружба с покойным кардиналом. Ah, what a great man he was! Ах, какой это был великий человек!

- You won’t be angry with me for a little moralizing? – Вы не рассердитесь на меня за маленькое нравоучение?

- Me? – Я? Never! Никогда! You know, you can say anything to my face. Вы знаете, мне все можно говорить в лицо. I try to be loved, not feared. Я стараюсь, чтобы меня любили, а не боялись.

- Monsignor, there is a proverb scratched on the wall of my cell with a nail. – Монсеньор, в моей камере нацарапана гвоздем на стене одна пословица.

“What kind of proverb is this?” – Какая же это пословица? asked Mazarin. – спросил Мазарини.

- Here it is: what kind of gentleman is he... – Вот она: каков

ГОСПОДИН...

– I know, I know: that's the lackey's nature. – Знаю, знаю: таков лакей.

– No: that's the servant. – Нет: таков слуга. The devoted people I just told you about made this modest amendment for their own personal satisfaction. Эту скромную поправку преданные люди, о которых я только что вам говорил, внесли для своего личного удовлетворения.

– What does this proverb mean? – Что означает эта пословица?

“It means that Richelieu knew how to find loyal servants, and dozens of them.” – Она означает, что Ришелье умел находить преданных слуг, и целыми дюжинами.

– Him? – Он? Yes, daggers were pointed at him from all sides! Да на него со всех сторон были направлены кинжалы! All his life he had been busy with nothing but parrying the blows inflicted on him. Он всю жизнь только и занимался тем, что отражал наносимые ему удары.

– But he still repelled them, although sometimes these were cruel blows. – Но он все же отражал их, хотя иногда это были жестокие удары. He had the worst enemies, but he also had devoted friends. У него были злейшие враги, но были зато и преданные друзья.

– That's exactly what I need. – Вот их-то мне и нужно.

“I have known men,” continued Rochefort, thinking that the moment had come to keep his word to d'Artagnan, “I have known

men who were so clever that they deceived the sagacious cardinal a hundred times; who were so brave that they overcame all his guards and spies; who, penniless, alone, without any help, saved the crown on the head of a crowned head and forced the cardinal to beg for mercy.” – Я знал людей, – продолжал Рошфор, подумав, что настала минута сдержать слово, данное д’Артаньяну, – я знал людей, которые были так ловки, что раз сто провели пронизательного кардинала; были так храбры, что одолели всех его гвардейцев и шпионов; которые без гроша, одни, без всякой помощи, сберегли корону на голове одной коронованной особы и заставили кардинала просить пощады.

“But the people you speak of,” said Mazarin, smiling to himself, because Rochefort himself had spoken about what the Italian was getting at, “were not at all devoted to the Cardinal, since they fought against him.” – Но ведь люди, о которых вы говорите, – сказал Мазарини, усмехаясь про себя, потому что Рошфор сам заговорил о том, к чему клонил итальянец, – совсем не были преданы кардиналу, раз они боролись против него.

- No, because otherwise they would have been better rewarded; unfortunately, they were devoted to the very queen for whom you are now looking for loyal servants. – Нет, потому что иначе они были бы лучше вознаграждены; к несчастью, они были преданы той самой королеве, для которой вы сейчас ищете верных слуг.

- But how do you know all this? – Но откуда вы все это знаете?

- I know all this because these people were my enemies at the time; because they fought against me; because I did them as much harm as I was able to do; because they more than repaid me in kind; because one of them, with whom I had special dealings, struck me with a sword about seven years ago – this was already the third blow I received from the same hand... With this we finally settled old scores. – Я знаю все это потому, что эти люди в то время были моими врагами; потому, что они боролись против меня; потому, что я причинил им столько зла, сколько был в состоянии сделать; потому, что они с избытком платили мне тем же; потому, что один из них, с которым у меня были особые дела, нанес мне удар шпагой лет семь назад – это был уже третий удар, полученный мною от той же руки... Этим мы закончили наконец старые счета.

“Ah,” Mazarin sighed with delightful simplicity, “how I need such people!” – Ах, – с восхитительным простодушием вздохнул Мазарини, – как мне нужны подобные люди!

- Well, Monsignor, you have had one of them at your disposal for over six years, and for all six years you have considered him good for nothing. – Ну, монсеньор, один из них уже более шести лет у вас под рукой, и вы все шесть лет считали его ни на что не пригодным.

- Who is this? – Кто же это?

- Monsieur d'Artagnan. – Господин д'Артаньян.

“This Gascon!” – Этот гасконец! exclaimed Mazarin with superbly feigned surprise. – воскликнул Мазарини с превосходно разыгранным удивлением.

– This Gascon once saved a queen and forced Richelieu himself to admit that he was only an apprentice in matters of cunning, dexterity and resourcefulness. – Этот гасконец как-то спас одну королеву и заставил самого Ришелье признать себя в делах хитрости, ловкости и изворотливости только подмастерьем.

- Really? – Неужели?

- Everything is as I told your lordship. – Все так, как я сказал вашему преосвященству.

– Tell me more, dear Monsieur de Rochefort. – Расскажите мне поподробней, дорогой господин де Рошфор.

“It is very difficult, Monsignor,” he replied with a smile. – Это очень трудно, монсеньор, – ответил тот с улыбкой.

- Well, he will tell me himself. – Ну, так он сам мне расскажет.

- I doubt it, Monsignor. – Сомневаюсь, монсеньор.

- Why? – Почему?

- Because it is someone else's secret; because, as I told you, it is the secret of a powerful queen. – Потому что это чужая тайна; потому что, как я сказал вам, это тайна могущественной королевы.

- And he alone accomplished this feat? – И он один совершил этот подвиг?

- No, Monsignor, he had three friends with him, three brave men who helped him, three brave men exactly like the ones you are looking for... – Нет, монсеньор, с ним были трое друзей, три храбреца, помогавших ему, три храбреца именно таких, каких вы разыскиваете...

- And these people were closely connected with each other, you say? – И эти люди были тесно связаны между собой, говорите вы?

- Connected as if these four people were one, as if their four hearts beat in one chest. – Связаны так, словно эти четыре человека составляли одного, словно их четыре сердца бились в одной груди. But what haven't the four of them done! Зато чего только не натворили они вчетвером!

- My dear Monsieur de Rochefort, you have aroused my curiosity to the extreme. – Мой дорогой господин де Рошфор, вы до крайности раздражили мое любопытство. Can't you tell me this story? Неужели вы не можете рассказать мне эту историю?

- No, but I can tell you a story, a wonderful story, Monsignor. – Нет, но я могу рассказать вам сказку, чудесную сказку, монсеньор.

- Oh, tell me, Monsieur de Rochefort! – О, расскажите же, господин де Рошфор! I love fairy tales terribly. Я ужасно люблю сказки.

“Is this what you want, Monseigneur?” – Вы этого хотите, монсеньор? said Rochefort, trying to read the true intentions

on that cunning, sly face. – сказал Рошфор, стараясь прочесть истинные намерения на этом хитром, лукавом лице.

- Yes. – Да.

– In that case, if you please. – В таком случае извольте. Once upon a time there lived a queen... a powerful queen, who owned one of the greatest states in the world. Жила-была королева... могущественная королева, владеющая одним из величайших в мире государств. One great minister wanted to do her a lot of harm, because he had previously wished her well too much. Один великий министр хотел ей сделать очень много зла, потому что прежде слишком желал ей добра. Don't bother, Monseigneur, you won't guess the names anyway. Не трудитесь, монсеньор, вы все равно не угадаете имен. All this happened long before you came to the state where this queen reigned. Все это происходило задолго до того, как вы явились в государство, где царствовала эта королева. And then an ambassador comes to court, so handsome, rich, elegant, that all the women went crazy over him, and even the queen herself had the imprudence to give him - no doubt in memory of how he carried out his diplomatic missions - such a wonderful decoration that nothing could replace it. И вот является ко двору посланник, такой красивый, богатый, изящный, что все женщины сходили по нему с ума, и даже сама королева имела неосторожность подарить ему, – без сомнения, на память о том, как он исполнял свои дипломатические поручения, – такое замечательное украшение, которое ничем нельзя бы-

ло заменить. Since it was given to her by the king, the minister inspired the latter to order the queen to appear at the next ball in this decoration. Так как оно было подарено ей королем, то министр внушил последнему, чтобы он приказал королеве явиться на ближайший бал в этом украшении. Well, Monseigneur, the minister, of course, knew from reliable sources that the decoration was with the envoy, and the envoy himself had already left far, far away beyond the blue seas. Ну, монсеньор, министр, конечно, знал из достоверных источников, что украшение было у посланника, а сам посланник уехал уже далеко-далеко за синие моря. The great queen was on the brink of death, as the last of her subjects. Великая королева была на краю гибели, как последняя из своих подданных. She had to fall from the height of her greatness. Она должна была пасть с высоты своего величия.

– Of course! – Еще бы! – said Mazarin. – сказал Мазарини.

– Well, my lord, four men decided to save her. – Так вот, монсеньор, четыре человека решили спасти ее. These four men were neither princes, nor dukes, nor men of influence, nor even rich men: they were four soldiers who had nothing but a brave heart, a strong arm, and a long sword. Эти четыре человека не были ни принцы, ни герцоги, ни люди влиятельные, ни даже богачи: это были четыре солдата, у которых не было ничего, кроме храброго сердца, сильной руки и длинной шпаги. They set out. Они отправились в путь. The minister knew of their departure and stationed men everywhere to prevent them from

reaching their goal. Министр знал об их отъезде и расставил повсюду людей, чтобы помешать им достигнуть цели. Three of them were disabled by enemies far more numerous than they; but one reached the port, killed or wounded those who tried to detain him, swam across the sea, and brought the queen a jewel which she could pin to her shoulder on the appointed day. Трое из них были выведены из строя врагами, гораздо более многочисленными, чем они; но один добрался до порта, убил или ранил пытавшихся его задержать, переплыл море и привез королеве украшение, которое она в назначенный день могла приколоть к своему плечу. This nearly destroyed the minister. Это чуть не погубило министра. What do you say about this feat, my lord? Что вы скажете об этом подвиге, монсеньор?

“Excellent!” – Великолепно! said Mazarin thoughtfully. – проговорил Мазарини задумчиво.

“I know of ten more such cases involving him.” – Я знаю за ним еще десяток таких дел.

Mazarin did not answer: he was thinking. Мазарини не отвечал: он размышлял.

Several minutes passed. Прошло несколько минут.

“Do you have any more questions for me, Monseigneur?” – У вас ко мне нет больше вопросов, монсеньор? asked Rochefort. – спросил Рошфор.

- So d'Artagnan was one of these four people, you say? – Так д'Артаньян был одним из этих четырех людей, говорите вы?

- He was the one who ran the whole thing. – Он-то и вел все

дело.

- And who were the others? – А кто были другие?

- Monseigneur, let me let d'Artagnan name them for you himself. – Монсеньор, позвольте мне предоставить д'Артаньяну самому назвать их вам. They were his friends, not mine, he alone was connected with them, and I don't even know their real names. Это были его друзья, а не мои; он один только был связан с ними, а я даже не знаю их настоящих имен.

“You don't trust me, dear Monsieur de Rochefort.” – Вы мне не доверяете, дорогой господин де Рошфор. Well, anyway, I'll be frank to the end: I need you, I need him, I need everyone. Ну, все равно, я буду откровенен до конца: мне нужны вы, нужен он, нужны все.

- Start with me, Monsignor, since you sent for me and I am here, and then you can deal with them. – Начинайте с меня, монсеньор, раз вы послали за мной и я здесь, а потом уж вы займетесь ими. Don't be surprised at my curiosity. Не удивляйтесь моему любопытству. After spending five years in prison, you will begin to worry about where they will send you. Проведя пять лет в тюрьме, станешь беспокоиться, куда тебя пошлют.

- You will be my confidant, dear Monsieur de Rochefort. – Вы будете моим доверенным лицом, дорогой господин де Рошфор. You will go to Vincennes, where the Duke of Beaufort is imprisoned, and you will guard him without taking your eyes off him. Вы поедете в Венсен, где заключен герцог Бофор, и будете стеречь его, не спуская глаз. What! Как! You seem

dissatisfied? Вы, кажется, недовольны?

“You are offering me the impossible,” replied the disappointed Rochefort, hanging his head. – Вы предлагаете мне невозможное, – ответил разочарованный Рошфор, повесив голову.

- How is it impossible? – Как – невозможное? Why is it impossible? Почему же это невозможно?

– Because the Duke of Beaufort is my friend; or rather, I am one of his friends; have you forgotten, Monseigneur, that he vouched for me to the Queen? – Потому, что герцог Бофор мой друг; или, вернее, я один из его друзей; разве вы забыли, монсеньор, что он ручался за меня королеве?

– The Duke of Beaufort has since become an enemy of the state. – Герцог Бофор стал с тех пор врагом государства.

“I admit that, Monseigneur; but since I am neither a king, nor a queen, nor a minister, he is not my enemy, and I cannot accept your proposal.” – Я это допускаю, монсеньор; но так как я не король, не королева и не министр, то мне он не враг, и я не могу принять ваше предложение.

- So this is what you call devotion! – Так вот что вы называете преданностью! Congratulations. Поздравляю вас. Your devotion obliges you to little, Monsieur Rochefort. Ваша преданность к немногому вас обязывает, господин Рошфор.

“And then, Monseigneur, you yourself understand that leaving the Bastille in order to move to Vincennes means only exchanging one prison for another. – И затем, монсеньор, вы

сами понимаете, что выйти из Бастилии для того, чтобы перебраться в Венсен, значит, только переменить одну тюрьму на другую.

“Tell me straight away that you belong to the Beaufort party – that will at least be frank on your part.” – Скажите сразу, что вы принадлежите к партии Бофора, – это будет по крайней мере откровенно с вашей стороны.

- Monsignor, I have been locked up for so long that now I want to join only one party, the party of fresh air. – Монсеньор, я так долго сидел взаперти, что теперь хочу примкнуть только к одной партии, к партии свежего воздуха. Send me on an errand wherever you want, assign me any task, but in the open field, if possible. Пошлите меня с поручением куда хотите, назначьте мне какое угодно дело, но в чистом поле, если возможно.

“My dear Monsieur de Rochefort,” said Mazarin mockingly, “you are getting carried away in your zeal. – Мой милый господин де Рошфор, – сказал насмешливо Мазарини, – вы увлекаетесь в своем усердии. You still imagine yourself young, fortunately your heart is still young; but you do not have enough strength. Вы все еще воображаете себя молодым, благо сердце ваше еще молодо; но сил у вас не хватит. Believe me: all you need now is rest. Поверьте мне: все, что вам теперь нужно, – это отдых. Hey, somebody! Эй, кто-нибудь!

- So, you haven't decided anything about me, Monsignor? – Итак, вы ничего не решили насчет меня, монсеньор?

– On the contrary, I have already decided. – Напротив, я уже решил.

Bernouin entered. Вошел Бернуин.

“Call the guard,” he said, “and stay near me,” he added in a whisper. – Позовите стражника, – сказал он, – и будьте подле меня, – прибавил он шепотом.

A guard entered. Вошел стражник. Mazarin wrote a few words and handed over the note, then, nodding, said: Мазарини написал несколько слов и отдал записку, потом, кивнув, сказал:

– Goodbye, Monsieur de Rochefort. – Прощайте, господин де Рошфор.

Rochefort bowed respectfully. Рошфор почтительно поклонился.

“It seems, Monseigneur,” he said, “that they will take me back to the Bastille?” – Кажется, монсеньор, – сказал он, – меня опять отвезут в Бастилию?

- You are very smart. – Вы очень догадливы.

“I’m going back there, Monsignor, but I repeat, you’re making a big mistake by not using me.” – Я возвращаюсь туда, монсеньор, но, повторяю, вы делаете большую ошибку, не воспользовавшись мной.

- By you, the friend of my enemies! – Вами, другом моих врагов!

- What should I do? – Что прикажете делать? You should have made me the enemy of your enemies. Вам следовало сде-

лать меня врагом ваших врагов.

– Do you really think, Monsieur de Rochefort, that you are alone in the world? – Уж не думаете ли вы, господин де Рошфор, что вы один на свете? I assure you, I will find people better than you. Уверяю вас, я найду людей лучше вас.

– I wish you good luck, Monsignor. – Желаю вам удачи, монсеньор.

- Okay, go, go. – Хорошо, ступайте, ступайте. By the way: it's no use writing to me, Monsieur de Rochefort – your letters will get lost anyway. Кстати: бесполезно писать мне, господин де Рошфор, – ваши письма все равно затеряются.

“It turns out I was pulling chestnuts out of the fire for others, and not for myself,” Rochefort grumbled as he left. – Оказывается, я таскал каштаны из огня для других, а не для себя, – проворчал, выходя, Рошфор. “If d’Artagnan is not pleased with me when I tell him now how I praised him, then it means it’s hard to please him.” – Уж если д’Артаньян не останется мной доволен, когда я расскажу ему сейчас, как расхвалил его, то, значит, трудно ему угодить. “Damn, where are they taking me?” Черт, куда это меня ведут?

Indeed, Rochefort was led up a narrow staircase instead of through the reception room where d’Artagnan was waiting. Действительно, Рошфора повели по узенькой лестнице, вместо того чтобы провести через приемную, где ожидал д’Артаньян. In the courtyard he saw a carriage and four guards, but his friend was not among them. На дворе он увидел карету и

четырёх конвойных, но между ними не было его друга.

“Ah, so that’s it!” «Ах так! thought Rochefort. – подумал Рошфор. “This will give the matter a completely different turn. – Это придаст делу совсем другой оборот. And if there are still so many people on the streets, then we will try to prove to Mazarin that, thank God, we are still capable of something better than guarding prisoners.” И если на улицах все так же много народу, то мы постараемся доказать Мазарини, что мы, слава богу, еще способны на нечто лучшее, нежели сторожить заключенных».

And he jumped into the carriage as easily as if he were twenty-five years old. И он так легко вскочил в карету, словно ему было двадцать пять лет.

Chapter IV Глава IV

Anne of Austria at forty-six years old Анна Австрийская в сорок шесть лет

Left alone with Bernouin, Mazarin sat for a few minutes in thought; he now knew much, but not everything. Оставшись вдвоем с Бернуином, Мазарини просидел несколько минут в раздумье; теперь он знал многое, однако еще не все. Mazarin cheated at the game; as Brienne attests, he called it "taking advantage of his advantages." Мазарини плутовал в игре; как удостоверяет Бриенн, он называл это «использовать свои преимущества». He decided not to begin the game with d'Artagnan until he knew all his opponent's cards. Он решил на-

чать партию с д'Артаньяном не раньше, чем узнает все карты противника.

“What do you order?” – Что прикажете? asked Bernouin. – спросил Бернуин.

“Shine the light for me,” said Mazarin, “I’m going to the queen.” – Посвети мне, – сказал Мазарини, – я пойду к королеве.

Bernouin took the candlestick and went forward. Бернуин взял подсвечник и пошел вперед.

A secret passage connected Mazarin's office with the queen's chambers; the cardinal could use this corridor to visit Anne of Austria at any time. Потайной ход соединял кабинет Мазарини с покоем королевы; этим коридором кардинал в любое время проходил к Анне Австрийской.

Reaching the narrow passage to the queen's bedroom, Bernouin saw Madame de Beauvais there. Дойдя по узкому проходу до спальни королевы, Бернуин увидел там г-жу Бове. She and Bernouin were the confidants of this late love. Она и Бернуин были поверенными этой поздней любви. Madame de Beauvais went to report Cardinal Anne of Austria, who was in her chapel with the young King Louis XIV. Г-жа Бове пошла доложить о кардинале Анне Австрийской, которая находилась в своей молельне с юным королем Людовиком XIV.

Anne of Austria sat in a large armchair, her elbow resting on the table, her head resting on her hand, looking at the royal child, who, lying on the carpet, was leafing through a thick book about

wars and battles. Анна Австрийская сидела в большом кресле, опершись локтем на стол, и, склонив голову на руку, смотрела на царственного ребенка, который, лежа на ковре, перелистывал толстую книгу о войнах и битвах. Anne of Austria was a queen who knew how to be bored with royal grandeur; sometimes she would retire for hours to her bedroom or prayer room and sit there without reading or praying. Анна Австрийская была королевой, умевшей скучать с царственным величием; иногда она на целые часы уединялась в своей спальне или молельне и сидела там, не читая и не молясь.

In the hands of the king was Quintus Curtius, the history of Alexander the Great, with engravings depicting his great deeds. В руках короля был Квинт Курций, история Александра Македонского, с гравюрами, изображающими его великие дела.

Madame Beauvais announced Cardinal Mazarin from the threshold of the chapel. Г-жа Бове с порога молельни доложила о кардинале Мазарини.

The child rose up on one knee, frowned and asked his mother: Ребенок приподнялся на одно колено, нахмурил брови и спросил у матери:

- Why does he enter without asking for an audience? – Почему он входит, не испросив аудиенции?

Anna blushed slightly. Анна слегка покраснела.

“In such a difficult time as now,” she said, “it is necessary that the first minister be able to report to the queen at any hour about everything that is happening, without arousing the curiosity and

gossip of the courtiers.” – В такое трудное время, как теперь, – сказала она, – нужно, чтобы первый министр мог в любой час докладывать королеве обо всем, что творится, не возбуждая любопытства и пересудов придворных.

“But Richelieu, it seems, didn’t enter like that,” the child insisted. – Но Ришелье, кажется, так не входил, – настаивал ребенок.

– How can you know what Richelieu did? – Как вы можете знать, что делал Ришелье? You were very little then, you can’t remember it. Вы были тогда совсем маленьким, вы не можете этого помнить.

– I don’t remember, but I asked others, and that’s what they told me. – Я и не помню, но я спрашивал других, и мне так сказали.

“Who told you this?” – А кто вам это сказал? – Anna asked with poorly concealed displeasure. – спросила Анна с плохо скрытым неудовольствием.

“Who?” – Кто? “I know that I should never name those who answer my questions,” the child answered, “otherwise no one will tell me anything else.” Я знаю, что не надо никогда называть тех, кто отвечает на мои расспросы, – ответил ребенок, – не то мне никто больше ничего не скажет.

At that moment Mazarin entered. В эту минуту вошел Мазарини. The King stood up, slammed the book shut and, placing it on the table, continued to stand in order to force the Cardinal to stand as well. Король встал, захлопнул книгу и, положив ее на

стол, продолжал стоять, чтобы заставить стоять и кардинала.

Mazarin watched this scene keenly, trying to decipher the preceding one from it. Мазарини зорко наблюдал эту сцену, пытаясь на основании ее разгадать предшествующую. He bowed respectfully before the queen and made a low bow to the king, to which the latter responded with a rather careless nod. Он почтительно склонился перед королевой и отвесил королю низкий поклон, на который тот ответил довольно небрежным кивком. But his mother's gaze reproached him for this manifestation of the hatred with which Louis XIV had been imbued since childhood with the cardinal, and, in response to the minister's greeting, he forced himself to smile. Но взгляд матери упрекнул его за это проявление ненависти, которою Людовик XIV с детства проникся к кардиналу, и, в ответ на приветствие министра, он заставил себя улыбнуться.

Anne of Austria tried to read in Mazarin's face the reason for his unexpected visit; usually the cardinal came to her only when she was alone. Анна Австрийская старалась прочесть в лице Мазарини причину его непредвиденного посещения; обычно кардинал приходил к ней, лишь когда она оставалась одна.

The Minister made a barely perceptible nod with his head. Министр сделал едва заметный знак головой. The Queen turned to Madame Bove. Королева обратилась к г-же Бове.

"It's time for the king to sleep," she said. – Королю пора спать, – сказала она. "Call La Porta." – Позовите Ла Порта.

The Queen had already reminded little Louis two or three

times that it was time for him to go, but the child kindly asked permission to stay a little longer. Королева уже раза два или три напоминала маленькому Людовику, что ему время уходить, но ребенок ласково просил позволения остаться еще. This time he said nothing, only bit his lip and turned pale. На этот раз он ничего не сказал, только закусил губу и побледнел.

A minute later La Porte entered. Через минуту вошел Ла Порт.

The child went straight to him without kissing his mother. Ребенок пошел прямо к нему, не поцеловав матери.

“Listen, Louis, why didn’t you say goodbye to me?” – Послушайте, Луи, почему вы не простились со мной? – asked Anna. – спросила Анна.

“I thought you were angry with me, Your Majesty: you are driving me away.” – Я думал, что вы на меня рассердились, ваше величество: вы меня прогоняете.

“I’m not driving you away, but you’ve just had chickenpox, you’re not quite recovered yet, and I’m afraid you’re having a hard time staying up late.” – Я не гоню вас, но у вас только что кончилась ветряная оспа, вы еще не совсем оправились, и я боюсь, что вам трудно засиживаться поздно.

“You weren’t afraid that it would be difficult for me to go to parliament today and sign these ill-fated decrees with which the people are so dissatisfied.” – Не боялись же вы, что мне будет трудно сегодня идти в парламент и подписывать эти несчастные указы, которыми народ так недоволен.

“Sire,” said the valet, to change the conversation, “to whom would you like me to give the candlestick?” – Государь, – сказал камердинер, чтобы переменить разговор, – кому прикажете передать подсвечник?

“Whoever you want, La Porte, just not Mancini,” the child answered loudly. – Кому хочешь, Ла Порт, лишь бы не Манчини, – ответил ребенок громко.

Mancini was the cardinal's little nephew, whom he had sent to the king; the latter transferred some of his hatred of the minister to him. Манчини был маленький племянник кардинала, определенный им к королю; последний и на него перенес часть своей ненависти к министру.

The king left without kissing his mother or saying goodbye to the cardinal. Король вышел, не поцеловав матери и не простившись с кардиналом.

“That’s good!” – Вот это хорошо! said Mazarin. – сказал Мазарини. “It’s nice to see that the king is being taught to detest pretense. – Приятно видеть, что в короле воспитывают отвращение к притворству.

“What does this mean?” – Что это значит? – the queen asked almost timidly. – почти робко спросила королева.

“It seems to me that the king’s departure requires no explanation; in general, His Majesty does not bother to hide how little he loves me. – Мне кажется, что уход короля не требует пояснений; вообще, его величество не дает себе труда скрывать, как мало он меня любит. However, this does not prevent

me from being devoted to him, as well as to Your Majesty. Впрочем, это не мешает мне быть преданным ему, как и вашему величеству.

“I ask you to forgive him, Cardinal: he is still a child and does not understand how much he owes you.” – Прошу вас извинить его, кардинал: он еще ребенок и не понимает, сколь многим вам обязан.

The Cardinal smiled. Кардинал улыбнулся.

“But,” continued the queen, “you have undoubtedly come on some important matter?” – Но, – продолжала королева, – вы, без сомнения, пришли по какому-нибудь важному делу? What has happened? Что случилось?

Mazarin sat down, or rather, sprawled in a wide armchair and said sadly: Мазарини сел или, вернее, развалился в широком кресле и сказал печально:

“It has happened that, in all likelihood, we will soon be forced to separate, unless, of course, you decide, out of friendship, to follow me to Italy.” – Случилось то, что, по всей вероятности, мы будем вынуждены вскоре разлучиться, если, конечно, вы не решитесь из дружбы последовать за мной в Италию.

“Why?” – Почему? asked the queen. – спросила королева.

“Because, as they sing in the opera *Thisbe*: ‘...the whole world is hostile to our tender passion,’” answered Mazarin. – Потому что, как поется в опере «Тисба»: «...весь мир враждебен нашей страсти нежной», – отвечал Мазарини.

“You are joking, sir!” – Вы шутите, сударь! said the queen,

trying to give her voice at least a little of its former grandeur.
– сказала королева, пытаясь придать своему голосу хоть немного прежнего величия.

“Alas, Your Majesty, I am not joking at all,” replied Mazarin.
– Увы, ваше величество, я вовсе не шучу, – ответил Мазарини. “Believe me, I am more ready to cry; and there is reason to, because, as I have already told you: ‘...the whole world is hostile to our tender passion.’” – Поверьте мне, я скорее готов плакать; и есть о чем, потому что, как я уже вам сказал: «... весь мир враждебен нашей страсти нежной». And since you are also part of this world, it means that you are also leaving me. А так как и вы часть этого мира, то, значит, вы тоже покидаете меня.

- Cardinal! – Кардинал!

- Oh, my God, didn't I see you the other day smiling affably at the Duke of Orleans, or rather at what he was saying to you? – Ах, боже мой, разве я не видел, как вы на днях приветливо улыбались герцогу Орлеанскому или, вернее, тому, что он говорил вам?

- And what did he tell me? – А что же он мне говорил?

“He told you, Your Majesty: ‘Your Mazarin is a stumbling block.’” – Он говорил вам, ваше величество: «Ваш Мазарини – камень преткновения. Remove him, and all will be well.” Удалите его, и все будет хорошо».

- What do you want from me? – Чего же вы от меня хотите?

- Oh, your majesty! – О, ваше величество! You are a queen,

as far as I know. Вы ведь королева, насколько я знаю.

- What a royal power! – Хороша королевская власть! Any clerk from the Palais Royal, any nobleman, can rule here! Тут распоряжается любой писарь из Пале-Рояля, любой дворянчик!

- However, you are strong enough to remove from yourself people you don't like. – Однако вы достаточно сильны для того, чтобы удалять от себя людей, которые вам не нравятся.

“Let's say it better that you don't like them!” – Скажем лучше, не нравятся вам! – exclaimed the queen. – воскликнула королева.

- Me? – Мне?

- Of course! – Конечно! Weren't you the one who removed Madame de Chevreuse, who suffered twelve years of persecution during the last reign? Не вы ли удалили госпожу де Шеврез, которая двенадцать лет терпела гонения в прошлое царствование?

- Intriguer! – Интриганка! She wanted to continue the intrigues against me that she had started against Richelieu. Ей хотелось продолжать против меня козни, начатые против Ришелье.

- And who removed Madame Hautefort, my faithful friend, who rejected the king's advances just to keep my favor? – А кто удалил госпожу Отфор, мою верную подругу, которая отвергла ухаживания короля, чтобы только сохранить мое расположение?

- A hypocrite. – Ханжа. Every evening, while undressing you, she repeated that you were ruining your soul by loving a priest, as if a cardinal and a priest were one and the same. Она каждый вечер, раздевая вас, твердила, что вы губите свою душу, любя священника, как будто кардинал и священник одно и то же.

- Who ordered the arrest of Beaufort? – Кто велел арестовать Бофора?

- Beaufort is a rebel who said so directly that I should be killed! – Бофор – мятежник, который так прямо и говорил, что надо убить меня!

“You know very well, Cardinal,” said the Queen, “that your enemies are my enemies.” – Вы отлично знаете, кардинал, – сказала королева, – что ваши враги – мои враги.

- That is not enough, Your Majesty. – Этого мало, ваше величество. Your friends must also be my friends. Надо еще, чтобы ваши друзья были и моими друзьями.

“My friends...” the queen shook her head. – Мои друзья... – покачала королева головой. “Alas!” – Увы! I have no more friends. У меня нет больше друзей.

- How can you not have friends in happiness when you had them in the days of your adversity? – Как может не быть друзей в счастье, когда они были у вас в дни ваших невзгод?

- Because in my happiness I forgot my friends. – Потому что я в счастье забыла своих друзей. I acted like Marie de Medici, who, returning from her first exile, despised those who

suffered for her, and then, exiled a second time, died in Cologne, abandoned by everyone, even by her own son, because now everyone despised her in turn. Я поступила как Мария Медичи, которая, возвратясь из первого своего изгнания, презрела пострадавших за нее, а потом, изгнанная вторично, умерла в Кельне, оставленная всеми, даже собственным сыном, потому что теперь все ее презирали, в свою очередь.

“But perhaps there is still time,” said Mazarin, “to correct the mistake?” – Но быть может, еще есть время, – сказал Мазарини, – исправить ошибку? Look among your former friends. Поищите между вашими прежними друзьями.

- What do you want to say? – Что вы хотите сказать?

- Just what he said: look for it. – Только то, что сказал: поищите.

– Alas, no matter how much I look around me, I see no one whom I could dispose of. – Увы, сколько я ни смотрю вокруг себя, я не вижу никого, кем я могла бы располагать. The king’s uncle, the Duke of Orleans, is, as always, controlled by a favorite: yesterday it was Choisy, today La Rivière, tomorrow someone else. Дядей короля, герцогом Орлеанским, как всегда, управляет фаворит: вчера это был Шуази, сегодня Ла Ривьер, завтра кто-нибудь другой. The Prince of Condé obediently follows his coadjutor, and he follows Madame de Guéméné. Принц Конде послушно идет за своим коадьютором, а тот – за госпожою де Гемене.

“But I advised you to look among your former friends, not

among your current ones.” – Но я вам советовал искать среди прежних, а не среди нынешних друзей.

“The same ones?” – Прежних? – repeated the queen. – повторила королева.

– Yes, for example, among those who helped you fight Richelieu and even defeat him... – Да, например, среди тех, которые помогали вам бороться с Ришелье и даже побеждать его...

“What is he hinting at?” «На что он намекает? – thought the queen, looking warily at the cardinal. » – подумала королева, с опаской поглядывая на кардинала.

“Yes,” he continued, “under certain circumstances, with the help of friends, you were able, using the subtle and strong mind inherent in Your Majesty, to repel the attacks of this enemy. – Да, – продолжал он, – при некоторых обстоятельствах, с помощью друзей вы умели, пользуясь тонким и сильным умом, присущим вашему величеству, отражать нападения этого противника.

“Me?!” – Я?! – the queen exclaimed. – воскликнула королева. – “I just endured it, that’s all.” – Я терпела, и только.

“Yes,” said the cardinal, “they endured, preparing revenge, like a true woman.” – Да, – сказал кардинал, – терпели, подготавливая месть, как истинная женщина. But let’s get down to business. Но перейдем к делу. Do you remember Rochefort? Помните вы Рошфора?

“Rochefort was not one of my friends: on the contrary, he is

my inveterate enemy, the cardinal's faithful servant." – Рошфор не был в числе моих друзей: напротив, он мой заядлый враг, верный слуга кардинала. I thought you knew this. Я думала, что это вам известно.

"So well known," replied Mazarin, "that we ordered him to be thrown into the Bastille." – Настолько хорошо известно, – ответил Мазарини, – что мы приказали засадить его в Бастилию.

"Did he come out from there?" – Он вышел оттуда? asked the queen. – спросила королева.

"Rest assured, he is still there; I only mentioned him to move on to something else." – Будьте покойны, он и теперь там; я заговорил о нем только для того, чтобы перейти к другому. "Do you know d'Artagnan?" Знаете ли вы д'Артаньяна? asked Mazarin, looking straight at the queen. – спросил Мазарини, глядя на королеву в упор.

The blow hit the very heart. Удар пришелся в самое сердце.

"Did the Gascon really let it slip?" – Неужели гасконец проболтался? whispered Anne of Austria. – прошептала Анна Австрийская. Then she added loudly: "D'Artagnan?" Потом прибавила громко: – Д'Артаньян? Wait, yes, indeed, that name is familiar to me. Подождите, да, в самом деле, это имя мне знакомо. D'Artagnan, the musketeer who loved one of my chambermaids? Д'Артаньян, мушкетер, который любил одну из моих камеристок? She, poor thing, was later poisoned. Ее, бедняжку, потом отравили.

– Is that all? – Только и всего? – said Mazarin. – сказал Мазарини.

The Queen looked at the Cardinal in surprise: Королева удивленно посмотрела на кардинала:

- But, Cardinal, it seems you are interrogating me? – Но, кардинал, кажется, вы подвергаете меня допросу?

“In any case,” said Mazarin with his eternal smile, in the same sweet tone, “it is up to you to answer me or not.” – Во всяком случае, – сказал Мазарини со своей вечной улыбкой, все тем же сладким тоном, – в вашей воле ответить мне или нет.

“State your wishes clearly, and I will answer them in the same way,” the queen began to lose patience. – Изложите свои пожелания ясно, и я отвечу на них так же, – начала терять терпение королева.

“Your Majesty,” said Mazarin, bowing, “I wish you to share your friends with me, as I have shared with you the few knowledge and abilities that heaven has bestowed upon me.” – Ваше величество, – сказал Мазарини, кланяясь, – я желаю, чтобы вы поделились со мной вашими друзьями, как я поделился с вами теми немногими знаниями и способностями, которыми небо наградило меня. The situation is becoming more complicated, and we must act decisively. Положение осложняется, и надо действовать решительно.

- Again! – Опять! - said the queen. – сказала королева. - I thought we had finished with this, having got rid of Beaufort. – Я думала, что мы с этим покончили, отделившись от Бофора.

- Yes, you looked only at the stream that threatened to wash away everything in its path, and did not look back at the stagnant water. – Да, вы смотрели только на поток, который грозил смыть все на пути, и не оглянулись на стоячую воду. Meanwhile, there is a French proverb about still waters. А между тем есть французская поговорка о тихом омуте.

“Go on,” said the queen. – Дальше, – сказала королева.

“I suffer insults every day from your princes and titled lackeys, from all sorts of puppets who do not see that I hold all the strings to them in my hand, and do not guess that behind my patient calm lies the wrath of a man who has sworn to overcome them one day. – Я каждый день терплю оскорбления от ваших принцев и титулованных лакеев, от всяких марионеток, которые не видят, что в моей руке все нити к ним, и не догадываются, что за моим терпеливым спокойствием таится гнев человека, который поклялся в один прекрасный день одолеть их. True, we arrested Beaufort, but of them all, he was the least dangerous. Правда, мы арестовали Бофора, но из них всех он был наименее опасен. After all, there is still the Prince of Condé... Ведь остается еще принц Конде...

- The victor at Rocroi! – Победитель при Рокруа! Arrest him? Арестовать его?

- Yes, Your Majesty, I often think about this, but, as we Italians say, *pazienza*. – Да, ваше величество, я частенько об этом думаю, но, как говорим мы, итальянцы, *pazienza*. And besides Conde, we will have to take the Duke of Orleans. А кро-

ме Конде придется взять герцога Орлеанского.

- What are you saying? – Что вы такое говорите? The first prince of the blood, the king's uncle! Первого принца крови, дядю короля!

– No, not the first prince of the blood and not the king's uncle, but a vile conspirator who, in the last reign, spurred on by his capricious and quarrelsome character, consumed by boredom, inflamed by base ambition, envious of those who surpassed him in nobility, courage, and angry at his own insignificance, precisely because of his insignificance became the echo of all malicious gossip, the soul of all conspiracies, the instigator of daredevils who were foolish enough to believe the word of a man of royal blood and whom he renounced when they found themselves on the scaffold. – Нет, не первого принца крови и не дядю короля, но подлого заговорщика, который в прошлое царствование, подстрекаемый своим капризным и вздорным характером, снедаемый скукой, разжигаемый низким честолюбием, завидуя тем, кто превосходит его благородством, храбростью, и злясь на собственное ничтожество, именно по причине своего ничтожества сделался отголоском всех злонамеренных толков, душой всяких заговоров, подстрекателем смельчаков, которые имели глупость поверить слову человека царственной крови и от которых он отрекся, когда они оказались на эшафоте. No, I am not speaking of a prince of the blood or of the king's uncle, but of the murderer of Chalais, Montmorency and Saint-Mars, who at

the present moment is trying to play the same trick again and imagines that he will gain the upper hand because his opponent has changed, because now he has before him a man who prefers not to threaten, but to smile. Нет, я говорю не о принце крови и не о дяде короля, а об убийце Шале, Монморанси и Сен-Марса, который в настоящую минуту пытается сыграть опять ту же штуку и воображает, что он одержит верх, потому что у него переменился противник, потому что теперь перед ним человек, предпочитающий не угрожать, а улыбаться. But he He is mistaken. Но он ошибается. He only lost with the death of Richelieu, and it is not in my interests to leave near the queen this source of all discord, the man with whose help the old cardinal successfully inflamed the bile of the late king for twenty years. Он только проиграл со смертью Ришелье, и не в моих интересах оставлять подле королевы этот источник всех раздоров, человека, с помощью которого старый кардинал двадцать лет успешно растравлял желчь покойного короля.

Anna blushed and covered her face with her hands. Анна покраснела и закрыла лицо руками.

“I do not wish to humiliate Your Majesty in the least,” Mazarin continued in a calmer, but surprisingly firm voice. – Я нисколько не желаю унижать ваше величество, – продолжал Мазарини более спокойным, но зато удивительно твердым голосом. “I want the Queen to be respected and her minister to be respected, because in the eyes of all people I am nothing more than a minister. – Я хочу, чтобы уважали королеву и уважали

ее министра, потому что в глазах всех людей я не более как министр. Your Majesty knows that I am not a rogue Italian, as many call me. Вашему величеству известно, что я не пройдоха-итальянец, как многие меня называют. It is necessary that the whole world knows this, just as Your Majesty knows it. Необходимо, чтобы это знал весь мир так же, как знает ваше величество.

“Okay. – Хорошо. What should I do?” Что же я должна сделать? said Anne of Austria, obeying this imperious voice. – сказала Анна Австрийская, подчиняясь этому властному голосу.

“You must remember the names of those faithful, devoted men who crossed the sea against the will of Richelieu and, leaving traces of their own blood along the way, brought to your majesty one decoration that you were pleased to give to Buckingham. – Вы должны припомнить имена тех верных, преданных людей, которые переплыли море вопреки воле Ришелье и, оставляя на пути следы собственной крови, привезли вашему величеству одно украшение, которое вам угодно было дать Бекингэму.

Anna rose majestically and angrily, as if under the influence of a steel spring, and, looking at the cardinal with the proud dignity that made her so powerful in the days of her youth, said: Анна величаво и гневно поднялась, словно под действием стальной пружины, и, глядя на кардинала с гордым достоинством, делавшим ее такой могущественной в дни молодости,

сказала:

- You insult me! – Вы меня оскорбляете!

“I want,” continued Mazarin, finishing his thought, interrupted by the queen’s movement, “for you to do now for your husband what you once did for your lover.” – Я хочу, – продолжал Мазарини, доканчивая свою мысль, прерванную движением королевы, – чтобы вы сейчас сделали для вашего мужа то, что вы сделали когда-то для вашего любовника.

“This slander again!” – Опять эта клевета! – exclaimed the queen. – воскликнула королева. – I thought that it had died or died out, since you have rid me of it until now. – Я думала, что она умерла или заглохла, так как вы до сих пор избавляли меня от нее. But here you are repeating it too. Но вот вы тоже ее повторяете. So much the better. Тем лучше. Let us explain ourselves today and finish it once and for all, do you hear? Объяснимся сегодня и кончим раз навсегда, слышите?

“But, Your Majesty,” said Mazarin, surprised by this unexpected flash of strength, “I do not at all demand that you tell me everything.” – Но, ваше величество, – произнес Мазарини, удивленный этим неожиданным проблеском силы, – я вовсе не требую, чтобы вы мне рассказали все.

“But I want to tell you everything,” answered Anne of Austria. – А я хочу вам все рассказать, – ответила Анна Австрийская. “Listen then.” – Слушайте же. There were at that time truly four devoted hearts, four noble souls, four faithful swords, who saved me more than my life: they saved my honor. Были в то время

действительно четыре преданных сердца, четыре благородные души, четыре верные шпаги, которые спасли мне больше чем жизнь: они спасли мою честь.

- Ah! – A! Do you admit this? Вы сознаетесь в этом? - said Mazarin. – сказал Мазарини.

- Do you really think that only the guilty can tremble for their honor? – Неужели, по-вашему, только виновный может трепетать за свою честь? Is it impossible to dishonor someone, especially a woman, based on appearances alone? Разве нельзя обесчестить кого-нибудь, особенно женщину, на основании одной лишь видимости? Yes, everything was against me, and I inevitably had to lose my honor, and yet, I swear to you, I was not guilty. Да, все было против меня, и я неизбежно должна была лишиться чести, а между тем, клянусь вам, я не была виновна. I swear... Клянусь...

The Queen began to search around her for some sacred object on which she could swear; she took from a secret closet a small rosewood casket with silver inlays and, placing it on the altar, said: Королева стала искать вокруг себя какой-нибудь священный предмет, на котором она могла бы поклясться; она вынула из потайного стенного шкафа ларчик розового дерева с серебряными инкрустациями и, поставив его на алтарь, сказала:

“I swear by the sacred relics kept here, I loved Buckingham, but Buckingham was not my lover.” – Клянусь священными реликвиями, хранящимися здесь, – я любила Бекингэма, но

Бекингэм не был моим любовником.

“And what are these sacred objects on which you swear an oath, Your Majesty?” – А что это за священные предметы, на которых вы приносите клятву, ваше величество? – asked Mazarin, smiling. – спросил, улыбаясь, Мазарини. – As you know, I am a Roman, and therefore not gullible. – Как вам известно, я римлянин, а потому не легковверен. There are all sorts of relics. Бывают всякого рода реликвии.

The queen took a small golden key from her neck and handed it to the cardinal. Королева сняла с шеи маленький золотой ключик и подала его кардиналу.

– Open it and take a look. – Откройте и посмотрите.

The surprised Mazarin took the key, opened the chest and found in it a rusty knife and two letters, one of which was stained with blood. Удивленный Мазарини взял ключ, открыл ларчик и нашел в нем заржавленный нож и два письма, из которых одно было запятнано кровью.

“What is this?” – Что это? asked Mazarin. – спросил Мазарини.

“What is this?” – Что это? repeated Anne of Austria, with a regal gesture extending her hand over the open casket, which the years had not deprived of its wonderful beauty. – повторила Анна Австрийская, царственным жестом простирая над раскрытым ларчиком руку, которую годы не лишили чудесной красоты. “I’ll tell you now.” – Я вам сейчас скажу. These two letters are the only ones I wrote to him. Эти два письма –

единственные, которые я писала ему. And this is the knife with which Felton killed him. А это нож, которым Фельтон убил его. Read the letters, and you will see if I'm lying. Прочтите письма, и вы увидите, лгу ли я.

Despite the permission he had received, Mazarin, instinctively obeying his feelings, instead of reading the letters, took the knife: the dying Buckingham had taken it from his wound and sent it to the queen through La Porte; the blade was all eaten away by rust, into which the blood had turned. Несмотря на полученное разрешение, Мазарини, безотчетно повинувшись чувству, вместо того чтобы прочесть письма, взял нож: его умирающий Бекингэм вынул из своей раны и через Ла Порта переслал королеве; лезвие было все источено ржавчиной, в которую обратилась кровь. The cardinal looked at it for a minute, and during this time the queen turned paler than the linen covering the altar on which she leaned. Кардинал смотрел на него с минуту, и за это время королева стала бледнее полотна, покрывающего алтарь, на который она опиралась. Finally, with an involuntary tremor, the cardinal returned the knife to the casket. Наконец кардинал с невольной дрожью положил нож обратно в ларчик.

- Okay, Your Majesty, I believe your oath. – Хорошо, ваше величество, я верю вашей клятве.

“No, no, read it,” said the queen, frowning, “read it.” – Нет, нет, прочтите, – сказала королева, нахмутив брови, – прочтите. “I want it, I demand it; I have decided to end this now

and never return to it again.” Я хочу, я требую; я решила покончить с этим сейчас же и уже никогда больше к этому не возвращаться. “Or do you think,” she added with a terrible smile, “that I will open this little chest every time you renew your accusations?” Или вы думаете, – прибавила она с ужасной улыбкой, – что я стану открывать этот ларчик всякий раз, когда вы возобновите ваши обвинения?

Mazarin, obeying the sudden manifestation of her will, read both letters almost mechanically. Мазарини, подчиняясь внезапному проявлению ее воли, почти машинально прочел оба письма. In one, the queen asked Buckingham to return the diamond pendants; this was the letter that d'Artagnan took, it arrived on time. В одном королева просила Бекингэма возвратить алмазные подвески; это было письмо, которое отвез д'Артаньян, оно поспело вовремя. The second was sent by La Porte; in it, the queen warned Buckingham that they wanted to kill him, and this letter arrived late. Второе было послано с Ла Портом; в нем королева предупреждала Бекингэма, что его хотят убить, и это письмо опоздало.

“Very well, your Majesty,” said Mazarin, “there is nothing to answer to that.” – Хорошо, ваше величество, – сказал Мазарини, – на это нечего ответить.

“No,” said the queen, locking the casket and laying her hand on it, “no, there is something to be said for that: I must say that I was ungrateful to the people who saved me and did everything they could to save him; and I did not grant the brave d'Artagnan

anything, but only allowed him to kiss my hand and gave him this diamond." – Нет, – заперев ларчик, сказала королева и положила на него руку, – нет, есть что ответить на это: надо сказать, что я была неблагодарна к людям, которые спасли меня и сделали все, что только могли, чтобы спасти его; и храброму д'Артаньяну я не пожаловала ничего, а только позволила ему поцеловать мою руку и подарила вот этот алмаз.

The Queen extended her lovely hand to the Cardinal and showed him the marvelous stone that glittered on her finger. Королева протянула кардиналу свою прелестную руку и показала ему чудный камень, блиставший на ее пальце.

"He sold it in a difficult moment," she said again with a slight embarrassment, "sold it in order to save me a second time; with the money he received, he sent a messenger to Buckingham with a warning about the murder that was threatening him. – Он продал его в тяжелую минуту, – заговорила она опять с легким смущением, – продал для того, чтобы спасти меня во второй раз; за вырученные деньги он послал гонца к Бекингэму с предупреждением о грозящем ему убийстве.

- So d'Artagnan knew about this? – Значит, д'Артаньян знал об этом?

- He knew everything. – Он знал все. Now, I do not understand. Каким образом, не понимаю. D'Artagnan sold the ring to Dessessart; I saw the ring on his hand and bought it back. Д'Артаньян продал перстень Дезэссару; я увидала кольцо у него на руке и выкупила. But this diamond belongs

to d'Artagnan; return the ring to him from me, and since, fortunately for you, there is such a person near you, then try to make use of it. Но этот алмаз принадлежит д'Артаньяну; возвратите ему перстень от меня, и так как, на ваше счастье, подле вас находится такой человек, то постарайтесь им воспользоваться.

"Thank you, Your Majesty," said Mazarin, "I will not forget your advice." – Благодарю вас, ваше величество, – сказал Мазарини, – я не забуду вашего совета.

"And now," said the queen, exhausted by the excitement she had experienced, "what else would you like to know from me?" – А теперь, – сказала королева, изнемогая от пережитого волнения, – что еще хотели бы вы узнать у меня?

"Nothing, Your Majesty," the cardinal replied in his most gentle voice. – Ничего, ваше величество, – ответил кардинал самым ласковым голосом. "I only beg you to forgive me for my unfair suspicion." – Умоляю только простить меня за несправедливое подозрение. But I love you so much that my jealousy, even towards the past, is not surprising. Но я вас так люблю, что ревность моя, даже к прошлому, неудивительна.

A faint smile flickered across the queen's lips. Слабая улыбка промелькнула на губах королевы.

"If you have nothing more to ask me," she said, "then leave me." – Если вам не о чем больше спрашивать меня, – сказала она, – то оставьте меня. You understand that after such a conversation I need to be alone with myself. Вы понимаете, что

после такого разговора мне надо побыть наедине с собой.

Mazarin bowed: Мазарини поклонился:

- I am leaving, your majesty. – Я удаляюсь, ваше величество.

But allow me to come again. Но позвольте мне прийти опять.

- Yes, only tomorrow. – Да, только завтра. And this time will hardly be enough for me to calm down. И этого времени вряд ли будет достаточно, чтобы мне успокоиться.

The cardinal took the queen's hand, kissed it gallantly and left. Кардинал взял руку королевы, галантно поцеловал и вышел.

As soon as he left, the queen went into her son's room and asked La Porte if the king had gone to bed. Как только он ушел, королева прошла в комнату сына и спросила Ла Порта, лег ли король.

La Porte pointed out to her the sleeping child. Ла Порт указал ей на спящего ребенка.

Anne of Austria climbed the steps of the bed, pressed her lips to her son's furrowed brow and kissed him. Анна Австрийская взошла на ступеньки кровати, приложила губы к нахмуренному лбу сына и поцеловала его. Then she left just as quietly, saying only to the valet: Потом так же тихо удалилась, сказав только камердинеру:

- Please try, dear La Porte, to make the king look more kindly at the cardinal. – Постарайтесь, пожалуйста, милый Ла Порт, чтобы король приветливей смотрел на кардинала. Both the king and I owe a lot to the cardinal. И король и я, мы оба многим обязаны кардиналу.

Chapter V Глава V

The Gascon and the Italian Гасконец и итальянец

Meanwhile, the cardinal returned to his study, at the door of which Bernouin was on duty. Тем временем кардинал вернулся к себе в кабинет, у дверей которого дежурил Бернуин. Mazarin asked if there was any news and if there was any news from the city, then, having received a negative answer, he motioned for the servant to leave. Мазарини спросил, нет ли каких новостей и не было ли известий из города, затем, получив отрицательный ответ, знаком приказал слуге удалиться.

Left alone, he stood up and opened the door into the corridor, then into the hallway; the tired d'Artagnan was sleeping on the bench. Оставшись один, он встал и отворил дверь в коридор, потом в переднюю; утомленный д'Артаньян спал на скамье.

“Monsieur d'Artagnan!” – Господин д'Артаньян! – Mazarin called in an ingratiating voice. – позвал Мазарини вкрадчивым голосом.

D'Artagnan did not move. Д'Артаньян не шелохнулся.

“Monsieur d'Artagnan!” – Господин д'Артаньян! – Mazarin called louder. – позвал Мазарини громче.

D'Artagnan continued to sleep. Д'Артаньян продолжал спать.

The cardinal approached him and touched his shoulder with his finger. Кардинал подошел к нему и пальцем коснулся его плеча.

This time d'Artagnan started, woke up and, having come to his senses, immediately jumped to his feet, like a soldier ready for battle. На этот раз д'Артаньян вздрогнул, проснулся и, придя в себя, сразу вскочил на ноги, как солдат, готовый к бою.

- I am here. – Я здесь. Who is calling me? Кто меня зовет?

"I," said Mazarin with the most welcoming smile. – Я, – сказал Мазарини с самой приветливой улыбкой.

"I beg your pardon, Your Eminence," said d'Artagnan, "but I am so tired..." – Прошу извинения, ваше преосвященство, – сказал д'Артаньян, – но я так устал...

"There is no need to ask for an apology," said Mazarin, "you are tired of my service..." – Излишне просить извинения, – сказал Мазарини, – вы устали на моей службе...

The minister's gracious tone delighted d'Artagnan. Милостивый тон министра привел д'Артаньяна в восхищение.

"Hm..." he muttered through his teeth, "is the proverb that happiness comes in a dream really true?" – Гм... – процедил он сквозь зубы, – неужели справедлива пословица, что счастье приходит во сне?

"Follow me, sir," said Mazarin. – Следуйте за мной, сударь, – сказал Мазарини.

- So, so! – Так, так! - muttered d'Artagnan. – пробормотал д'Артаньян. - Rochefort kept his word; but where the hell did he go? – Рошфор сдержал слово; только куда же он, черт возьми, делся?

He peered into every nook and cranny of the office, but

Rochefort was nowhere to be found. Он всматривался во все закоулки кабинета, но Рошфора не было нигде.

“Monsieur d’Artagnan,” said Mazarin, settling himself comfortably in his chair, “you have always seemed to me a brave and glorious man.” – Господин д’Артаньян, – сказал Мазарини, удобно располагаясь в кресле, – вы всегда казались мне храбрым и славным человеком.

“Perhaps,” thought d’Artagnan, “but he took a long time to tell me about it.” «Возможно, – подумал д’Артаньян, – но долго же он собирался сказать мне об этом».

This, however, did not prevent him from bowing low to Mazarin in response to the compliment. Это, однако, не помешало ему низко поклониться Мазарини в ответ на комплимент.

“So,” continued Mazarin, “the time has come to use your abilities and virtues. – Так вот, – продолжал Мазарини, – пришло время использовать ваши способности и достоинства.

Joy flashed like lightning in the officer’s eyes, but it immediately died out, since he still did not know where Mazarin was going. В глазах офицера, как молния, сверкнула радость, но тотчас же погасла, так как он еще не знал, куда гнет Мазарини.

“Command me, Monsignor,” he said, “I am happy to obey your Excellency.” – Приказывайте, монсеньор, – сказал он, – я рад повиноваться вашему преосвященству.

“Monsieur d’Artagnan,” continued Mazarin, “in the last reign

you accomplished such feats...” – Господин д’Артаньян, – продолжал Мазарини, – в прошлое царствование вы совершали такие подвиги...

“You are too kind, Monsignor, to recall this. – Вы слишком добры, монсеньор, вспоминая об этом. True, I fought not without success... Правда, я сражался не без успеха...

“I am not speaking of your military exploits,” said Mazarin, “for although they have brought you glory, they have been surpassed by others.” – Я говорю не о ваших военных подвигах, – сказал Мазарини, – потому что, хотя они и доставили вам славу, они превзойдены другими.

D'Artagnan feigned astonishment. Д’Артаньян прикинулся изумленным.

“Why don’t you answer?” – Что же вы не отвечаете? ... – said Mazarin. – сказал Мазарини.

“I am waiting, Monsignor, for you to deign to explain to me what exploits you wish to speak of.” – Я ожидаю, монсеньор, когда вы соблаговолите объяснить мне, о каких подвигах вам угодно говорить.

– I’m talking about one adventure... Yes, you know perfectly well what I want to say. – Я говорю об одном приключении... Да вы отлично знаете, что я хочу сказать.

“Alas, no, Monseigneur!” – Увы, нет, монсеньор! – d’Artagnan answered in complete amazement. – ответил в совершенном изумлении д’Артаньян.

- You are modest, so much the better! – Вы скромны, тем

лучше! I am talking about the story with the queen, about the diamond pendants, about the journey you made with your three friends. Я говорю об истории с королевой, об алмазных подвесках, о путешествии, которое вы совершили с тремя вашими друзьями.

“So that’s it!” «Вот оно что! – thought the Gascon. – подумал гасконец. – “Is this a trap? – Уж не ловушка ли это? We must keep our ears open.” Надо держать ухо востро».

And he portrayed such bewilderment on his face that Mondori and Bellerose, the two best actors of that time, would have envied him. И он изобразил на своем лице такое недоумение, что ему позавидовали бы Мондори и Бельроз, два лучших актера того времени.

“Excellent!” – Отлично! said Mazarin, laughing. – сказал, смеясь, Мазарини. “Bravo!” – Bravo! “No wonder they told me that you are exactly the kind of person I need.” Недаром мне сказали, что вы именно такой человек, какой мне нужен. “Well, what would you do for me?” Ну, что бы вы сделали для меня?

“Everything, monseigneur, that you command me,” replied d’Artagnan. – Все, монсеньор, что вы мне прикажете, – ответил д’Артаньян.

– Would you do for me what you once did for a certain queen? – Сделали бы вы для меня то, что когда-то сделали для некоей королевы?

“Positively,” flashed through d’Artagnan’s mind, “he wants to

force me to spill the beans. «Положительно, – мелькнуло в голове д'Артаньяна, – он хочет заставить меня проговориться. But we'll fight. Но мы поборемся. He's not more cunning than Richelieu, damn it! Не хитрее же он Ришелье, черт побери!» »

– For the queen, monsignor? – Для королевы, монсеньор? I don't understand. Я не понимаю.

– Don't you understand that I need you and your three friends? – Вы не понимаете, что мне нужны вы и ваши три друга?

– What three friends, Monsignor? – Какие три друга, монсеньор?

– Those that you had in the past. – Те, что были у вас в прежнее время.

“In the old days, Monseigneur,” replied d'Artagnan, “I had not three, but fifty friends.” – В прежнее время, монсеньор, – ответил д'Артаньян, – у меня было не трое, а полсотни друзей. At twenty, you consider everyone your friend. В двадцать лет всех считаешь друзьями.

“Very well, very well, sir officer,” said Mazarin. – Хорошо, хорошо, господин офицер, – сказал Мазарини. “Secrecy is a wonderful thing.” – Скрытность – прекрасная вещь. But I hope you don't regret your excessive secrecy today. Но как бы вам сегодня не пожалеть об излишней скрытности.

“Pythagoras forced his disciples to remain silent for five years, Monsignor, to teach them to remain silent when necessary.” – Пифагор заставлял своих учеников пять лет хранить безмолвие, монсеньор, чтобы научить их молчать, когда это нужно.

- And you kept it for twenty years. – А вы хранили его двадцать лет. Fifteen years more than was required of a Pythagorean philosopher, and that seems to me quite sufficient. На пятнадцать лет больше, чем требовалось от философа-пифагорейца, и это кажется мне вполне достаточным. Today you can say - the queen herself releases you from your oath. Сегодня вы можете говорить – сама королева освобождает вас от вашей клятвы.

“The Queen?” – Королева? asked d’Artagnan with surprise, which this time was not feigned. – спросил д’Артаньян с удивлением, которое на этот раз было непритворным.

- Yes, Queen! – Да, королева! And the proof that I speak in her name is her command to show you this diamond, which she thinks you know and which she bought from Monsieur Dessessart. И доказательством того, что я говорю от ее имени, служит ее повеление показать вам этот алмаз, который, как ей кажется, вам известен и который она выкупила у господина Дезэссара.

And Mazarin extended his hand to the lieutenant, who sighed, recognizing the ring the queen had given him at the ball in the town hall. И Мазарини протянул руку к лейтенанту, который вздохнул, узнав кольцо, подаренное ему королевой на балу в городской ратуше.

“It’s true!” – Правда! said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян. “I recognize this diamond that belonged to the queen.” – Я узнаю этот алмаз, принадлежавший королеве.

“You see that I am speaking to you on her behalf. – Вы видите, что я говорю с вами от ее имени. Answer me, don’t play a comedy. Отвечайте же мне, не разыгрывайте комедии. I have already told you and I repeat again: this is a matter of your fate. Я вам уже сказал и снова повторяю: дело идет о вашей судьбе.

- Indeed, Monsignor, it is absolutely necessary for me to take care of my fate. – Действительно, монсеньор, мне совершенно необходимо позаботиться о своей судьбе. You, Your Eminence, have not remembered me for so long! Вы, ваше преосвященство, так давно не вспоминали обо мне!

- A week is enough to make up for lost time. – Довольно недели, чтобы наверстать потерянное. So, you are here yourself, but where are your friends? Итак, вы сами здесь, ну а где ваши друзья?

- I don’t know, monsignor. – Не знаю, монсеньор.

- How, you don’t know? – Как, не знаете?

“I don’t know; we separated a long time ago, since all three of them left military service. – Не знаю; мы давно расстались, так как они все трое покинули военную службу.

- But where will you find them? – Но где вы их найдете?

- Wherever they end up. – Там, где они окажутся. That's my business. Это уж мое дело.

- Okay. – Хорошо. Your conditions? Ваши условия?

- Money, Monseigneur, as much money as is needed for our undertakings. – Денег, монсеньор, денег столько, сколько потребуется на наши предприятия. I remember only too well

what obstacles sometimes arose before us due to lack of money, and if it were not for this diamond, which I was forced to sell, we would have been stuck on the road. Я слишком хорошо помню, какие препятствия возникали иной раз перед нами из-за отсутствия денег, и не будь этого алмаза, который я был вынужден продать, мы застряли бы в пути.

- Damn it! – Черт возьми! Money! Денег! And a lot of it, too! Да к тому же еще много! - said Mazarin. – сказал Мазарини. - That's what you wanted, sir officer. – Вот чего вы захотели, господин офицер. Do you know that there is no money in the royal treasury? Знаете ли вы, что в королевской казне нет денег?

– Then do as I do, Monseigneur: sell the royal diamonds; but, believe me, there is no point in bargaining: great things are not done well with small means. – Тогда сделайте, как я, монсеньор: продайте королевские алмазы; но, верьте мне, не стоит торговаться: большие дела плохо делаются с малыми средствами.

“Very well,” said Mazarin, “we will try to satisfy you.” – Хорошо, – сказал Мазарини, – мы постараемся удовлетворить вас.

“Richelieu,” thought d’Artagnan, “would have already given me five hundred pistoles as a deposit.” «Ришелье, – подумал д’Артаньян, – уже дал бы мне пятьсот пистолей задатку».

- So, will you serve me? – Итак, вы будете мне служить?

- Yes, if my friends agree. – Да, если мои друзья на то со-

гласятся.

- But if they refuse, can I count on you? – Но в случае их отказа я могу рассчитывать на вас?

“I have never done anything worthwhile alone,” said d’Artagnan, shaking his head. – В одиночку я еще никогда ничего не делал путного, – сказал д’Артаньян, тряхнув головой.

- Then find them. – Так разыщите их.

- What should I tell them to incline them to serve your Excellency? – Что мне сказать им, чтоб склонить их к службе вашему преосвященству?

- You know them better than I do. – Вы их знаете лучше, чем я. Promise each one according to his character. Обещайте каждому в зависимости от его характера.

- What should I promise? – Что мне пообещать?

“If they serve me as they served the queen, then my gratitude will be dazzling.” – Если они послужат мне так, как служили королеве, то моя благодарность будет ослепительна.

- What are we going to do? – Что мы будем делать?

- Everything, because you seem to be capable of everything. – Все, потому что вы, по-видимому, способны на все.

- Monsignor, if we trust people and want them to trust us, we must inform them better than your Eminence does... – Монсеньор, доверяя людям и желая, чтобы они доверяли нам, надо осведомлять их лучше, чем это делает ваше преосвященство...

“When the time comes to act,” Mazarin interrupted him, “rest

assured, you will know everything.” – Когда наступит время действовать, – прервал его Мазарини, – будьте покойны, вы все узнаете.

- And until then? – А до тех пор?

– Wait and look for your friends. – Ждите и ищите ваших друзей.

- Monseigneur, they may not be in Paris, it is even quite likely. – Монсеньор, их, может быть, нет в Париже, это даже весьма вероятно. I will have to travel. Мне придется путешествовать. After all, I am only a poor lieutenant, a musketeer, and travel is expensive. Я ведь только бедный лейтенант, мушкетер, а путешествия стоят дорого.

“It is not my intention,” said Mazarin, “for you to appear with great pomp; my plans require secrecy and would suffer from too many people around you.” – В мои намерения не входит, – сказал Мазарини, – чтобы вы появлялись с большой пышностью, мои планы нуждаются в тайне и пострадают от слишком большого числа окружающих вас людей.

“And yet, Monseigneur, I cannot travel on my salary, since I am in debt for three whole months; and I cannot travel on my savings, because in twenty-two years of service I have accumulated only debts. – И все же, монсеньор, я не могу путешествовать на свое жалованье, так как мне задолжали за целых три месяца; а на свои сбережения я путешествовать не могу, потому что за двадцать два года службы я копил только долги.

Mazarin thought for a moment, as if a violent struggle were going on within him; then, going to a triple-locked cabinet, he took out a bag and weighed it in his hand two or three times before handing it to d'Artagnan. Мазарини задумался на минуту, словно в нем происходила сильная борьба; потом, подойдя к шкафу с тройным замком, он вынул оттуда мешок и взвесил его на руке два-три раза, прежде чем передать д'Артаньяну.

"Take it," he said with a sigh, "it's for the journey." – Возьмите, – сказал он со вздохом, – это на путешествие.

"If there are Spanish doubloons here, or at least gold ecus," thought d'Artagnan, "then we can still do business with you." «Если тут испанские дублоны или хотя бы золотые экю, – подумал д'Артаньян, – то с тобой еще можно иметь дело».

He bowed to the cardinal and dropped the bag into his spacious pocket. Он поклонился кардиналу и опустил мешок в свой просторный карман.

"So, it's decided," the cardinal continued, "you are going..." – Итак, решено, – продолжал кардинал, – вы едете...

- Yes, monsignor. – Да, монсеньор.

– Write to me every day so that I know how your negotiations are going. – Пишите мне каждый день, чтобы я знал, как идут ваши переговоры.

- Of course, monsignor. – Непременно, монсеньор.

- Excellent. – Отлично. By the way, what are your friends' names? Кстати, как зовут ваших друзей?

“What are the names of my friends?” – Как зовут моих друзей? repeated d’Artagnan, not daring to trust the cardinal completely. – повторил д’Артаньян, не решаясь довериться кардиналу вполне.

- Yes. – Да. While you are looking, I will make some inquiries on my side and maybe find out something. Пока вы ищете, я наведу справки со своей стороны и, может быть, кое-что узнаю.

– Count de la Fère, otherwise Athos; Monsieur du Vallon, or Porthos, and the Chevalier d’Herblay, now Abbe d’Herblay, otherwise Aramis. – Граф де Ла Фер, иначе Атос; господин дю Валлон, или Портос, и шевалье д’Эрбле, теперь аббат д’Эрбле, иначе Арамис.

The Cardinal smiled. Кардинал улыбнулся.

“The younger sons of ancient families,” he said, “who joined the musketeers under assumed names so as not to compromise their families!” – Младшие сыновья древних родов, – сказал он, – поступившие в мушкетеры под вымышленными именами, чтобы не компрометировать своих семей! A long sword and an empty purse – we are familiar with this. Длинная шпага и пустой кошелёк – нам это знакомо.

“If, God willing, these swords serve you, Monseigneur,” replied d’Artagnan, “then I dare to wish that your Eminence’s purse would become lighter and theirs would become heavier, because with these three men and me to boot, your Eminence will turn all of France and even all of Europe upside down, if you so desire.” – Если, бог даст, эти шпаги послужат вам, монсе-

ньор, – отвечал д’Артаньян, – то осмелюсь пожелать, чтобы кошелек вашего преосвященства стал полегче, а их бы потяжелел, потому что с этими тремя людьми и со мной в придачу вы, ваше преосвященство, перевернете вверх дном всю Францию и даже всю Европу, если вам будет угодно.

“The Gascons can compete with the Italians in boasting,” said Mazarin, laughing. – В хвастовстве гасконцы могут потягаться с итальянцами, – сказал, смеясь, Мазарини.

“In any case,” said d’Artagnan, smiling just like the cardinal, “they will surpass them in sword-fighting.” – Во всяком случае, – сказал д’Артаньян, улыбаясь так же, как кардинал, – они превзойдут их в бою на шпагах.

And he left, having received leave, which was immediately given to him and signed by Mazarin himself. И он вышел, получив отпуск, который тут же был ему дан и подписан самим Мазарини.

As soon as he found himself in the yard, he went up to the lantern and quickly looked into the bag. Едва очутившись во дворе, он подошел к фонарю и поспешно заглянул в мешок.

“Silver!” – Серебро! he said contemptuously. – презрительно проговорил он. “That’s what I thought!” – Так я и думал! Ah, Mazarin, Mazarin, you don’t trust me – so much the worse for you, it will bring you misfortune. Ах, Мазарини, Мазарини, ты мне не доверяешь – тем хуже для тебя, это принесет тебе несчастье.

Meanwhile, the cardinal rubbed his hands with pleasure.

Между тем кардинал потирал себе руки от удовольствия.

“A hundred pistoles,” he muttered, “a hundred pistoles!” – Сто пистолей, – пробормотал он, – сто пистолей! “A hundred pistoles, and I possess a secret for which Richelieu would have paid twenty thousand crowns!” Сто пистолей – и я владею тайной, за которую Ришелье заплатил бы двадцать тысяч экию! “Not counting this diamond,” he added, casting loving glances at the ring which he had kept instead of giving to d’Artagnan, “not counting this diamond, which is worth at least ten thousand livres.” Не считая этого алмаза, – прибавил он, бросая любовные взгляды на перстень, который оставил у себя, вместо того чтобы отдать д’Артаньяну, – не считая этого алмаза, который стоит самое меньшее десять тысяч ливров.

And the cardinal went to his room, extremely pleased with the evening, which had brought him such a splendid profit; he placed the ring in a casket filled with diamonds of all sorts, for the cardinal had a weakness for precious stones, and called Bernouin to undress him, no longer thinking of the cries in the street, nor of the gunshots that still thundered in Paris, although it was already nearly midnight. И кардинал прошел в свою комнату, чрезвычайно довольный вечером, который принес ему такой отличный барыш; уложил перстень в ларец, наполненный брильянтами всех сортов, потому что кардинал имел слабость к драгоценным камням, и позвал Бернуина, чтобы тот раздел его, не думая больше ни о криках на улице, ни о ружейных выстрелах, все еще гремевших в Париже, хотя было уже око-

ло полуночи.

At this time, d'Artagnan was walking to Ticton Street, where he lived at the Goat Hotel. Д'Артаньян в это время шел на Тиктонскую улицу, где он жил в гостинице «Козочка».

Let us say in a few words why d'Artagnan chose this dwelling. Скажем в нескольких словах, почему д'Артаньян остановил свой выбор на этом жилище.

Chapter VI Глава VI

D'Artagnan at forty Д'Артаньян в сорок лет

Alas, since we parted with d'Artagnan at 12 Gravediggers Street in our novel The Three Musketeers, many events have happened, and most importantly, many years have passed. Увы, с тех пор, как мы в нашем романе «Три мушкетера» расстались с д'Артаньяном на улице Могильщиков, № 12, произошло много событий, а главное – прошло много лет.

It is not that d'Artagnan did not know how to take advantage of circumstances, but the circumstances themselves were not in d'Artagnan's favor. Не то чтобы д'Артаньян не умел пользоваться обстоятельствами, но сами обстоятельства сложились не в пользу д'Артаньяна. At the time when he lived alone with his friends, he was young and dreamy. В пору, когда он жил одной жизнью со своими друзьями, он был молод и мечтателен. He was one of those subtle, impressionable natures that easily assimilate the qualities of others. Это была одна из тех тонких, впечатлительных натур, которые легко усваивают себе каче-

ства других людей. Athos infected him with his proud dignity, Porthos with his ardor, Aramis with his elegance. Атос заразил его своим гордым достоинством, Портос – пылкостью, Арамис – изяществом. If d'Artagnan had continued to live with these three people, he would have become an outstanding person. Если бы д'Артаньян продолжал жить с этими тремя людьми, он сделался бы выдающимся человеком. But Athos was the first to leave him, retiring to his small estate near Blois, which he had inherited; Porthos was the second to leave, having married his prosecutor's wife; The last to leave was Aramis, to be ordained and become an abbot. Но Атос первый его покинул, удалившись в свое маленькое поместье близ Блуа, доставшееся ему в наследство; вторым ушел Портос, женившийся на своей прокурорше; последним ушел Арамис, чтобы принять рукоположение и сделаться аббатом. And d'Artagnan, who had always imagined his future as inseparable from that of his three friends, found himself alone and weak; he did not have the resolve to follow further the path on which, according to his own feeling, he could achieve something only on the condition that each of his friends gave him, so to speak, a little of the electric current with which heaven had bestowed upon them. И д'Артаньян, всегда представлявший себе свое будущее нераздельным с будущностью своих трех приятелей, оказался одинок и слаб; он не имел решимости следовать дальше путем, на котором, по собственному ощущению, он мог достичь чего-либо только при условии, чтобы каждый из его друзей уступал

ему, если можно так выразиться, немного электрического тока, которым одарило их небо.

After his promotion to lieutenant, d'Artagnan's loneliness only deepened. После производства в лейтенанты одиночество д'Артаньяна только углубилось. He was not such an aristocrat as Athos that the doors of noble houses could be opened to him; he was not so vain as Porthos to convince others that he frequented high society; was not so refined as Aramis to remain in his natural grace and draw it from within himself. Он не был таким аристократом, как Атос, чтобы пред ним могли открыться двери знатных домов; он не был так тщеславен, как Портос, чтоб уверять других, будто посещает высшее общество; не был столь утончен, как Арамис, чтобы пребывать в своем природном изяществе и черпать его в себе самом. For a time, the captivating memory of Madame Bonacieux brought a certain poetry into the soul of the young man, but, like everything in the world, this perishable memory was gradually erased: garrison life has a fatal influence even on select natures. Одно время пленительное воспоминание о г-же Бонасье вносило в душу молодого человека некоторую поэзию, но, как и все на свете, это тленное воспоминание мало-помалу изгладилось: гарнизонная жизнь роковым образом влияет даже на избранные натуры. Of the two opposite elements that make up d'Artagnan's personality, the material principle gradually prevailed, and little by little, imperceptibly to himself, d'Artagnan, who had seen nothing but barracks and

camps, never dismounted from his horse, became (I don't know what it was called at that time) what in our time is called "a real soldier." Из двух противоположных элементов, образующих личность д'Артаньяна, материальное начало мало-помалу возобладало, и потихоньку, незаметно для себя, д'Артаньян, не видевший ничего, кроме казарм и лагерей, не сходявший с коня, стал (не знаю, как это называлось в ту пору) тем, что в наше время называется «настоящим служакой».

He did not lose his natural keenness of mind. Он не потерял природной остроты ума. On the contrary, this keenness of mind may even have increased; at least, the rough shell made it even more noticeable. Напротив, эта острота ума, может быть, даже увеличилась; по крайней мере, грубоватая оболочка сделала ее еще заметнее. But he directed his mind not to the great, but to the smallest things in life, to material well-being, well-being in the soldier's manner; in other words, he wanted to have only a good home, a good table and a good housewife. Но он направил свой ум не на великое, а на самое малое в жизни, на материальное благосостояние, благосостояние на солдатский манер; иначе говоря, он хотел иметь лишь хорошее жилье, хороший стол и хорошую хозяйку.

And d'Artagnan found all this six years ago on Ticton Street, in an inn under the sign: "The Goat." И все это д'Артаньян нашел уже шесть лет назад на Тиктонской улице, в гостинице под вывеской: «Козочка».

From the very first days of his stay at this hotel, its owner,

a beautiful, fresh Flemish woman of about twenty-five or six, fell madly in love with him. С первых же дней его пребывания в этой гостинице хозяйка ее, красивая, свежая фламандка, лет двадцати пяти или шести, влюбилась в него не на шутку. The light romance was greatly hampered by the intractable husband, whom d'Artagnan threatened to run through with a sword ten times. Легкому роману сильно мешал непокладистый муж, которого д'Артаньян раз десять грозился проткнуть насквозь шпагой. One fine morning this husband disappeared, quietly selling several barrels of wine and taking money and jewelry with him. В одно прекрасное утро этот муж исчез, продав потихоньку несколько бочек вина и захватив с собой деньги и драгоценности. Everyone thought that he was dead; In particular, his wife, who was very pleased with the idea of being considered a widow, insisted that he had left this world. Все думали, что он умер; в особенности настаивала на том, что он ушел из этого мира, его жена, которой очень улыбалась мысль считаться вдовой. Finally, after three years of a relationship that d'Artagnan had no intention of breaking, finding every year more and more pleasure in his home and his landlady, especially since the latter provided him with the former on credit, this landlady suddenly had a monstrous claim to become his wife and proposed that d'Artagnan marry her. Наконец, после трех лет связи, которую д'Артаньян не собирался порывать, находя с каждым годом все больше приятности в своем жилье и хозяйке, тем более что последняя предостав-

ляла ему первое в долг, хозяйка эта возымела вдруг чудовищную претензию сделаться его женою и предложила д'Артаньяну на ней жениться.

- Oh no! – Ну уж нет! - answered d'Artagnan. – ответил д'Артаньян. - Bigamists, my dear? – Двоемужие, милая? No! Нет! No! Нет! It's impossible. Это невозможно.

- But he died, I'm sure. – Но он умер, я уверена.

“He was a very stubborn fellow and will come back to send us to the gallows. – Он был очень неподатливый малый и вернется, чтобы отправить нас на виселицу.

- Well, if he comes back, you will kill him; you are so brave and clever. – Ну что ж, если он вернется, вы его убьете; вы такой храбрый и ловкий.

- Oh, my dear! – Ого, голубушка! This is just another way to end up on the gallows! Это просто другой способ попасть на виселицу!

- So, you reject my request? – Значит, вы отвергаете мою просьбу?

- Of course! – Еще бы!

The beautiful innkeeper was in despair. Прекрасная трактирщица была в отчаянии. She would like to acknowledge d'Artagnan not only as her husband, but also as a god: he was such a handsome man and such a dashing warrior! Она хотела бы признать д'Артаньяна не только мужем, но и богом: он был такой красивый мужчина и такой лихой вояка!

In the fourth year of this union, a campaign in Franche-Comté

took place. На четвертом году этого союза случился поход во Франш-Конте. D'Artagnan was also appointed and began to prepare for the journey. Д'Артаньян был назначен тоже и стал готовиться в путь. Then began great suffering, inconsolable tears, solemn oaths of fidelity; all this, of course, on the part of the hostess. Тут начались великие страдания, неутешные слезы, торжественные клятвы в верности; все это, разумеется, со стороны хозяйки. D'Artagnan was too magnanimous to promise nothing, and therefore he promised to do everything possible to increase the glory of his name. Д'Артаньян был слишком великодушен, чтобы не пообещать ничего, и потому он обещал сделать все возможное для умножения славы своего имени.

As for d'Artagnan's bravery, we already know about it. Что до храбрости д'Артаньяна, то она нам уже известна. He paid for it: while advancing at the head of his company, he was wounded through the chest by a bullet and was left lying on the battlefield. Он за нее и поплатился: наступая во главе своей роты, он был ранен в грудь навылет пулей и остался лежать на поле сражения. They saw him fall from his horse, but they did not see him rise, and they thought him dead; and those who hoped to take his place, just in case, assured that he was really killed. Видели, как он падал с лошади, но не видели, чтобы он поднялся, и сочли его убитым; а те, кто надеялся занять его место, на всякий случай уверяли, что он убит в самом деле. It is easy to believe what you want to believe, because in the army, from

the divisional generals who wish the death of the commander-in-chief to the soldiers waiting for the death of the corporal, everyone wishes for someone's death. Легко верится тому, во что хочешь верить, ведь в армии, начиная с дивизионных генералов, желающих смерти главнокомандующему, и кончая солдатами, ждущими смерти капрала, всякий желает чьей-нибудь смерти.

But d'Artagnan was not the kind of man to let himself be killed so easily. Но д'Артаньян был не такой человек, чтобы дать себя убить так просто. Having lain unconscious on the battlefield all day, he came to his senses from the cool of the night, somehow made his way to the village, knocked on the door of the best house and was received, as the French are always and everywhere received, even the wounded: he was surrounded with tender care and cured. Пролежав жаркое время дня без памяти на поле сражения, он пришел в себя от ночной прохлады, добрался кое-как до деревни, постучался в двери лучшего дома и был принят, как всегда и всюду принимают французов, даже раненых: его окружили нежной заботливостью и вылечили. Healthier than before, he set out one fine morning on his journey to France, and then to Paris, and as soon as he got to Paris, to the Rue Tiquetonne. Здоровее, чем раньше, он отправился в одно прекрасное утро в путь, во Францию, а потом в Париж, а как только попал в Париж, – на Тиктонскую улицу.

But in his room d'Artagnan found a travel bag with men's things and a sword leaning against the wall. Но в своей комнате

д'Артаньян нашел дорожный мешок с мужскими вещами и шпагу, прислоненную к стене.

“He’s back!” «Он возвратился! thought d’Artagnan. – подумал д’Артаньян. “So much the worse and so much the better.” – Тем хуже и тем лучше».

It goes without saying that d'Artagnan was referring to her husband. Само собой разумеется, что д'Артаньян имел в виду мужа.

He made inquiries: there was a new footman, a new maid; the mistress had gone out for a walk. Он навел справки: лакей новый, новая служанка; хозяйка ушла гулять.

– Alone? – Одна? – asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

- With the master. – С барином.

- So the master has returned? – Так барин вернулся?

“Of course,” the maid answered simply. – Конечно, – простодушно ответила служанка.

“If I had money,” said d’Artagnan to himself, “I would leave; but I have none; I must stay and, following my mistress’s advice, ruin the marriage plans of this restless inhabitant of the afterlife.” «Будь у меня деньги, – сказал себе д’Артаньян, – я бы ушел; но у меня их нет, нужно остаться и, последовав совету моей хозяйки, разрушить брачные планы этого неугомонного загробного жителя».

He had hardly finished his monologue (which proves that in important situations in life a monologue is the most natural

thing), when the maid waiting at the door cried out: Едва он кончил свой монолог (который доказывает, что в важных случаях жизни монолог – вещь самая естественная), как поджидавшая у дверей служанка закричала:

- And here comes the lady and the gentleman! – А вот и барыня возвращается с барином!

D'Artagnan also looked out and saw in the distance, at the corner of Montmartre Street, the hostess, who was walking, leaning on the arm of a huge Swiss man, who walked with a swaggering gait and pleasantly reminded Porthos of his old friend. Д'Артаньян выглянул тоже и увидел вдали, на углу Монмартрской улицы, хозяйку, которая шла, опираясь на руку огромного швейцарца, шагавшего развалистой походкой и приятно напомнившего Портоса его старому другу.

“Is this the master?” «Это и есть барин? – d'Artagnan said to himself. – сказал про себя д'Артаньян. – “He seems to have grown a lot.” – Он, по-моему, очень вырос».

And d'Artagnan sat down in the most prominent place in the hall. И д'Артаньян уселся в зале на самом видном месте. The hostess, entering, immediately noticed him and screamed. Хозяйка, войдя, сразу заметила его и вскрикнула.

From her voice, d'Artagnan concluded that he was welcome, rose, rushed to her and kissed her tenderly. По ее голосу д'Артаньян заключил, что ему рады, поднялся, бросился к ней и нежно поцеловал.

The Swiss looked at the pale-as-a-sheet hostess with

bewilderment. Швейцарец с недоумением смотрел на бледную как полотно хозяйку.

- Ah! – Ah! It's you, sir! Это вы, сударь! What do you want? Что вам угодно? – she asked in great excitement. – спросила она в величайшем волнении.

“Is this gentleman your brother?” – Этот господин ваш родной брат? “Or your cousin?” Или двоюродный? asked d'Artagnan, playing his role without the slightest embarrassment. – спросил д'Артаньян, разыгрывая свою роль без малейшего смущения.

Without waiting for an answer, he rushed to embrace the Swiss, who reacted very coldly to his embrace. Не дожидаясь ответа, он кинулся обнимать швейцарца, который отнесся к его объятиям очень холодно.

“Who is this man?” – Кто этот человек? he asked. – спросил он.

The hostess only sobbed in response. Хозяйка в ответ только всхлипывала.

“Who is this Swiss?” – Кто этот швейцарец? asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

“This gentleman wants to marry me,” the hostess barely managed to say between two sighs. – Этот господин хочет на мне жениться, – едва выговорила хозяйка в промежутке между двумя вздохами.

- So your husband finally died? – Так ваш муж наконец умер?

“And what kind of body is this?” – А фам какое тело? – the Swiss intervened. – вмешался швейцарец.

“I don’t care about your body,” replied d’Artagnan, mimicking him, “because you cannot marry without my consent, and I...” – Мне до этого польшое тело, – ответил д’Артаньян, передразнивая его, – потому что вы не можете жениться без моего согласия, а я...

- And what about you? – А фы? - asked the Swiss. – спросил швейцарец.

“But I will not give this consent,” said the musketeer. – А я этого согласия не дам, – сказал мушкетер.

The Swiss blushed like a peony; he wore a beautiful uniform with gold embroidery, and d’Artagnan was wrapped in some kind of gray cloak; the Swiss was six feet tall, and d’Artagnan was no more than five. Швейцарец покраснел, как пион; на нем был красивый мундир с золотым шитьем, а д’Артаньян был закутан в какой-то серый плащ; швейцарец был шести футов роста, а д’Артаньян не больше пяти. The Swiss felt at home, and d’Artagnan seemed to him an uninvited guest. Швейцарец чувствовал себя дома, и д’Артаньян казался ему незванным гостем.

“Will you get out of here?” – Убередесь ли фы одсюда? shouted the Swiss, stamping his foot hard, like a man who is beginning to get seriously angry. – крикнул швейцарец, сильно топнув ногой, как человек, который начинает сердиться всерьез.

- Me? – Я? No way! Как бы не так! - answered d'Artagnan.
– ответил д'Артаньян.

“Shouldn't I call someone?” – Не позвать ли кого-нибудь? said the servant, who could not understand how such a small man could dispute the place of such a big one. – сказал слуга, который не мог понять, как это такой маленький человек оспаривает место у такого большого.

“Hey you!” – Эй ты! – shouted d'Artagnan, becoming furious and grabbing the guy by the ear. – крикнул д'Артаньян, приходя в ярость и хватая парня за ухо. – “Stay where you are and don't move, or I'll tear your ears off.” – Стой на месте и не шевелись, не то я тебе уши оборву. And as for you, illustrious descendant of William Tell, you will immediately tie up your things that are in my room and quickly go look for an apartment in another hotel. А что до вас, блистательный потомок Вильгельма Телля, то вы сейчас же увяжете в узелок ваши вещи, которые мешают мне в моей комнате, и живо отправитесь искать себе квартиру в другой гостинице.

The Swiss laughed loudly. Швейцарец громко расхохотался.

“Should I go?” – Мне уходить? – he said. – сказал он. – “Why is that?” – Это бочему?

- Ah, excellent! – А, отлично! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - I see you understand French. – Я вижу, вы понимаете по-французски. Then come for a walk with me. Тогда пойдемте погулять со мной. I will explain the rest to you. Я

вам растолкую остальное.

The hostess, who knew that d'Artagnan was a master of his craft, began to cry and tear her hair. Хозяйка, зная, что д'Артаньян мастер своего дела, начала плакать и рвать на себе волосы. D'Artagnan turned to the tearful beauty. Д'Артаньян обернулся к заплаканной красотке.

“Then drive him away yourself, madam,” he said. – Тогда прогоните его сами, сударыня, – сказал он.

- Pa! – Па! - answered the Swiss, who did not immediately understand the proposal that d'Artagnan made to him. – ответил швейцарец, который не сразу уразумел предложение, которое ему сделал д'Артаньян. - Pa! – Па! And who are you to suggest that I go for a walk with the ladies? А фы кто такой, чтоб бредлагать мне идти гулять с фами?

“I am a lieutenant of His Majesty's musketeers,” said d'Artagnan, “and therefore I am your superior.” – Я лейтенант мушкетеров его величества, – сказал д'Артаньян, – и значит, я – ваше начальство. But since it is not a matter of rank here, but of the right to quarters, then you know the custom: we go for orders; whoever returns first will get the quarters. Но так как дело тут не в чинах, а в праве на постой, то обычай вам известен: едем за приказом; кто первый вернется, за тем и будет квартира.

D'Artagnan led the Swiss away, ignoring the cries of his hostess, whose heart, in essence, was inclined towards her former lover; but she would not have been averse to teaching a lesson

to this proud musketeer, who had insulted her by refusing to marry him. Д'Артаньян увел швейцарца, не слушая воплей хозяйки, сердце которой, в сущности, склонялось к прежнему любовнику; но она была бы не прочь проучить этого гордеца-мушкетера, оскорбившего ее отказом жениться.

The opponents headed straight for the Montmartre ditch. Противники направились прямо к Монмартрскому рву. When they arrived, it was already dark. Когда они пришли, уже стемнело. D'Artagnan politely asked the Swiss to give him the room and not to return; he shook his head and drew his sword. Д'Артаньян вежливо попросил швейцарца уступить ему жилье и больше не возвращаться; тот отрицательно мотнул головой и обнажил шпагу.

“Then you will spend the night here,” said d'Artagnan. – В таком случае вы будете ночевать здесь, – сказал д'Артаньян. “This is a bad place to stay, but it is not my fault, you chose it yourself.” – Это скверный ночлег, но я не виноват, вы его сами выбрали.

At these words he also drew his sword and crossed it with his opponent's sword. При этих словах он тоже обнажил шпагу и скрестил ее со шпагой противника.

He had to deal with a strong hand, but his dexterity overcame any strength. Ему пришлось иметь дело с крепкой рукой, но его ловкость одолевала любую силу. The Swiss's sword was unable to ward off the musketeer's swords. Шпага швейцарца не сумела отразить шпаги мушкетера. The Swiss was wounded

twice. Швейцарец был дважды ранен. Because of the cold, he did not immediately notice the wounds, but the loss of blood and the weakness it caused suddenly forced him to sit down on the ground. Из-за холода он не сразу заметил раны, но потеря крови и вызванная ею слабость внезапно принудили его сесть на землю.

– So! – Так! – said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. – What did I tell you? – Что я вам говорил? There you have it, stubborn head. Вот вам и досталось, упрямая голова. Be glad if you get off with two weeks. Радуйтесь еще, если отделаетесь двумя неделями. Stay here, I will send your things with a footman now. Оставайтесь тут, я сейчас пришлю с лакеем ваши вещи. Goodbye. До свидания. By the way, I advise you to stay on the rue Montorgueil, at the "Cat with a Ball of Yarn": they feed excellently there, if only the old mistress is still there. Кстати, советую поселиться на улице Монторгейль, в «Кошке с клубком»: там отлично кормят, если только там еще прежняя хозяйка. Goodbye. Прощайте.

Very pleased, he returned home and actually sent a servant to take his belongings to the Swiss, who was still sitting in the same place where d'Artagnan had left him, and could not recover from the insolence of his adversary. Очень довольный, он вернулся домой и в самом деле послал слугу отнести пожитки швейцарцу, который все сидел на том же месте, где оставил его д'Артаньян, и не мог прийти в себя от нахальства противника.

The servant, the mistress, and the whole house were filled with such reverence for d'Artagnan as they would have shown only Hercules if he had come back to earth to perform his twelve labors. Слуга, хозяйка и весь дом преисполнились к д'Артаньяну таким благоговением, с каким отнеслись бы разве только к Геркулесу, если бы он снова явился на землю для свершения своих двенадцати подвигов.

But, left alone with the hostess, d'Artagnan said to her: Но, оставшись наедине с хозяйкой, д'Артаньян сказал ей:

— Now, beautiful Madeleine, you know the difference between a Swiss and a nobleman. — Теперь, прекрасная Мадлен, вам известно, чем отличается швейцарец от дворянина. You yourself behaved like an innkeeper. Вы-то сами вели себя как трактирщица. So much the worse for you, since because of your behavior you lose my respect and your guest. Тем хуже для вас, так как из-за вашего поведения вы теряете мое уважение и своего постояльца. I threw out the Swiss to teach you a lesson, but I will not live here, I do not lodge with those whom I despise. Я выгнал швейцарца, чтобы проучить вас, но жить я здесь не стану, я не квартирую у тех, кого презираю. Hey, boy, take the chest to the "Barrel of Cupid" on the Rue Bourdonnais. Эй, малый, отнесимой сундук в «Бочку Амура» на улицу Бурдонне. Goodbye, madam. До свидания, сударыня.

In uttering these words, d'Artagnan was probably both majestic and touching. Произнося эти слова, д'Артаньян был, вероятно, и величествен и трогателен. The hostess threw

herself at his feet, begged forgiveness, and with her tenderness compelled him to linger. Хозяйка бросилась к его ногам, просила прощения и своей нежностью принудила его задержаться. What more can be said? Что сказать еще? The spit turned, the fire crackled, the beautiful Madeleine sobbed; d'Artagnan immediately felt the combined effect of hunger, cold, and love; he forgave, and having forgiven, he remained. Вертел крутился, огонь трещал, прекрасная Мадлен рыдала; д'Артаньян сразу почувствовал соединенное действие голода, холода и любви; он простил, а простив – остался.

That is why d'Artagnan lived on Tiction Street at the Goat Inn. Вот почему д'Артаньян жил на Тиктонской улице в гостинице «Козочка».

Chapter VII Глава VII

D'Artagnan is in a difficult situation, but one of our old acquaintances comes to his aid Д'Артаньян в затруднительном положении, но один из наших старых знакомых приходит ему на помощь

So, d'Artagnan walked home in thought, happily carrying away Cardinal Mazarin's purse and dreaming of the beautiful diamond that had once belonged to him and now sparkled for a moment on the finger of the first minister. Итак, д'Артаньян в раздумье шел к себе домой, с удовольствием унося кошелек кардинала Мазарини и мечтая о прекрасном алмазе, который некогда принадлежал ему и теперь на мгновение сверк-

нул перед ним на пальце первого министра.

“If this diamond ever fell into my hands again,” he thought, “I would immediately convert it into money and buy a small estate near my father’s castle; this castle is a rather pleasant dwelling, but has no lands except a garden the size of the cemetery of the Massacred Innocents; then I would majestically wait until some rich heiress, seduced by my appearance, proposed marriage to me; then I would have three little boys: I would make the first an important gentleman like Athos, the second a brave soldier like Porthos, and the third an elegant abbot like Aramis. «Если бы этот алмаз когда-нибудь снова попал мне в руки, – думал он, – я бы не сходя с места превратил его в деньги и купил маленькое поместье возле отцовского замка; замок этот довольно приятное обиталище, но не имеет при себе никаких угодий, кроме сада величиной с кладбище Избиенных Младенцев; затем я величественно дожидалсябы, пока какая-нибудь богатая наследница, соблазненная моей внешностью, предложит мне вступить с ней в брак; потом у меня появилось бы три мальчугана: из первого я сделал бы важного барина вроде Атоса, из второго – храброго солдата вроде Портоса, а из третьего – изящного аббата вроде Арамиса. Truly, this would be much better than the life I lead; but, unfortunately for me, Monsieur de Mazarin is a miserly miser and will not give up this diamond for my benefit.” Право, это было бы куда лучше той жизни, какую я веду; но, на беду мою, господин де Мазарини – жалкий скряга и не поступит-

ся этим алмазом в мою пользу».

What would d'Artagnan have said if he had known that the queen had given Mazarin the diamond to give to him! Что сказал бы д'Артаньян, если бы знал, что королева вручила Мазарини алмаз для передачи ему!

When he went out to Tiction Street, he found a great commotion there; a multitude of people had gathered near his house. Выйдя на Тиктонскую улицу, он застал там большое волнение; множество народу столпилось возле его дома.

“Oh,” he said, “is the Goat Inn on fire, or has the beautiful Madeleine’s husband really returned?” – Ого, – сказал он, – уж не горит ли гостиница «Козочка» или не вернулся ли и впрямь муж прекрасной Мадлен?

It turned out to be neither one nor the other; approaching closer, d'Artagnan saw that the crowd had gathered not in front of his house, but in front of the neighboring one. Оказалось, ни то ни другое; подойдя ближе, д'Артаньян увидел, что толпа собралась не перед его домом, а перед соседним. Shouts were heard, people were running with torches, and by the light of these torches d'Artagnan made out uniforms. Раздавались крики, люди бегали с факелами, и при свете этих факелов д'Артаньян разглядел мундиры.

He asked what happened. Он спросил, что случилось.

He was told that a citizen with a dozen friends had attacked a carriage traveling under the escort of the cardinal's guard, but reinforcements had arrived, and the citizens had fled. Ему отве-

тили, что какой-то горожанин с дюжиной друзей напал на карету, ехавшую под конвоем кардинальской гвардии, но явилось подкрепление, и горожане обратились в бегство. Their leader had hidden in a neighboring house, and that house was now being searched. Их предводитель скрылся в соседнем доме, и теперь этот дом обыскивают.

In his youth, d'Artagnan would certainly have rushed to where the soldiers were and would have helped them against the townspeople, but such ardor had long since cooled in him; besides, he had a hundred pistoles in his pocket, received from the cardinal, and he did not want to expose them to various accidents by interfering with the crowd. В молодости д'Артаньян непременно бросился бы туда, где были солдаты, и стал бы помогать им против горожан, но такой пыл давно уже остыл в нем; к тому же у него в кармане было сто пистолей, полученных от кардинала, и он не хотел подвергать их разным случайностям, вмешавшись в толпу.

He went to the inn without further questioning. Он пошел в гостиницу без дальнейших расспросов. D'Artagnan had always wanted to know everything; now he always thought he knew enough. Бывало, д'Артаньян всегда желал все знать; теперь он всякий раз считал, что знает уже достаточно.

He was met by the beautiful Madeleine. Его встретила красotka Мадлен. She did not expect him, since d'Artagnan told her that he would spend the night at the Louvre, and she caressed him for this unexpected appearance, which was all the more

opportune since she was very afraid of confusion in the street and now did not have a Swiss for protection. Она его не ожидала, так как д'Артаньян сказал ей, что проведет ночь в Лувре, и обласкала его за это непредвиденное появление, которое пришлось тем более кстати, что она очень боялась смятения на улице и теперь не располагала швейцарцем для охраны.

She wanted to start a conversation with d'Artagnan, to tell him everything that had happened; but he ordered dinner to be served in his room and a bottle of old Burgundy to be brought there. Она хотела завязать с д'Артаньяном разговор, рассказать обо всем случившемся; но он велел подать ужин к себе в комнату и принести туда бутылку старого бургундского.

The beautiful Madeleine had been trained by him in a military manner – in other words, she carried out everything at the first sign; and since d'Artagnan deigned to speak this time, his order was carried out twice as quickly as usual. Прекрасная Мадлен была у него вышколена по-военному – иначе говоря, исполняла все по первому знаку; а так как д'Артаньян на этот раз сообразовался говорить, то его приказание было выполнено вдвое скорее обычного.

D'Artagnan took the key and the candle and went up to his room; so as not to reduce his landlady's income, he contented himself with a small room on the top floor. Д'Артаньян взял ключ и свечу и поднялся в свою комнату; чтобы не сокращать доходов хозяйки, он удовлетворился комнаткой в верхнем этаже. The respect we have for the truth compels us to even

say that this room was located right under the roof and next to the gutter. Уважение, которое мы питаем к истине, вынуждает нас даже сказать, что эта комната помещалась под самой крышей и рядом с водосточным желобом.

D'Artagnan retired to this room, like Achilles to his tent, when he wanted to punish the beautiful Madeleine with his contempt. Д'Артаньян удалялся в эту комнату, как Ахиллес в свой шатер, когда хотел наказать прекрасную Мадлен своим презрением.

First of all, he hid his bag in an old cabinet with a new lock, the contents of which he did not intend to count to find out how much it amounted to; a minute later, dinner and a bottle of wine were served to him, he dismissed the servant, locked the door and sat down at the table. Прежде всего он спрятал в старый шкафчик с новым замком свой мешок, содержимое которого он не собирался пересчитывать, чтобы узнать, какую оно составляет сумму; через минуту ему подали ужин и бутылку вина, он отпустил слугу, запер дверь и сел за стол.

All this was not done by d'Artagnan in order to indulge in reflection, as the reader might suppose, but he simply believed that only by doing everything in turn could one do everything well. Все это было сделано д'Артаньяном вовсе не для того, чтобы предаться размышлениям, как мог бы предположить читатель, – просто он считал, что, только делая все по очереди, можно делать все хорошо. He was hungry - he had dinner; then he went to bed. Он был голоден – он поужинал; потом

лег спать.

D'Artagnan was not one of those people who believe that night is a good adviser: at night, d'Artagnan slept. Д'Артаньян не принадлежал к тем людям, которые полагают, что ночь – добрая советчица: ночью д'Артаньян спал. On the contrary, it was in the mornings that he was alert, quick-witted, and the best solutions came to him. Наоборот, именно по утрам он бывал бодр, сообразителен, и ему приходили в голову самые лучшие решения. He had not had a reason to think in the mornings for a long time, but he always slept at night. Размышлять по утрам он уже давно не имел повода, но спал ночью всегда.

At dawn he woke up, quickly, like a soldier, jumped out of bed and paced the room, thinking: "In the year forty-three, about six months before the death of the cardinal, I received a letter from Athos. На рассвете он проснулся, живо, по-военному, вскочил с постели и зашагал по комнате, соображая: «В сорок третьем году, за полгода примерно до смерти кардинала, я получил письмо от Атоса. Where was it? Где это было?. . . Where? Где же?. . . Ah, it was during the siege of Besançon. Ах, это было при осаде Безансона. I remember, I was sitting in a trench. Помню, я сидел в траншее. What did he write to me? Что он мне писал? As if he had settled in a small estate - yes, that's right, in a small estate. Будто поселился в маленьком поместье, – да, именно так, в маленьком поместье. But where? Но где? I had just finished reading these words when a gust of wind carried away the letter. Я как раз дочитал до этих слов,

когда порыв ветра унес письмо. I should have rushed after it then, although the wind carried it straight to the field. Следовало мне тогда броситься за ним, хотя ветер нес его прямо в поле. But youth is a great a disadvantage... for someone who is no longer young. Но молодость – большой недостаток... для того, кто уже не молод. I let my letter fly to the Spaniards, who had no use for Athos's address, so they had to send me the letter back. Я дал моему письму улететь к испанцам, которым адрес Атоса был ни к чему, так что им следовало прислать мне письмо обратно. So, let's stop thinking about Athos. Итак, бросим думать об Атосе. Let's move on to Porthos... Перейдем к Портосу...

I received a letter from him; he invited me to a great hunt on his estates in September of 1646. Я получил от него письмо; он приглашал меня на большую охоту в своих поместьях в сентябре тысяча шестьсот сорок шестого года. Unfortunately, I was then in Béarn on the occasion of my father's death; the letter followed me, but I had already left Béarn when it arrived. К несчастью, я был тогда в Беарне по случаю смерти отца; письмо последовало за мной, но я уже уехал из Беарна, когда оно пришло. Then it set off on my trail and almost overtook me in Montmédy, being only a few days late. Тогда оно отправилось по моим следам и чуть не нагнало меня в Монмеди, опоздав всего на несколько дней. In April it finally fell into my hands, but since it was already April of 1647, and the invitation was for September of 1646, I could not take advantage of it. В

апреле оно попало наконец в мои руки, но так как шел уже апрель тысяча шестьсот сорок седьмого года, а приглашение было на сентябрь тысяча шестьсот сорок шестого года, то я не мог им воспользоваться. I must find this letter: it should be with my estate deeds." Надо отыскать это письмо: оно должно лежать вместе с моими актами на именье».

D'Artagnan opened an old chest in the corner of the room, filled with parchments pertaining to the lands of d'Artagnan, which had been out of the possession of his ancestors for over two hundred years, and cried out with joy. Д'Артаньян открыл старый сундучок, стоявший в углу комнаты, наполненный пергаментами, относившимися к землям д'Артаньяна, которые уже с лишком двести лет как вышли из владения его предков, и вскрикнул от радости. He recognized the bold handwriting of Porthos, and beneath it a few lines of scribbled in the withered hand of his worthy wife. Он узнал размашистый почерк Портоса, а под ним несколько строчек каракуль, начертанных сухой рукой его достойной супруги.

D'Artagnan did not waste time rereading the letter, the contents of which he knew, but went straight to the address: "Château du Vallon." Д'Артаньян не стал терять времени попусту на перечитывание письма, содержание которого он знал, а прямо обратился к адресу: «Замок дю Валлон».

Porthos did not even think of giving more precise instructions. Портос и не подумал дать более точные указания. In his arrogance, he thought that the whole world should know the

castle to which he gave his name. В своей надменности он думал, что весь свет должен знать замок, которому он дал свое имя.

– Damned braggart! – Проклятый хвастун! – cried d'Artagnan. – воскликнул д'Артаньян. – He hasn't changed a bit! – Он нисколько не переменился! And I should have started with him, considering that he, having inherited eight hundred thousand livres from Coquenard, does not need money. А мне именно с него-то и следовало бы начать ввиду того, что он, унаследовав от Кокнара восемьсот тысяч ливров, не нуждается в деньгах. Eh, I won't have the best! Эх, самого-то лучшего у меня и не будет! Athos drank so much that he must have become completely stupid. Атос так пил, что, наверное, совсем отупел. As for Aramis, he is, of course, immersed in his piety. Что касается Арамиса, то он, конечно, погружен в свое благочестие.

D'Artagnan looked at the letter again. Д'Артаньян еще раз взглянул на письмо. It contained a postscript which read as follows: "By this same post I am writing to our worthy friend Aramis in his monastery." В нем была приписка, в которой значилось следующее: «С этой же почтой пишу нашему достойному другу Арамису в его монастырь».

– To his monastery? – В его монастырь? Excellent. Отлично. But which monastery? Но какой монастырь? There are two hundred of them in Paris alone. Их двести в одном Париже. And three thousand in France. И три тысячи во Франции.

Besides, perhaps, when he entered the monastery, he changed his name for the third time? К тому же он, может быть, поступая в монастырь, в третий раз изменил свое имя? Ah, if I were strong in theology, if I could only remember the subject of his theses, which he so zealously discussed in Crevecoeur with the curé of Montdidier and the abbot of the Jesuit monastery, I would already have guessed which doctrine he prefers, and would deduce from this which saint he could dedicate himself to. Ah, если бы я был силен в богословии, если б я мог только вспомнить предмет его тезисов, которые он так рьяно обсуждал в Кревкере с кюре из Мондидье и настоятелем иезуитского монастыря, я бы уже смекнул, какой доктрине он отдает предпочтение, и вывел бы отсюда, какому святому он мог себя посвятить. And should I not go to the cardinal and ask him for a pass to all sorts of monasteries, even convents? А не пойти ли мне к кардиналу и не спросить ли у него пропуск во всевозможные монастыри, даже женские? This is indeed an idea, and perhaps that is where he retired, like Achilles. Это действительно мысль, и, может быть, туда-то он и удалился, как Ахиллес. Yes, but that means with to admit one's own impotence from the very beginning and, from the very first step, to lower oneself in the opinion of the cardinal. Да, но это значит с самого начала признаться в своем бессилии и с первого шага уронить себя во мнении кардинала. Dignitaries are only satisfied when the impossible is done for them. Сановники бывают довольны только тогда, когда ради них делают невозможное. "If this

were possible,” they tell us, “I would do it myself.” «Будь это вещь возможная, – говорят они нам, – я бы и сам это сделал». And the dignitaries are right. И сановники правы. But let's not rush and figure it out properly. Но не будем торопиться и разберемся толком. I also received a letter from him, from a dear friend, and he even asked me to do him some favor, which I did. От него я тоже получил письмо, от милого друга, и он даже просил меня оказать ему какую-то услугу, что я и выполнил. Yes. Да. But where did I put this letter? Но куда же я девал это письмо?

After thinking for a bit, d'Artagnan went to the coat rack where his old clothes were hanging and started looking for his 1648 waistcoat. Since our d'Artagnan was a neat guy, the waistcoat ended up on a hook. Подумав немного, д'Артаньян подошел к вешалке, где висело его старое платье, и стал искать свой камзол 1648 года, а так как наш д'Артаньян был парень аккуратный, то камзол оказался на крючке. He rummaged through his pockets and pulled out a piece of paper: it was a letter from Aramis. Порывшись в карманах, он вытащил бумажку: это было письмо Арамиса.

"Monsieur d'Artagnan," wrote Aramis, "I inform you that I have quarreled with a gentleman who has arranged a duel this evening in the Place Royale; since I am a clergyman and this matter might harm me if I communicate it to someone other than such a faithful friend as yourself, I ask you to be my second. «Господин д'Артаньян, – писал Арамис, – извещаю вас, что я

поссорился с одним дворянином, который назначил поединок сегодня вечером на Королевской площади; так как я – духовное лицо и это дело может повредить мне, если я сообщу о нем кому-нибудь другому, а не такому верному другу, как вы, то я прошу вас быть моим секундантом.

Enter the square from the new Rue Sainte-Catherine and under the second lamp you will meet your opponent. Войдите на площадь с новой улицы Святой Екатерины и под вторым фонарем вы встретите вашего противника. I will be with mine under the third. Я с моим буду под третьим. Yours, Aramis." Ваш Арамис».

This time there was not even an added "Goodbye." На этот раз даже не было прибавлено: «До свидания».

D'Artagnan tried to recall the events: he went to the duel, met the said opponent there, whose name he never learned, deftly pierced his hand with his sword and approached Aramis, who, having already finished his business, came out to meet him from under the third lantern. Д'Артаньян пытался припомнить события: он отправился на поединок, встретил там указанного противника, имени которого он так и не узнал, ловко проткнул ему шпагой руку и подошел к Арамису, который, окончив уже свое дело, вышел к нему навстречу из-под третьего фонаря.

"It is done," said Aramis. – Готово, – сказал Арамис. "I think I have killed the insolent fellow." – Кажется, я убил наглеца. Well, my dear friend, if you should have need of me, you know

that I am entirely devoted to you. Ну, милый друг, если вам встретится надобность во мне, вы знаете – я вам всецело предан.

And, having shaken his hand, Aramis disappeared under the arch. И, пожав ему руку, Арамис исчез под аркой.

It turned out that d'Artagnan knew as much about the whereabouts of Aramis as about the whereabouts of Athos and Porthos, and the matter was beginning to seem very difficult to him, when suddenly he heard a sound as if a glass had been broken in his room. Выходило, что д'Артаньян знал о местопребывании Арамиса столько же, сколько и о местопребывании Атоса и Портоса, и дело начинало казаться ему очень затруднительным, как вдруг ему послышалось, будто в его комнате разбили стекло.

He immediately remembered his bag and rushed to the cabinet. Он сейчас же вспомнил о своем мешке и бросился к шкафчику. He was not mistaken: at the very moment he entered the room, some man was climbing in through the window. Он не ошибся: в ту минуту, как он входил в комнату, какой-то человек влезал в окно.

“Ah, the scoundrel!” – А, негодяй! – cried d'Artagnan, mistaking him for a thief and grabbing his sword. – закричал д'Артаньян, приняв его за вора и хватаясь за шпагу.

– Sir! – Сударь! – the man begged. – взмолился этот человек. – For God's sake, put your sword back in its sheath and don't kill me without hearing me out. – Ради бога, вложите шпагу в

ножны и не убивайте меня, не выслушав. I'm not a thief, not at all! Я не вор, вовсе нет! I'm an honest and prosperous bourgeois, I have my own house. Я честный и зажиточный буржуа, у меня собственный дом. My name is... Ah! Меня зовут... Ай! Is it possible? Может ли быть? No, I'm not mistaken, you are Monsieur d'Artagnan. Нет, я не ошибаюсь, вы господин д'Артаньян.

"Is that you, Planchet?" – Это ты, Планше? – cried the lieutenant. – вскричал лейтенант.

"At your service," Planchet replied, beaming, "if I am still any good." – К вашим услугам, – ответил Планше, сияя, – если только я еще гожусь.

"Perhaps," said d'Artagnan. – Может быть, – сказал д'Артаньян. "But why the hell are you climbing on roofs at seven o'clock in the morning, and in January at that?" – Но какого черта ты лазишь в семь часов утра по крышам, да еще в январе месяце?

"Sir," said Planchet, "you must know... although, in fact, you probably don't need to know this." – Сударь, – сказал Планше, – надо вам знать... хотя, в сущности, вам, пожалуй, этого и знать не надо.

"What is it?" – Что такое? – d'Artagnan asked again. – переспросил д'Артаньян. – But first, cover the window with a towel and draw the curtain. – Но сперва прикрой окно полотенцем и задерни занавеску.

Planchet obeyed. Планше повиновался.

“Well, speak up!” – Ну, говори же! said d’Artagnan when he had carried out the order. – сказал д’Артаньян, когда тот исполнил приказание.

“Sir, tell me first of all,” Planchet asked cautiously, “what is your relationship with Monsieur de Rochefort?” – Сударь, скажите прежде всего, – спросил осторожно Планше, – в каких вы отношениях с господином де Рошфором?

- Excellent! – В превосходных! Of course! Еще бы! He is now one of my best friends! Он теперь один из моих лучших друзей!

- Ah! – A! Well, so much the better! Ну тем лучше!

- But what does Rochefort have in common with this way of entering a room? – Но что общего имеет Рошфор с подобным способом входить в комнату?

– You see, sir... First of all, I must tell you that Monsieur de Rochefort in... – Видите ли, сударь... Прежде всего нужно вам сказать, что господин де Рошфор в...

Planchet hesitated. Планше замялся.

“The devil take it,” said d’Artagnan. – Черт возьми, – сказал д’Артаньян. “I know perfectly well that he is in the Bastille.” – Я отлично знаю, что он в Бастилии.

“That is to say, he was there,” Planchet replied. – То есть он был там, – ответил Планше.

“How could he have done that?” – Как так был? cried d’Artagnan. – вскричал д’Артаньян. “Did he really have the good fortune to escape?” – Неужели ему посчастливилось бе-

жать?

“Ah, sir,” cried Planchet in his turn, “if this is happiness in your opinion, then all is well!” – Ах, сударь, – вскричал, в свою очередь, Планше, – если это, по-вашему, счастье, то все обстоит благополучно! In that case, I must tell you that yesterday, apparently, they sent for Monsieur de Rochefort to the Bastille... В таком случае нужно вам сказать, что вчера, по-видимому, за господином де Рошфором присылали в Бастилию...

- Damn! – Черт! I know this very well, because I went after him myself. Я это отлично знаю, потому что сам ездил за ним.

- But fortunately for him, it was not you who took him back; because, if I had recognized you among the escorts, then believe me, sir, that I respect you too much to... – Но на его счастье, не вы отвозили его обратно; потому что, если бы я узнал вас среди конвойных, то поверьте, сударь, что я слишком уважаю вас, чтобы...

- Come on, stop it, you brute! – Да кончай же, скотина! What happened? Что такое случилось?

- Well, here's what. – А вот что. It happened that on the Hardware Street, when the carriage of Monsieur de Rochefort was making its way through the crowd of people and the guards were dispersing the citizens, a murmur arose, the prisoner thought that an opportune moment had come, said his name and began to call for help. Случилось, что на Скобяной улице, когда карета господина де Рошфора пробиравалась сквозь толпу народа и конвойные разгоняли граждан, поднялся ро-

пот, арестант подумал, что настал удобный момент, сказал свое имя и стал звать на помощь. I was there, heard the name of the Count de Rochefort, remembered that he had made me a sergeant in the Piedmontese regiment, and shouted that this prisoner was a friend of the Duke of Beaufort. Я был тут же, услышал имя графа де Рошфора, вспомнил, что он сделал меня сержантом Пьемонтского полка, и закричал, что этот узник – друг герцога Бофора. Then everyone came running, stopped the horses, pushed back the guard. Тут все сбежались, остановили лошадей, оттеснили конвой. I managed to open the door, Rochefort jumped out of the carriage and disappeared into the crowd. Я успел отворить дверцу, Рошфор выскочил из кареты и скрылся в толпе. Unfortunately, at that moment a patrol passed by, joined the guards, and they rushed at us. К несчастью, в эту минуту проходил патруль, присоединился к конвойным, и они бросились на нас. I retreated to the Ticton Street, they followed me, I ran into the neighboring house, they cordoned it off, searched it, but in vain - I found a sympathetic person on the fifth floor who hid me under two mattresses. Я отступил к Тиктонской улице, они за мной, я вбежал в соседний дом, его оцепили, обыскали, но напрасно – я нашел в пятом этаже одну сочувствующую нам особу, которая спрятала меня под двумя матрацами. I remained in my hiding place all night or so and, thinking that the search might be resumed in the evening, at dawn I went down the drainpipe to find first an entrance, and then an exit in some house that was not cordoned

off. Я всю ночь или около того оставался в своем тайнике и, подумав, что вечером могут возобновить поиски, на рассвете спустился по водосточной трубе, чтобы отыскать сначала вход, а потом и выход в каком-нибудь доме, который бы не был оцеплен. This is my story, and, honestly, sir, I will be in despair if it is not to your taste. Вот моя история, и, честное слово, сударь, я буду в отчаянии, если она вам не по вкусу.

“No, on the contrary,” said d’Artagnan, “I am truly very glad that Rochefort is free.” – Нет, напротив, – сказал д’Артаньян, – право же, я очень рад, что Рошфор на свободе. But do you understand that if you were to fall into the hands of the king’s soldiers now, you would be hanged without mercy? Но ты понимаешь, что, попадись ты теперь в руки королевских солдат, тебя без пощады повесят?

– How can I not understand? – Как не понимать? Damn it! Черт возьми! – Planchet exclaimed. – воскликнул Планше. – This is precisely what worries me, and that is why I was so glad to have found you; after all, if you want to hide me, no one will do it better than you. – Именно это меня и беспокоит, и вот почему я так обрадовался, что нашел вас; ведь если вы захотите меня спрятать, то никто этого не сделает лучше вашего.

“Yes,” said d’Artagnan. – Да, – сказал д’Артаньян. “I don’t think I’m against it, although I risk nothing less than my rank if it is discovered that I’m harboring a rebel.” – Я, пожалуй, не против, хоть и рискую ни много ни мало, как моим чином, если только дознаются, что я укрываю мятежника.

- Ah, sir, you know that I would risk my life for you. – Ah, сударь, вы же знаете, что я рискнул бы для вас жизнью.

– You can even add that you have risked her more than once, Planchet. – Ты можешь даже прибавить, что не раз рисковал ею, Планше. I forget only what I want to forget. Я забываю только то, что хочу забыть. Well, this is what I want to remember. Ну а об этом я хочу помнить. Sit down and eat quietly: I see you are looking very expressively at the remains of my dinner. Садись же и ешь спокойно: я вижу, ты весьма выразительно поглядываешь на остатки моего ужина.

– Yes, sir, because the neighbor's buffet turned out to be poor in filling things, and since midday I have eaten only a piece of bread with jam. – Да, сударь, потому что буфет соседки оказался небогат сытными вещами, и я с полудня съел всего лишь кусок хлеба с вареньем. Although I do not disdain sweets when they are served at the right time and place, the dinner still seemed too light to me. Хотя я и не презираю сладостей, когда они подаются вовремя и к месту, ужин показался мне все же чересчур легким.

- Poor fellow! – Бедняга! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - Well, eat, eat! – Ну ешь, ешь!

- Ah, sir, you are saving my life for the second time. – Ah, сударь, вы мне вторично спасаете жизнь.

Planchet sat down at the table and began to devour his food, just like in the good old days on Gravediggers' Street. Планше уселся за стол и принялся уписывать за обе щеки, как в доб-

рое старое время на улице Могильщиков.

D'Artagnan paced the room, trying to think of what use he could get from Planchet in the circumstances. Д'Артаньян прохаживался взад и вперед по комнате, придумывая, какую бы пользу можно было извлечь из Планше в данных обстоятельствах. Meanwhile, Planchet worked diligently to make up for lost time. Тем временем Планше добросовестно трудился, чтобы наверстать упущенное время.

At last he let out that satisfied sigh of a hungry man which shows that, having laid a solid foundation, he is about to take a little rest. Наконец он испустил тот удовлетворенный вздох голодного человека, который свидетельствует, что, заложив прочный фундамент, он собирается сделать маленькую передышку.

“Well,” said d'Artagnan, thinking that the time had come to begin the interrogation, “let's begin in order: do you know where Athos is?” – Ну, – сказал д'Артаньян, полагавший, что настало время приступить к допросу, – начнем по порядку: известно ли тебе, где Атос?

“No, sir,” answered Planchet. – Нет, сударь, – ответил Планше.

- Damn it! – Черт! Do you know where Porthos is? Известно ли тебе, где Портос?

- Neither. – Тоже нет.

- Damn it! – Черт! Damn it! Черт! And Aramis? А Арамис?

- Not the slightest idea. – Ни малейшего понятия.

- Damn! – Черт! Damn! Черт! Damn! Черт!

“But,” said Planchet slyly, “I know where Bazin is.” – Но, – сказал Планше лукаво, – мне известно, где находится Базен.

- What! – Как! Do you know where Bazin is? Ты знаешь, где Базен?

- Yes, sir. – Да, сударь.

- Where is he? – Где же он?

- In the Cathedral of Our Lady. – В соборе Богоматери.

- What is he doing in the Cathedral of Our Lady? – А что он делает в соборе Богоматери?

- He is the clerk there. – Он там причетник.

- Bazin is a clerk at the Cathedral of Our Lady! – Базен причетник в соборе Богоматери! Are you sure of this? Ты в этом уверен?

- I am quite sure. – Вполне уверен. I saw him myself and spoke with him. Я его сам видел и говорил с ним.

- He probably knows where his master is! – Он, наверное, знает, где его господин!

- Of course. – Разумеется.

D'Artagnan thought, then took his cloak and sword and headed for the door. Д'Артаньян подумал, потом взял плащ и шпагу и направился к двери.

“Sir,” Planchet said plaintively. – Сударь, – жалобно сказал Планше. “Are you really going to leave me?” – Неужели вы меня покинете? “Just think, I have no one else to rely on.” Подумайте, мне ведь больше не на кого надеяться.

“But they won’t look for you here,” said d’Artagnan. – Но здесь не станут тебя искать, – сказал д’Артаньян.

“But what if someone comes in here?” – А если сюда кто войдет? – said the cautious Planchet. – сказал осторожный Планше. – “No one saw me come in, and your family will take me for a thief.” – Никто не видел, как я вошел, и ваши домашние примут меня за вора.

“That’s true,” said d’Artagnan. – Это правда, – сказал д’Артаньян. “Listen, do you know any provincial dialect?” – Слушай, знаешь ты какое-нибудь провинциальное наречие?

“Better than that, sir, I know a whole language,” said Planchet, “I speak Flemish.” – Лучше того, сударь, я знаю целый язык, – сказал Планше, – я говорю по-фламандски.

- Where the hell did you learn that? – Где ты, черт возьми, выучился ему?

- In Artois, where I fought for two years. – В Артуа, где я сражался два года. Listen: "Goeden morgen, mynheer!" Слушайте: «Goeden morgen, mynheer! Ith ben begeeray te weeten the ge sond hects omstand." Ith ben begeeray te weeten the ge sond hects omstand».

- What does this mean? – Что это значит?

- Good afternoon, sir, may I inquire about your state of health. – Добрый день, сударь, позвольте осведомиться о состоянии вашего здоровья.

“And this is called language!” – И это называется язык! said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян. “But still, it’s very useful.” –

Но все равно, это очень кстати.

He went to the door, called a servant and ordered the beautiful Madeleine to be called. Он подошел к двери, кликнул слугу и приказал позвать прекрасную Мадлен.

“What are you doing, sir?” cried Planchet. “You want to confide a secret to a woman!” – Что вы делаете, сударь, – вскричал Планше, – вы хотите доверить тайну женщине!

- Rest assured, she won't blab. – Будь покоен, она не проговорится.

At that moment the hostess appeared. В эту минуту явилась хозяйка. She ran in with a joyful face, hoping to find d'Artagnan alone, but, noticing Planchet, she retreated in surprise. Она вбежала с радостным лицом, надеясь застать д'Артаньяна одного, но, заметив Планше, с удивлением отступила.

“My dear hostess,” said d'Artagnan, “I recommend to you your brother, who has just arrived from Flanders: I will take him into my service for a few days. – Милая хозяйюшка, – сказал д'Артаньян, – рекомендую вам вашего брата, только что приехавшего из Фландрии: я его беру к себе на несколько дней на службу.

“My brother!” – Моего брата! said the stunned hostess. – сказала ошеломленная хозяйка.

– Say hello to your sister, master Peter. – Поздоровайтесь же со своей сестрой, master Петер.

– Wilkom, zuster! – Wilkom, zuster! – said Planchet. – сказал Планше.

– Good day, brother! – Goeden day, brôer! – answered the surprised hostess. – ответила удивленная хозяйка.

“Well, here’s the thing,” said d’Artagnan, “this man is your brother, whom you may not know, but whom I do; he has come from Amsterdam; I am going away now, and you must dress him, when I return, in about an hour, you will introduce him to me, and on your recommendation, although he does not know a word of French, I will take him into my service, since I cannot refuse you anything.” – Вот в чем дело, – сказал д’Артаньян, – этот человек ваш брат, которого вы, может быть, и не знаете, но зато знаю я; он приехал из Амстердама; я сейчас уйду, а вы должны его одеть; когда я вернусь, примерно через час, вы мне его представите, и по вашей рекомендации, хотя он не знает ни слова по-французски, я возьму его к себе в услужение, так как ни в чем не могу вам отказать. Do you understand? Понимаете?

“Or rather, I guess what you want, and that’s enough for me,” said Madeleine. – Вернее, я догадываюсь, чего вы желаете, и этого с меня достаточно, – сказала Мадлен.

“You are a wonderful woman, a hostess, and I rely on you.” – Вы чудная женщина, хозяйюшка, и я полагаюсь на вас.

Having said this, d’Artagnan winked at Planchet and went to Notre Dame Cathedral. Сказав это, д’Артаньян подмигнул Планше и отправился в собор Богоматери.

On the different effects which a half-pistol can have on a clerk and on a servant О различном действии, какое полупистоль может иметь на причетника и на службу

D'Artagnan walked across the Pont Neuf, rejoicing at having found Planchet again. Д'Артаньян шел по Новому мосту, радуясь, что снова обрел Планше. For, however useful he might be to the good fellow, Planchet was far more useful to himself. Ведь как ни был он полезен доброму малому, но Планше был ему самому гораздо полезнее. Indeed, nothing could have been more pleasant to him at that moment than to have a brave and shrewd footman at his disposal. В самом деле, ничто не могло быть ему приятнее в эту минуту, как иметь в своем распоряжении храброго и сметливого лакея. True, in all likelihood, Planchet would not serve him for long; but, returning to his business on the Rue des Changes, Planchet would consider himself indebted to d'Artagnan for having saved his life by hiding him, and it was very convenient for d'Artagnan to have connections among the townspeople at a time when they were about to start a war with the court. Правда, по всей вероятности, Планше недолго будет служить ему; но, возвратясь к своему делу на улице Менял, Планше будет считать себя обязанным д'Артаньяну за то, что тот, скрыв его у себя, спас ему жизнь, а д'Артаньяну было очень на руку иметь связи в среде горожан в то время, когда они собирались начать войну с двором. He would have his own man in the enemy camp, and a clever man like d'Artagnan knew how to turn every little

thing to his advantage. У него будет свой человек во вражеском лагере, а такой умница, как д'Артаньян, умел всякую мелочь обратить себе во благо.

In this mood, very pleased with fate and himself, d'Artagnan approached the Cathedral of Notre Dame. В таком настроении, весьма довольный судьбой и самим собой, д'Артаньян подошел к собору Богородицы.

He climbed up to the porch, entered the church and asked the sacristan who was sweeping the chapel if he knew Mr. Bazin. Он поднялся на паперть, вошел в храм и спросил у ключаря, подметавшего часовню, не знает ли он г-на Базена.

– Mr. Bazin, the sacristan? – Господина Базена, причетника? – asked the sacristan. – спросил ключарь.

- Himself. – Его самого.

- Here he is serving at the Mass, in the chapel of the Virgin Mary. – Вот он прислуживает за обедней, в приделе Богородицы.

D'Artagnan shuddered with joy. Д'Артаньян вздрогнул от радости. Despite Planchet's words, he did not believe that he would find Bazin; but now, having caught one end of the thread, he could guarantee that he would reach the other. Несмотря на слова Планше, ему не верилось, что он найдет Базена; но теперь, поймав один конец нити, он мог ручаться, что доберется и до другого.

He knelt down, facing this side chapel, so as not to lose sight of Bazin. Он опустился на колени, лицом к этому приделу,

чтобы не терять Базена из виду. Fortunately, a short mass was being served, it was soon to end. По счастью, служилась краткая обедня, она должна была скоро кончиться. D'Artagnan, who had forgotten all his prayers and had not bothered to take his prayer book with him, began to observe Bazin at his leisure. Д'Артаньян, перезабывший все молитвы и не позаботившийся захватить с собой молитвенник, стал на досуге наблюдать Базена.

The appearance of Bazin in his new clothes was, one might say, as majestic as it was beatific. Вид Базена в новой одежде был, можно сказать, столь же величественный, сколь и блаженный. It was immediately evident that he had reached, or almost reached, the limit of his desires, and that the candlestick, mounted in silver, which he held in his hand, seemed to him as honorable as the marshal's baton which Condé threw, or perhaps did not throw, into the enemy ranks during the battle of Freiburg. Сразу видно было, что он достиг или почти достиг предела своих желаний и что палочка для зажигания свеч, оправленная в серебро, которую он держал в руке, казалась ему столь же почетной, как маршальский жезл, который Конде бросил, а может быть, и не бросал, в неприятельские ряды во время битвы под Фрейбургом.

Even physically he was transformed, so to speak, to match his clothes. Даже физически он преобразился, если можно так выразиться, совершенно под стать одежде. His whole body became rounder and acquired something priestly. Все

его тело округлилось и приобрело нечто поповское. All the angularities on his face seemed to have smoothed out. Все угловатости на его лице как будто сгладились. His nose was still the same, but it was drowned in round cheeks; his chin passed imperceptibly into his neck; his eyes were puffy, not so much from fat as from a kind of puffiness; his hair, cut in a church-style, with a bracket, covered his forehead right up to his eyebrows. Нос у него был все тот же, но он тонул в круглых щеках; подбородок незаметно переходил в шею; глаза заплыли, не то что от жира, а от какой-то одутловатости; волосы, подстриженные по-церковному, под скобку, закрывали лоб до самых бровей. Let us note, by the way, that Bazin's forehead, even completely open, never exceeded an inch and a half in height. Заметим, кстати, что лоб Базена, даже совсем открытый, никогда не превышал полутора дюймов в вышину.

At the moment when d'Artagnan finished his inspection, the mass also ended. В ту минуту, как д'Артаньян кончил свой осмотр, кончилась и обедня. The priest said: "Amen" and left, blessing the worshipers, who, to d'Artagnan's surprise, all knelt. Священник произнес: «Аминь» – удалился, благословив молящихся, которые, к удивлению д'Артаньяна, все преклонили колена. He ceased to be surprised, recognizing in the clergyman the coadjutor himself, the famous Jean-François de Gondi, who already at that time, anticipating his future role, was building up his popularity by generously distributing alms.

Он перестал удивляться, узнав в священнослужителе самого коадьютора, знаменитого Жана-Франсуа де Гонди, который уже в это время, предчувствуя свою будущую роль, создавал себе популярность щедрой раздачей милостыни. In order to increase this popularity, he sometimes celebrated early masses, which usually only the common people attend. Для того чтобы увеличить эту популярность, он и служил иногда ранние обеды, на которые обычно приходит только простой люд.

D'Artagnan, like everyone else, fell on his knees, accepted the blessing due to him, crossed himself, but at the moment when Bazin, modestly bringing up the rear, passed by him with his eyes raised to heaven, d'Artagnan grabbed him by the hem; Bazin lowered his eyes and jumped back, as if he had seen a snake. Д'Артаньян, как и все, опустился на колени, принял причитающееся на его долю благословение, перекрестился, но в ту минуту, когда мимо него, с возведенными к небу очами, проходил Базен, скромно замыкавший шествие, д'Артаньян схватил его за полу; Базен опустил глаза и отскочил назад, словно увидел змею.

– Monsieur d'Artagnan! – Господин д'Артаньян! – he exclaimed. – воскликнул он. – Vade retro, Satana! – Vade retro, Satana!

“Excellent, my dear Bazin,” the officer replied, laughing, “that’s how you greet an old friend.” – Отлично, милый Базен, – ответил, смеясь, офицер, – вот как вы встречаете старого друга.

“Sir,” replied Bazin, “the true friends of a Christian are those who promote salvation, and not those who turn him away from it.” – Сударь, – ответил Базен, – истинные друзья христианина те, кто споспешествует спасению, а не те, кто отвращает от него.

“I do not understand you, Bazin,” said d’Artagnan, “I do not see how I can serve as a stumbling block on your path to salvation. – Я вас не понимаю, Базен, – сказал д’Артаньян, – я не вижу, как я могу служить камнем преткновения на вашем пути к спасению.

“You forget,” replied Bazin, “that you tried to close the way to him forever for my poor master; because of you he was ruining his soul, serving in the musketeers, although he felt a fiery calling to the church.” – Вы забываете, – ответил Базен, – что пытались навсегда закрыть к нему путь для моего бедного господина; из-за вас он губил свою душу, служа в мушкетерах, хотя чувствовал пламенное призвание к церкви.

“My dear Bazin,” replied d’Artagnan, “you should have realized from the place where you see me that I have changed a lot: with age one becomes wiser.” – Мой милый Базен, – возразил д’Артаньян, – вы должны были бы понять уже по месту, где меня видите, что я очень переменялся: с годами становишься разумнее. And since I have no doubt that your master is saving his soul, I want to know from you where he is, so that he can help me with his advice to save myself. И так как я не сомневаюсь, что ваш господин спасает свою душу, то я хочу

узнать от вас, где он находится, чтобы он своими советами помог и моему спасению.

– Tell me better – to draw him back into the world? – Скажите лучше – чтобы вновь увлечь его в мир? Fortunately, I do not know where he is, since, being in a holy place, I would never dare to lie. По счастью, я не знаю, где он, так как, находясь в святом месте, я никогда не решился бы солгать.

– What! – Как! – exclaimed d'Artagnan, completely disappointed. – воскликнул д'Артаньян, совершенно разочарованный. – You don't know where Aramis is? – Вы не знаете, где Арамис?

“First of all,” said Bazin, “Aramis is the name of destruction.” – Прежде всего, – сказал Базен, – Арамис – это имя гибели. If you read Aramis backwards, you get Simara, the name of one of the evil spirits, and fortunately my master has abandoned this name forever. Если прочесть Арамис наизуоборот, получится Симара, имя одного из злых духов, и, по счастью, мой господин навсегда бросил это имя.

“Very well,” said d'Artagnan, determined to endure everything, “I am not looking for Aramis, but for the Abbé d'Herblay.” – Хорошо, – сказал д'Артаньян, решившись перетерпеть все, – я ищу не Арамиса, а аббата д'Эрбле. Come on, my dear Bazin, tell me where he is. Ну же, мой милый Базен, скажите мне, где он.

– Didn't you hear, Monsieur d'Artagnan, how I answered you that I didn't know that? – Разве вы не слышали, господин д'Ар-

таньян, как я ответил вам, что не знаю этого?

– I have heard, of course; but I will answer you that this is impossible. – Слышал, конечно; но я отвечу вам, что это невозможно.

– Nevertheless, it is true, sir, the pure truth, as before God...
– Тем не менее это правда, сударь, чистая правда, как перед Богом...

D'Artagnan saw very well that he would get nothing out of Bazin; it was clear that Bazin was lying, but from the fervor and persistence with which he lied, one could easily foresee that he would not back down from his own. Д'Артаньян хорошо видел, что ничего не вытянет из Базена; ясно было – Базен лжет, но по тому, с каким жаром и упорством он лгал, можно было легко предвидеть, что он от своего не отступится.

“Very well,” said d'Artagnan. – Хорошо, – сказал д'Артаньян. “Since you do not know where your master lives, let us not speak of him any more and part as friends; here is half a pistole for you, drink to my health.” – Так как вы не знаете, где живет ваш барин, не будем больше говорить о нем и расстанемся друзьями; вот вам полпистоля, выпейте за мое здоровье.

“I don't drink, sir,” said Bazin, majestically pushing away the officer's hand. – Я не пью, сударь, – сказал Базен, величественно отводя руку офицера. “That is only proper for laumen.” – Это подобает только мирянам.

- Incorruptible! – Неподкупный! - grumbled d'Artagnan. – проворчал д'Артаньян. - Well, I have no luck! – Ну и не везет

же мне!

And since d'Artagnan, distracted by his thoughts, had let go of Bazin's hem, the latter hastened to take advantage of his freedom to retreat and quickly went into the sacristy; even there he did not consider himself out of danger until he had locked the door behind him. И так как д'Артаньян, отвлеченный своими размышлениями, выпустил из рук полу Базена, тот поспешил воспользоваться свободой для отступления и быстро удалился в ризницу; он и там не считал себя вне опасности, пока не запер за собой дверь.

D'Artagnan, lost in thought, remained motionless and stared fixedly at the door that stood between him and Bazin; suddenly he felt someone gently touch his shoulder. Д'Артаньян, задумавшись, не двигался с места и глядел в упор на дверь, положившую преграду между ним и Базеном; вдруг он почувствовал, что кто-то тихонько коснулся его плеча.

He turned around and almost cried out in surprise, but the one who touched him with his finger put that finger to his lips as a sign of silence. Он обернулся и едва не вскрикнул от удивления, но тот, кто до него дотронулся пальцем, приложил этот палец к губам в знак молчания.

“Are you here, my dear Rochefort?” – Вы здесь, мой дорогой Рошфор? – said d'Artagnan in a low voice. – сказал д'Артаньян вполголоса.

– Shh... – said Rochefort. – Ш-ш... – произнес Рошфор. – Did you know that I was freed? – Знали вы, что я освободился?

– I learned this first-hand. – Я узнал это из первых рук.

– From whom? – От кого же?

– From Planchet. – От Планше.

– How about from Planchet? – Как от Планше?

– Of course. – Конечно. After all, it was he who saved you.

Ведь это он вас спас.

– Planchet? – Планше? I really thought it was him. Мне действительно показалось, что это он. Here is proof, my friend, that a good deed is never wasted. Вот доказательство, мой друг, что благодеяние никогда не пропадает даром.

– What are you doing here? – А что вы здесь делаете?

“I came to thank the Lord for my happy release,” said Rochefort. – Пришел возблагодарить Господа за свое счастливое освобождение, – сказал Рошфор.

– And why else? – А еще зачем? It seems to me, not only for this. Мне кажется, не только за этим.

– And also for orders to the coadjutor; I want to try to see if I can somehow annoy Mazarin. – А еще за распоряжениями к коадьютору; хочу попробовать, нельзя ли чем насолить Мазарини.

– Madman! – Безумец! You will be thrown into the Bastille again! Вас опять упрячут в Бастилию!

“Oh, no!” – Ну нет! “I’ll take care of that, I assure you.” Об этом я позабочусь, ручаюсь вам. “It’s very nice in the fresh air,” Rochefort continued, breathing deeply, “I’ll go to the village, I’ll travel around the province.” Уж очень хорошо на свежем воз-

духе, – продолжал Рошфор, вдыхая полной грудью, – я поеду в деревню, буду путешествовать по провинции.

- Really? – Вот как? I'm going too! Я еду тоже! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

– Wouldn't it be immodest to ask where? – А не будет нескромностью спросить куда?

– In search of my friends. – На розыски моих друзей.

- What friends? – Каких друзей?

- The very ones you asked me about yesterday. – Тех самых, о которых вы меня вчера спрашивали.

- Athos, Porthos and Aramis? – Атоса, Портоса и Арамиса? Are you looking for them? Вы их разыскиваете?

- Yes. – Да.

– On your word of honor? – Честное слово?

– What's surprising about that? – Что же тут удивительного?

- Nothing! – Ничего! It's funny! Забавно! And on whose behalf are you looking for them? А по чьему поручению вы их разыскиваете?

- You don't have any idea? – Вы не догадываетесь?

- I can guess. – Догадываюсь.

- Unfortunately, I don't know where they are. – К несчастью, я не знаю, где они.

“And you have no way of finding out?” – И у вас нет возможности узнать? “Wait a week, I will get you the information,” said Rochefort. Подождите неделю, я вам добуду сведения, – сказал Рошфор.

– A week is too long, I must find them in three days. – Неделя – это слишком долго, я должен их найти в три дня.

“Three days are not enough,” said Rochefort, “France is great.” – Три дня мало, – сказал Рошфор, – Франция велика.

- No problem. – Не беда. Do you know what the word “must” means? Знаете, что значит слово «надо»? You can do a lot with this word. С этим словом можно многое сделать.

- When will you start searching? – А когда вы начнете поиски?

- I have already started. – Уже начал.

- Good luck! – В добрый час!

- And to you, have a safe journey! – А вам – счастливого пути!

- Perhaps we will meet on the road? – Быть может, мы встретимся в дороге?

- Hardly. – Едва ли.

- Who knows. – Как знать. Fate has many whims. У судьбы много причуд.

- Goodbye. – Прощайте.

- Goodbye. – До свидания. By the way, if Mazarin remembers me, tell him that I asked you to inform him that he will soon see whether I am as old for business as he thinks. Кстати, если Мазарини вспомнит обо мне, скажите, что я просил вас довести до его сведения, что он скоро увидит, так ли я стар для дела, как он думает.

And Rochefort departed with that devilish smile on his lips

which had previously made d'Artagnan shudder; but this time d'Artagnan felt no fear and smiled with a sadness that only a single memory could have brought to his face. И Рошфор удалился с той дьявольской улыбкой на губах, которая прежде заставляла д'Артаньяна содрогаться; но на этот раз д'Артаньян не испытал страха и сам улыбнулся с грустью, которую могло вызвать на его лице только одно-единственное воспоминание. "Go, demon," he thought, "and do what you like. «Ступай, демон, – подумал он, – и делай что хочешь. Now I don't care: there is no second Constance in the world." Теперь мне все равно: нет второй Констанции в мире».

Looking around, he saw Bazin, who had already taken off his vestments and was talking to the sacristan to whom d'Artagnan had addressed himself when entering the church. Оглянувшись, он увидел Базена, уже снявшего с себя облачение и разговаривавшего с тем ключарем, к которому д'Артаньян обратился, входя в церковь. Bazin was apparently very excited and was rapidly waving his thick, short arms. Базен был, по-видимому, очень возбужден и быстро размахивал своими толстыми короткими ручками. D'Artagnan realized that Bazin was probably telling the sacristan to be wary of him as much as possible. Д'Артаньян понял, что Базен, вероятно, внушал ключарю остерегаться его как только возможно.

D'Artagnan took advantage of the preoccupation of both servants, slipped out of the cathedral unnoticed, and hid around the corner of the Rue des Beers. Д'Артаньян воспользовался

озабоченностью обоих служителей, незаметно улизнул из собора и притаился за углом улицы Пивных Бутылок. Bazin could not pass without d'Artagnan seeing him from his hiding place. Базен не мог пройти так, чтобы д'Артаньян не увидел его из своего тайника.

Five minutes after d'Artagnan had taken up his post, Bazin came out onto the porch, looking around to see if anyone was watching him. Через пять минут после того, как д'Артаньян занял свой пост, Базен вышел на паперть, озираясь по сторонам, не следит ли кто-нибудь за ним. But he was careless enough not to notice our officer fifty paces away, around the corner of the house, from which only his head was visible. Но он имел неосторожность не заметить нашего офицера в пятидесяти шагах от себя, за углом дома, откуда высывалась только его голова. Apparently reassured, Bazin walked down the Rue Notre Dame. Видимо успокоенный, Базен пошел по улице Богоматери. D'Artagnan jumped out of his ambush just in time to see him turn into Jewish Street, then into the Rue des Locheurs and enter a respectable-looking house. Д'Артаньян выскочил из своей засады как раз вовремя, чтобы увидеть, как он повернул в Еврейскую улицу, затем в улицу Лошильщиков и вошел в приличный по внешности дом. And our officer had no doubt that the worthy clerk lived in that very house. И офицер наш не усомнился, что достойный причетник обитает именно в этом доме.

D'Artagnan was wary of going there for information, since the

doorkeeper, if there was one, had probably been warned, and if there was no doorkeeper, then there was no one to turn to. Д'Артаньян поостерегся идти туда за справками, так как привратник, если только таковой имелся, был, вероятно, предупрежден, а если привратника не было, то не к кому было и обращаться.

So he went into a tavern on the corner of the Rue Saint-Eligius and the Rue des Corcelles and asked for some mulled wine. Поэтому он вошел в кабачок на углу улицы Святого Элигия и улицы Лощильщиков и спросил глинтвейну. This drink took a good half hour to prepare, and d'Artagnan could keep an eye on Bazin without arousing anyone's suspicions. На приготовление этого напитка требовалось добрых полчаса, и д'Артаньян мог следить за Базеном, не возбуждая ни в ком подозрения. Suddenly he noticed a lively boy of twelve or fifteen, very cheerful in appearance, in whom he recognized the boy he had seen twenty minutes earlier in the vestments of a church servant. Вдруг он заметил шустрого мальчугана лет двенадцати – пятнадцати, очень веселого с виду, в котором он признал мальчишку, виденного им минут двадцать назад в облачении церковного служки. He spoke to him, and since the future sexton had no reason to be secretive, d'Artagnan learned that he performed the duties of a choirboy from six to nine in the morning, and from nine until midnight he served as an assistant in the tavern. Он заговорил с ним, и так как будущий дьячок не имел оснований скрывать, то д'Артаньян узнал, что тот

от шести до девяти часов утра исполняет обязанности певчего, а с девяти до полуночи служит подручным в кабачке.

While they were talking, a horse was brought to Bazin's house. Пока они разговаривали, к дому Базена подвели лошадь. It was saddled and bridled. Она была оседлана и взнуздана. A minute later Bazin himself came out. Минуту спустя вышел и сам Базен.

- Look at you! – Ишь ты! - said the boy. – сказал мальчик.
- Our clerk is getting ready for his journey. – Наш причетник собирается в путь-дорогу.

“Where is he going?” – Куда это он собрался? asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

- How should I know? – А я почему знаю!

“I'll give you half a pistol if you can find out,” said d'Artagnan. – Дам полпистоля, если сумеешь узнать, – сказал д'Артаньян.

“Half a pistol,” the boy asked, his eyes lighting up, “if I find out where Bazin is going?” – Полпистоля, – переспросил мальчик, у которого и глаза разгорелись, – если узнаю, куда едет Базен? It's not difficult. Это нетрудно. You're not joking, are you? А вы не шутите?

“No, on my word as an officer.” – Нет, слово офицера. “Here, look, here's half a pistol.” На, смотри, вот полпистоля. “And he showed him the tempting coin, without, however, giving it into his hands.” – И он показал ему соблазнительную монету, не давая ее, однако, в руки.

- I'll ask him. – Я спрошу у него.

“That way you won’t find out anything,” said d’Artagnan. – Этак ты как раз ничего не узнаешь, – сказал д’Артаньян. “Wait until he leaves, and then, damn it, ask, pry, find out.” – Подожди, пока он уедет, а потом уж, черт возьми, спрашивай, выпытывай, разузнавай. It’s your business: half a pistol is here. Это твое дело: полпистоля тут.

And he put the coin back in his pocket. И он положил монету обратно в карман.

“I understand,” said the boy, smiling slyly, as only Parisian rascals can smile. – Понимаю, – сказал мальчишка, лукаво улыбаясь, как умеют улыбаться только парижские сорванцы. “Okay!” – Ладно! Let’s wait!” Подождем!

He did not have to wait long. Ждать пришлось недолго. Five minutes later, Bazin set off at a trot, encouraging his horse with blows from his umbrella. Пять минут спустя Базен тронулся рысцой, подбодряя лошадь ударами зонтика.

Bazin always had the habit of taking an umbrella with him instead of a whip. Базен всегда имел привычку брать с собой зонтик вместо хлыста.

As soon as he turned the corner of Jewish Street, the boy, like a hound, set off on the trail. Едва он повернул за угол Еврейской улицы, мальчик, как гончая, пустился по следу.

D’Artagnan again took his former place at the table, fully confident that in less than ten minutes he would know everything he needed to know. Д’Артаньян снова занял прежнее место за столом в полной уверенности, что не пройдет и десяти ми-

нут, как он узнает все, что нужно.

And indeed, the boy returned even earlier than this time. И действительно, мальчишка вернулся даже раньше этого срока.

– Well? – Ну? – asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

“It's done,” said the boy, “I know everything.” – Готово, – сказал мальчуган, – я все знаю.

– Where did he go? – Куда же он поехал?

– And you haven't forgotten about the half-pistol? – А про полпистоля вы не забыли?

– Of course not. – Конечно нет. Speak quickly. Говори скореей.

– I want to see the coin. – Я хочу видеть монету. Show me, is it counterfeit? Покажите-ка, она не фальшивая?

– Here. – Вот.

“Master,” said the boy, “the master asks for change.” – Хозяин, – сказал мальчишка, – барин просит разменять деньги.

The owner sat at the counter. Хозяин сидел за конторкой. He gave some change and accepted half a pistol. Он дал мелочь и принял полпистоля.

The boy put the coins in his pocket. Мальчишка сунул монеты в карман.

“Well, now tell me, where did he go?” – Ну а теперь говори, куда он поехал? asked d'Artagnan, who was happily watching his prank. – спросил д'Артаньян, весело наблюдавший его проделку.

– In Noisy. – В Нуази.

– How do you know? – Откуда ты знаешь?

– It's not a big deal. – Невелика хитрость. I recognized the butcher's horse, which Bazin sometimes rents from him. Я узнал лошадь мясника, которую Базен иногда у него нанимает. So I thought: the butcher wouldn't give me his horse without asking where they're going to ride it, although Monsieur Bazin is hardly capable of driving a horse. Вот я и подумал: не даст же мясник свою лошадь так, не спросив, куда на ней поедут, – хотя господин Базен вряд ли способен загнать лошадь.

- And he answered you that Mr. Bazin... – А он ответил тебе, что господин Базен...

– He went to Noisy. – Поехал в Нуази. Yes, it seems that this has become a habit for him. Да, кажется, это у него вошло в привычку. He goes there two or three times a week. Он ездит туда раза два-три в неделю.

– Do you know Noisy? – А ты знаешь Нуази?

- Of course. – Еще бы. My wet nurse lives there. Там моя кормилица живет.

– Is there a monastery in Noisy? – Нет ли в Нуази монастыря?

- And what a one! – Еще какой! Jesuit! Иезуитский!

“Okay,” said d’Artagnan. – Ладно, – сказал д’Артаньян. “Now everything is clear.” – Теперь все ясно.

– So, you are satisfied? – Стало быть, вы довольны?

- Yes. – Да. What is your name? Как тебя зовут?

– Fricke. – Фрике.

D'Artagnan wrote down the boy's name and the address of the tavern. Д'Артаньян записал имя мальчика и адрес кабачка.

“Well, sir officer,” he asked, “maybe I'll be able to earn another half a pistol?” – А что, господин офицер, – спросил тот, – может быть, мне удастся еще полпистоля заработать?

“Perhaps,” said d'Artagnan. – Возможно, – сказал д'Артаньян.

And since he had learned all he needed, he paid for the mulled wine, which he did not drink at all, and hurried back to Tickton Street. И так как он узнал все, что ему было нужно, он заплатил за глинтвейн, которого совсем не пил, и поспешил обратно на Тиктонскую улицу.

Chapter IX Глава IX

Now d'Artagnan, having set out on a long search for Aramis, suddenly discovered him sitting on a horse behind Planchet. О том, как д'Артаньян, выехав на дальние поиски за Арамисом, вдруг обнаружил его сидящим на лошади позади Планше

Arriving home, d'Artagnan saw a man sitting by the fireplace: it was Planchet, but Planchet was so transformed by the rags left by his runaway husband that d'Artagnan barely recognized him. Придя домой, д'Артаньян увидел, что у камина сидит какой-то человек: это был Планше, но Планше столь преобразившийся благодаря обноскам, оставленным сбежавшим мужем, что д'Артаньян насилу узнал его. Madeleine introduced

him to d'Artagnan in front of all the servants. Мадлен представила его д'Артаньяну на глазах у всех слуг. Planchet addressed the officer with some pompous Flemish phrase, who answered him a few words in a non-existent language, and the agreement was concluded. Планше обратился к офицеру с какой-то пышной фламандской фразой, тот ответил ему несколько слов на несуществующем языке, и договор был заключен. Madeleine's brother entered d'Artagnan's service. Брат Мадлен поступил в услужение к д'Артаньяну.

D'Artagnan already had a plan. У д'Артаньяна уже был готов план. He did not want to arrive in Noisy during the day, for fear of being recognized. Он не хотел приехать в Нуази днем, боясь быть узнанным. Thus, he still had free time: Noisy was located only three or four miles from Paris on the road to Meaux. Таким образом, у него оставалось еще свободное время: Нуази был расположен всего в трех-четыре милях от Парижа по дороге в Мо.

He began by having a hearty breakfast. Он начал с того, что основательно позавтракал. This is perhaps a bad start if you intend to work with your head, but a very good one if you want to work with your feet and hands. Быть может, это плохое начало, если собираешься работать головой, но очень хорошее, если хочешь работать ногами и руками. Then he changed his clothes, afraid that the lieutenant's cloak would arouse suspicion, and chose the strongest and most reliable of his three swords, which he used only on important occasions. Потом он передел-

ся, боясь, чтобы плащ лейтенанта не возбудил подозрений, и выбрал самую прочную и надежную из своих трех шпаг, которую пускал в ход только в важных случаях. About two o'clock he ordered the horses to be saddled and, accompanied by Planchet, rode out through the La Villette barrier. Около двух часов он велел оседлать лошадей и в сопровождении Планше выехал через заставу Ла-Виллет. And in the house next to the "Goat", the most diligent search for Planchet was still being carried out. А в соседнем с «Козочкой» доме все еще велись усерднейшие поиски Планше.

Having driven a mile and a half from Paris, d'Artagnan noticed that impatience had forced him to leave too early, and stopped to give the horses a rest. Отъехав на полторы мили от Парижа, д'Артаньян заметил, что нетерпение заставило его выехать слишком рано, и остановился, чтобы дать передохнуть лошадям. The inn was crowded with rather suspicious-looking people, apparently preparing to undertake some kind of nocturnal expedition. Гостиница была переполнена людьми довольно подозрительного вида, готовившимися, по-видимому, предпринять какую-то ночную экспедицию. A man wrapped in a cloak appeared at the door; noticing a stranger, he made a sign to two friends sitting at the table, and they came out to him. В дверях показался мужчина, закутанный в плащ; заметив постороннего, он сделал знак двум приятелям, сидевшим за столом, и те вышли к нему за дверь.

D'Artagnan approached the innkeeper with a carefree air,

praised her disgusting Montreuil wine, asked a few questions about Noisy and learned that there were only two large houses there: one belonged to the Archbishop of Paris, and his niece, the Duchess de Longueville, now lived there; the other, which housed a Jesuit monastery, was, as usual, the property of worthy fathers. Д'Артаньян с беспечным видом подошел к трактирщице, похвалил ее отвратительное монтрейское вино, задал несколько вопросов о Нуази и узнал, что там всего только два больших дома: один принадлежит парижскому архиепископу, и в нем живет сейчас его племянница, герцогиня де Лонгвиль; другой, где помещается иезуитский монастырь, был, как водится, собственностью достойных отцов. There was no mistaking it. Ошибиться было невозможно.

At four o'clock d'Artagnan set out again; he rode at a walking pace, intending to arrive at Noisy when it was quite dark. В четыре часа д'Артаньян снова отправился в путь; он ехал шагом, желая прибыть в Нуази, когда уже совсем стемнеет. Now, when you walk in winter, in cloudy weather, along a dull road, there is nothing else to do except what, according to La Fontaine, a hare does in its hole: reflect. Ну а когда едешь шагом зимой, в пасмурную погоду, по скучной дороге, нечего больше делать, кроме того, что делает, по словам Лафонтена, заяц в своей норе: размышлять. So d'Artagnan reflected, and Planchet too. Итак, д'Артаньян размышлял, и Планше тоже. Only, as we shall see later, their reflections were of different natures. Только, как мы увидим дальше, размышления их были разного

характера.

One word from the innkeeper gave a special direction to d'Artagnan's thoughts; this word was the name of the Duchess de Longueville. Одно слово трактирщицы дало особое направление мыслям д'Артаньяна; это слово было – имя герцогини де Лонгвиль.

In fact, the Duchess of Longueville was something to behold: she was one of the most distinguished ladies in the kingdom and one of the most beautiful women at court. В самом деле, герцогиня де Лонгвиль могла хоть кого заставить задуматься: она была одной из знатнейших дам королевства и одной из первых придворных красавиц. She was married to the old Duke of Longueville, whom she did not love. Ее выдали замуж за старого герцога де Лонгвиля, которого она не любила. At first, she was reputed to be the mistress of Coligny, who was later killed for her in a duel in the Place Royale by the Duke of Guise; then they spoke of her too tender friendship with the Prince of Condé, her brother, and the bashful souls of the courtiers were greatly embarrassed by this; finally, they said that this friendship had given way to a genuine and profound hatred, and at present the Duchess of Longueville was, according to rumors, in a political relationship with the Prince de Marsillac, the eldest son of the old Duke of La Rochefoucauld, whom she tried to set against her brother, the Duke of Condé. Сперва она слыла любовницей Колиньи, убитого впоследствии из-за нее на дуэли посреди Королевской площади герцогом де Гизом; потом говорили

об ее слишком нежной дружбе с принцем Конде, ее братом, и стыдливые души придворных были этим сильно смущены; наконец, говорили, что эта дружба сменилась подлинной и глубокой ненавистью, и в настоящее время герцогиня де Лонгвиль была, по слухам, в политической связи с князем де Марсильяком, старшим сыном старого герцога де Ла Рошфуко, которого она старалась натравить на своего брата, господина герцога де Конде.

D'Artagnan thought about all this. Д'Артаньян думал обо всем этом. He thought that in the Louvre he often saw the dazzling, radiant beauty, the Duchess de Longueville, passing by. Он думал, что в Лувре он часто видел проходившую мимо него ослепительную, сияющую красавицу, герцогиню де Лонгвиль. He thought about Aramis, who was no better than he, and yet had once been the lover of the Duchess de Chevreuse, who played the same role in the previous reign as Madame de Longueville now does. Он думал об Арамисе, который ничем не лучше его, а между тем был когда-то любовником герцогини де Шеврез, игравшей в прошлое царствование ту же роль, как теперь мадам де Лонгвиль. And he asked himself why there are people in the world who achieve everything they desire, be it honors or love, while others get stuck halfway to their hopes - whether through chance, or from bad luck, or because of natural obstacles placed in them by nature itself. И он спрашивал себя, почему есть на свете люди, которые добиваются всего, чего желают, будь то почести или любовь, между тем

как другие застревают на полдороге своих надежд – по вине ли случая, или от незадачливости, или же из-за естественных помех, заложенных в них самой природой.

D'Artagnan was forced to admit that, despite all his intelligence and all his dexterity, he was and always would probably be among the last. Д'Артаньян вынужден был сознаться, что, несмотря на весь свой ум и всю свою ловкость, он был и всегда, вероятно, будет в числе последних. Suddenly Planchet, riding up to him, said: Внезапно Планше, подъехав к нему, сказал:

– I bet, sir, that you are thinking the same thing as I am. – Бьюсь об заклад, сударь, что вы думаете о том же, о чем и я.

“I doubt it, Planchet,” said d'Artagnan, smiling. – Навряд ли, Планше, – сказал, улыбаясь, д'Артаньян. “But what are you thinking about?” – Но о чем же ты думаешь?

“I'm thinking about the suspicious characters who were drinking in that tavern where we were relaxing.” – Я думаю о подозрительных личностях, которые пьянствовали в той харчевне, где мы отдыхали.

– You are as careful as ever, Planchet. – Ты осторожен, как всегда, Планше.

- It's instinct, sir. – Это инстинкт, сударь.

- Well, let's see what your instinct tells you in this case. – Ну, посмотрим, что тебе говорит твой инстинкт в этом случае.

“My instinct tells me that these people have gathered in the tavern with evil intentions; and I was pondering what my instinct

tells me in the darkest corner of the stable, when suddenly a man wrapped in a cloak entered, and behind him two others. – Мой инстинкт говорит мне, что эти люди собрались в харчевне с недобрыми намерениями; и я раздумывал о том, что мне говорит мой инстинкт, в самом темном углу конюшни, как вдруг в нее вошел человек, закутанный в плащ, а за ним еще двое.

“Ah,” said d’Artagnan, seeing that Planchet’s story coincided with his own observations. – А-а, – сказал д’Артаньян, видя, что рассказ Планше совпадает с его собственными наблюдениями. “Well, so what?” – Ну и что же?

– One of them said: “He must be in Noisy now or must arrive there this evening; I recognized his servant.” – Один из них сказал: «Он, наверное, должен быть сейчас в Нуази или должен приехать туда сегодня вечером; я узнал его слугу». – “Are you sure of that?” – «Ты в этом уверен? – asked the man in the cloak. » – спросил человек в плаще. “Yes, Prince!” «Да, принц! – was the answer... » – был ответ...

– Prince? – Принц? – interrupted d’Artagnan. – прервал д’Артаньян.

– Yes, Prince! – Да, принц! But listen. Но слушайте же. “If he is there, we will decide what to do with him,” said the second of the drinking companions. «Если он там, то решим, что с ним делать», – сказал второй из собутыльников. “What to do with him?” «Что с ним делать? – repeated the Prince. » – повторил принц. “Yes.” «Да. He is not the kind of man to surrender

voluntarily: he will use his sword.” Он ведь не такой человек, чтоб добровольно сдаться: он пустит в ход шпагу». – “Then you will have to do the same, only try to take him alive. – «Тогда придется и вам сделать то же, только старайтесь взять его живьем. Do we have ropes to tie him up, and a rag to gag him? Есть ли у нас веревки, чтобы связать его, и тряпка, чтобы заткнуть рот?» – “We have everything.” » – «Все есть». – “Be careful: he will, in all likelihood, be in disguise.” – «Будьте внимательны: он, по всей вероятности, будет переодет». – “Of course, of course, Monseigneur, rest assured.” – «Конечно, конечно, монсеньор, будьте покойны». – “However, I myself will be there and I will show you.” – «Впрочем, я сам там буду и укажу вам». - “Do you guarantee that justice? – «Вы ручаетесь, что правосудие?. . .” - “I guarantee everything,” said the prince. » – «Ручаюсь за все», – сказал принц. “Okay, we will try our best.” «Хорошо, мы будем стараться изо всех сил». After that, they left the stable. После этого они вышли из конюшни.

“But what has this to do with us?” – Да какое же это имеет отношение к нам? said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян. “This is one of those enterprises that are started every day.” – Это одно из тех предприятий, какие затеваются ежедневно.

- Are you sure it is not directed against us? – Вы уверены, что оно не направлено против нас?

- Against us! – Против нас! For what reason? С какой стати?

- Hm! – Гм! Remember what they said: “I recognized his servant,” said one; this may well apply to me. Припомните-ка,

что они говорили: «Я узнал его слугу», – сказал один; это вполне может относиться ко мне.

– What next? – Дальше?

"He must be in Noisy now or arriving there this evening" - this may well apply to you too. – «Он должен быть сейчас в Нуази или приехать туда сегодня вечером», – это тоже вполне может относиться к вам.

- What else? – Еще что?

– The prince also said: "Be careful: he will, in all likelihood, be disguised" – this, it seems to me, leaves no doubt, because you are not in the uniform of an officer of the Musketeers, but dressed as a simple horseman. – Еще принц сказал: «Будьте внимательны: он, по всей вероятности, будет переодет», – это уж, мне кажется, не оставляет никаких сомнений, потому что вы не в форме офицера мушкетеров, а одеты как простой всадник. Well, what do you say to this? Ну-ка, что вы на это скажете?

"Alas, my dear Planchet," said d'Artagnan with a sigh, "unfortunately, the time has passed for me when princes sought an opportunity to kill me." – Увы, мой милый Планше, – сказал д'Артаньян со вздохом, – к несчастью, для меня миновала пора, когда принцы искали случая убить меня. Ah, those were glorious times! Ah, славное то было время! Rest assured, these people have no need of us at all. Будь покоен, мы вовсе не нужны этим людям.

– Are you sure, sir? – Уверены ли вы, сударь?

– I guarantee it. – Ручаюсь.

- Well, okay then; then there's no point in talking about it. – Ну, так ладно; тогда нечего и говорить об этом.

And Planchet rode behind d'Artagnan again with that great confidence which he had always had in his master, and which had not weakened in the least during fifteen years of separation. И Планше снова поехал позади д'Артаньяна с тем великим доверием, которое он всегда питал к своему господину и которое ничуть не ослабело за пятнадцать лет разлуки.

They rode about a mile. Они проехали около мили.

By the end of this mile, Planchet had again caught up with d'Artagnan. К концу этой мили Планше снова поравнялся с д'Артаньяном.

"Sir," he said. – Сударь, – сказал он.

- Well? – Ну? - he responded. – отозвался тот.

– Look, sir, in that direction; don't you think you see shadows moving there in the darkness? – Поглядите-ка, сударь, в ту сторону; не кажется ли вам, что там, в темноте, двигаются тени? Listen: I think I can hear the sound of horses' hooves. Прислушайтесь: по-моему, слышен лошадиный топот.

"It can't be," said d'Artagnan, "the ground is soaked from the rain; but after your words, it seems to me too that I see something." – Не может быть, – сказал д'Артаньян, – земля размокла от дождя; но после твоих слов мне тоже кажется, что я что-то вижу. And he stopped, peering and listening. – И он остановился, вглядываясь и прислушиваясь.

– If you can't hear the horses' hoofbeats, you can at least hear

their neighing. — Если не слышно топота лошадей, то по крайней мере слышно их ржание. Do you hear that? Слышите?

Indeed, from somewhere in the darkness, d'Artagnan heard the distant neighing of a horse. Действительно, откуда-то из тьмы до слуха д'Артаньяна донеслось отдаленное лошадиное ржание.

“Our lads have set out on a campaign,” he said, “but that doesn’t concern us.” — Наши молодцы выступили в поход, — сказал он, — но нас это не касается. Let’s move on. Едем дальше.

They continued on their way. Они продолжали свой путь.

Half an hour later they reached the first houses of Noisy. Через полчаса они достигли первых домов Нуази. It was about half past eight, or even nine o'clock in the evening. Было около половины девятого, а то и все девять часов вечера.

According to village custom, everyone was already asleep: not a single light was shining in the village. По деревенскому обычаю, все уже спали: в деревне не светилося ни одного огонька.

D'Artagnan and Planchet continued on their way. Д'Артаньян и Планше продолжали свой путь.

On both sides of the road, even darker rooftops stood out against the dark gray sky. По обеим сторонам дороги на темно-сером фоне неба выделялись еще более темные уступы крыш. From time to time, the barking of an awakened dog could be heard from behind the gate, or an alarmed cat would rush

from the middle of the street and hide in a pile of brushwood, from where only its frightened eyes could be seen, burning like carbuncles. Время от времени за воротами раздавался лай разбуженной собаки или встревоженная кошка стремительно кидалась с середины улицы и пряталась в куче хвороста, откуда виднелись только ее испуганные глаза, горящие, как карбункулы. It seemed that the cats were the only living creatures living in the village. Казалось, кошки были единственными живыми существами, обитавшими в деревне.

In the middle of the village, on the main square, a large building towered like a dark mass, separated from the other buildings by two alleys. Посреди селения, на главной площади, темной массой возвышалось большое здание, отделенное от других строений двумя переулками. Enormous linden trees stretched their dry hands towards its façade. Огромные липы протягивали к его фасаду свои сухие руки. D'Artagnan carefully examined the building. Д'Артаньян внимательно осмотрел здание.

"This," he said to Planchet, "must be the archbishop's castle, where the beautiful de Longueville lives. – Это, – сказал он Планше, – должно быть, замок архиепископа, где живет красавица де Лонгвиль. But where is the monastery? Но где же монастырь?

– The monastery is at the end of the village, I know it. – Монастырь в конце деревни, я его знаю.

"Then gallop there," said d'Artagnan, "while I tighten the

horse's girth; see if the Jesuits have a light in one of their windows, and then come back to me.” – Так скачи туда, – сказал д'Артаньян, – пока я подтяну подпругу у лошади; посмотри, нет ли у иезуитов света в каком-нибудь окне, а потом возвращайся ко мне.

Planchet obeyed and disappeared into the darkness, while d'Artagnan, having dismounted, began to tighten the girth, as he had said. Планше повиновался и исчез в темноте, между тем как д'Артаньян, спешившись, стал подтягивать, как и сказал, подпругу.

Five minutes later, Planchet returned. Через пять минут Планше вернулся.

– Sir, there is light only in one window facing the field. – Сударь, свет есть только в одном окне, выходящем в поле.

– Hm! – Гм! – said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. – If I were a rebel, I would knock here and would certainly find a peaceful place to sleep; if I were a monk, I would knock there and would probably get an excellent dinner; and we, quite possibly, will spend the night on the damp ground, between the castle and the monastery, dying of thirst and hunger. – Будь я фрондер, я бы постучался сюда и наверняка нашел бы покойный ночлег; будь я монах, я бы постучался туда и, наверное, получил бы отличный ужин; а мы, очень возможно, заночуем на сырой земле, между замком и монастырем, умирая от жажды и голода.

“Yes, like the famous Buridan's ass,” added Planchet. – Да,

как знаменитый Буриданов осел, – прибавил Планше. “But still, shouldn’t I knock?” – А все же – не постучаться ли?

- Shh! – Ш-ш! - said d'Artagnan. – сказал д’Артаньян. - The only light in the window went out. – Единственный огонек в окне и тот потух.

- Do you hear? – Слышите? – said Planchet. – сказал Планше.

- Really, what is that noise? – В самом деле, что это за шум? There was a roar, like that of an approaching hurricane. Понесся гул, как от надвигающегося урагана.

At that very moment, two squads of horsemen, about ten men each, flew out from two alleys adjacent to the house and, closing in, surrounded d'Artagnan and Planchet from all sides. В ту же минуту из двух переулков, прилегающих к дому, вылетели два отряда всадников, человек в десять каждый, и, сомкнувшись, окружили д’Артаньяна и Планше со всех сторон.

- Wow! – Ого! - said d'Artagnan, drawing his sword and hiding behind his horse. – сказал д’Артаньян, обнажая шпагу и прячась за лошадь. Planchet performed the same maneuver. Планше проделал тот же маневр. - Is it really true that they are really getting to us? – Неужели твоя правда и они впрямь добиваются до нас?

- Here he is! – Вот он! Got him! Попался! - the horsemen shouted and rushed at d'Artagnan with drawn swords. – закричали всадники и бросились с обнаженными шпагами на д’Артаньяна.

“Don’t miss it!” – He упустите! – a loud voice rang out. – раздался громкий голос.

- No, Monsignor! – Нет, монсеньор! Rest assured. Будьте покойны.

D'Artagnan decided it was time for him to speak. Д'Артаньян решил, что пора заговорить и ему.

“Hey, listen,” he said in his Gascon accent, “what do you want?” – Эй, слушайте, – сказал он со своим гасконским акцентом, – чего вы хотите? What do you need? Что вам надо?

“You’ll find out now!” – Узнаешь сейчас! – the riders roared in chorus. – взревели всадники хором.

- Stop! – Стойте! Stop! Стойте! - shouted the one who was called monsignor. – закричал тот, которого называли монсеньором. - Stop, I tell you, that is not his voice! – Стойте, говорят вам, это не его голос!

- That's it! – То-то! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - Have they all gone crazy here in Noisy or something? – Что тут, в Нуази, все перебесились, что ли? But beware, I warn you: the first one who comes within the length of my sword - and I have a long one - I will rip open the belly of him. Но берегитесь, предупреждаю вас; первому, кто приблизится на длину моей шпаги, – а она у меня длинная, – я распорю брюхо.

The leader rode up to him. Предводитель подъехал к нему. “What are you doing here?” – Что вы тут делаете? he asked in an arrogant voice, accustomed to commanding. – спросил он надменным голосом, привыкшим повелевать.

– And you? – А вы? – asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

– Be more polite, or you'll get a proper lesson! – Повежливей, не то вас проучат как следует! Even if I don't tell you who I am, I still demand that you be respectful of my rank. Если я вам себя и не называю, то все же требую, чтобы вы были почтительны к моему сану.

“You are afraid to give your name because you command a band of robbers,” said d'Artagnan, “but I, who am traveling peacefully with my lackey, have no reason to hide my name.” – Вы боитесь назвать себя, потому что командуете разбойничьей шайкой, – сказал д'Артаньян, – но мне, мирно путешествующему со своим лакеем, нет никаких причин скрывать свое имя.

- Okay, okay! – Ладно, ладно! Who are you? Кто вы?

“I will tell you my name so that you know where to find me, sir, prince, or monseigneur, whatever your name is,” replied the Gascon, not wanting anyone to think that he was afraid of the threat. – Я назову вам себя, чтобы вы знали, где найти меня, сударь, принц или монсеньор, как вас там зовут, – ответил гасконец, не желавший, чтоб думали, будто он испугался угрозы. “Do you know d'Artagnan?” – Знаете вы д'Артаньяна?

– Lieutenant of the King's Musketeers? – Лейтенанта королевских мушкетеров? – asked the voice. – спросил голос.

- That very one! – Этого самого!

– Of course I know. – Конечно знаю.

- Well, you've probably heard that he has a strong hand and a sharp sword? – Ну так вы, верно, слышали, что у него крепкая рука и острая шпага?

- Are you Monsieur d'Artagnan? – Вы господин д'Артаньян?

- Me! – Я!

- So you came here to defend him? – Значит, вы приехали сюда защищать его?

- Him... Whom him? – Его... Кого его?.. ...

- The one we're looking for. – Того, кого мы ищем.

"I thought I was going to Noisy, but I seem to have ended up in a kingdom of mysteries," said d'Artagnan. – Я думал попасть в Нуази, а попал, кажется, в царство загадок, – сказал д'Артаньян.

"Answer me," said the same haughty voice, "were you waiting for him here under the windows?" – Отвечайте же, – сказал тот же надменный голос, – вы его ожидали здесь под окнами? "Did you come to Noisy to protect him?" Вы приехали в Нуази, чтобы защищать его?

"I'm not expecting anyone," said d'Artagnan, beginning to lose patience, "and I'm not going to defend anyone except myself; but I'm not going to defend myself lightly, I warn you." – Я никого не жду, – сказал д'Артаньян, начиная терять терпение, – и никого не собираюсь защищать, кроме самого себя; но уж себя-то, предупреждаю вас, буду защищать не шутя.

"Okay," said the voice, "go away from here, clear a place for

us.” – Хорошо, – сказал голос, – ступайте отсюда, очистите нам место.

“Leave here?” – Уйти отсюда? – said d’Artagnan, whose plans were disrupted by this order. – сказал д’Артаньян, планы которого нарушались этим приказанием. – “It’s not so easy: I am exhausted from fatigue, and so is my horse; unless you offer me dinner and a place to stay nearby.” – Не так-то это легко: я изнемогаю от усталости, и моя лошадь тоже; разве что вы предложите мне ужин и ночлег поблизости.

– Fraudster! – Мошенник!

- Hey, sir, be careful with your words, I beg you, because if you say another word like that, then, whether you are a marquis, a duke, a prince or a king, I will ram your words back down your throat, do you hear! – Эй, сударь, осторожнее в выражениях, прошу вас, потому что если вы скажете еще словечко в этом роде, то, будь вы маркиз, герцог, принц или король, я вам вколочу ваши слова обратно в глотку, слышите!

“Well, well,” said the leader, “it’s impossible to be mistaken. You can tell right away that it’s a Gascon speaking, and that means it’s not the one we’re looking for.” – Ну, ну, – сказал предводитель, – невозможно ошибиться, сразу слышно, что говорит гасконец, и значит, не тот, кого мы ищем. “It didn’t work out this time!” На этот раз не удалось! “Let’s go!” Едем! “We’ll meet again, Monsieur d’Artagnan,” concluded the leader, raising his voice. Мы с вами еще встретимся, господин д’Артаньян, – заключил предводитель, возвышая голос.

“Yes, but not under such convenient circumstances for you,” the Gascon said mockingly. – Да, но уже не при таких удобных для вас обстоятельствах, – сказал насмешливо гасконец. “Perhaps it will be in broad daylight and you will be alone.” – Быть может, это будет средь белого дня и вы будете один.

– Okay, okay! – Ладно, ладно! – said the voice. – сказал голос. – On the road, gentlemen! – В дорогу, господа!

And the squad of horsemen, grumbling and cursing, disappeared into the darkness, turning towards Paris. И отряд всадников, ворча и ругаясь, исчез в темноте, повернув в сторону Парижа.

D'Artagnan and Planchet remained on guard for some time; but as the noise grew more distant, they sheathed their swords. Д'Артаньян и Планше стояли еще некоторое время настороже; но так как шум все удалялся, они вложили шпаги в ножны.

“You see, you fool,” d'Artagnan calmly addressed Planchet, “they didn't get to us at all.” – Видишь, дурень, – спокойно обратился д'Артаньян к Планше, – они вовсе не до нас добились.

“Then who is it?” – А до кого же тогда? asked Planchet. – спросил Планше.

– Honestly, I don't know! – Ей-ей, не знаю! And what does it matter to me? Да и какое мне дело? I have another concern: getting into the Jesuit monastery. У меня другая забота: попасть в монастырь к иезуитам. Well, let's get on our horses and

knock on their door! Ну, на коней, и постучимся к ним! Come what may, they won't eat us, damn it! Будь что будет, не съедят же они нас, черт побери!

And d'Artagnan jumped into the saddle. И д'Артаньян вскочил в седло.

Planchet had just done the same when suddenly an unexpected weight fell on his horse's croup, causing the horse to sit down on its hind legs. Планше только что сделал то же самое, как вдруг на круп его лошади свалилась неожиданная тяжесть, от которой лошадь даже присела на задние ноги.

"Hey, sir," Planchet shouted, "there's a man sitting behind me!" – Эй, сударь, – закричал Планше, – сзади меня человек сидит!

D'Artagnan turned around and indeed saw two human figures on Planchet's horse. Д'Артаньян обернулся и в самом деле увидел на лошади Планше две человеческие фигуры.

"The devil himself is chasing us!" – Нас сам черт преследует! – he exclaimed, drawing his sword and getting ready to attack the newcomer. – воскликнул он, обнажая шпагу и собираясь напасть на новоприбывшего.

"No, my dear d'Artagnan," he replied, "it is not the devil, it is I, Aramis." – Нет, милый д'Артаньян, – ответил тот, – это не черт, это я, Арамис. Gallop, Planchet, and turn left at the end of the village. Скачи галопом, Планше, и в конце деревни сверни влево.

Planchet, with Aramis behind him, galloped forward, and

d'Artagnan followed them, beginning to think that all this was a fantastic and incoherent dream. Планше с Арамисом за спиной поскакал вперед, и д'Артаньян последовал за ними, начиная думать, что все это фантастический и бессвязный сон.

Chapter X Глава X

Abbé d'Herblay Аббат д'Эрбле

At the end of the village, Planchet turned left, as Aramis had ordered him, and stopped under a lighted window. В конце деревни Планше свернул налево, как ему приказал Арамис, и остановился под освещенным окном. Aramis jumped to the ground and clapped his hands three times. Арамис соскочил на землю и трижды хлопнул в ладоши. Immediately the window opened, and a rope ladder descended from it. Тотчас же окно растворилось, и оттуда спустилась веревочная лестница.

“My dear friend,” said Aramis, “if you would like to come up, I will be happy to receive you.” – Дорогой друг, – сказал Арамис, – если вам угодно подняться, я буду счастлив принять вас.

- So that's how it is! – Вот как! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - Do you always enter your house like this? – Всегда у вас так входят в дом?

– After nine in the evening, you have to, damn it! – После девяти вечера поневоле приходится, черт возьми! The monastery rules are very strict! Монастырский устав очень строг!

– Excuse me, my friend, did I hear you say, “Damn it”? – Простите, мой друг, мне послышалось, вы сказали: «Черт возьми»? –

- Really? – Право? - laughed Aramis. – засмеялся Арамис.
- It is possible; you cannot imagine, my dear, how many bad habits one acquires in these damned monasteries and what nasty manners all these fathers with whom I am forced to live have. – Это возможно; вы не можете себе представить, дорогой мой, сколько дурных привычек приобретаешь в этих проклятых монастырях и какиескверные манеры у всех этих отцов, с которыми я принужден жить. Why don't you get up? Что же вы не поднимаетесь? –

- Go ahead, I'll follow you. – Ступайте вперед, я за вами.
"To show you the way, Your Majesty," as the late cardinal said to the late king. – «Чтоб указать вам дорогу, ваше величество», – как сказал покойный кардинал покойному королю.

Aramis quickly climbed the ladder and in an instant found himself at the window. Арамис проворно вскарабкался по лестнице и в одно мгновение очутился в окне.

D'Artagnan followed him, but more slowly; it was clear that this kind of path was less familiar to him than to his friend. Д'Артаньян полез за ним, но медленнее; видно было, что пути такого рода были ему менее привычны, чем его другу.

“Excuse me,” said Aramis, noticing his awkwardness, “if I had known that you would do me the honor of visiting, I would have ordered a garden ladder to be installed; but this is enough for

ме.” – Извините, – сказал Арамис, заметив его неловкость, – если б я знал, что вы окажете мне честь своим посещением, я приказал бы поставить садовую лестницу; а с меня и такой хватает.

“Sir,” said Planchet, when d’Artagnan had almost reached his goal, “this method is good for Monsieur Aramis, it is somehow suitable for you, and it is also not very good for me.” – Сударь, – сказал Планше, когда д’Артаньян почти уже достиг цели, – этаким способ хорош для господина Арамиса, кой-как годится для вас, да и для меня тоже куда нишло. But horses will never be able to climb a rope ladder. Но лошадям по веревочной лестнице ни за что не подняться.

“Take them under that shed, my friend,” said Aramis, pointing Planchet to a building standing in the middle of the field, “there you will find oats and straw for them.” – Отведите их под тот навес, мой друг, – сказал Арамис, указывая Планше на какое-то строение, стоящее среди поля, – там вы найдете для них овес и солому.

– And for me? – А для меня? – asked Planchet. – спросил Планше.

- You come to this window, clap your hands three times, and we will send you something to eat. – Вы подойдете к этому окну, хлопнете три раза в ладоши, и мы спустим вам съестного. Rest assured, damn it, no one is dying of hunger here. Будьте покойны, черт побери, здесь не умирают с голоду. Go! Ступайте!

And Aramis, having pulled in the ladder, closed the window. И Арамис, втянув лестницу, закрыл окно.

D'Artagnan looked around the room with curiosity. Д'Артаньян с любопытством осмотрел комнату.

Never before had he seen a room furnished in a more warlike and at the same time more elegant manner. Никогда еще не видел он более воинственно и вместе с тем более изящно убранного помещения. War trophies, mainly swords, were displayed in every corner, and four large paintings depicted the Cardinal of Lorraine, Cardinal Richelieu, Cardinal Lavalette, and the Archbishop of Bordeaux in full battle armor. В каждом углу красовались военные трофеи – главным образом шпаги, а четыре большие картины изображали в полном боевом вооружении кардинала Лотарингского, кардинала Ришелье, кардинала Лавалета и бордоского архиепископа. True, apart from these, nothing else reminded one that this was the abbot's dwelling: the walls were covered in silk, Alencon carpets were everywhere, and the bed, with its lace and lush coverlet, looked more like the bed of a pretty woman than the bed of a man who had vowed to attain paradise at the cost of abstinence and mortification of the flesh. Правда, кроме них, ничто не напоминало о том, что это жилище аббата: на стенах шелковая обивка, повсюду алансонские ковры, а постель с кружевами и пышным покрывалом походила больше на постель хорошенькой женщины, чем на ложе человека, давшего обет достигнуть рая ценой воздержания и умерщвления плоти.

“Are you looking at my cell?” – Вы рассматриваете мою келью? said Aramis. – сказал Арамис. “Ah, my dear, forgive me.” – Ах, дорогой мой, извините меня. What can I do! Что делать! I live like a hermit monk. Живу как монах-отшельник. But why are you looking around? Но что вы озираетесь?

“I don’t understand who lowered the ladder down to you; there’s no one here, and the ladder couldn’t have appeared by itself.” – Не пойму, кто спустил вам лестницу; здесь никого нет, а не могла же лестница явиться сама собой.

- No, Bazin brought it down. – Нет, ее спустил Базен.

“Ah,” d’Artagnan drawled. – А-а, – протянул д’Артаньян.

“But,” continued Aramis, “I have Bazin well trained: he saw that I was not returning alone, and withdrew out of modesty.” – Но, – продолжал Арамис, – Базен у меня хорошо вымуштрован: он увидел, что я возвращаюсь не один, и удалился из скромности. “Sit down, my dear, let’s talk.” Садитесь, милый мой, потолкуем.

And Aramis pulled out a wide armchair for d’Artagnan, in which he sprawled comfortably. И Арамис придвинул д’Артаньяну широкое кресло, в котором тот удобно развалился.

– First of all, you will have dinner with me, won’t you? – Прежде всего вы со мной отужинаете, не правда ли? – asked Aramis. – спросил Арамис.

“Yes, if you like, and even with great pleasure,” said d’Artagnan. – Да, если вам угодно, и даже с большим удовольствием, – сказал д’Артаньян. “I confess, I’m damn hungry on

the way.” – Признаюсь, за дорогу я чертовски проголодался.

- Ah, my poor friend! – Ах, бедный друг! - said Aramis. – сказал Арамис. - I'm a bit short today, don't blame me, we weren't expecting you. – У меня сегодня скудноовато, не взыщите, мы вас не ждали.

– Am I really in danger of a Crevecoeur omelet with “theobroma”? – Неужели мне угрожает кревкерская яичница с «теобромом»? That’s what you used to call spinach, isn’t it? Так ведь, кажется, вы прежде называли шпинат?

“Oh, we must hope,” replied Aramis, “that with the help of God and Bazin we will find something better in the storerooms of the worthy Jesuit fathers.” – О, нужно надеяться, – ответил Арамис, – что с помощью Божьей и Базена мы найдем что-нибудь получше в кладовых у достойных отцов иезуитов. Bazin, my friend! Базен, друг мой! – he called. – позвал он. – Bazin, come here! – Базен, подите сюда!

The door opened, and Bazin appeared; but on seeing d'Artagnan, he uttered an exclamation that was more like a cry of despair. Дверь отворилась, и явился Базен; но, увидев д’Артаньяна, он издал восклицание, похожее скорее на вопль отчаяния.

“My dear Bazin,” said d’Artagnan, “I am very pleased to see with what admirable confidence you lie even in church.” – Мой милый Базен, – сказал д’Артаньян, – мне очень приятно видеть, с какой восхитительной уверенностью вы лжете даже в церкви.

“Sir, I have learned from the worthy Jesuit fathers,” replied Bazin, “that lying is permissible when it is done with good intentions.” – Сударь, я узнал от достойных отцов иезуитов, – возразил Базен, – что ложь дозволительна, когда лгут с добрым намерением.

- Very well, very well, Bazin. – Хорошо, хорошо, Базен. D'Artagnan is dying of hunger, and so am I; serve us dinner, and something better, and most importantly, bring some good wine. Д'Артаньян умирает с голоду, и я тоже; подайте нам ужин, да получше, а главное, принесите хорошего вина.

Bazin bowed in submission, sighed heavily and left. Базен поклонился в знак покорности, тяжело вздохнул и вышел.

“We are alone now, my dear Aramis,” said d'Artagnan, turning his eyes from the furniture to the owner and examining his clothes to complete the overview. – Теперь мы одни, милый Арамис, – сказал д'Артаньян, переводя глаза с мебелировки на хозяина и рассматривая его одежду, чтобы довершить обзор. “Tell me, where did you suddenly fall on Planchet's horse?” – Скажите мне, откуда свалились вы вдруг на лошадь Планше?

“Oh, damn it,” said Aramis, “you know, from the sky!” – Ох, черт побери, – сказал Арамис, – сами понимаете – с неба!

“From the sky!” – С неба! repeated d'Artagnan, shaking his head. – повторил д'Артаньян, покачивая головой. “It doesn't look like you came from there or that you will ever get there.” – Непохоже, чтобы вы оттуда явились или чтобы вы туда по-

пали когда-нибудь.

“My dear fellow,” said Aramis, with a complacency which d’Artagnan had never seen in him in the days when he was a musketeer, “if I did not come from heaven, then I certainly came from paradise, and that is almost the same thing.” – Мой милый, – сказал Арамис с самодовольством, какого д’Артаньян никогда не видывал в нем в те времена, когда он был мушкетером, – если я явился и не с неба, то ужнаверное из рая, а это почти одно и то же.

– At last the wise men will decide this question! – Наконец-то мудрецы решат этот вопрос! – exclaimed d’Artagnan. – воскликнул д’Артаньян. – Until now they could not agree on the exact location of paradise: some placed it on Mount Ararat, others – between the Tigris and Euphrates; it turns out that they were looking for it too far away, and it is right next to us: paradise is in Noisy-le-Sec, in the castle of the Archbishop of Paris. – До сих пор они никак не могли столковаться относительно точного местонахождения рая: одни помещали его на горе Арарат, другие – между Тигром и Евфратом; оказывается, его искали слишком далеко, а он у нас под боком: рай – в Нуази-ле-Сек, в замке парижского архиепископа. From there they do not leave through the door, but through the window; they descend not by the marble steps of the staircase, but clinging to the linden branches, and the angel guarding it with a fiery sword, it seems to me, has changed his heavenly name of Gabriel to the more earthly name of the Prince de Marsillac. Оттуда выходят

не в дверь, а в окно; спускаются не по мраморным ступеням лестницы, а цепляясь за липовые ветки, и стерегущий его ангел с огненным мечом, мне кажется, изменил свое небесное имя Гавриила на более земное имя принца де Марсильяка.

Aramis burst out laughing. Арамис расхохотался.

"You are still a cheerful conversationalist, my dear," he said, "and your Gascon wit has not failed you." – Вы по-прежнему веселый собеседник, мой милый, – сказал он, – и ваше гасконское остроумие вам не изменило. Yes, there is some truth in what you say; but do not think that I am in love with Madame de Longueville. Да, в том, что вы говорите, есть доля правды; но не подумайте только, что я влюблен в госпожу де Лонгвиль.

- Of course! – Еще бы! After you have been Madame de Chevreuse's lover for so long, you will not give your heart to her mortal enemy. После того как вы были так долго возлюбленным госпожи де Шеврез, не отдадите же вы свое сердце ее смертельному врагу.

"Yes, it is true," replied Aramis calmly, "I was once very fond of that dear Duchess, and, to do her justice, she was very useful to us." – Да, правда, – спокойно ответил Арамис, – когда-то я очень любил эту милую герцогиню, и, надо отдать ей справедливость, она была нам очень полезна. But what can we do! Но что делать! She was forced to leave France. Ей пришлось покинуть Францию. That damned cardinal was a merciless enemy," continued Aramis, glancing at the portrait of

the late minister. Беспощадный был враг этот проклятый кардинал, – продолжал Арамис, бросив взгляд на портрет покойного министра. "He ordered her arrest and conveyance to the Château de Loches. – Он приказал арестовать ее и препроводить в замок Лош. By God, he would have cut off her head, like Chalais, Montmorency, and Saint-Mars; but she escaped, disguised as a man, along with her maid, poor Kitty; She even had, I heard, a funny adventure in one village with a priest from whom she asked for a place to stay for the night and who, having only one room and taking Madame de Chevreuse for a man, offered to share it with her. Ей-богу, он отрубил бы ей голову, как Шале, Монморанси и Сен-Марсу; но она спаслась, переодевшись мужчиной, вместе со своей горничной, бедняжкой Кэтти; у нее было даже, я слышал, забавное приключение в одной деревне с каким-то священником, у которого она просила ночлега и который, располагая всеголишь одной комнатой и приняв госпожу де Шеврез за мужчину, предложил разделить эту комнату с ней. She wore men's clothes amazingly skillfully, this dear Marie. Она ведь изумительно ловко носила мужское платье, эта милейшая Мари. I don't know another woman who wore them so well; that's why they wrote couplets about her: Laboisiere, tell me, on whom... Я не знаю другой женщины, которой бы оно так шло; потому-то на нее и написали куплеты: Лабуассьер, скажи, на ком...

Do you know them? Вы их знаете?

– No, I don't know; sing, my dear. – Нет, не знаю; спойте,

мой дорогой.

And Aramis sang with the most playful air: Laboissiere, tell me, on whom does a man's attire fit so well? И Арамис запел с самым игривым видом: Лабуассьер, скажи, на ком Мужской наряд так впору? You prance on horseback Better than us, without a doubt. Вы гарцуете верхом Лучше нас, без спору. She, like a young recruit among brawlers and drunkards, is sweet and slender. Она, Как юный новобранец Среди рубак и пьяниц, Мила, стройна.

“Bravo!” – Bravo! said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян. “You still sing wonderfully, dear Aramis, and I see that the mass has not spoiled your voice.” – Вы все еще чудесно поете, милый Арамис, и я вижу, что обедня не испортила вам голос.

“My dear fellow,” said Aramis, “you know, when I was a musketeer, I tried with all my might to serve as few guards as possible; now, as an abbot, I try to serve as few dinners as possible.” – Дорогой мой, – сказал Арамис, – знаете, когда я был мушкетером, я всеми силами старался нести как можно меньше караулов; теперь, став аббатом, я стараюсь служить как можно меньше обеден. But let us return to the poor duchess. Но вернемтесь к бедной герцогине.

- To which one? – К которой? To the Duchess de Chevreuse or to the Duchess de Longueville? К герцогине де Шеврез или к герцогине де Лонгвиль?

– My friend, I have already said that there is nothing between me and the Duchess de Longueville: only jokes, nothing more.

– Друг мой, я уже сказал, что между мной и герцогиней де Лонгвиль нет ничего: одни шутки, не больше. I am talking about the Duchess de Chevreuse. Я говорю о герцогине де Шеврез. Did you see her upon her return from Brussels after the death of the king? Вы виделись с ней по возвращении ее из Брюсселя после смерти короля?

– Of course. – Конечно. She was still very good-looking then. Она тогда была еще очень хороша.

– Yes, and I also saw her at that time; I gave her excellent advice, but she did not take advantage of it; I went on and on, assuring her that Mazarin was the queen's lover; she did not want to believe me, saying that she knew Anne of Austria well and that she was too proud to love such a scoundrel. – Да, и я тоже как-то виделся с ней в то время; я давал ей превосходные советы, но она не воспользовалась ими; я распинался, уверяя, что Мазарини – любовник королевы; она не хотела мне верить, говорила, что хорошо знает Анну Австрийскую и что та слишком горда, чтобы любить подобного негодяя. Then she rushed headlong into the conspiracy of the Duke of Beaufort, and the scoundrel went and ordered the arrest of the Duke of Beaufort and the expulsion of the Duchess de Chevreuse. Потом она очертя голову ринулась в заговор герцога Бофора, а негодяй взял да и приказал арестовать герцога Бофора и изгнать герцогиню де Шеврез.

“You know,” said d’Artagnan, “she has received permission to return.” – Вы знаете, – сказал д’Артаньян, – она получила

разрешение вернуться.

- Yes, and she's already back... She'll do something stupid again. – Да, и уже вернулась... Она еще наделает глупостей.

- Oh, maybe this time she will follow your advice? – О, быть может, на этот раз она последует вашим советам?

“Oh, this time,” said Aramis, “I didn't see her; she must have changed a lot.” – О, на этот раз, – сказал Арамис, – я с ней не виделся; она, наверно, сильно изменилась.

“Not like you, dear Aramis; you are still the same.” – Не то что вы, милый Арамис; вы все прежний. You still have the same beautiful black hair, the same slender figure and feminine hands, which have become the beautiful hands of a prelate. У вас все те же прекрасные черные волосы, тот же стройный стан и женские руки, ставшие прекрасными руками прелата.

“Yes,” said Aramis, “it's true, I care about my appearance.” – Да, – сказал Арамис, – это правда, я забочусь о своей внешности. But you know, my friend, I'm getting old: I'll soon be thirty-seven. Но знаете, друг мой, я старею: скоро мне стукнет тридцать семь лет.

“Listen,” said d'Artagnan, smiling, “since we've already met, let's agree on how old we should be in the future.” – Послушайте, – сказал д'Артаньян, улыбаясь, – раз уж мы с вами встретились, так условимтесь, сколько нам должно быть лет на будущее время.

– How so? – Как так? – asked Aramis. – спросил Арамис.

“Yes,” continued d'Artagnan, “in the old days I was two or

three years younger than you, and if I'm not mistaken, I'm already forty." – Да, – продолжал д'Артаньян, – в прежнее время я был моложе вас на два или три года, а мне, если не ошибаюсь, уже стукнуло сорок.

– Really? – В самом деле? – said Aramis. – сказал Арамис. – Then I'm wrong, because you've always been an excellent mathematician. – Значит, я ошибаюсь, потому что вы всегда были отличным математиком. So, by your reckoning, it turns out that I'm already forty-three years old? Так по вашему счету выходит, что мне уже сорок три года? Damn it! Черт возьми! Don't let this slip at the Hotel Rambouillet: it might harm me. Не проговоритесь об этом в отеле Рамбулье: это может мне повредить.

"Don't worry," said d'Artagnan, "I don't go there." – Будьте покойны, – сказал д'Артаньян, – я там не бываю.

- Oh, really?! – Да ну?! But why is that brute Bazin stuck there? Но чего застрял там этот скотина Базен? - Aramis cried. – вскричал Арамис. - Hurry up, you idiot, turn around! – Живей, болван, поворачивайся! We're dying of hunger and thirst! Мы умираем от голода и жажды!

Bazin, who entered at that moment, raised the bottles he was holding in his hands to the sky. Вошедший в эту минуту Базен воздел к небу бутылки, которые держал в руках.

– At last! – Наконец-то! – said Aramis. – сказал Арамис. – Well, is everything ready? – Ну как, все готово?

- Yes, sir, right now. – Да, сударь, сию минуту. After all,

it won't be long before you submit all these... Ведь не скоро подашь все эти...

“Because you imagine that you are still wearing a church robe, and all you do is read the prayer book.” – Потому что вы воображаете, будто на вас все еще церковный балахон, и вы только и делаете, что читаете требник. But I warn you that if, while you are grinding church utensils in your chapels, you forget how to clean my sword, I will make a fire out of all your icons and roast you on it. Но предупреждаю вас, что, если, перетирая церковные принадлежности в своих часовнях, вы разучитесь чистить мою шпагу, я сложу костер из всех ваших икон и поджарю вас на нем.

The indignant Bazin crossed himself with the bottle. Возмущенный Базен перекрестился бутылкой. D'Artagnan, struck by the tone and manners of the Abbé d'Herblay, so unlike the tone and manners of the musketeer Aramis, looked at his friend with wide eyes. Д'Артаньян, пораженный тоном и манерами аббата д'Эрбле, столь непохожими на тон и манеры мушкетера Арамиса, глядел на своего друга во все глаза.

Bazin quickly covered the table with a Kamchatka tablecloth and placed on it so many well-roasted, fragrant and tempting dishes that d'Artagnan was dumbfounded with surprise. Базен живо накрыл стол камчатной скатертью и расставил на нем столько хорошо зажаренных ароматных и соблазнительных кушаний, что д'Артаньян ошеломился от удивления.

“But you were probably expecting someone?” – Но вы, на-

верное, ждали кого-нибудь? – he asked. – спросил он.

– Hm! – Гм! – answered Aramis. – ответил Арамис. – I am always ready to receive a guest; and besides, I knew that you were looking for me. – Я всегда готов принять гостя; да к тому же я знал, что вы меня ищете.

- From whom? – От кого?

- Yes, from Bazin himself, who took you for the devil and came running to warn me of the danger that threatens my soul if I again fall into the bad company of the musketeer officer. – Да от самого Базена, который принял вас за дьявола и прибежал предупредить меня об опасности, грозящей моей душе в случае, если я опять попаду в дурное общество мушкетерского офицера.

“Oh, sir!” – О сударь! – Bazin said pleadingly, folding his hands. – умоляюще промолвил Базен, сложив руки.

- Please, no hypocrisy. – Пожалуйста, без лицемерия. You know, I don't like that. Вы знаете, я этого не люблю. You'd better open the window and send down some bread, some chicken and a bottle of wine to your friend Planchet: he's been exhausted for an hour now, clapping his hands under the window. Откройте-ка лучше окно да спустите хлеб, цыпленка и бутылку вина своему другу Планше: он уже целый час из сил выбивается, хлопая в ладоши под окном.

Indeed, Planchet, having given the horses oats and straw, returned to the window and repeated the signal three times. Действительно, Планше, задав лошадям овса и соломы, вернул-

ся под окно и уже три раза повторил условный сигнал.

Bazin obeyed and, having tied the three named objects to the end of the rope, lowered them to Planchet. Базен повиновался и, привязав к концу веревки три названных предмета, спустил их Планше. The latter, without asking for more, immediately went back to his awning. Последний, не требуя большего, тотчас ушел к себе под навес.

“Now let’s have dinner,” said Aramis. – Теперь давайте ужинать, – сказал Арамис.

The friends sat down at the table, and Aramis began to cut up the ham, chickens, and partridges with the skill of a true gourmet. Друзья сели за стол, и Арамис принялся резать ветчину, цыплят и куропаток с мастерством настоящего гастронома.

– Damn it, how you eat! – Черт возьми, как вы едите! – said d'Artagnan. – сказал д’Артаньян.

- Yes, not bad. – Да, неплохо. And for the fast days I have permission from Rome, which the lord coadjutor obtained for me due to my poor health. А на постные дни у меня есть разрешение из Рима, которое выхлопотал мне по слабости моего здоровья господин коадьютор. Besides, I have taken in the former cook of lord Lafollon, you know, the old friend of the cardinal, that famous glutton who, instead of praying after dinner, said: “Lord, help me to digest well what I have so gloriously enjoyed.” К тому же я взял к себе бывшего повара господина Лафоллона, знаете, старого друга кардинала, того знаменитого обжо-

ры, который вместо молитвы говорил после обеда: «Господи, помоги мне хорошо переварить то, чем я так славно угостился».

“And yet this did not prevent him from dying of an upset stomach,” d’Artagnan remarked, laughing. – И все же это не помешало ему умереть от расстройства желудка, – заметил, смеясь, д’Артаньян.

“What should I do?” – Что делать? – Aramis said with resignation. – сказал Арамис с покорностью. – “You can’t escape fate.” – От судьбы не уйдешь.

- Excuse me, my dear, but can I ask you one question? – Простите, дорогой мой, но можно вам задать один вопрос?

- Well, of course, go ahead and ask: you know there are no secrets between us. – Ну разумеется, задавайте: вы ведь знаете, между нами нет тайн.

- Have you become rich? – Вы разбогатели?

- Oh my God, not at all. – О боже мой, нисколько. I have twelve thousand livres a year, and also a small allowance of a thousand ecus, which the Prince of Condé got for me. Я имею в год двенадцать тысяч ливров, да еще маленькое пособие в тысячу экю, которое мне выхлопотал принц Конде.

“How do you earn these twelve thousand?” asked d’Artagnan, “with your poems?” – Чем же вы зарабатываете эти двенадцать тысяч, – спросил д’Артаньян, – своими стихами?

- No, I have given up poetry; I only occasionally compose some drinking songs, love sonnets or innocent epigrams. – Нет,

я бросил поэзию; так только, иногда сочиняю какие-нибудь застольные песни, любовные сонеты или невинные эпиграммы. I write sermons, my dear! Я пишу проповеди, мой милый!

– How are the sermons? – Как проповеди?

– Wonderful sermons, I assure you. – Замечательные проповеди, уверяю вас. At least according to others. По крайней мере по отзывам других.

– And you pronounce them yourself? – И вы сами их произносите?

– No, I sell them. – Нет, я их продаю.

– To whom? – Кому?

– To those of my brothers who dream of becoming great orators. – Тем из моих собратьев, которые мечтают сделаться великими ораторами.

– I see! – Вот как! And have you yourself never been seduced by fame? А вас самого разве никогда не прельщала слава?

– Of course, it was seductive, but my nature got the better of me. – Разумеется, прельщала, но моя натура одержала верх. When I am in the pulpit and a pretty woman looks at me, I begin to look at her; she smiles, I smile too. Когда я на кафедре и на меня смотрит хорошенькая женщина, то я начинаю на нее смотреть; она улыбается, я улыбаюсь тоже. Then I get confused and talk nonsense; instead of talking about the torments of hell, I talk about the bliss of paradise. Тогда я сбиваюсь с толку и несу чепуху; вместо того чтобы говорить об адских муках, я говорю о райском блаженстве. Well, for example, this

happened to me in the Church of Saint-Louis in Marais ... Some nobleman laughed right in my face. Да вот, к примеру, со мной так и случилось в церкви Святого Людовика в Маре... Какой-то дворянин рассмеялся мне прямо в лицо. I interrupted my sermon and told him that he was a fool. Я прервал свою проповедь и заявил ему, что он дурак. The parishioners went to get stones, and in the meantime I so arranged the meeting that stones were thrown at the nobleman. Прихожане отправились за камнями, а я тем временем так настроил собрание, что камни полетели в дворянина. True, the next morning he came to me, imagining that he was dealing with an ordinary abbot. Правда, наутро он явился ко мне, воображая, что имеет дело с обыкновенным аббатом.

“And what consequences did this visit have?” – И какие же последствия имел этот визит? asked d’Artagnan, clutching his sides from laughter. – спросил д’Артаньян, хватаясь за бока от хохота.

– The consequence was that we arranged a meeting for the next day at Royal Square. – Последствием было то, что мы назначили на другой день встречу на Королевской площади. But you yourself know how it happened, damn it! Да ведь вы сами знаете, как было дело, черт возьми!

“Was it not against this ignoramus that I acted as your second?” – Уж не против ли этого невежи выступал я вашим секундантом? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян.

- Exactly. – Именно. You saw how I finished him off. Вы

видели, как я его отделал.

- And he died? – И он умер?

- I absolutely don't know. – Решительно не знаю. But just in case, I gave him absolution – in articulo mortis. Но на всякий случай я дал ему отпущение грехов – in articulo mortis. It is enough to kill the body, but the soul should not be destroyed. Достаточно убить тело, а душу губить не следует.

Bazin made a gesture of despair, which showed that he might approve of such a moral, but by no means approved of the tone in which it was expressed. Базен сделал жест отчаяния, показавший, что он, может быть, и одобряет такую мораль, но отнюдь не одобряет тон, каким она высказана.

- Bazin, my dear sir, don't you notice that I see you in the mirror! – Базен, любезнейший, вы не замечаете, что я вижу вас в зеркале! And yet I have forbidden you once and for all any expressions of approval or censure. А ведь я вам запретил раз навсегда всякие выражения одобрения или порицания. Be so kind as to bring us some Spanish wine and go to your room. Будьте добры, принесите-ка нам испанского вина и отправляйтесь в свою комнату. Besides, my friend d'Artagnan wants to tell me something in confidence. К тому же мой друг д'Артаньян желает сказать мне кое-что по секрету. Isn't that right, d'Artagnan? Не правда ли, д'Артаньян?

D'Artagnan nodded affirmatively, and Bazin, having served Spanish wine, left. Д'Артаньян утвердительно кивнул, и Базен, подав испанское вино, удалился.

Left alone, the friends were silent for a while. Оставшись одни, друзья некоторое время молчали. Aramis seemed to be indulging in a pleasant digestion, and d'Artagnan was preparing to begin his speech. Арамис, казалось, предавался приятному пищеварению, а д'Артаньян готовился приступить к своей речи. Both glanced furtively at each other. Оба украдкой поглядывали друг на друга.

Aramis was the first to break the silence. Арамис первый прервал молчание.

Chapter XI Глава XI

Two Cunning Men Два хитреца

- What are you thinking about, d'Artagnan, and why are you smiling? – О чем вы думаете, д'Артаньян, и чему улыбаетесь?

“I think,” said d'Artagnan, “that when you were a musketeer you always looked like an abbot, and now that you are an abbot you look very much like a musketeer.” – Я думаю, – сказал д'Артаньян, – что, когда вы были мушкетером, вы всегда смахивали на аббата, а теперь, став аббатом, вы сильно смахиваете на мушкетера.

“That's true,” laughed Aramis. – Это верно, – засмеялся Арамис. “Man, as you know, my dear d'Artagnan, is a strange animal, entirely made up of contradictions. – Человек, как вы знаете, мой дорогой д'Артаньян, странное животное, целиком состоящее из противоречий. Ever since I became an abbot, I have dreamed of nothing but battles. С тех пор как я

стал аббатом, я только и мечтаю что о сражениях.

– It's evident from your surroundings: how many rapiers you have here, and for every taste! – Это видно по вашей обстановке: сколько у вас тут рапир, и на любой вкус! And have you forgotten how to fencing? А фехтовать вы не разучились?. ...

- Me? – Я? Yes, I now fence just like you fenced in the old days, even better, perhaps. Да я теперь фехтую так же, как фехтовали вы в былое время, даже лучше, быть может. That's all I do all day. Я этим только и занимаюсь целый день.

- With whom? – С кем же?

- With an excellent fencing teacher who lives here. – С превосходным учителем фехтования, который живет здесь.

- How is it here? – Как здесь?

- Yes, here, in this very monastery. – Да, здесь, в этом самом монастыре. In Jesuit monasteries you can meet anyone... В иезуитских монастырях можно встретить кого угодно...

– In that case, would you have killed Monsieur de Marsillac if he had attacked you alone, and not at the head of twenty men? – В таком случае вы убили бы господина де Марсильяка, если бы он напал на вас один, а не во главе двадцати человек?

“Certainly,” said Aramis, “and even at the head of twenty men, if only I could use my weapon without fear of being recognized.” – Непременно, – сказал Арамис, – и даже во главе его двадцати человек, если бы только я мог пустить в ход оружие, не боясь быть узнанным.

“He's become as Gascon as I am, damn it!” «Да он стал гас-

концем не хуже меня, черт побери! thought d'Artagnan and added out loud: » – подумал д'Артаньян и прибавил вслух:

- So, my dear Aramis, you ask why I was looking for you? – Итак, мой милый Арамис, вы спрашиваете, для чего я вас разыскивал?

“No, I didn't ask that,” Aramis remarked slyly, “but I was waiting for you to tell me so yourself.” – Нет, я этого не спрашивал, – лукаво заметил Арамис, – но я ждал, когда вы сами мне это скажете.

“Well, then, I was looking for you solely to offer you the opportunity to kill Monsieur de Marsillac whenever you please, even though he is the most serene prince.” – Ну хорошо, так вот, я искал вас единственно для того, чтобы предложить вам возможность убить господина де Марсильяка, когда вам заблагорассудится, хотя он и светлейший принц.

- Well, well, well! – Так, так, так! That's an idea! Это мысль! – said Aramis. – сказал Арамис.

- Which I suggest you take advantage of, my dear. – Которую я и предлагаю вам воспользоваться, дорогой мой. You have a thousand ecus in income from the abbey, and from the sale of sermons you get twelve thousand. У вас тысяча экю дохода в аббатстве, да от продажи проповедей вы имеете двенадцать тысяч. But tell me: are you rich now? Но скажите: богаты ли вы сейчас? Answer frankly! Отвечайте откровенно!

- Rich? – Богат? But I'm as poor as Job! Да я нищ, как Иов! Search all my pockets and drawers - you won't find more than

a hundred pistols. Обшарьте у меня все карманы и ящики – больше сотни пистолей и не найдете.

“A hundred pistoles, damn it! «Сто пистолей, черт возьми! And this is what he calls being as poor as Job!” И это он называет быть нищим, как Иов! – thought d'Artagnan. – подумал д'Артаньян. – “If I always had them at hand, I would be as rich as Croesus.” – Будь они у меня всегда под рукой, я был бы богат, как Крез».

Then he added out loud: Затем прибавил вслух:

- Are you ambitious? – Вы честолюбивы?

- Like Enceladus. – Как Энкелад.

- So, my friend, I will give you the opportunity to become rich, influential and get the right to do whatever you want. – Так вот, мой друг, я дам вам возможность стать богатым, влиятельным и получить право делать все, что вздумается.

A cloud passed over Aramis's brow, as fleeting as a shadow passing over a field in August; but, fleeting as it was, d'Artagnan noticed it. Облачко пробежало по челу Арамиса, такое же мимолетное, как тень, пробегающая по ниве в августе месяце; но, как ни было оно мимолетно, д'Артаньян все же его заметил.

“Speak,” said Aramis. – Говорите, – сказал Арамис.

- First, one more question. – Сперва еще один вопрос. Are you involved in politics? Вы занимаетесь политикой?

A flash of lightning flashed in Aramis's eyes, as quick as the shadow that had crossed his face before, but not quick enough

for d'Artagnan to miss it. В глазах Арамиса сверкнула молния, такая же быстрая, как тень, промелькнувшая по его лицу прежде, но все же недостаточно быстрая, чтобы ее не заметил д'Артаньян.

“No,” answered Aramis. – Нет, – ответил Арамис.

“Then any offer will be to your advantage, since now there is no power over you other than God,” laughed the Gascon. – Тогда любое предложение вам будет на руку, раз сейчас над вами нет иной власти, кроме Божьей, – засмеялся гасконец.

- Possibly. – Возможно.

– Do you sometimes remember, dear Aramis, the glorious days of our youth, spent amid laughter, drinking and duels? – Вспоминаете ли вы иногда, милый Арамис, о славных днях нашей молодости, проведенных среди смеха, попок и поединков?

- Yes, of course, and I have regretted them more than once. – Да, конечно, и не раз жалел о них. It was a happy time! Счастливое было время! Delectabile tempus! Delectabile tempus!

- So, my friend, these happy days can happen again, this happy time can return. – Так вот, друг мой, эти веселые дни могут повториться, это счастливое время может вернуться. I have been tasked with finding my comrades, and I started with you, because you were the soul of our union. Мне поручено разыскать моих товарищей, и я начал именно с вас, потому что вы были душой нашего союза.

Aramis bowed more out of politeness than gratitude. Арамис

поклонился скорее из вежливости, чем из благодарности.

“To plunge into politics again!” – Опять окунуться в политику! said Aramis in a dying voice, leaning back in his chair. – проговорил Арамис умирающим голосом и откидываясь на спинку кресла. “Ah, dear d’Artagnan, you see how measuredly and freely my life flows. – Ах, дорогой д’Артаньян, вы видите, как размеренно и привольно течет моя жизнь. And we have experienced the ingratitude of noble people, haven’t we?” А неблагодарность знатных людей мы с вами испытали, не так ли?

“That is true,” said d’Artagnan, “but perhaps these noble people have repented of their ingratitude?” – Это правда, – сказал д’Артаньян, – но, может быть, эти знатные люди раскаялись в своей неблагодарности?

- In that case, it’s a different matter. – В таком случае другое дело. For every sin, indulgence. На всякий грех – снисхождение. Besides, you are absolutely right in one thing, namely, that if we have again developed a desire to get involved in state affairs, then now, it seems to me, is the time. К тому же вы совершенно правы в одном, а именно – что если уж у нас опять явилась охота путаться в государственные дела, то сейчас, мне кажется, самое время.

- How do you know this? – Откуда вы это знаете? After all, you are not involved in politics? Ведь вы не занимаетесь политикой?

– Oh, my God! – Ах боже мой! Although I don’t deal with it

myself, I live in an environment where it is very much dealt with. Хотя я сам и не занимаюсь ею, зато живу в такой среде, где ею очень занимаются. Carried away by poetry and indulging in love, I became close with Sarazin, a supporter of Monsieur de Conti, with Voiture, a supporter of the coadjutor, and with Bois-Robert, who, since the death of Cardinal Richelieu, does not support anyone, or, if you like, supports everyone at once; so that political affairs are not so alien to me. Увлекаясь поэзией и предаваясь любви, я близко сошелся с Саразеном, сторонником господина де Конти, с Вуатюром, сторонником коадьютора, и с Буа-Робером, который, с тех пор как не стало кардинала Ришелье, не стоит ни за кого или, если хотите, стоит сразу за всех; так что дела политические не так уж мне чужды.

“That’s what I thought,” said d’Artagnan. – Так я и думал, – сказал д’Артаньян.

– However, my friend, all that I am about to tell you is merely the speech of a humble monk, a man who, like an echo, simply repeats everything he hears from others. – Впрочем, друг мой, все, что я скажу вам, – это лишь речи скромного монаха, человека, который, как эхо, просто повторяет все, что слышит от других. I have heard that at the present moment Cardinal Mazarin is very worried about the state of affairs. Я слышал, что в настоящую минуту кардинал Мазарини очень обеспокоен оборотом дел. Apparently, his orders do not enjoy the same respect with which those of our former scarecrow, the late

Cardinal, whose portrait you see here, were formerly treated; for, whatever one may say, it must be admitted that he was a great man. По-видимому, его распоряжения не пользуются тем уважением, с каким прежде относились к приказаниям нашего бывшего пугала, покойного кардинала, чей портрет вы здесь видите; ибо, что ни говори, а, нужно признаться, он был великий человек.

“I won’t contradict you on that, dear Aramis.” – В этом я вам не буду противоречить, милый Арамис. After all, it was he who promoted me to lieutenant. Ведь это он произвел меня в лейтенанты.

– At first I was entirely on the side of the new cardinal; I told myself that a minister is never loved and that, possessing the great intelligence that is attributed to him, he will ultimately triumph over his enemies and make them fear him, which, in my opinion, is perhaps better than making them love him. – Сначала я был всецело на стороне нового кардинала; я говорил себе, что министр никогда не пользуется любовью и что, обладая большим умом, какой ему приписывают, он в конце концов все же восторжествует над своими врагами и заставит бояться себя, что, по-моему, пожалуй, лучше, чем заставить полюбить себя.

D'Artagnan nodded as a sign that he fully agreed with this dubious judgment. Д’Артаньян кивнул в знак того, что вполне согласен с этим сомнительным суждением.

“That,” continued Aramis, “was my original opinion; but since

the vow of humility I have taken obliges me not to rely on my own opinion, I made inquiries, and behold, my friend..." – Вот как-то, – продолжал Арамис, – было мое первоначальное мнение; но так как обет смирения, данный мною, обязывает меня не полагаться на собственное мнение, то я навел справки, и вот, мой друг...

Aramis fell silent. Арамис умолк.

- What - and here it is? – Что – и вот?

– And so I had to humble my pride; it turned out that I was wrong. – И вот я должен был смирить свою гордыню; оказалось, что я ошибся.

- Really? – В самом деле?

- Yes. – Да. I made inquiries, as I already told you, and this is what many people, with completely different views and intentions, answered me: "Monsieur de Mazarin is not at all such a brilliant man as you imagine him to be." Я навел справки, как уже вам говорил, и вот что ответили мне многие лица, совершенно различных взглядов и намерений: «Господин де Мазарини вовсе не такой гениальный человек, каким вы его себе воображаете».

– Really? – Неужели? – said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

– Yes. – Да. He is an insignificant person, a former lackey of Cardinal Bentivolio, who climbed into society through intrigue; an upstart, a man without a name, he does not think about France, but only about himself. Это ничтожная личность, быв-

ший лакей кардинала Бентиволио, путем интриг вылезший в люди; выскочка, человек без имени, он думает не о Франции, а только о самом себе. He will rob money, plunder the king's treasury, pay himself all the pensions that the late Cardinal Richelieu generously distributed right and left, but he is not destined to govern the country either by the right of the strong, or by the right of a great man, or even by the right of a man who enjoys universal respect. Он награбит денег, разворует казну короля, выплатит самому себе все пенсии, которые покойный кардинал Ришелье щедро раздавал направо и налево, но ему не суждено управлять страной ни по праву сильного, ни по праву человека великого, ни даже по праву человека, пользующегося всеобщим уважением. Moreover, it seems that this minister has neither a noble heart nor noble manners, he is some kind of comedian, Pulcinello, Pantaloon. Кроме того, по-видимому, у этого министра нет ни благородного сердца, ни благородных манер, это какой-то комедиант, Пульчинелло, Панталоне. Do you know him? Вы его знаете? I do not know him at all. Я совсем не знаю.

“Hm,” replied d’Artagnan, “there is some truth in what you say.” – Гм, – ответил д’Артаньян, – в том, что вы говорите, есть доля правды.

“I am very flattered that, thanks to my natural insight, I was able to come to an agreement with you, a man living at court.” – Мне очень лестно, что благодаря природной проницательности мне удалось сойтись во взглядах с вами – человеком,

живущим при дворе.

- But you told me about his personality, not about his party, not about his friends. – Но вы говорили мне о его личности, а не о его партии, не о его друзьях.

- It's true. – Это правда. The queen is behind him. За него стоит королева.

- And this, it seems to me, is already worth something. – А это, мне кажется, уже кое-чего стоит.

- But the king is not for him. – Но король не за него.

- Child! – Ребенок!

- A child who will be an adult in four years. – Ребенок, который через четыре года будет совершеннолетним.

- It's about the present. – Дело в настоящем.

- Yes, but the present is not the future; and even in the present he has on his side neither parliament, nor the people, that is, money; nor the nobility, nor the gentry, that is, the sword. – Да, но настоящее не будущее; да и в настоящем он не имеет на своей стороне ни парламента, ни народа, то есть – денег; ни дворянства, ни знати, то есть – шпаги.

D'Artagnan scratched his ear. Д'Артаньян почесал за ухом. He had to admit that this was not only a profound but also a true thought. Он должен был сознаться, что это не только глубокая, но и верная мысль.

- You see, my friend, I have not yet lost my usual insight. – Вот видите, дружище, я еще не потерял своей обычной проницательности. Perhaps I am wrong to speak so frankly with

you: it seems to me that you are leaning towards Mazarin's side. Может быть, я напрасно говорю с вами так откровенно: мне кажется, вы склоняетесь на сторону Мазарини.

– Me? – Я? – cried d'Artagnan. – вскричал д'Артаньян. – Not at all! – Ничуть!

– You were talking about an assignment. – Вы говорили о поручении.

– Did I speak of a commission? – Разве я говорил о поручении? In that case, I expressed myself poorly. В таком случае я плохо выразился. No, I have always thought the same as you. Нет, я всегда думал то же, что вы. Things are confused; should we not throw the pen to the wind and go in the direction where the wind carries it? Дела запутались; не бросить ли нам перо по ветру и не пойти ли в ту сторону, куда ветер понесет его? Let us return to our former life of adventures. Вернемся к прежней жизни приключений. We were four brave knights, four hearts bound by friendship, let us unite again not our hearts – for our hearts have always remained inseparable – but our fate and courage. Нас было четыре смелых рыцаря, четыре связанных дружбой сердца, соединим снова не сердца – потому что сердца наши всегда оставались неразлучными, – но нашу судьбу и мужество. An opportunity presents itself to acquire something better than a diamond. Представляется случай приобрести нечто получше алмаза.

“You are right, d'Artagnan, absolutely right,” replied Aramis, “and I see proof in the fact that I myself had the same thought.

– Вы правы, д’Артаньян, совершенно правы, – ответил Арамис, – и доказательство я вижу в том, что у меня самого была та же мысль. Only it was suggested to me by others, since I do not possess your lively and inexhaustible imagination: in our time everyone needs intermediaries. Только мне она была подсказана другими, так как я не обладаю вашим живым и неистощимым воображением: в наше время все нуждаются в посредниках. I was made an offer: some of our past exploits became known, and then, I will tell you frankly, I blabbed to the coadjutor. Мне было сделано предложение: кое-что из наших былых подвигов стало известно, и затем, скажу вам откровенно, я проболтался коадьютору.

– To Monsieur de Gondi, the Cardinal’s enemy? – Господину де Гонди, врагу кардинала? – cried d’Artagnan. – вскричал д’Артаньян.

“No, to the king’s friend,” answered Aramis, “to the king’s friend, you understand?” – Нет, другу короля, – ответил Арамис, – другу короля, понимаете? So, the king must be served, and that is the duty of every nobleman. Так вот, требуется послужить королю, а это – долг каждого дворянина.

- But the king is in league with Mazarin, my dear. – Но ведь король заодно с Мазарини, мой дорогой.

- In fact, yes, but against his will; by actions, but not by his heart. – На деле – так, но против воли; поступками, но не сердцем. This is the trap that the king’s enemies are preparing for the poor child. В этом и состоит западня, которую враги

короля готовят бедному ребенку.

- I see! – Вот как! But you are simply offering me civil war, dear Aramis! Но вы предлагаете мне просто-напросто междоусобную войну, милый Арамис!

- War for the King. – Войну за короля.

- But the king will stand at the head of the army where Mazarin will be. – Но король встанет во главе той армии, где будет Мазарини.

- And his heart will remain in the army, which will be commanded by Monsieur de Beaufort. – А сердце его останется в армии, которой будет командовать господин де Бофор.

- Monsieur de Beaufort! – Господин де Бофор! He is at the Château de Vincennes. Он в Венсенском замке.

- Did I say Beaufort? – Разве я сказал – Бофор? Well, if not Beaufort, then someone else; if not Beaufort, then the Prince of Condé. Ну, не Бофор, так кто-нибудь другой; не Бофор, так принц Конде.

“But the prince is leaving for the active army, and he is entirely devoted to the cardinal.” – Но принц уезжает в действующую армию, и он всецело предан кардиналу.

- Hm-hm! – Гм-гм! – answered Aramis. – ответил Арамис.
- They are having some kind of trouble right now. – У них сейчас как раз какие-то нелады. But even if not the prince, then at least Monsieur de Gondi... Но даже если и не принц, то хотя бы господин де Гонди...

- Mr. de Gondi will be a cardinal any day now; they are

asking for a cardinal's hat for him. – Господин де Гонди не сегодня-завтра будет кардиналом; для него испрашивают кардинальскую шапку.

“Have there never been warlike cardinals?” – Разве не бывало воинственных кардиналов? said Aramis. – сказал Арамис. “Look at the walls: around you are four cardinals who, at the head of an army, were no worse than Messrs. Guebriand and Gassion.” – Поглядите на стены: вокруг вас четыре кардинала, которые во главе армии были не хуже господ Гебриана и Гассиона.

– A hunchbacked commander will be a good one! – Хорош будет горбатый полководец!

– The hump will be hidden by armor. – Горб скроют латы. Besides, remember, Alexander limped, and Hannibal was one-eyed. К тому же вспомните, Александр хроمال, а Ганнибал был одноглазым.

“Do you think this match will bring you great benefits?” – Вы думаете, эта партия доставит вам большие выгоды? asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян.

- She will bring me the patronage of powerful people. – Она мне доставит покровительство могущественных людей.

- And the government's proscriptions? – И проскрипции правительства?

– Parliament and rebellions will help to abolish them. – Парламент и мятежи помогут их отменить.

“Everything you say could come true if we could separate the king from his mother.” – Все, что вы говорите, могло бы осу-

ществиться, если б удалось разлучить короля с его матерью.

- This may be achieved. – Этого, может быть, добьются.

“Never!” – Никогда! cried d’Artagnan with conviction. – вскричал д’Артаньян с убеждением. “You yourself are a witness to this, Aramis, you who know Anne of Austria as well as I do. – Вы сами тому свидетель, Арамис, вы, знающий Анну Австрийскую так же хорошо, как я. Do you think that she will ever be able to forget that her son is her support, her protection, the guarantee of her well-being, her happiness, her life? Думаете вы, что она когда-нибудь способна забыть, что сын ее опора, ее защита, залог ее благополучия, ее счастья, ее жизни? She should go over with him to the side of the nobility and abandon Mazarin, but you know better than anyone else that she has serious reasons not to leave him. Ей следовало бы перейти вместе с ним на сторону знати и бросить Мазарини, но вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что у нее есть серьезные причины не покидать его.

“Perhaps you are right,” Aramis said thoughtfully. – Может быть, вы правы, – задумчиво сказал Арамис. “I, perhaps, will not join them...” – Я, пожалуй, к ним не примкну...

– To them! – К ним! And to me? А ко мне? – said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян.

– To no one. – Ни к кому. I am a priest; what do I care about politics? Я священник; какое мне дело до политики? I never even have a missal in my hands. У меня даже требника никогда в руках не бывает. My clientele is enough for me: clever,

witty abbots and pretty women. Довольно с меня моей клиентуры: продувных остроумцев аббатов и хорошеньких женщин. The more confusion there is in state affairs, the less noise there is about my pranks; everything goes wonderfully without my interference. Чем больше путаницы в государственных делах, тем меньше шума из-за моих шалостей; все идет чудесно и без моего вмешательства. Decidedly, my dear friend, I will not interfere in anything. Решительно, дорогой друг, я ни во что не стану вмешиваться.

“And indeed, my dear,” said d’Artagnan, “your philosophy is beginning to infect me.” – И в самом деле, мой дорогой, – сказал д’Артаньян, – меня начинает заражать ваша философия. “Really, I don’t understand what fly has suddenly bitten me!” Право, не понимаю, какая муха вдруг меня укусила! “I have a service that somehow feeds me.” У меня есть служба, которая меня кое-как кормит. “After Treville’s death—the poor fellow is getting old!” После смерти Тревиля – бедняга стареет!—“I can become a captain.” – я могу стать капитаном. “This is not a bad marshal’s baton for a Gascon nobleman, the youngest in the family, and I feel that I generally have an inclination for modest but daily food.” Это совсем неплохой маршальский жезл для гасконского дворянина, младшего в роду, и я чувствую, что вообще имею склонность к пище скромной, но ежедневной. “Rather than chasing adventures, I’d rather accept Porthos’s invitation and go hunting on his estate.” Чем гоняться за приключениями, я лучше приму приглашение Портоса,

поеду охотиться в его поместье. “You know, Porthos has an estate.” Вы знаете, у Портоса есть поместье.

- Of course! – Как же! Of course I know. Конечно, знаю. Ten miles of forests, swamps and meadows; he is the lord of the mountains and valleys and is competing with the Bishop of Noyon for feudal rights. Десять миль лесов, болот и лугов; он владыка гор и долин и тягается с нуайонским епископом за феодальные права.

“Excellent,” thought d’Artagnan, “that’s just what I needed to know. «Отлично, – подумал д’Артаньян, – это-то мне и надо было знать. Porthos in Picardy.” Портос в Пикардии».

“And he now bears his former surname, du Vallon?” – И он носит теперь свою прежнюю фамилию дю Валлон? he asked out loud. – спросил он вслух.

- Yes, and he added to it the name de Bracieux; that is the name of his land, which once gave rights to the baronial title! – Да, и прибавил еще к ней фамилию де Брасье; так называется его земля, которая давала некогда права на баронский титул!

- So will we see Porthos as a baron? – Так что мы увидим Портоса бароном?

- Without a doubt. – Без сомнения. Baroness Porthos will be especially good! Особенно хороша будет баронесса Портос!

Both friends burst out laughing. Оба приятеля расхохотались.

“So,” d’Artagnan began, “you don’t want to become a supporter of Mazarin?” – Итак, – заговорил д’Артаньян, – вы

не желаете стать сторонником Мазарини?

- Are you a supporter of the princes? – А вы сторонником принцев?

- No. – Нет. Well then, let us not be anyone's supporters and let us remain friends; let us be neither cardinalists nor frondeurs. Ну так не будем ничьими сторонниками и останемся друзьями; не будем ни кардиналистами, ни фрондерами.

"Yes," said Aramis, "let us be musketeers." – Да, – сказал Арамис, – будем мушкетерами.

- At least in a cassock. – Хотя бы в сутане.

"Especially in a cassock," exclaimed Aramis, "that's the beauty of it!" – Особенно в сутане, – воскликнул Арамис, – в том-то и прелесть!

"Well then, farewell," said d'Artagnan, standing up. – Ну так прощайте, – сказал, вставая, д'Артаньян.

"I won't keep you, my dear," said Aramis, "because I have nowhere to put you." – Я вас не удерживаю, мой дорогой, – сказал Арамис, – потому что мне негде было бы вас положить. And to suggest that you spend the night with Planchet in the barn would be indecent. А предложить вам ночевать с Планше в сарае было бы неприлично.

- Besides, I'm only three miles from Paris. – К тому же я всего в трех милях от Парижа. The horses are rested, and I'll be home in less than an hour. Лошади отдохнули, не пройдет и часа, как я буду дома.

D'Artagnan poured himself the last glass. Д'Артаньян налил

себе последний стакан.

– To our good old times! – За наше доброе старое время!

“Yes,” Aramis continued, “unfortunately, it has passed... Fugit irreparabile tempus... – Да, – подхватил Арамис, – к сожалению, оно прошло... Fugit irreparabile tempus...

– Bah! – Ба! It might come back. Оно, может быть, еще вернется. Just in case you need me, remember: Tiktonskaya Street, the Kozochka Hotel. На всякий случай, если я вам понадобится, запомните: Тиктонская улица, гостиница «Козочка».

– And I am here, in the Jesuit monastery. – А я – здесь, в иезуитском монастыре. From six in the morning until eight in the evening – through the door, from eight in the evening until six in the morning – through the window. С шести утра до восьми вечера – в двери, с восьми вечера до шести утра – через окно.

– Goodbye, my dear. – До свидания, мой дорогой.

– Oh, I won't let you go like this, let me walk you home. – О, я вас так не отпущу, позвольте мне проводить вас.

And Aramis took up his cloak and sword. И Арамис взялся за плащ и шпагу.

“He wants to make sure of my departure,” thought d'Artagnan. «Он хочет удостовериться в моем отъезде», – подумал д'Артаньян.

Aramis whistled, but Bazin was dozing in the hall over the remains of dinner, and Aramis was forced to tug his ear to wake him. Арамис свистнул, но Базен дремал в передней над остатками ужина, и Арамис принужден был дернуть его за

уху, чтобы разбудить.

Bazin stretched, rubbed his eyes and tried to fall asleep again. Базен потянулся, протер глаза и попытался опять уснуть.

- Come on, sleepyhead, get the ladder quickly. – Ну-ка, соня, скорей лестницу.

“Yes,” said Bazin, yawning from ear to ear, “it’s still hanging in the window, the ladder.” – Да она, – сказал Базен, зевая до ушей, – осталась висеть в окне, лестница-то.

- Give me the other one, the garden ladder. – Другую давай, садовую лестницу. Can't you see that Monsieur d'Artagnan had a hard time going up, and it will be even harder for him to go down. Не видишь разве, господин д'Артаньян с трудом поднимался, а спускаться ему будет еще труднее.

D'Artagnan wanted to assure Aramis that he would go down just fine, but one thought occurred to him and he remained silent. Д'Артаньян хотел было уверить Арамиса, что он отлично спустится, но ему пришла в голову одна мысль, и он промолчал.

Bazin took a deep breath and went to get the ladder. Базен глубоко вздохнул и ушел за лестницей. A minute later, a good and reliable wooden ladder was placed against the window. Через минуту хорошая и надежная деревянная лестница была приставлена к окну.

“This is a staircase,” said d'Artagnan, “a woman could climb it.” – Вот это так лестница, – сказал д'Артаньян, – по такой и женщина поднимется.

Aramis's gaze seemed to want to read his thoughts in the very depths of his heart, but d'Artagnan withstood this gaze with remarkable simplicity. Пристальный взгляд Арамиса, казалось, хотел прочесть его мысли в самой глубине сердца, но д'Артаньян выдержал этот взгляд с замечательным простодушием.

Besides, he had already put his foot on the first step and started to go down. К тому же он уже поставил ногу на первую ступеньку и начал спускаться.

In an instant he was on the ground. В один миг он был на земле. Bazin remained at the window. Базен остался у окна.

“Wait here,” said Aramis, “I’ll be right back.” – Жди тут, – сказал Арамис, – я сейчас вернусь.

Both headed towards the barn; Planchet came out to meet them, holding the horses by the bridle. Оба направились к сараю; навстречу им вышел Планше, держа под уздцы лошадей.

- Excellent! – Превосходно! What a smart and efficient servant! Вот толковый и расторопный слуга! Not like my lazy Bazin, who is no good for anything since he served in the church. Не то что мой лентяй Базен, который ни к черту не годится с тех пор, как служит в церкви. Follow us, Planchet, - said Aramis, - we will walk to the end of the village. Ступайте за нами, Планше, –сказал Арамис, – мы пройдемся пешком до конца деревни.

Indeed, the friends walked through the entire village, talking

about various trifles; at the last house, Aramis said: Действительно, друзья прошли всю деревню, толкуя о разных пустяках; у последнего дома Арамис сказал:

- Well, my friend, go your own way. – Ну, друг мой, идите своим путем. Fortune smiles upon you, do not let it slip away. Счастье вам улыбается, не упускайте его. Remember, happiness is a courtesan; treat her as she deserves. Помните, счастье – это куртизанка; обращайтесь с ним, как оно того заслуживает. Well, I will remain in my insignificance and my laziness. Ну а я останусь в своем ничтожестве и при своей лени. Goodbye. Прощайте.

- So, it's decided and signed: my proposal doesn't suit you? – Итак, значит, решено и подписано: мое предложение вам не подходит?

“It would suit me very well,” said Aramis, “if I were a man like others, but, I repeat to you, I am all contradictions: what I hate today, I adore tomorrow, and vice versa.” – Оно бы мне очень подошло, – сказал Арамис, – будь я человек как другие, но, повторяю вам, я весь состою из противоречий: то, что ненавижу сегодня, я обожаю завтра, et vice versa. You see, I cannot commit myself, like you, for example, who have very definite views. Вы видите, я не могу принять на себя обязательства, как, например, вы, у которого вполне определенные взгляды.

“You're lying, you sly one,” d'Artagnan said to himself, “on the contrary, you know how to choose a target and get to it secretly.” «Врешь, хитрец, – сказал себе д'Артаньян, – наобо-

рот, ты-то умеешь выбрать цель и пробираться к ней тайком».

“So, good-bye, my dear,” continued Aramis, “and thank you for your good intentions, and especially for the pleasant memories that your appearance awakened in me.” – Так до свидания, дорогой, – продолжал Арамис, – и спасибо вам за добрые намерения, а в особенности за приятные воспоминания, которые ваше появление пробудило во мне.

They embraced. Они обнялись. Planchet was already on horseback. Планше сидел уже на коне. D'Artagnan also jumped into the saddle, he and Aramis shook hands again. Д'Артаньян также вскочил в седло, он и Арамис еще раз пожали друг другу руки. The riders spurred their horses and galloped towards Paris. Всадники прищипорили лошадей и поскакали по направлению к Парижу.

Aramis stood in the middle of the road until he lost sight of them. Арамис стоял посреди дороги до тех пор, пока не потерял их из виду.

But d'Artagnan, having ridden about two hundred paces, abruptly reined in his horse, jumped to the ground, threw the reins to Planchet and, taking his pistols from their holsters, tucked them into his belt. Но д'Артаньян, отъехав шагов двести, круто осадил лошадь, соскочил наземь, бросил поводья Планше и, вынув из кобуры пистолеты, засунул их себе за пояс.

“What happened?” – Что случилось? asked the frightened

Planchet. — спросил испуганный Планше.

“The fact is that no matter how cunning he is,” replied d’Artagnan, “he won’t fool me.” — То, что как он ни хитрит, — ответил д’Артаньян, — а меня не одурачит. “Stay here and wait for me, but off to the side of the road.” Стой здесь и жди меня, только в стороне от дороги.

With these words, d’Artagnan jumped over the ditch that ran along the road and set off across the field, going around the village. С этими словами д’Артаньян перескочил канаву, шедшую вдоль дороги, и пустился через поле, в обход деревни. He noticed between the house where Madame de Longueville lived and the Jesuit monastery a vacant lot, surrounded only by a hedge. Он заметил между домом, где жила г-жа де Лонгвиль, и иезуитским монастырем пустырь, окруженный только живой изгородью.

Perhaps an hour ago he would have had difficulty in finding this fence, but now the moon was up, and although it was hidden behind clouds from time to time, it was still possible to see the road quite clearly even when the moon disappeared. Может быть, час назад ему и нелегко было бы отыскать эту изгородь, но теперь взошла луна, и хотя она время от времени скрывалась за облаками, все же можно было довольно ясно видеть дорогу, даже когда луна исчезала.

D’Artagnan reached the hedge and walked stealthily in its shadow. Д’Артаньян добрался до изгороди и пошел, крадучись, в ее тени. As he passed the house where the scene we have

described had taken place, he noticed that Aramis's window was lit; but he was sure that Aramis had not yet returned to his room, and that when he did, he would not return alone. Проходя мимо дома, где произошла описанная нами сцена, он заметил, что окно Арамиса освещено; но он был уверен, что Арамис еще не вернулся к себе, а когда вернется, то вернется не один.

Indeed, he soon heard approaching footsteps and seemingly muffled voices. Действительно, он вскоре слышал приближающиеся шаги и как будто заглушенные голоса.

The footsteps died away near the fence. Шаги притихли у изгороди.

D'Artagnan knelt down, looking for a place where the hedge was thicker. Д'Артаньян опустился на колени, выискивая себе место, где изгородь была гуще.

At that moment, to d'Artagnan's great surprise, two men appeared. В эту минуту, к великому удивлению д'Артаньяна, появилось двое мужчин. But his surprise did not last long; he heard a gentle, harmonious voice. Но его удивление длилось недолго; он слышал нежный, благозвучный голос. One of the men was a woman dressed in men's clothing. Один из мужчин был женщиной, переодетой в мужское платье.

“Calm down, dear René,” said a gentle voice, “this will never happen again.” – Успокойтесь, милый Рене, – говорил нежный голос, – это никогда больше не повторится. I discovered something like an underground passage under the street: we only have to lift one slab near the door, and the exit is open. Я обна-

ружила нечто вроде подземного хода под улицей: нам стоит только поднять одну плиту возле двери, выход открыт.

“Oh, I swear to you, Princess,” replied another voice, in which d’Artagnan recognized the voice of Aramis, “if your good name did not depend on these precautions, and if I were only risking my own life...” – О, клянусь вам, принцесса, – ответил другой голос, в котором д’Артаньян узнал голос Арамиса, – если бы ваше доброе имя не зависело от этих предосторожностей и если бы я рисковал только собственной жизнью...

- Yes, yes, I know, you are a man of the world and at the same time brave and courageous. – Да, да, я знаю, вы человек светский и в то же время отважны и храбры. But you belong not only to me, you belong to our entire party. Но вы принадлежите не только мне, вы принадлежите всей нашей партии. Be careful, be prudent. Будьте же осторожны, будьте благоразумны.

“I always obey, madam,” said Aramis, “when I am commanded in such a pleasant voice.” – Я всегда повинуюсь, сударыня, – сказал Арамис, – когда мне приказывают таким приятным голосом.

He kissed her hand tenderly. Он нежно поцеловал ее руку. “Ah!” – Ah! exclaimed the gentleman, who had a pleasant voice. – воскликнул кавалер, обладавший приятным голосом.

“What is it?” – Что такое? asked Aramis. – спросил Арамис. – Can't you see, the wind blew my hat away! – Разве вы не

видите, ветер унес мою шляпу!

Aramis rushed after the hat that had flown away. Арамис бросился за улетевшей шляпой. D'Artagnan took advantage of the moment and moved to another place, where the hedge was not so dense and he could freely examine Aramis's mysterious companion. Д'Артаньян воспользовался минутой и перешел на другое место, где изгородь была не так густа и он мог свободно рассмотреть таинственного спутника Арамиса. At that moment the moon, perhaps as curious as our officer, came out from behind a cloud, and by its immodest light d'Artagnan recognized the large blue eyes, golden hair and proud head of the Duchess de Longueville. В этот миг луна, быть может столь же любопытная, как наш офицер, вышла из-за облака, и при ее нескромном свете д'Артаньян узнал большие голубые глаза, золотые волосы и гордую головку герцогини де Лонгвиль.

Aramis, laughing, returned with one hat in his hand and the other on his head, and both headed towards the Jesuit monastery. Арамис, смеясь, вернулся с одной шляпой в руках, а другой на голове, и оба направились к иезуитскому монастырю.

“Excellent,” said d'Artagnan, standing up and shaking the dust off his knees, “now I've figured you out: you're a rebel and Madame de Longueville's lover.” – Отлично, – сказал, вставая и стряхивая пыль с колен, д'Артаньян, – теперь я тебя раскусил: ты фрондер и любовник госпожи де Лонгвиль.

Mr. Porthos du Vallon de Bracieux de Pierrefonds Господин Портос дю Валлон де Брасье де Пьерфон

Thanks to the information received from Aramis, d'Artagnan, who remembered that Porthos's real name was du Vallon, now learned that, according to the name of the estate he owned, he was also called de Bracieux and that, because of this estate, he was in litigation with the Bishop of Noyon. Благодаря сведениям, полученным от Арамиса, д'Артаньян, помнивший, что истинная фамилия Портоса была дю Валлон, узнал теперь, что по названию поместья, которым он владел, он именуется еще де Брасье и что из-за этого поместья он вел процесс с нуайонским епископом.

Therefore, it was necessary to look for him in the vicinity of Noyon, in other words, on the border of Ile-de-France and Picardy. Следовательно, искать его надо было в окрестностях Нуайона, иначе говоря, на границе Иль-де-Франса и Пикардии.

D'Artagnan immediately worked out his route. Свой маршрут д'Артаньян выработал немедленно. He would go to Dammartin, where two roads converged: one leading to Soissons, the other to Compiègne; here he would inquire about the Bracieux estate and, depending on the directions, he would go straight ahead or turn left. Он отправится в Даммартен, где сходятся две дороги: одна ведет в Суассон, другая – в Компьен; тут он наведет справки об имении Брасье и, смотря по указанию, поедет прямо или свернет влево.

Planchet, who was not yet entirely at peace with the outcome of his prank, declared that he would follow d'Artagnan to the ends of the earth, no matter whether he went straight ahead or turned left. Планше, который еще не совсем успокоился относительно исхода своей проделки, объявил, что последует за д'Артаньяном на край света, все равно, поедет ли тот прямо или свернет влево. He only begged his master to leave in the evening, since darkness ensured him greater safety. Он упросил только своего барина выехать вечером, так как темнота обеспечивала ему большую безопасность. D'Artagnan advised him to warn his wife, in order to reassure her at least about his fate; but the sagacious Planchet confidently replied that his wife would not die of anxiety if she did not know his whereabouts, while he, Planchet, on the contrary, knowing the intemperance of her tongue, would certainly die of anxiety if only she knew where he was. Д'Артаньян посоветовал ему предупредить жену, чтобы успокоить ее по крайней мере относительно своей участи; но проницательный Планше уверенно ответил, что жена его не умрет от беспокойства, если не будет знать об его местонахождении, тогда как он, Планше, напротив, зная невозддержанность ее языка, непременно умрет от беспокойства, если только она будет знать, где он находится.

These arguments seemed so compelling to d'Artagnan that he no longer insisted, and at eight o'clock in the evening, when the fog on the streets began to thicken, he left the Goat Hotel and, accompanied by Planchet, left the capital through the Saint-

Denis gate. Эти доводы показались д'Артаньяну настолько вескими, что он больше не настаивал, и в восьмом часу вечера, когда туман на улицах начал сгущаться, вышел из гостиницы «Козочка» и в сопровождении Планше выехал из столицы через заставу Сен-Дени.

At midnight both travelers were in Dammartin. В полночь оба путешественника были в Даммартене.

It was too late to make inquiries. Было слишком поздно, чтобы наводить справки. The owner of the inn "Sign of the Cross" was already asleep. Хозяин постоялого двора «Знак креста» уже спал. D'Artagnan postponed his inquiries until tomorrow. Д'Артаньян отложил расспросы до завтра.

The next morning he ordered the innkeeper to be called. Наутро он велел позвать трактирщика. He was one of those cunning Normans who say neither yes nor no and believe that they will lower themselves in the eyes of their interlocutor by answering the question asked without evasion. Это был один из тех хитрых нормандцев, которые не говорят ни да, ни нет и полагают, что уронят себя в глазах собеседника, ответив без уверток на заданный вопрос. Having understood only that he had to go straight ahead, d'Artagnan set off on his way according to this imprecise instruction. Поняв только, что нужно ехать прямо, д'Артаньян пустился в путь согласно этому неточному указанию. At nine o'clock in the morning he arrived in Nanteuil and stopped there to have breakfast. В девять часов утра он прибыл в Нантейль и остановился там, чтобы позав-

тракать.

This time the innkeeper was a frank and distinguished Picard. На этот раз трактирщик был откровенный и славный пикардиец. Recognizing Planchet as a fellow countryman, he gave him the necessary explanations without further ado. Признав в Планше земляка, он без лишних проволочек дал ему нужные разъяснения. The Bracieux estate was located several miles from Villers-Cotterets. Поместье Брасье находилось в нескольких милях от Вилле-Котре.

D'Artagnan knew Villers-Cotterets, as he had accompanied the court there two or three times. Д'Артаньян знал Вилле-Котре, так как два-три раза сопровождал туда двор. Villers-Cotterets was one of the royal residences at that time. Вилле-Котре было в ту пору одной из королевских резиденций. He went to this city and stayed, as usual, at the Golden Dolphin Hotel. Он направился в этот город и остановился, как бывало, в гостинице «Золотой дельфин».

Here he received exhaustive information. Тут он получил исчерпывающие сведения. He learned that the Bracieux estate was located four miles from the city, but that Porthos was not to be found there at all. Он узнал, что поместье Брасье было расположено в четырех милях от города, но что Портоса нужно было искать вовсе не там.

Porthos was in fact in litigation with the Bishop of Noyon over the estate of Pierrefonds, which bordered on his lands; tired of the legal red tape, of which he understood nothing, he, in order

to put an end to it, simply bought Pierrefonds and in this way added a third name to his two previous ones. Портос действительно вел тяжбу с нуайонским епископом за поместье Пьерфон, граничащее с его землями; утомленный судебной волокитой, в которой он ровно ничего не понимал, он, чтобы покончить с ней, просто купил Пьерфон и таким-то путем к своим двум прежним фамилиям прибавил еще третью. He was now called du Vallon de Bracieux de Pierrefonds and lived on his new estate. Он именовался теперь дю Валлон де Брасье де Пьерфон и жил в своем новом имении.

In the absence of other glory, Porthos obviously aimed to become the Marquis of Carabao. За отсутствием другой славы Портос, очевидно, метил в маркизы Карабасы.

We had to wait until tomorrow again. Приходилось опять переждать до завтра. The horses had covered ten miles during the day and were very tired. Лошади сделали за день десять миль и очень устали. True, we could have taken others, but we had to go through the forest, and Planchet, as we know, did not like forests at night. Правда, можно было взять других, но предстояло ехать лесом, а Планше, как нам известно, не любил лесов ночью.

There was another thing that Planchet did not like, namely, setting out on a journey on an empty stomach: therefore, when d'Artagnan woke up in the morning, he found breakfast ready on the table. Была и другая вещь, которую не любил Планше, а именно – пускаться в путь натощак: поэтому, проснувшись

поутру, д'Артаньян нашел на столе готовый завтрак. It was difficult to be angry at such attention, and d'Artagnan sat down at the table. Трудно было сердиться на такое внимание, и д'Артаньян сел за стол. Needless to say, Planchet, having returned to his former duties, regained his former humility; therefore, he was no more ashamed to finish the remains from d'Artagnan's table than Madame de Motteville or Madame de Fargy were, finishing the dishes from the table of Anne of Austria. Нечего и говорить, что Планше, вернувшись к былым обязанностям, вернул себе прежнее смирение; поэтому доедать остатки со стола д'Артаньяна он стыдился не больше, чем г-жа де Мотвиль или г-жа де Фаржи, доедавшие блюда со стола Анны Австрийской.

Therefore, it was only possible to leave around eight o'clock in the morning. Выхать поэтому удалось только около восьми часов утра. There was no way to make a mistake: you had to take the road leading from Villers-Cotterets to Compiègne, and, after passing the forest, turn right. Ошибиться было невозможно: следовало ехать по дороге, ведущей из Вилле-Котре в Компьен, и, миновав лес, свернуть направо.

It was a beautiful spring morning; birds were singing in the tall trees, and the sunlight in the forest clearings seemed like a curtain of golden muslin. Стояло прекрасное весеннее утро; птицы пели на высоких деревьях, и солнечный свет на лесных прогалинах казался занавесой золотистой кисеи.

Here and there the sun's rays struggled to penetrate the

dense vault of foliage, and the trunks of old oaks, upon which nimble squirrels climbed at the sight of travelers, were lost in the darkness. Кое-где солнечные лучи с трудом пробивались сквозь плотный свод листвы, и во мраке тонули стволы старых дубов, на которые карабкались, заведя путешественников, проворные белки. All nature that early morning breathed the heart-pleasing aroma of grass, flowers, and leaves. Вся природа в это раннее утро дышала радующим сердце ароматом травы, цветов и листьев. D'Artagnan, tired of the stench of Paris, thought that a man who bore the names of three estates, strung one on top of the other, could be quite happy in such a paradise. Д'Артаньян, которому надоел смрад Парижа, находил, что человек, который носит имена трех поместий, нанизанные одно на другое, может быть вполне счастлив в подобном раю. And he thought, shaking his head: "If I were in Porthos's place and d'Artagnan made me the offer that I am about to make to Porthos, it is already clear what I would answer d'Artagnan." И он подумал, покачав головой: «Будь я на месте Портоса и сделай мне д'Артаньян предложение, которое я собираюсь сделать Портосу, уже понятно, что бы я ответил д'Артаньяну».

But Planchet thought nothing: he was digesting his breakfast. А Планше не думал ничего: он переваривал свой завтрак.

At the edge of the forest, d'Artagnan saw the road indicated to him, and at the end of the road, the towers of a huge feudal castle. На опушке леса д'Артаньян увидел указанную ему дорогу, а

в конце дороги башни огромного феодального замка.

“Oh,” he grumbled, “this castle seems to have belonged to the senior branch of the family of the Dukes of Orleans.” – Ого, – проворчал он, – этот замок, кажется, принадлежал старшей ветви рода герцогов Орлеанских. Did Porthos make a deal with the Duke de Longueville? Уж не вошел ли Портос в сделку с герцогом де Лонгвилем?

– What an estate, sir! – Ай да поместье, сударь! It is well managed! Хорошо управляется! – said Planchet. – сказал Планше. – And if it belongs to Monsieur Porthos, then he can be congratulated. – И если оно принадлежит господину Портосу, то его можно поздравить.

“Don’t you dare, damn it, call him Porthos,” said d’Artagnan, “or even du Vallon. – Не вздумай только, черт побери, назвать его Портосом, – сказал д’Артаньян, – или даже дю Валлоном. Call him de Bracieux or de Pierrefonds. Называй его де Брасье или де Пьерфон. You will ruin our whole business. Ты погубишь все наше дело.

As they approached the castle that had attracted their attention, d’Artagnan became convinced that his friend could not live there. По мере приближения к замку, который привлек их внимание, д’Артаньян стал убеждаться, что тут не может жить его друг. The towers, although strong as those built yesterday, were pierced and torn apart, as if some giant had chopped them up with an axe. Башни, хотя и прочные, как вчера выстроенные, были пробиты и разворочены, точно ка-

кой-то великан изрубил их топором.

Arriving at the end of the road, d'Artagnan saw at his feet a marvelous valley, in the depths of which slumbered a small, charming lake, surrounded by scattered houses with thatched and tiled roofs; they seemed to respectfully acknowledge as their overlord the beautiful castle that stood nearby, built at the beginning of the reign of Henry IV and adorned with weathervanes bearing the owner's coat of arms. Доехав до конца дороги, д'Артаньян увидел у своих ног чудесную долину, в глубине которой дремало небольшое прелестное озеро, окруженное разбросанными там и сям домами с соломенными и черепичными крышами; казалось, они почтительно признавали своим сюзереном стоявший тут же красивый замок, построенный в начале царствования Генриха IV и украшенный флюгерами с гербом владельца.

This time d'Artagnan had no doubt that he was in front of Porthos's home. На этот раз д'Артаньян не усомнился, что он перед жилищем Портоса.

The road led straight to the beautiful castle, which, next to its ancestor on the mountain, resembled a modern dandy next to an iron-clad knight from the time of Charles VII. Дорога вела прямо к красивому замку, который рядом со своим предком на горе напоминал современного щеголя рядом с закованным в железо рыцарем времен Карла VII. D'Artagnan urged his horse into a trot. Д'Артаньян пустил лошадь рысью. Planchet urged his steed on, trying to keep up with his master. Планше пото-

рапливал своего скакуна, стараясь не отстать от хозяина.

Ten minutes later, d'Artagnan rode into an avenue lined with beautiful poplars and ending in an iron fence with gilded points and crossbars. Через десять минут д'Артаньян въехал в аллею, обсаженную прекрасными тополями и упиравшуюся в железную решетку с позолоченными остриями и перекладинами. In the middle of this avenue, a gentleman, all in green and gilded like the fence, sat astride a fat, low stallion. Посреди этой аллеи какой-то господин весь в зеленом и раззолоченный, как решетка, сидел верхом на толстом низком жеребце. To the right and left of him stood two footmen in liveries with braid on all the seams; at a distance, a crowd of respectful peasants stood. Справа и слева от него вытянулись два лакея в ливреях с позументами на всех швах; поодаль толпой стояли почтительные крестьяне.

“Is this not the sovereign Monsieur du Vallon de Bracieux de Pierrefonds?” «Уж не владетельный ли это господин дю Валлон де Брасье де Пьерфон? – said d'Artagnan to himself. – сказал про себя д'Артаньян. – “My God, how he has shrunk since he stopped calling himself Porthos.” – Бог мой, как он съежился с тех пор, как перестал называться Портосом».

“It can't be him,” said Planchet, answering d'Artagnan's thought. – Это не может быть он, – сказал Планше, отвечая на мысль д'Артаньяна. “Monsieur Porthos is six feet tall, but this one is not even five.” – В господине Портосе шесть футов росту, а в этом и пяти не наберется.

– However, this gentleman is bowed to very low. – Однако этому господину очень низко кланяются.

Having said this, d'Artagnan moved towards the stallion, the footmen and the important gentleman. Сказав это, д'Артаньян двинулся по направлению к жеребцу, лакеям и важному господину. The closer he rode, the more it seemed to him that he recognized the features of his face. Чем ближе он подъезжал, тем более ему казалось, что он узнает черты его лица.

– Lord Jesus! – Господи Иисусе! – exclaimed Planchet, who also seemed to recognize him. – воскликнул Планше, который тоже как будто признал его. – Sir, is it really he? – Сударь, неужели это он?

At this exclamation, the man on horseback slowly and very majestically turned around, and the travelers saw in all their splendor the round eyes, ruddy face and blissful smile of Mousqueton. При этом восклицании человек на коне медленно и весьма величаво обернулся, и путешественники увидели во всем блеске круглые глаза, румяную рожу и блаженную улыбку Мушкетона.

And indeed, it was Mousqueton, fat, glowing with health and contentment. И точно, это был Мушкетон, жирный, пышущий здоровьем и довольством. Recognizing d'Artagnan, he - not like that hypocrite Bazin - hastily dismounted from his stallion and, with his head uncovered, went to meet the officer. Узнав д'Артаньяна, он – не то что этот лицемер Базен – поспешно слез со своего жеребца и с обнаженной головой

пошел навстречу офицеру. And the respectful crowd turned sharply to the new luminary who had eclipsed the previous one. И почтительная толпа круто повернулась к новому светилу, затмившему прежнее.

– Monsieur d'Artagnan! – Господин д'Артаньян! Monsieur d'Artagnan! Господин д'Артаньян! – burst from the thick cheeks of Mousqueton, choking with joy. – вырвалось из толстых щек Мушкетона, захлебывавшегося от радости. – Monsieur d'Artagnan! – Господин д'Артаньян! Ah, what joy for my lord and master du Vallon de Bracieux de Pierrefonds! Ах, какая радость для моего господина и хозяина дю Валлона де Брасье де Пьерфона!

– My dearest Musketon! – Милейший Мушкетон! So your master is here? Так твой господин здесь?

– You are in his domain. – Вы в его владениях.

“But how smart, plump, and blooming you are!” – Но какой же ты нарядный, жирный, цветущий! – continued d'Artagnan, tirelessly listing the changes that had occurred under the influence of prosperity in the once hungry guy. – продолжал д'Артаньян, без устали перечисляя перемены, происшедшие под влиянием благоденствия в некогда голодном парне.

“Yes, yes, thank God, sir,” replied Mousqueton, “I feel quite well.” – Да, да, слава богу, сударь, – ответил Мушкетон, – я чувствую себя недурно.

– Why don't you tell your friend Planchet anything? – Что же ты ничего не скажешь своему другу Планше?

“Planchet, my friend Planchet, is it you?” – Планше, друг мой Планше, ты ли это? cried Mousqueton, rushing towards Planchet with open arms and tears in his eyes. – вскричал Мушкетон, с распростертыми объятиями и со слезами на глазах бросаясь к Планше.

“I am the one,” replied the prudent Planchet, “I just wanted to check if you were getting too arrogant.” – Я самый, – ответил благоразумный Планше, – я хотел только проверить, не заважничал ли ты.

– To put on airs in front of an old friend! – Важничать перед старым другом! No, Planchet, never! Нет, Планше, никогда! You don’t think so yourself, or you don’t know Mousqueton well. Ты этого и сам не думаешь, или плохо ты знаешь Мушкетона.

“Well, that’s good!” – Ну и хорошо! said Planchet, jumping off his horse and, in turn, hugging Mousqueton. – сказал Планше, соскочив с лошади и, в свою очередь, обнимая Мушкетона. “You’re not like that scoundrel Bazin, who kept me in the barn for two hours and didn’t even let on that he knew me.” – Ты не то что эта каналья Базен, продержавший меня два часа в сарае и даже не подавший вида, что он знаком со мной.

And Planchet and Mousqueton kissed each other with a feeling that greatly touched those present, who decided, in view of Mousqueton’s high position, that Planchet was some kind of nobleman in disguise. И Планше с Мушкетонам расцеловались с чувством, весьма растрогавшим присутствующих, решивших, ввиду высокого положения Мушкетона, что План-

ше какой-нибудь переодетый вельможа.

“And now, sir,” said Mousqueton, freeing himself from the embrace of Planchet, who was unsuccessfully trying to clasp his hands on his friend’s back, “and now, sir, allow me to leave you, for I do not wish my master to learn of your arrival from anyone but me; he will not forgive me for allowing myself to be anticipated.” – А теперь, сударь, – сказал Мушкетон, освободившись от объятий Планше, безуспешно пытавшегося сомкнуть руки на спине своего друга, – а теперь, сударь, позвольте мне вас покинуть, так как я не хочу, чтобы мой барин узнал о вашем приезде от кого-либо, кроме меня; он не простит мне, что я допустил опередить себя.

“Old friend!” – Старый друг! said d’Artagnan, avoiding calling Porthos by either his old or his new name. – сказал д’Артаньян, избегая называть Портоса и старым, и новым именем. “So he hasn’t forgotten me yet?” – Так он еще не забыл меня?

– Forget? – Забыть? For him? Это ему-то? – exclaimed Mousqueton. – воскликнул Мушкетон. – Not a day passed that we did not expect news of your appointment as Marshal, either in place of Monsieur de Gassion or Monsieur de Bassompierre. – Да не проходило дня, чтобы мы не ожидали известия о вашем назначении маршалом либо вместо господина де Гассиона, либо вместо господина де Бассомпьера.

One of those rare sad smiles that remained in the depths of his heart as a trace of the disappointments of his youth flashed

across d'Artagnan's lips. На губах д'Артаньяна промелькнула одна из тех редких грустных улыбок, что остались в глубине его сердца как след разочарований молодости.

“And you, peasants,” continued Mousqueton, “stay with His Excellency Count d'Artagnan and try to serve him as best you can while I go and report to Monseigneur about his arrival.” – А вы, мужичье, – продолжал Мушкетон, – оставайтесь при его сиятельстве графе д'Артаньяне и постарайтесь как можно лучше служить ему, пока я съезжу доложить монсеньору о его приезде.

And, having mounted his portly horse with the help of two compassionate souls, while the more agile Planchet had mounted his own without assistance, Mousqueton galloped across the lawn at a slow pace, which showed more the strength of his back than the speed of his steed's legs. И, взобравшись при помощи двух сердобольных душ на своего дородного коня, в то время как более расторопный Планше вскочил без чужой помощи на своего, Мушкетон поскакал по лужайке мелким галопом, свидетельствующим более о прочности спины, чем о быстроте ног его скакуна.

“That's a good beginning!” – Вот хорошее начало! said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. “There are no secrets, no pretense, no politics here; here they laugh out loud, cry with joy, everyone's faces are a yard wide.” – Здесь нет ни тайн, ни притворства, ни политики; здесь смеются во все горло, плачут от радости, у всех лица в аршин шириной. Really, it seems to me

that nature itself is celebrating a holiday, that the trees, instead of leaves and flowers, are decorated with green and pink ribbons. Право, мне кажется, что сама природа справляет праздник, что деревья вместо листьев и цветов убраны зелеными и розовыми ленточками.

“And to me,” said Planchet, “it seems that from here I smell the most delicious aroma of roast meat and see an honor guard of cooks lined up to greet us.” – А мне, – сказал Планше, – кажется, что я отсюда чую восхитительнейший запах жаркого и вижу почетный караул поварят, выстроившихся нам навстречу. Ah, sir, Monsieur de Pierrefonds must have a cook: he loved to eat well even back when his name was only Porthos. Ах, сударь, уж иповар должен быть у господина де Пьерфона: он ведь любил хорошо покушать еще тогда, когда именовался всего-навсего Портосом.

“Stop,” said d'Artagnan, “you’re frightening me!” – Стой, – сказал д’Артаньян, – ты меня пугаешь! If reality corresponds to external signs, I’m lost. Если действительность соответствует внешним признакам, я пропал. Such a happy man will never give up his happiness, and failure awaits me, like Aramis. Такой счастливый человек никогда не отступится от своего счастья, и меня ждет неудача, как у Арамиса.

Chapter XIII Глава XIII

Now d'Artagnan, having met Porthos, was convinced that happiness is not in money Как д’Артаньян, встретившись с

Портосом, убедился, что не в деньгах счастье

D'Artagnan rode through the bars and found himself in front of the castle. Д'Артаньян въехал за решетку и очутился перед замком. He had barely jumped off his horse when some giant appeared on the porch. Едва он соскочил с лошади, как какой-то великан появился на крыльце. It must be said that d'Artagnan was to his credit: regardless of any selfish considerations, his heart beat joyfully at the sight of the tall figure and warlike face, which immediately reminded him what a brave and kind man he was. Следует отдать должное д'Артаньяну: независимо от всяких эгоистических соображений, сердце его радостно забилося при виде высокой фигуры и воинственного лица, сразу напомнившего ему, какой это храбрый и добрый человек.

He ran up the steps and threw himself into Porthos's arms; the entire household, standing in a circle at a respectful distance, looked at them with curiosity. Он взбежал на крыльцо и бросился в объятия Портоса; вся челядь, выстроившаяся кружком на почтительном расстоянии, смотрела на них с любопытством. Mousqueton, in the front row, was wiping his eyes. Мушкетон в первом ряду утирал себе глаза. The poor fellow had not stopped crying from the moment he recognized d'Artagnan and Planchet. Бедняга не переставал плакать с той минуты, как узнал д'Артаньяна и Планше. Porthos took his friend by the hand. Портос взял приятеля за руку.

“Ah, how glad I am to see you again, dear d'Artagnan!” – Ax,

как я рад опять вас видеть, дорогой д'Артаньян! he exclaimed (now he spoke in a bass voice instead of a baritone). – воскликнул он (теперь вместо баритона он говорил басом). “So you haven't forgotten me.” – Вы, значит, меня не забыли.

– Forget you? – Забыть вас? Ah, dear du Vallon, is it possible to forget the best days of youth, and your faithful friends, and the dangers we experienced together! Ах, дорогой дю Валлон, можно ли забыть лучшие дни молодости, и своих верных друзей, и пережитые вместе опасности! Seeing you, I remembered every moment of our former friendship. Увидя вас, я припомнил каждый миг нашей бывлой дружбы.

“Yes, yes,” said Porthos, twirling his moustache and trying to give it the former dandyish look that it had lost during his seclusion. – Да, да, – сказал Портос, подкручивая усы и стараясь придать им прежний щегольской вид, который они утратили за время его затворничества. “Yes, we did some glorious things in our time – there was something to puzzle the poor cardinal over.” – Да, славные дела совершали мы в свое время – было над чем поломать голову бедному кардиналу.

And he sighed heavily. И он тяжело вздохнул. D'Artagnan looked at him. Д'Артаньян взглянул на него.

“In any case,” Porthos continued languidly, “welcome, my dear friend, you will amuse me. – Во всяком случае, – продолжал томно Портос, – добро пожаловать, дорогой друг, вы меня развлечете. Tomorrow we will hunt a hare in my excellent fields or a roe deer in my magnificent forests. Мы затравим зав-

тра зайца в моих превосходных полях или косую в моих великолепных лесах. My four greyhounds are reputed to be the lightest in our region, and my hounds are such that their equals will not be found for twenty miles in a circle. Мои четыре борзые слывут самыми легкими в наших краях, а гончие у меня такие, что равных им не найти на двадцать миль в округности.

And Porthos sighed a second time. И Портос вздохнул второй раз.

“Wow!” «Oго! thought d’Artagnan. – подумал д’Артаньян. “Is my friend really not as happy as he seems?” – Неужели мой приятель не так счастлив, как кажется? »

“But first of all,” he replied, “you will introduce me to Madame du Vallon, because I remember the kind invitation you sent me and to which she deigned to add a few lines. – Но прежде всего, – ответил он, – вы представите меня госпоже дю Валлон, потому что я помню любезное приглашение, которое вы мне прислали и в котором она сооблаговолила приписать несколько строк.

The Third Breath of Porthos. Третий вздох Портоса.

“I lost Madame du Vallon two years ago and I still mourn it. – Я потерял госпожу дю Валлон два года назад и до сих пор скорблю об этом. That’s why I left my castle of Vallon, near Corbeil, and settled in Bracieux, and because of this move, I eventually bought this estate. Потому-то я и уехал из моего замка Валлон, близ Корбея, и поселился в Брасье, а из-

за этого переезда в конце концов прикупил вот это имение. Poor Madame du Vallon!” Бедная госпожа дю Валлон! – Porthos continued, making a sad face. – продолжал Портос, делая унылую мину. – She did not have a very docile character, but in the end she still reconciled herself to my habits and tastes. – У нее был не очень покладистый характер, но под конец она все же примирилась с моими привычками и вкусами.

“So you are rich and free?” – Значит, вы богаты и свободны? said d’Artagnan. – сказал д’Артаньян.

“Alas,” answered Porthos, “I am a widower, and I have forty thousand in income.” – Увы, – ответил Портос, – я вдовец, и у меня сорок тысяч дохода. Let’s go have breakfast. Пойдемте завтракать. Would you like some? Хотите?

“Very much so,” replied d’Artagnan. – И очень, – ответил д’Артаньян. “The morning air has whetted my appetite.” – Утренний воздух возбудил мой аппетит.

“Yes,” Porthos remarked, “I have excellent air.” – Да, – заметил Портос, – у меня превосходный воздух.

They entered the castle. Они вошли в замок. Inside, everything from top to bottom shone with gold: gilded cornices, gilded carvings, gilded furniture. Внутри все сверху донизу сияло позолотой: золоченые карнизы, золоченая резьба, золоченая мебель.

A laid table awaited them. Накрытый стол ожидал их.

“You see,” said Porthos, “that’s always how it is with me.” – Вот видите, – сказал Портос, – так у меня всегда.

- Damn it, I'm delighted! – Черт возьми, я восхищен! Even the king wouldn't have a table like this. Такого стола и у короля не бывает.

- Yes, I heard that Mazarin feeds him very poorly. – Да, я слышал, что Мазарини его очень скверно кормит. Try the cutlets, dear d'Artagnan. Отведайте котлет, милый д'Артаньян. Made from his own lamb. Из собственной баранины.

- You have very tender rams, I can congratulate you. – У вас очень нежные бараны, могу вас поздравить.

- Yes, they are fattened on my excellent meadows. – Да, они откармливаются на моих превосходных лугах.

- Give me some more. – Дайте мне еще.

- No, try a hare instead. – Нет, попробуйте лучше зайца. I killed it yesterday in one of my reserves. Я убил его вчера в одном из моих заповедников.

- Damn! – Черт! How delicious! Как вкусно! You probably feed your hares only with the Virgin Mary herb! Да вы кормите ваших зайцев, верно, одной богородичной травкой!

- How do you like my wine? – А как вам нравится мое вино? Isn't it nice? Не правда ли, приятное?

- It's excellent. – Оно превосходно.

- And yet it is local. – А тем не менее это местное.

- Really? – В самом деле?

- Yes, a small vineyard on the southern slope of the mountain: it yields twenty muids. – Да, небольшой виноградничек на южном склоне горы: он дает двадцать мюидов.

- A magnificent collection. – Великолепный сбор.

Porthos sighed for the fifth time. Портос вздохнул в пятый раз. D'Artagnan counted Porthos's sighs. Д'Артаньян считал вздохи Портоса.

“But listen finally,” he said, wanting to solve this riddle, “one might think, my friend, that something is saddening you? – Но послушайте наконец, – сказал он, желая разрешить эту загадку, – можно подумать, друг мой, что вас что-то печалит? Are you ill? Уж не больны ли вы? Is health... Разве здоровье...

- Excellent, my friend, better than ever: I will kill the bull with a blow of my fist. – Превосходно, мой друг, лучше, чем когда-либо: я убью быка ударом кулака.

- So, family troubles? – Значит, семейные огорчения? ...

- Family? – Семейные? Fortunately, I don't have a family. К счастью, у меня нет семьи.

- What then is the reason for your sighs? – Чем же тогда вызваны ваши вздохи?

“I will be frank with you, my friend,” said Porthos. – Я буду откровенен с вами, мой друг, – сказал Портос. “I am unhappy.” – Я несчастлив.

- Are you unhappy, Porthos? – Вы несчастливы, Портос? You, who own castles, meadows, hills, forests – you, who finally have forty thousand livres in income, are you unhappy? Вы, владеющий замками, лугами, холмами, лесами, – вы, имеющий, наконец, сорок тысяч ливров дохода, вы несчастливы?

“My dear,” answered Porthos, “it is true that I have everything,

but I am alone in the midst of all this.” – Дорогой мой, – отвечал Портос, – правда, у меня все есть, но я одинок среди всего этого.

- Ah, I understand: you are surrounded by beggars, and it is humiliating for you to associate with them... – А, понимаю: вы окружены нищими, знаться с которыми для вас унижительно...

Porthos turned slightly pale and drained a huge glass of wine from his vineyard. Портос слегка побледнел и осушил огромный стакан вина со своего виноградника.

“No, not that,” he said, “rather the contrary.” – Нет, не то, – сказал он, – скорее наоборот. These small gentry, who all have some title or other and consider themselves descendants of Pharamond, Charlemagne, or at least Hugo Capet. Эти мелкопоместные дворянчики, которые все имеют кой-какие титулы и считают себя потомками Фарамонда, Карла Великого или по меньшей мере Гуго Капета. As I was new, I should have been the first to go to them, and at first I did so; but you know, my dear, Madame du Vallon... (here Porthos seemed to choke) Madame du Vallon was a dubious noblewoman. Так как я был новоприбывший, я должен был первый к ним ехать, вначале я так и делал; но вы знаете, мой милый, госпожа дю Валлон... (здесь Портос словно поперхнулся) госпожа дю Валлон была сомнительная дворянка. Her first marriage—I think you know this, d’Artagnan—was to a lawyer; that, in their opinion, was disgusting. Первый раз она была замужем,

– мне кажется, д'Артаньян, вам это известно, – застрячим; это, по их мнению, было отвратительно. That's exactly what they said: "Disgusting." Они так и выразились: «Отвратительно». You understand, for such an expression one could kill thirty thousand people. Вы понимаете, за такое выражение можно убить тридцать тысяч человек. I killed two; This silenced the others, but did not bring me their friendship. Я убил двоих; это заставило остальных замолчать, но не принесло мне их дружбы. So now I am deprived of all society; I live alone, I am bored, I am dying of boredom. Так что теперь я лишен всякого общества; живу один, скучаю,дохну с тоски.

D'Artagnan smiled; he now knew the weak spot and was preparing to strike. Д'Артаньян улыбнулся; он знал теперь слабое место и готовил удар.

"But after all," he said, "you yourself are a nobleman, and marriage has not taken away your nobility." – Но в конце концов, – сказал он, – вы же сами дворянин и женитьба не отняла у вас дворянства.

– Yes, but you see, I do not belong to the historical nobility, like, for example, the Coucys, who were content with the title of "sire," or the Rohans, who did not want to be dukes; I am forced to give in to these people, who are all counts and viscounts; in church, at all ceremonies, everywhere they take advantage of me, and I can do nothing about it. – Да, но, понимаете, я не принадлежу к исторической знати, как, например, Куси, довольствовавшиеся титулом «сир», или Роганы, которые не хотели

быть герцогами; я вынужден уступать этим людям, которые все графы и виконты; в церкви, на всех церемониях, всюду они пользуются преимуществами передо мною, и я ничего с этим не могу поделать. Ah, if only I were... Ах, если б только я был...

“Baron, isn’t it?” – Барон, не так ли? – d’Artagnan finished his friend’s sentence. – окончил д’Артаньян фразу приятеля.

- Ah! – Ах! - exclaimed Porthos, beaming. – воскликнул Портос, просияв. - Ah, if only I were a baron! – Ах, если б я был барон!

“Excellent,” thought d’Artagnan, “success is guaranteed here.” «Отлично, – подумал д’Артаньян, – тут успех обеспечен».

“You know, my dear friend,” he said to Porthos, “I have brought you this very title that you so desire today.” – А знаете, дорогой друг, – сказал он Портосу, – этот-то титул, которого вы так желаете, я и привез вам сегодня.

Porthos jumped up so hard that everything around him shook; two or three bottles, losing their balance, rolled off the table and broke. Портос подпрыгнул так, что все кругом затряслось; две-три бутылки, потеряв равновесие, скатились со стола и разбились. Mousqueton came running at the noise, and Planchet appeared in the doorway with his mouth full and a napkin in his hands. Мушкетон прибежал на шум, и в дверях появился Планше с набитым ртом и салфеткой в руках.

“You called me, Monseigneur?” – Вы меня звали, монсеньор? asked Mousqueton. – спросил Мушкетон. Porthos

motioned to Mousqueton to pick up the shards of glass. Портос сделал знак Мушкетону подобрать осколки стекла.

“I am glad to see,” said d’Artagnan, “that this fine fellow is still with you.” – Я рад видеть, – сказал д’Артаньян, – что этот славный малый по-прежнему при вас.

“He is my manager,” answered Porthos. – Он мой управляющий, – ответил Портос. “He knows how to do his business, this swindler, it’s obvious,” he said loudly, “but,” he added, lowering his voice, “he is devoted to me and will not leave me for anything in the world.” – Он умеет-таки обделявать свои делишки, этот мошенник, сразу видно, – сказал он громко, – но, – прибавил он, понижая голос, – он мне предан и не покинет меня ни за что на свете.

“And he calls you Monseigneur,” thought d’Artagnan. «И притом зовет тебя монсеньором», – подумал д’Артаньян.

“You may go, Muston,” said Porthos. – Можете идти, Мустон, – сказал Портос.

- Did you say Muston? – Вы сказали Мустон? Oh yes, I understand, the shortened name, Musketon, is too long! Ах да, понимаю, сокращенное имя, Мушкетон – это слишком длинно!

- Yes, and besides, that name smells of barracks a mile away. – Да, и к тому же от этого имени за целую милю пахнет казармой. However, we were talking about business when this fool came in. Однако мы говорили о деле, когда вошел этот дуралей.

“Yes,” said d’Artagnan. – Да, – сказал д’Артаньян. “But let’s postpone the conversation until another time, otherwise your people might get wind of something: perhaps there are spies here.” – Но отложим разговор до другого времени, а то ваши люди могут что-нибудь пронюхать: быть может, тут есть шпионы. You understand, Porthos, this is an important matter. Вы понимаете, Портос, это дело важное.

- Damn it! – Черт побери! - said Porthos. – проговорил Портос. - Well, let's go for a walk in the park, for digestion. – Что ж, пойдемте прогуляться по парку, для пищеварения.

“With pleasure,” said d’Artagnan. – С удовольствием, – сказал д’Артаньян.

As the hearty breakfast came to an end, they went to inspect the magnificent garden. Так как плотный завтрак подошел к концу, они отправились осматривать великолепный сад. Chestnut and linden alleys surrounded the plot of at least thirty acres. Каштановые и липовые аллеи окружали участок по крайней мере десятин в тридцать. In the cages, lined with dense hedges, rabbits frolicked, playing in the tall grass. В садках, обсаженных частой живой изгородью, резвились кролики, играя в высокой траве.

"Upon my word," said d'Artagnan, "your park is as magnificent as everything else; and if you have as many fish in your ponds as rabbits in your cages, you must be the happiest man in the world, unless you have fallen out of love with hunting and have failed to take up fishing." – Честное слово, – сказал д’Ар-

таньян, – парк у вас так же великолепен, как и все остальное; а если у вас в прудах столько же рыбы, сколько кроликов в садках, то вы должны быть счастливейшим человеком в мире, разве что вы разлюбили охоту и не сумели пристраститься к рыбной ловле.

– I leave fishing to Mousqueton, my friend: it's a peasant's pleasure. – Рыбу ловить, мой друг, я предоставляю Мушкетону: это мужицкое удовольствие. I do hunt sometimes, in other words, when I'm bored, I sit here on the marble bench, order them to bring me a gun, bring Gredine – that's my favorite hunting dog – and shoot rabbits. Охотой же я иногда занимаюсь, другими словами, когда я скучаю, то сажусь здесь на мраморной скамейке, приказываю подать мне ружье, привести Гредине – это моя любимая охотничья собака – и стреляю кроликов.

“This is very funny,” said d'Artagnan. – Это очень весело, – сказал д'Артаньян.

“Yes,” Porthos replied with a sigh, “it's very funny.” – Да, – ответил со вздохом Портос, – это очень весело.

D'Artagnan had already stopped counting Porthos's sighs. Д'Артаньян уже перестал считать вздохи Портоса.

“Then,” added Porthos, “Gredine finds them and takes them to the cook himself: he is well trained.” – Потом, – прибавил Портос, – Гредине их отыскивает и сам относит к повару: он хорошо выдрессирован.

“What a wonderful dog!” – Какой чудесный пес! said

d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

“But let's leave Gredine,” continued Porthos. – Но оставим Гредине, – продолжал Портос. “If you want, I'll give him to you, I'm already tired of him; let's get back to our business now.” – Если хотите, я вам его подарю, он мне уже надоел; вернемтесь теперь к нашему делу.

“If you please,” said d'Artagnan. – Извольте, – сказал д'Артаньян. “But, my dear friend, so that you cannot later reproach me for treachery, I warn you that you will have to completely change your way of life. – Но, дорогой друг, чтобы вы не могли потом упрекнуть меня в вероломстве, я вас предупреждаю, что вам придется совершенно изменить образ жизни.

- How so? – Как так?

- To put on combat gear again, to gird on a sword, to expose oneself to dangers, sometimes leaving pieces of one's skin along the way – in a word, to live the old life, you understand? – Снова надеть боевое снаряжение, подпоясать шпагу, подвергаться опасностям, оставляя подчас в пути куски своей шкуры, – словом, зажить прежнюю жизнью, понимаете?

- Oh, damn it! – Ах, черт возьми! - muttered Porthos. – про-бормотал Портос.

- Yes, I understand that you have become spoiled, my dear friend; you have grown a belly, your arm has lost its former flexibility, which, more than once, you used to demonstrate to the cardinal's guards. – Да, я понимаю, что вы избаловались, милый друг; вы отрастили брюшко, рука утратила прежнюю

гибкость, которую, бывало, вы не раз доказывали гвардейцам кардинала.

“Well, the arm is still not bad, I swear to you,” said Porthos, showing his huge paw, which resembled a shoulder blade of mutton. – Ну, рука-то еще не плоха, клянусь вам, – сказал Портос, показывая свою ручищу, похожую на баранью лопатку.

– So much the better. – Тем лучше.

– So, are we going to fight? – Значит, мы будем воевать?

– Of course. – Ну разумеется.

– And with whom? – А с кем?

– Do you follow politics, my friend? – Вы следите за политикой, мой друг?

– Me? – Я? I don't think so. И не думаю.

– In short, who are you for: Mazarin or the princes? – Словом, вы за кого: за Мазарини или за принцев?

– I'm just not for anyone. – Я просто ни за кого.

– In other words, you are for us? – Иными словами, вы за нас? So much the better, Porthos, it is the most advantageous. Тем лучше, Портос, это выгоднее всего. So, my dear, I will tell you: I have come from the cardinal. Итак, мой милый, я вам скажу: я приехал от кардинала.

This word had such an effect on Porthos as if it were still 1640 and the person in question was a real cardinal. Это слово оказало такое действие на Портоса, как будто был все еще 1640 год и речь шла о настоящем кардинале.

- Wow! – Ого! What does His Grace want from me? Что же угодно от меня его преосвященству?

- His Eminence wishes you to enter his service. – Его преосвященство желает, чтоб вы поступили к нему на службу.

- And who told him about me? – А кто сказал ему обо мне?

- Rochefort. – Рошфор. Remember? Помните?

- Of course, damn it! – Еще бы, черт возьми! The very same one who used to annoy us so much, by whose grace we had to drive so much along the roads! Тот самый, что, бывало, так досаждал нам, по чьей милости нам пришлось столько гонять по проезжим дорогам! The one whom you treated to the sword three times, and one might say he got it for good reason! Тот, кого вы трижды угостили шпагой, и ему, можно сказать, не зря досталось!

“But do you know that he has become our friend?” – Но знаете ли вы, что он стал нашим другом? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян.

- No, I didn’t know. – Нет, не знал. He apparently doesn’t hold a grudge. Он, видно, незлопамятен.

“You are mistaken, Porthos,” objected d’Artagnan, “it is I who am not vindictive.” – Вы ошибаетесь, Портос, – возразил д’Артаньян, – это я незлопамятен.

Porthos did not quite understand these words, but, as we know, he was not particularly intelligent. Портос не совсем понял эти слова, но, как мы знаем, он не отличался сообразительностью.

“So you say,” he continued, “that Count Rochefort spoke about me to the Cardinal?” – Так вы говорите, – продолжал он, – что граф Рошфор говорил обо мне кардиналу?

- Yes, and then the queen. – Да, а затем королева.

- Queen? – Королева?

“To inspire us with confidence in him, she even gave him the famous diamond, remember, which I sold to Mr. Dessessart and which, I don’t know how, ended up in her hands again. – Чтобы внушить нам доверие к нему, она даже дала ему знаменитый алмаз, помните, который я продал господину Дезэссару и который, не знаю каким образом, снова очутился в ее руках.

“But it seems to me,” Porthos remarked with his characteristic awkward common sense, “that she would have done better if she had returned it to you.” – Но мне кажется, – заметил Портос со свойственным ему неуклюжим здравомыслием, – она бы лучше сделала, если б возвратила его вам.

“I think so too,” replied d’Artagnan. – Я тоже так думаю, – ответил д’Артаньян. “But what can you do? Kings and queens sometimes have strange quirks.” – Но что поделаешь, у королей и королев бывают иногда странные причуды. And since, in the end, wealth and honors are in their power, and money and titles come from them, you feel devotion to them. А так как в конце концов в их власти богатство и почести и от них исходят деньги и титулы, то и питаешь к ним преданность.

“Yes, you are devoted to them...” repeated Porthos. – Да, питаешь к ним преданность... – повторил Портос. “So, at this

moment you are devoted?” – Значит, в настоящую минуту вы преданны?. ...

– To the king, queen and cardinal. – Королю, королеве и кардиналу. Moreover, I have vouched for you too. Более того, я поручился и за вас.

- And you say that you set some conditions regarding me? – И вы говорите, что поставили некоторые условия относительно меня?

– Brilliant, my dear, brilliant. – Блестящие, мой дорогой, блестящие. First of all, you have money, don't you? Прежде всего у вас есть деньги, не так ли? Forty thousand livres of income, you said? Сорок тысяч ливров дохода, сказали вы?

Porthos suddenly became alarmed. Портос вдруг встревожился.

“Well, my dear,” he said, “no one has any extra money.” – Ну, милый мой, – сказал он, – лишних денег ни у кого не бывает. Madame du Vallon's inheritance is somewhat complicated, and I am not a master of litigation, so I make do as best I can. Наследство госпожи дю Валлон несколько запутано, а я не мастер вести тяжбы, так что и сам перебиваюсь, как могу.

“He's afraid I've come to ask him for a loan,” thought d'Artagnan. «Он боится, что я приехал просить у него займа», – подумал д'Артаньян.

“Ah, my friend,” he said loudly, “so much the better if you have a hitch in business.” – Ах, мой друг, – сказал он громко, – тем лучше, если у вас заминка в делах.

– Why: the better? – Почему: тем лучше? – asked Porthos.
– спросил Портос.

- Because His Eminence will give you all the lands, money, and titles. – Да потому, что его преосвященство даст вам все земли, деньги, титулы.

“Ah!” – A-a! said Porthos, his eyes widening at d’Artagnan’s last word. – протянул Портос, вытаращив глаза при последнем слове д’Артаньяна.

“Under the previous cardinal,” continued d’Artagnan, “we didn’t know how to take advantage of the opportunity, but there was an opportunity.” – При прежнем кардинале, – продолжал д’Артаньян, – мы не умели пользоваться случаем, а ведь была возможность. I’m not talking about you: you have forty thousand in income, and you, in my opinion, are the happiest man in the world... Я говорю не о вас: у вас сорок тысяч дохода, и вы, по-моему, счастливейший человек на свете...

Porthos sighed. Портос вздохнул.

“But nevertheless,” continued d’Artagnan, “despite your forty thousand livres income, or perhaps precisely because of these forty thousand livres, it seems to me that a small crown on the doors of your carriage would look very nice, eh?” – Но тем не менее, – продолжал д’Артаньян, – несмотря на ваши сорок тысяч ливров дохода, а может быть, именно в силу этих сорока тысяч ливров, мне кажется, что маленькая коронка на дверцах вашей кареты выглядела бы очень недурно, а?

- Of course. – Ну разумеется.

– So, my friend, earn it: it is at the end of your sword. – Так вот, друг мой, заслужите ее: она на конце вашей шпаги. We will not harm each other. Мы не повредим друг другу. Your goal is the title, mine is money... I only need to earn enough to restore Artagnan, which has fallen into decay since my ancestors were ruined in the Crusades, and to buy about thirty acres of land in the neighborhood - I do not need more. Ваша цель – титул, моя – деньги... Мне бы только заработать достаточно, чтобы восстановить Артаньян, пришедший в упадок с тех пор, как мои предки разорились на крестовых походах, да прикупить по соседству акров тридцать земли – больше мне не нужно. I will settle there and die in peace. Я поселюсь там и спокойно умру.

“And I,” said Porthos, “would like to be a baron.” – А я, – сказал Портос, – хотел бы быть бароном.

- You will be. – Вы им будете.

“Have you also remembered our other friends?” – А о других наших друзьях вы тоже вспомнили? – asked Porthos. – спросил Портос.

- Of course. – Конечно. I saw Aramis. Я виделся с Арами-сом.

- What does he want? – А ему чего хочется? To be a bishop? Быть епископом?

“Imagine,” replied d’Artagnan, not wanting to disappoint Porthos, “that Aramis has become a monk and a Jesuit and lives like a bear; he has renounced everything earthly and thinks

only of the salvation of his soul.” – Представьте себе, – ответил д’Артаньян, не желавший разочаровывать Портоса, – что Арамис стал монахом и иезуитом и живет как медведь; он отрекся от всего земного и помышляет только о спасении души. My proposals could not shake him. Мои предложения не могли поколебать его.

- So much the worse! – Тем хуже! - said Porthos. – сказал Портос. - He was a man of sense. – Он был человек с головой. And Athos? А Атос?

“I haven’t seen him yet, but I’ll go to him from you.” – Я еще не виделся с ним, но поеду к нему от вас. Do you know where to look for him? Не знаете ли, где его искать?

– Near Blois, in a small estate which he inherited from some relative. – Близ Блуа, в маленьком имении, которое он унаследовал от какого-то родственника.

- What is it called? – А как оно называется?

– Bragelonne. – Бражелон. Just imagine, my friend, Athos, who is already as noble as the emperor, suddenly inherits land that gives the right to the title of count! Представьте себе, друг мой, Атос, который и так родовит, как император, вдруг еще наследует землю, дающую право на графский титул! What good does he need these counties for? Ну на что ему эти графства? The county of La Fère, the county of Bragelonne! Графство де Ла Фер, графство де Бражелон!

“Especially since he has no children,” said d’Artagnan. – Тем более что у него нет детей, – сказал д’Артаньян.

- Hm, I heard that he adopted a young man who looks very much like him. – Гм, я слышал, что он усыновил одного молодого человека, который очень похож на него лицом.

- Athos, our Athos, who was as virtuous as Scipio! – Атос, наш Атос, который был добродетелен, как Сципион! Have you seen him? Вы с ним виделись?

- No. – Нет.

“Well, then, I’ll see him tomorrow and tell him about you.” – Ну так я завтра же повидаюсь с ним и расскажу о вас. I’m only afraid – but this is between us – that because of his unfortunate weakness for wine, he has grown old and fallen into decay. Боюсь только – но это между нами, – что из-за своей несчастной слабости к вину он состарился и опустился.

- Yes, it’s true, he drank a lot. – Да, правда, он много пил.

“Besides, he is older than all of us,” d’Artagnan noted. – К тому же он старше нас всех, – заметил д’Артаньян.

- Just a few years; his important posture made him look very old. – Всего несколькими годами; важная осанка очень его старила.

- Yes, that's true. – Да, это верно. So, if Athos is with us, great; but if he isn't, we can do without him. Итак, если Атос будет с нами – великолепно; ну а если не будет, мы и без него обойдемся. The two of us are worth a dozen. Мы и вдвоем стоим целой дюжины.

“Yes,” said Porthos, smiling at the memory of his past exploits, “but four of us would be worth thirty-six; especially

since the matter will not be easy, judging by what you say.” – Да, – сказал Портос, улыбаясь при воспоминании о своих былых подвигах, – но вчетвером мы стоили бы тридцати шести; тем более что дело будет не из легких, судя по вашим словам.

– Not easy for a beginner, but not for us. – Не легкое для новичка, но не для нас.

- How long will it last? – А сколько оно продлится?

– It'll probably last for three or four years, damn it! – Пожалуй, хватит года на три, на четыре, черт возьми!

– Will we fight a lot? – Драться будем много?

- I hope so. – Надеюсь.

– So much the better, so much the better! – Тем лучше, в конце концов, тем лучше! – exclaimed Porthos. – восклицал Портос. – You can't imagine how much I want to stretch my bones since I've been sitting here! – Вы представить себе не можете, как мне с той поры, что я сижу здесь, хочется размять кости! Sometimes, on Sundays, after church, I ride my horse through the fields and meadows of my neighbors in the hope of some good fight, since I feel that I need one; but nothing happens, my dear. Иной раз, в воскресенье, после церкви, я скачу на коне по полям и лугам моих соседей в чаянии какой-нибудь доброй стычки, так как чувствую, что она мне необходима; но ничего не случается, мой милый. Either they respect me, or they fear me, which is more likely. То ли меня уважают, то ли боятся, что более вероятно. They let me trample the alfalfa fields with the dogs, they let me mock everyone, and I return

even more bored, that's all. Мне позволяют вытаптывать с собаками поля люцерны, позволяют над всеми издеваться, и я возвращаюсь, скучая еще больше, вот и все. Tell me, at least, are they not so persecuted for duels in Paris now? Скажите мне, по крайней мере: теперь в Париже уже не так преследуют за поединки?

– Well, my dear, everything is fine here. – Ну, мой милый, тут все обстоит прекрасно. There are no edicts, no cardinal's guard, no Jussac and his kind of detectives, nothing. Нет никаких эдиктов, ни кардинальской гвардии, ни Жюссака и ему подобных сыщиков, ничего. Under any lamp, in a tavern, anywhere: "Are you a Frondeur?" Под любым фонарем, в трактире, где угодно: «Вы фрондер? – you draw your sword, and that's it. » – вынимаешь шпагу, и готово. Guise killed Coligny in the middle of the Place Royale, and nothing happened. Гиз убил Колиньи посреди Королевской площади, и ничего – сошло.

“That's wonderful!” – Вот это славно! said Porthos. – сказал Портос.

“And then, soon,” continued d'Artagnan, “we will have battles according to all the rules, with cannons, with fires – whatever your heart desires.” – А затем, в скором времени, – продолжал д'Артаньян, – у нас будут битвы по всем правилам, с пушками, с пожарами – все, что душе угодно.

- Then I agree. – Тогда я согласен.

– Do you give me your word? – Даете мне слово?

- Yes, it's decided! – Да, решено! I will fight for Mazarin left and right. Я буду колотить за Мазарини направо и налево. But... Но...

- What "but"? – Что «но»?

- Let him make me a baron. – Пусть он сделает меня баро-
ном.

- Oh, damn it! – Э, черт возьми! Yes, that was already decided in advance. Да это уж решено заранее. I told you and I repeat that I vouch for your barony. Я вам сказал и повторяю, что ручаюсь за ваше баронство.

Having received this promise, Porthos, who never doubted his friend's word, turned back with him to the castle. Получив это обещание, Портос, который никогда не сомневался в слове своего друга, повернул с ним обратно в замок.

Chapter XIV Глава XIV

Showing that if Porthos was dissatisfied with his lot, then Mousqueton was completely satisfied with his Показывая, что если Портос был недоволен своей участью, то Мушкетон был совершенно удовлетворен своею

On the way back to the castle, Porthos was immersed in dreams of his future barony, and d'Artagnan reflected on the pitiful nature of man, always dissatisfied with what he has, and constantly striving for what he does not have. На обратном пути к замку Портос был погружен в мечты о своем будущем баронстве, а д'Артаньян размышлял о жалкой природе чело-

века, всегда недовольного тем, что у него есть, и постоянно стремящегося к тому, чего у него нет. D'Artagnan, if he were in Porthos's place, would have considered himself the happiest man in the world. Д'Артаньян, будь он на месте Портоса, счел бы себя счастливейшим человеком на свете. And what was missing for Porthos to be happy? А чего недоставало для счастья Портосу? Five letters that he would have the right to write in front of all his names and surnames, and also a crown painted on the doors of his carriage. Пяти букв, которые он имел бы право писать впереди всех своих имен и фамилий, да еще коронки, нарисованной на дверцах кареты.

“Apparently, it is my destiny,” thought d'Artagnan, “to look to the right and to the left all my life and never see a completely happy face.” «Видно, суждено мне, – подумал д'Артаньян, – всю жизнь глядеть направо и налево и так и не увидеть ни разу вполне счастливого лица».

But before he had time to make this philosophical conclusion, fate seemed to want to refute him. Но не успел он сделать этот философский вывод, как судьба словно захотела опровергнуть его. Having barely parted from Porthos, who had gone to give some orders to his cook, d'Artagnan noticed Mousqueton approaching him. Едва расставшись с Портосом, ушедшим отдать кой-какие приказания своему повару, д'Артаньян заметил, что к нему приближается Мушкетон. The good fellow's face, if you don't count the slight excitement that, like a summer cloud, did not so much darken it as slightly clouded

it, seemed the face of a completely happy man. Лицо доброго малого, если не считать легкого волнения, которое, подобно летнему облачку, не столько омрачало его, сколько чуть-чуть затуманивало, казалось лицом вполне счастливого человека.

“This is what I was looking for,” thought d’Artagnan. «Вот то, чего я искал, – подумал д’Артаньян. “But alas, the poor fellow doesn’t know why I came.” – Но увы, бедняга не знает, зачем я приехал».

Musketon stopped at a decent distance. Мушкетон остановился на приличном расстоянии. D’Artagnan sat down on the bench and motioned for him to come over. Д’Артаньян сел на скамью и знаком подозвал его к себе.

“Sir,” said Mousqueton, taking advantage of the permission, “I want to ask you for one favor.” – Сударь, – сказал Мушкетон, воспользовавшись позволением, – я хочу вас попросить об одной милости.

“Speak, my friend,” said d’Artagnan. – Говори, мой друг, – сказал д’Артаньян.

“I don’t dare, I’m afraid you might think that prosperity has spoiled me.” – Я не смею, я боюсь, как бы вы не подумали, что благоденствие испортило меня.

“So you are happy, my friend?” – Значит, ты счастлив, мой друг? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян.

– As happy as I can be, and yet it is in your power to make me even happier. – Так счастлив, как только возможно, и все же в ваших силах сделать меня еще счастливее.

- Well then! – Что ж! Speak. Говори. If the matter depends only on me, then consider it already done. Если дело зависит только от меня, то считай, что оно уже сделано.

- Oh, sir, it depends only on you! – О, сударь, оно зависит только от вас!

- I'm waiting. – Я жду.

- Sir, the favor I ask of you is that you call me not Mousqueton, but Mouston. – Сударь, милость, о которой я вас прошу, заключается в том, чтоб вы называли меня не Мушкетон, а Мустоном. Since I have the honor of being His Grace's steward, I bear this name as more worthy and inspiring respect in my subordinates. С тех пор как я имею честь состоять управляющим его милости, я ношу это имя, как более достойное и внушающее почтение моим подчиненным. You yourself know, sir, how necessary subordination is for servants. Вы сами знаете, сударь, как необходима субординация для челяди.

D'Artagnan smiled: Porthos was lengthening his surname, Mousqueton was shortening his. Д'Артаньян улыбнулся: Портос удлинял свою фамилию, Мушкетон укорачивал свою.

“So, sir?” – Так как же, сударь? asked Musketon, trembling. – спросил, трепеща, Мушкетон.

“Of course, my dear Muston, of course,” replied d'Artagnan. – Ну конечно, мой милый Мустон, конечно, – ответил д'Артаньян. “Rest assured, I will not forget your request and, if you wish, I will not even address you as ‘you’ in the future.” – Будь покоен, я не забуду твоей просьбы и, если тебе угодно, даже

не буду впредь говорить тебе «ты».

- Oh! – O! - exclaimed Mousqueton, blushing with joy. – воскликнул, покраснев от радости, Мушкетон. - If you do me such an honor, sir, I will be grateful to you all my life. – Если вы окажете мне такую честь, сударь, я буду вам признателен всю жизнь. But perhaps I am asking too much? Но может быть, я прошу уж слишком многого?

“Alas,” thought d’Artagnan. «Увы, – подумал д’Артаньян. “This is very little compared to the unexpected misfortunes that I will bring upon the poor fellow who greeted me so warmly!” – Это совсем мало по сравнению с теми неожиданными напастями, которые я навлеку на беднягу, встретившего меня так сердечно!” »

“Will you be staying with us for long, sir?” – А вы долго будете у нас, сударь? asked Musqueton. – спросил Мушкетон.

His face, having regained its former serenity, blossomed again like a peony. Лицо его, обретя прежнюю безмятежность, расцвело опять, как пион.

“I am leaving tomorrow, my friend,” replied d’Artagnan. – Я уезжаю завтра, мой друг, – ответил д’Артаньян.

- Ah, sir, have you really come only to upset us? – Ах, сударь, неужели вы приехали только для того, чтобы огорчить нас?

“I’m afraid so,” d’Artagnan said very quietly, and Mousqueton, who was retreating with low bows, did not hear him. – Боюсь, что так, – произнес д’Артаньян совсем тихо, и отступавший с низкими поклонами Мушкетон его не рас-

слышал.

Remorse tormented d'Artagnan, despite the fact that his heart had become quite hardened. Раскаяние терзало д'Артаньяна, несмотря на то что сердце его изрядно очерствело.

He did not regret having led Porthos on a path that was dangerous to his life and well-being, for Porthos would willingly have risked all this for the sake of the baronial title he had dreamed of for fifteen years; but Mousqueton desired only one thing: to be called Mouston; so was it not cruel to tear him away from a happy and well-fed life? Он не сожалел о том, что увлек Портоса на путь, опасный для его жизни и благополучия, ибо Портос охотно рискнул бы всем этим ради баронского титула, о котором мечтал пятнадцать лет; но Мушкетон-то желал только одного: чтобы его звали Мустоном; так не жестоко ли было отрывать его от блаженной и сытой жизни? D'Artagnan was thinking about this when Porthos returned. Д'Артаньян раздумывал об этом, когда вернулся Портос.

“To the table,” said Porthos. – За стол, – сказал Портос.

- How about the table? – Как за стол? - asked d'Artagnan. – спросил д'Артаньян. - What time is it now? – Который же теперь час?

- Already the second, my dear. – Уже второй, мой милый.

- Your abode, Porthos, is simply paradise: here you forget about time. – Ваше обиталище, Портос, просто рай: здесь забываешь о времени. I follow you, even though I am not hungry. Я следую за вами, хоть я и не голоден.

– Let's go, let's go. – Идем, идем. If you can't always eat, you can always drink; this is one of the principles of poor Athos, and I have been convinced of his correctness since I began to get bored. Если не всегда можно есть, то пить всегда можно; это один из принципов бедняги Атоса, и в его правоте я убедился с тех пор, как начал скучать.

D'Artagnan, who, like a true Gascon, was by nature very moderate, apparently did not have much faith in the correctness of Athos's axiom; nevertheless, he tried to keep up with the master of the house as best he could. Д'Артаньян, который, как истый гасконец, был по натуре весьма умерен, по-видимому, не очень верил в правильность аксиомы Атоса; все-таки он старался по мере сил не отставать от хозяина дома.

However, watching Porthos eat and himself sipping wine with gusto, d'Artagnan could not rid himself of the thought of Mousqueton, especially since Mousqueton, without serving at the table himself, which in his current position would have been beneath his dignity, kept appearing at the door and showing his gratitude to d'Artagnan by sending them the best and most aged wines. Однако, глядя, как ест Портос, и сам усердно прихлебывая вино, д'Артаньян не мог отделаться от мысли о Мушкетоне, тем более что Мушкетон, не прислуживая сам за столом, что при нынешнем положении было бы ниже его достоинства, то и дело появлялся у дверей и выказывал свою благодарность д'Артаньяну, посылая им вина самые лучшие и самые выдержанные.

Therefore, when, at dessert, Porthos, at a sign from d'Artagnan, dismissed the footmen and the friends were left alone, d'Artagnan turned to Porthos: Поэтому, когда за десертом Портос по знаку д'Артаньяна отпустил лакеев и друзья остались вдвоем, д'Артаньян обратился к Портосу:

- And who will accompany you on the campaign, Porthos? – А кто же будет вас сопровождать в поход, Портос?

“Muston, of course,” Porthos answered calmly. – Конечно же Мустон, – ответил спокойно Портос. D'Artagnan was amazed. Д'Артаньян был поражен. He could already imagine the steward's warm smile turning into a mournful grimace. Ему уже представилось, как переходит в скорбную гримасу радужная улыбка управителя.

“But Muston,” said d'Artagnan, “is no longer in his first youth, my dear; besides, he has grown fat and, perhaps, has lost his skill for military service.” – А ведь Мустон, – сказал д'Артаньян, – уже не первой молодости, мой милый; к тому же он разжирел и, может быть, утратил навык к боевой службе.

“I know, but I've gotten used to him.” – Я знаю, но я привык к нему. “Yes, however, he himself won't want to leave me: he loves me too much.” Да, впрочем, он и сам не захочет покинуть меня: он слишком меня любит.

“Oh, blind vanity!” «О, слепое самолюбие! thought d'Artagnan. » – подумал д'Артаньян.

- But it seems that you yourself still have the same lackey in your service: this kind, brave, smart... what was his name? – Но

ведь и у вас самого, кажется, служит все тот же лакей: этот добрый, храбрый, сметливый... как бишь его зовут?

- Planchet. – Планше. Yes, he is with me again, but now he is no longer a footman. Да, он снова у меня, но теперь он больше не лакей.

- And who then? – А кто же?

- With his one thousand six hundred livres – remember, the money he earned at the siege of La Rochelle, delivering a letter to Lord Winter – he opened a shop on the Rue des Changes and became a pastry chef. – На свои тысячу шестьсот ливров – помните, те деньги, которые он заработал при осаде Ла-Рошели, доставив письмо лорду Винтеру, – он открыл лавочку на улице Менял и стал кондитером.

- So he is a pastry chef on Money Changers Street? – Так он кондитер на улице Менял? Why does he work for you? Зачем же он у вас служит?

- He's been a bit naughty and is afraid of trouble. – Он немножко напроказил и боится неприятностей.

And the musketeer told his friend how he met Planchet. И мушкетер рассказал своему другу, как он встретил Планше.

“Yes, my dear,” said Porthos, “what if someone had told you in the past that Planchet would save Rochefort, and that you would then protect him from persecution?” – Да, милый мой, – сказал Портос, – что, если б кто-нибудь сказал вам в былое время, что Планше спасет Рошфора, а вы потом укроете его от преследования?

– I wouldn't have believed it. – Я не поверил бы. But what can you do? Но что поделаешь? Events change a person. События меняют человека.

“Quite right,” agreed Porthos, “but what doesn't change, or rather what changes for the better, is wine.” – Совершенно верно, – согласился Портос, – но что не меняется или, вернее, что меняется к лучшему – это вино. Try the Spanish one that our friend Athos valued so much: sherry. Отведайте-ка испанское, которое так ценил наш друг Атос: это херес.

At that moment the manager entered to receive orders regarding tomorrow's menu, as well as the proposed hunt. В эту минуту управитель вошел за приказаниями относительно завтрашнего меню, а также предполагаемой охоты.

“Tell me, Muston,” asked Porthos, “is my weapon in order?” – Скажи-ка, Мустон, – спросил Портос, – мое оружие в порядке?

D'Artagnan drummed his fingers on the table to hide his embarrassment. Д'Артаньян забарабанил по столу пальцами, чтобы скрыть свое смущение.

“Your weapon, Monsignor?” – Ваше оружие, монсеньор? asked Musqueton. – спросил Мушкетон. “What weapon?” – Какое оружие?

- My armor, damn it! – Да мои доспехи, черт возьми!

- What armor? – Какие доспехи?

- Combat armor. – Боевые доспехи.

- Yes, Monsignor, I think so, at least. – Да, монсеньор, – я

так думаю, по крайней мере.

- Inspect them tomorrow and, if necessary, have them cleaned.
- Осмотри их завтра и, если понадобится, вели почистить. Which horse is my fastest? Какая лошадь у меня самая резвая?
- Volcano. – Вулкан.
- And the most resilient? – А самая выносливая?
- Bayard. – Баярд.
- Which one do you like the most? – А ты какую больше всего любишь?

“I love Rusto, Monsignor, he’s a fine horse, we get along very well.” – Я люблю Рюсто, монсеньор, это славная лошадка, мы с ней прекрасно ладим.

- She's resilient, isn't she? – Она вынослива, не правда ли?
- A cross between the Norman and Mecklenburg breeds. – Помесь нормандской породы с мекленбургской. Can run day and night without stopping. Может бежать день и ночь без передышки.

- Just what we need. – Как раз то, что нам нужно. You will prepare these three horses for the campaign and clean or have my weapons cleaned; and pistols for yourself and a hunting knife. Ты приготовишь к походу этих трех лошадей и вычистишь или велишь вычистить мое оружие; да пистолеты для себя и охотничий нож.

“So, are we going on a journey?” – Значит, мы отправляемся путешествовать? – Musketon asked anxiously. – тревожно спросил Мушкетон.

D'Artagnan, who had been tapping out vague chords until now, began to drum out a march. Д'Артаньян, выстукивавший до сих пор неопределенные аккорды, забарабанил марш.

- Better than that, Muston! – Получше того, Мустон! – answered Porthos. – ответил Портос.

“Are we going on a campaign, sir?” – Мы едем в поход, сударь? asked the steward, and the roses on his face were replaced by lilies. – спросил управитель, и розы на его лице сменились лилиями.

“We are going back to military service, Muston!” – Мы опять поступаем на военную службу, Мустон! – answered Porthos, trying to twirl his moustache and give it a martial look, which they had long ago abandoned. – ответил Портос, стараясь лихо закрутить усы и придать им воинственный вид, от которого они давно отвыкли.

As soon as these words were uttered, Mousqueton began to tremble; his thick, reddish-veined cheeks trembled. Едва раздалась эти слова, как Мушкетон затрепетал; его толстые, с красноватыми прожилками, щеки дрожали. He looked at d'Artagnan with such inexpressibly sad reproach that the officer could not bear it without emotion. Он взглянул на д'Артаньяна с таким невыразимо грустным упреком, что офицер не мог вынести этого без волнения. Then he staggered and asked in a choked voice: Потом он пошатнулся и сдавленным голосом спросил:

- To serve? – На службу? To serve in the royal army? На

службу в королевской армии?

- Yes and no. – И да и нет. We will fight again, seek all sorts of adventures - in a word, we will lead our old lives. Мы будем опять сражаться, искать всяких приключений – словом, будем вести прежнюю жизнь.

The last words struck Mousqueton like thunder. Последние слова как громом поразили Мушкетона. It was precisely this very terrible “former life” that made the “present” one so pleasant. Именно эта самая ужасная «прежняя жизнь» и делала «теперешнюю» столь приятной.

- Oh, my God! – О господи! What do I hear? Что я слышу? - exclaimed Mousqueton, casting an even more pleading glance at d'Artagnan. – воскликнул Мушкетон, бросая еще более умоляющий взгляд на д'Артаньяна.

“What can I do, my dear Muston!” – Что делать, мой милый Мустон! said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. “So, it's fate...” – Значит, судьба...

Although d'Artagnan tried not to call him "you" and pronounced his name the way Mousqueton wanted, he still felt the blow, and the blow was so terrible that he left, forgetting to close the door in his excitement. Несмотря на то что д'Артаньян постарался не назвать его на «ты» и выговорил его имя так, как хотелось Мушкетону, тот все же почувствовал удар, и удар был столь ужасен, что он вышел, забыв от волнения затворить двери.

“Glorious Musketoons!” – Славный Мушкетон! He is beside

himself with joy, said Porthos in the tone in which Don Quixote probably encouraged Sancho to saddle his Gray for the last expedition. Он сам не свой от радости, – сказал Портос тоном, которым Дон Кихот, вероятно, поощрял Санчо седлать своего Серого для последнего похода.

Left alone, the friends began to talk about the future and began to build castles in the air. Оставшись одни, друзья заговорили о будущем и принялись строить воздушные замки. From the glorious wine of Mousqueton, d'Artagnan already imagined heaps of sparkling gold coins and pistoles, and Porthos – a blue ribbon and a ducal mantle. От славного винца Мушкетона д'Артаньяну уже мерещились груды сверкающих червонцев и пистолей, а Портосу – голубая лента и герцогская мантия. In any case, they were both dozing at the table when the servants came to invite them to bed. Во всяком случае, они оба дремали за столом, когда слуги пришли, чтобы пригласить их лечь в постель.

The following morning, however, d'Artagnan consoled Mousqueton somewhat by declaring to him that the war would, in all probability, be waged all the time in Paris itself and near the castle of Vallon, located in the vicinity of Corbeil, or near Bracieux, located near Melun, and also near Pierrefonds, located between Compiègne and Villers-Cotterêts. На следующее утро, однако, д'Артаньян несколько утешил Мушкетона, объявив ему, что война, по всей вероятности, будет все время вестись в самом Париже и поблизости от замка Валлон, расположен-

ного в окрестностях Корбея, или же около Брасье, лежащего близ Мелена, а также возле Пьерфона, находящегося между Компьенем и Вилле-Котре.

“But it seems to me that before...” Musketon began timidly. – Но мне кажется, что прежде... – робко начал Мушкетон.

- Oh! – O! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - Nowadays war is not waged as it used to be. – Нынче война ведется не так, как прежде. Now it's all a matter of diplomacy: ask Planchet about it. Теперь все дело в дипломатии: спросите об этом Планше.

Mousqueton went to make inquiries of his old friend, who confirmed everything that d'Artagnan had said. Мушкетон пошел наводить справки у своего старого друга, который подтвердил ему все, что сказал д'Артаньян.

“Only,” he added, “in this war prisoners are sometimes hanged.” – Только, – прибавил он, – в этой войне пленников подчас вешают.

“The devil take it,” said Mousqueton, “I think I should still prefer the siege of La Rochelle.” – Черт возьми, – сказал Мушкетон, – кажется, я все же предпочел бы осаду Ла-Рошели.

And Porthos gave his guest the opportunity to kill a roe deer while hunting, walked with him through his forests, his mountains, and his ponds, showed him his greyhounds, his pack of hounds, Gredine - in a word, everything that he owned, finally, he treated d'Artagnan three times as sumptuously as possible and, when he began to get ready for the journey, asked him for

precise orders. А Портос предоставил своему гостю случай убить на охоте косулю, обошел с ним и свои леса, и свои горы, и свои пруды, показал ему своих борзых, свою свору гончих, Гредине – одним словом, все, чем он владел, наконец трижды угостил д'Артаньяна как нельзя более пышно и, когда тот стал собираться в путь, потребовал у него точных распоряжений.

“Let us do this, my friend,” Mazarin’s messenger said to him. – Сделаем так, мой друг, – сказал ему посланец Мазарини. “I need four days to get from here to Blois; spend a day there; three or four to return to Paris. – Мне нужно четыре дня, чтобы доехать отсюда до Блуа; день провести там; три или четыре – на возвращение в Париж. Leave here in a week with everything you need; stay on Ticton Street, at the Goat Hotel, and await my return. Выезжайте отсюда через неделю со всем необходимым; остановитесь на Тиктонской улице, в гостинице «Козочка», и ждите моего возвращения.

“It’s decided,” said Porthos. – Решено, – сказал Портос.

“I’m going to Athos without any hope of success. – Я еду к Атосу без всякой надежды на успех. But even though I think he’s no good, one must still maintain decorum in relation to friends. Но хоть я и думаю, что он никуда не годится, все же нужно соблюдать приличия в отношении друзей.

“Shouldn’t I go with you?” – Не поехать ли и мне с вами? – said Porthos. – сказал Портос. – “It will distract me a little.” – Это меня несколько развлечет.

- Perhaps me too. – Возможно, меня тоже. But you won't have time to make the necessary preparations. Но вы не успеете сделать нужные приготовления.

- True. – Правда. Go ahead, I wish you success. Поезжайте, желаю вам успеха. I can't wait to get started. Мне не терпится приняться за дело.

“Excellent!” – Отлично! said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

And they parted at the border of the Pierrefonds estates, to which Porthos wished to accompany his friend. И они расстались на рубеже пьерфонских владений, до которого Портос пожелал проводить своего друга.

“At least,” said d'Artagnan, riding along the road to Villers-Cotterets, “I will not be alone.” – По крайней мере, – сказал д'Артаньян, скача по дороге на Вилле-Котре, – я буду не один. This fine fellow Porthos is still full of strength. Этот молодчина Портос еще исполнен сил. If Athos agrees, excellent. Если Атос согласится, отлично. Then the three of us will laugh at Aramis, that rake in a cassock. Мы тогда вдвоем посмеемся над Арамисом, этим повесой в рясе.

From Villers-Cotterêts he wrote to the cardinal: Из Вилле-Котре он написал кардиналу:

“Monseigneur, I can already offer one to your eminence, and this one is worth twenty. «Монсеньор, одного я уже могу предложить вашему преосвященству, а этот один стоит двадцати. I am going to Blois, since the Count de La Fère lives in the castle

of Bragelonne in the outskirts of this city.” Я еду в Блуа, так как граф де Ла Фер живет в замке Бражелон в окрестностях этого города».

He then rode along the road to Blois, chatting with Planchet, who entertained him greatly during the long journey. Затем он поскакал по дороге в Блуа, болтая с Планше, весьма развлекавшим его в продолжение долгого путешествия.

Chapter XV Глава XV

Two Angels Два ангелочка

The road ahead was long, but d'Artagnan was not at all worried: he knew that his horses had rested well in the full manger of the owner of the castle of Bracieux. Дорога предстояла долгая, но д'Артаньяна это ничуть не тревожило: он знал, что его лошади хорошо отдохнули у полных яслей владельца замка Брасье. He calmly set out on a four or five-day journey, which he had to make accompanied by his faithful Planchet. Он спокойно пустился в четырехдневный или пятидневный путь, который ему предстояло проделать в сопровождении верного Планше.

As we have already said, both companions, in order to kill the boredom of the road, rode side by side all the time, talking to each other. Как мы уже говорили, оба спутника, чтоб убить дорожную скуку, все время ехали рядом, переговариваясь друг с другом. D'Artagnan gradually stopped acting like a gentleman, and Planchet gradually dropped the guise of a

lackey. Д'Артаньян мало-помалу перестал держать себя барином, а Планше понемногу сбросил личину лакея. This subtle rogue, having turned into a merchant, more than once regretfully recalled the former feasts on the road, as well as the conversations and brilliant society of the nobles. Этот тонкий плут, превратившись в торговца, не раз с сожалением вспоминал былые пирушки в пути, а также беседы и блестящее общество дворян. And, conscious of certain virtues in himself, he believed that he was humiliating himself by constant communication with rude people. И, сознавая за собой известные достоинства, считал, что унижает себя постоянным общением с грубыми людьми.

Soon he again became the confidant of the one whom he continued to call his master. Вскоре он снова стал поверенным того, кого продолжал еще называть своим барином. D'Artagnan had not opened his heart to anyone for many years. Д'Артаньян много лет уже не открывал никому своего сердца. It turned out that these people, having met again, got along well with each other. Вышло так, что эти люди, встретившись снова, отлично ладили между собой.

And, to tell the truth, Planchet was not a bad companion in adventures. Да и вправду сказать, Планше был неплохим спутником в приключениях. He was a shrewd man; not particularly looking for danger, he did not retreat in battle, which d'Artagnan had the opportunity to see for himself more than once. Он был человек сметливый; не ища особенно опасно-

стей, он не отступал в бою, в чем д'Артаньян не раз имел случай убедиться. Finally, he had been a soldier in his time, and weapons ennoble. Наконец, он был в свое время солдатом, а оружие облагораживает. But the main thing was that if Planchet needed d'Artagnan, he himself was very useful to him. Но главное было в том, что если Планше нуждался в д'Артаньяне, то и сам был ему весьма полезен. So they arrived in Blois almost as friends. Так что они прибыли в Блуа почти друзьями.

On the way, constantly returning to the thought that occupied him, d'Artagnan said, shaking his head: В пути, постоянно возвращаясь к занимавшей его мысли, д'Артаньян говорил, качая головой:

"I know that my appeal to Athos is useless and absurd, but I am obliged to show this attention to my friend, who had all the makings of a noble and magnanimous man. – Я знаю, что мое обращение к Атосу бесполезно и нелепо, но я обязан оказать это внимание моему другу, имевшему все задатки человека благородного и великодушного.

- What can I say! – Что и говорить! Monsieur Athos was a true nobleman! Господин Атос был истинный дворянин! - said Planchet. – сказал Планше.

- Isn't that true? – Не правда ли? – d'Artagnan chimed in. – подхватил д'Артаньян.

- Money fell from him like hail from the sky, – continued Planchet, – and he drew his sword like a king. – У него деньги сыпались, как град с неба, – продолжал Планше, – и шпагу он

обнажал, словно король. Do you remember, sir, the duel with the English near the Carmelite monastery? Помните, сударь, дуэль с англичанами возле монастыря кармелиток? Ah, how handsome and magnificent was Monsieur Athos that day, who said to his opponent: “You demanded that I tell you my name, sir? Ах, как хорош и великолепен был в тот день господин Атос, заявивший своему противнику: «Вы потребовали, чтобы я назвал вам свое имя, сударь? So much the worse for you, since now I will have to kill you!” Тем хуже для вас, так как теперь мне придется вас убить»! I stood next to him and heard everything word for word. Я стоял около него и слышал все слово в слово. And his look, sir, when he pierced his opponent, as he had predicted beforehand, and he fell without having time to gasp! А его взгляд, сударь, когда он пронзил своего противника, как заранее предсказал, и тот упал, не успев и охнуть! Ah, sir, I will say it again: he was a true nobleman! Ах, сударь, еще раз скажу: это был истинный дворянин!

“Yes,” said d’Artagnan, “it is the purest truth, but one flaw has ruined all his virtues.” – Да, – сказал д’Артаньян, – это чистейшая правда, но один недостаток погубил все его достоинства.

“Yes, I remember,” said Planchet, “he liked to drink, or, to put it frankly, he drank a fair amount.” – Да, помню, – сказал Планше, – он любил выпить или, скажем прямо, изрядно пил. But he didn’t drink like others. Только и пил он не как другие. His eyes were expressionless when he raised the glass to his lips. Его глаза ничего не выражали, когда он подносил

стакан к губам. Truly, silence had never been so eloquent. Право, никогда молчание не бывало так красноречиво. It seemed to me that I heard him muttering: "Flow, moisture, and drive away my sorrow!" Мне так и казалось, что я слышу, как он бормочет: «Лейся, влага, и прогони мою печаль! And how he beat the stems of glasses or the necks of bottles! » А как он отбивал ножки у рюмок или горлышки у бутылок! No one could compete with him in this. В этом с ним никто бы не мог потягаться.

"What a sad sight awaits us today!" – Какое грустное зрелище нас ждет сегодня! continued d'Artagnan. – продолжал д'Артаньян. "The noble gentleman with the proud bearing, the excellent fighter, who distinguished himself so brilliantly in the war that everyone wondered why he held a simple sword in his hand and not a marshal's baton, will appear to us as a bent old man with a red nose and watery eyes. – Благородный дворянин с гордой осанкой, прекрасный боец, так блестяще проявлявший себя на войне, что все дивились, почему он держит в руке простую шпагу, а не маршалский жезл, явится нам согбенным стариком с красным носом и слезящимися глазами. We will find him somewhere on the lawn in the garden; he will look at us with dull eyes and, perhaps, will not even recognize us. Мы найдем его где-нибудь на лужайке в саду; он взглянет на нас мутными глазами и, может быть, даже не узнает нас. God is my witness, Planchet, I would gladly avoid this sad sight," continued d'Artagnan, "if I did not want to prove my respect for

the glorious shadow of the valiant Count de La Fère, whom we love so much.” Бог свидетель, Планше, я охотно избежал бы этого грустного зрелища, – продолжал д’Артаньян, – если бы не хотел доказать свое уважение славной тени доблестного графа де Ла Фера, которого мы так любим.

Planchet nodded silently; it was clear that he shared all his master's fears. Планше молча кивнул; видно было, что он разделяет все опасения своего господина.

“And on top of all that,” continued d’Artagnan, “there’s decrepitude, for Athos is now old. – Вдобавок ко всему, – продолжал д’Артаньян, – дряхлость, ведь Атос теперь уже стар. Perhaps poverty, too, for he did not take care of the little he had. Может быть, и бедность, потому что он не берег того немногого, что имел. And greasy Grimaud, even more silent than before, and an even more bitter drunkard than his master... Ah, Planchet, all this breaks my heart!” И засаленный Гримо, еще более молчаливый, чем раньше, и еще более горький пьяница, чем его хозяин... Ах, Планше, все это разрывает мне сердце!

“I think I can already see him staggering, barely able to speak,” Planchet said compassionately. – Мне кажется, что я уже так и вижу, как он пошатывается, едва ворочая языком, – с состраданием сказал Планше.

– I confess, I am afraid that Athos, overcome by a drunken ardor of war, might accept my proposal. – Признаюсь, я побаиваюсь, как бы Атос, охваченный под пьяную руку воинствен-

ным пылом, не принял бы мое предложение. It will be a great misfortune for Porthos and me, and most importantly, simply a hindrance; but we will abandon him after the first drinking bout, that's all. Это будет для нас с Портосом большим несчастьем, а главное, просто помехой; но мы его бросим после первой же попойки, вот и все. He will sleep it off and understand. Он проспится и поймет.

"In any case, sir," said Planchet, "everything will soon become clear." – Во всяком случае, сударь, – сказал Планше, – скоро все выяснится. It seems to me that those high walls, red from the rays of the setting sun, are already Blois. Мне кажется, вон те высокие стены, красные от лучей заходящего солнца, это уже Блуа.

"Perhaps," replied d'Artagnan, "and those pointed, carved bell towers that can be seen there in the forest to the left are reminiscent, according to stories, of Chambord." – Возможно, – ответил д'Артаньян, – а эти островерхие, резные колоколенки, что виднеются там в лесу налево, напоминают, по рассказам, Шамбор.

- Are we entering the city? – Мы въедем в город?

- Of course, to make inquiries. – Разумеется, чтоб навести справки.

- I advise you, sir, if we are in town, to try some cream in little pots there: they are highly praised; unfortunately, you can't take it to Paris, and you have to drink it only on the spot. – Советую вам, сударь, если мы будем в городе, отведать там сливок в

маленьких горшочках: их очень хвалят; к сожалению, в Париж их возить нельзя, и приходится пить только на месте.

“Well then, we’ll taste them, don’t worry,” replied d’Artagnan. – Ну так мы их отведаем, будь спокоен, – отвечал д’Артаньян.

At that moment, a heavy ox-drawn cart, the kind usually used to transport trees cut down in the magnificent forests there to the landing stages on the Loire, emerged from the rutted country road onto the main road along which our horsemen were galloping. В эту минуту тяжелый, запряженный волами воз, на каких обычно возят к пристаням на Луаре срубленные в тамошних великолепных лесах деревья, выехал с изрезанного колеями проселка на большую дорогу, по которой скакали наши всадники. The cart was accompanied by a man holding a long pole with a nail at the end, with which he encouraged his slow animals. Воз сопровождал человек, державший в руках длинную жердь с гвоздем на конце, этой жердью он подбадривал своих медлительных животных.

“Hey, buddy!” – Эй, приятель! – Planchet called out to the driver. – окликнул Планше погонщика.

“What would you like, your grace?” – Что угодно вашей милости? asked the peasant in the pure and correct language typical of the inhabitants of this area and capable of putting to shame the Parisian guardians of grammar from the Place de la Sorbonne and the Rue de l’Université. – спросил крестьянин на чистом и правильном языке, свойственном жителям этой местности и

способном пристыдить парижских блюстителей грамматики с Сорбоннской площади и Университетской улицы.

“We are looking for the house of the Count de La Fère,” said d’Artagnan. – Мы разыскиваем дом графа де Ла Фера, – сказал д’Артаньян. “Have you ever heard this name among the names of the neighboring owners?” – Приходилось вам слышать это имя среди имен окрестных владельцев?

Hearing this name, the peasant took off his hat. Услыша эту фамилию, крестьянин снял шляпу.

“The logs I am carrying, your grace,” he replied, “belong to him. – Бревна, что я везу, ваша милость, – ответил он, – принадлежат ему. I cut them in his grove and am carrying them to his castle. Я вырубил их в его роще и везу в его замок.

D’Artagnan did not want to question this man. Д’Артаньян не желал расспрашивать этого человека. It would have been unpleasant for him to hear from a stranger what he had told Planchet. Ему было бы неприятно услышать от постороннего то, о чем он говорил Планше.

“A castle!” «Замок!» repeated d’Artagnan to himself. – повторил про себя д’Артаньян. “A castle!” – Замок! Ah, I understand. А, понимаю. Athos doesn’t like to joke; he probably, like Porthos, made the peasants call him monseigneur, and his little house a castle. Атос шутить не любит; наверно, он, как Портос, заставил крестьян величать себя монсеньором, а свой домишко – замком. Dear Athos always had a heavy hand, especially when he drank.” У милейшего Атоса рука всегда

была тяжелая, в особенности когда он выпьет».

The oxen walked slowly. Волы шли медленно. D'Artagnan and Planchet rode behind the cart. Д'Артаньян и Планше ехали позади воза. Finally, this gait bored them. Наконец такой аллюр им наскучил.

“So, this road leads to the castle,” d'Artagnan asked the driver, “and we can travel along it without the risk of getting lost?” – Так, значит, эта дорога ведет в замок, – спросил д'Артаньян погонщика, – и мы можем ехать по ней без риска заблудиться?

“Certainly, sir, certainly,” he replied, “you can go straight ahead instead of getting bored trudging along behind such slow animals.” – Конечно, сударь, конечно, – отвечал тот, – можете ехать прямо, вместо того чтоб скучать, плетясь за такими медлительными животными. You won't have gone half a mile before you see a castle on your right; you can't see it from here: the poplars hide it. Не проедете и полумили, как увидите справа от себя замок; отсюда не видно: тополя его скрывают. This castle is not yet Bragelonne, but La Vallière. Этот замок еще не Бражелон, а Лавальер. Continue on. Поезжайте дальше. Three musket shots from there you will see a large white house with a tiled roof, built on a hill under huge maples – this is the castle of the Count de La Fère. В трех мушкетных выстрелах оттуда будет большой белый дом с черепичной крышей, построенный на холме под огромными кленами, – это и есть замок графа де Ла Фера.

“And how long is this half mile?” – А как длинна эта полумиля? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян. “In our beautiful France there are different kinds of miles.” – В нашей прекрасной Франции бывают разные мили.

– Ten minutes’ walk for your horse’s nimble legs, sir. – Десять минут хода для проворных ног вашей лошади, сударь.

D’Artagnan thanked the driver and spurred his horse. Д’Артаньян поблагодарил погонщика и дал шпоры коню. Then, involuntarily excited at the thought of seeing again this strange man who loved him so much, who had helped so much with his words and example in raising him as a nobleman, he gradually began to rein in his horse and continued on his way at a walk, his head bowed in thought. Потом, невольно взволнованный при мысли, что снова увидит этого странного человека, который его так любил, который так помог своим словом и примером воспитанию в нем дворянина, он мало-помалу стал сдерживать лошадь и продолжал путь шагом, опустив в раздумье голову.

The meeting with the peasant and his behavior gave Planchet cause for serious reflection. Встреча с крестьянином и его поведение дали и Планше повод к серьезным размышлениям. Never before, neither in Normandy, nor in Franche-Comté, nor in Artois, nor in Picardy - the regions where he lived most - had he encountered such simplicity in behavior, such sedateness, such purity of language among the peasants. Никогда еще, ни в Нормандии, ни во Франш-Конте, ни в Артуа, ни в Пикардии –

областях, где он больше всего жил, — не встречал он у крестьян такой простоты в обращении, такой степенности, такой чистоты языка. He was ready to think that he had met some nobleman, a Frondeur like himself, who for political reasons was forced, like him, to change his appearance. Он готов был думать, что встретил какого-нибудь дворянина, фрондера, как и он, который по политическим причинам был вынужден, тоже как он, переменить обличье.

The driver spoke the truth: soon, around a bend in the road, the Château de La Vallière appeared before the eyes of the travelers; and in the distance, at a distance of about a quarter of a mile, in a green frame of enormous maples, against a background of dense trees, which spring had fluffed with a snow of flowers, a white house stood out. Возчик сказал правду: вскоре за поворотом дороги глазам путников предстал замок Лавальер; а вдали, на расстоянии примерно с четверть мили, в зеленой рамке громадных кленов, на фоне густых деревьев, которые весна запушила снегом цветов, выделялся белый дом. Seeing all this, d'Artagnan, who was not easily moved, felt a strange tremor in his heart: such is the power that impressions of youth have over us throughout our lives. Увидев все это, д'Артаньян, которого нелегко было растрогать, ощутил всердце своем странный трепет: такую власть имеют над нами в течение всей нашей жизни впечатления молодости.

Planchet, who had no reason to be so worried and was surprised by his master's excitement, glanced first at d'Artagnan

and then at the house. Планше, не имевший поводов так волноваться и удивленный возбуждением своего барина, поглядывал то на д'Артаньяна, то на дом.

The musketeer rode a few more steps and found himself in front of a grille made with the great taste that distinguishes the metalwork of that time. Мушкетер проехал еще несколько шагов и очутился перед решеткой, сделанной с большим вкусом, который отличает металлические изделия того времени.

Beyond the bars one could see excellent vegetable gardens and a fairly spacious courtyard, where footmen in various liveries held the bridles of fiery riding horses and a carriage stood harnessed to a pair of horses of a local breed. За решеткой виднелись отличные огороды и довольно просторный двор, где лакеи в разнообразных ливреях держали под уздцы горячих верховых лошадей и стояла карета, запряженная парой лошадей местной породы.

“We have lost our way, or that man has deceived us,” said d'Artagnan. – Мы сбились с дороги, или тот человек обманул нас, – сказал д'Артаньян. “It cannot be that Athos lived here.” – Не может быть, чтобы здесь жил Атос. “My God, is he dead and has this estate passed to one of his relatives!” Боже мой, неужели он умер и это имение перешло к какому-нибудь из его родственников! “Get off your horse, Planchet, and go and find out.” Сойди с лошади, Планше, и пойди разузнай. “I confess I have not the courage.” Признаюсь, у меня не хва-

тает храбрости.

Planchet jumped off his horse. Планше соскочил с лошади. "You will say," continued d'Artagnan, "that a nobleman passing through here wishes to pay his respects to the Count de La Fère, and if the answer is favorable, then you can mention my name." – Ты скажешь, – продолжал д'Артаньян, – что один дворянин, находящийся здесь проездом, желает засвидетельствовать свое почтение графу де Ла Феру, и если ответ будет благоприятный, тогда можешь назвать мою фамилию.

Planchet, leading the horse by the bridle, approached the gate and rang the bell. Планше, ведя лошадь под уздцы, подошел к воротам и позвонил. A gray-haired footman immediately came out in response to the bell, despite his age, holding himself quite straight. На звонок тотчас же вышел седой лакей, несмотря на свой возраст державшийся вполне прямо.

"Does Count de La Fère live here?" – Здесь живет граф де Ла Фер? asked Planchet. – спросил Планше.

"Yes, here, sir," replied the servant, since Planchet was not dressed in livery. – Да, здесь, сударь, – ответил слуга, так как Планше не был одет в ливрею.

- A retired military man, aren't you? – Отставной военный, не так ли?

- Absolutely right. – Совершенно верно.

"Who had a footman named Grimaud?" – У которого был лакей по имени Гримо? asked Planchet, with his usual caution, considering that an extra inquiry would not hurt. – расспраши-

вал Планше, с обычной своей осторожностью считавший, что лишняя справка не помешает.

“Monsieur Grimaud is away at the moment,” replied the footman, unaccustomed to such interrogations and already beginning to look Planchet over from head to toe. – Господин Гримо сейчас в отъезде, – ответил лакей, не привыкший к подобным допросам и начинавший уже оглядывать Планше с головы до ног.

“In that case,” said Planchet joyfully, “I see that this is the Count de La Fère we are looking for.” – В таком случае, – сказал радостно Планше, – я вижу, что это тот самый граф де Ла Фер, которого мы ищем. Open the door for me, please, I would like to inform the Count that my master, his friend, has arrived here and wishes to see him. Откройте мне, пожалуйста, я хотел бы доложить графу, что мой господин, его друг, приехал сюда и желает его видеть.

“Why didn’t you say this before?” – Что же вы раньше этого не сказали? – answered the footman, opening the gate. – ответил лакей, отворяя ворота. – “But where is your master?” – Но где же ваш господин?

- He's coming for me. – Он едет за мной.

The footman opened the gate and let Planchet in. Лакей отворил ворота и пропустил Планше. He made a sign to d'Artagnan, who rode into the courtyard, experiencing unprecedented excitement. Тот сделал знак д'Артаньяну, который въехал во двор, испытывая небывалое волнение.

As Planchet climbed the porch, he heard someone speaking in the lower hall: Взойдя на крыльцо, Планше услышал, как кто-то говорил в нижней зале:

- Where is this nobleman? – Где же этот дворянин? Why don't you bring him here? Отчего вы не проведете его сюда?

This voice, reaching d'Artagnan, awakened in his heart a thousand sensations, a thousand forgotten memories. Этот голос, донесшийся до д'Артаньяна, пробудил в его сердце тысячу ощущений, тысячу забытых воспоминаний. He quickly jumped off his horse, while Planchet, with a smile on his lips, was already approaching the master of the house. Он поспешно соскочил с лошади, между тем как Планше, с улыбкой на губах, уже подходил к хозяину дома.

“But I know this young man!” – Да ведь я знаю этого молодца! said Athos, appearing on the threshold. – сказал Атос, появляясь на пороге.

- Oh yes, Mr. Count, you know me, and I also know you well. – О да, господин граф, вы меня знаете, и я также вас хорошо знаю. I am Planchet, Mr. Count. Я Планше, господин граф. Planchet, do you remember... Планше, помните ли...

But here the honest servant hesitated, struck by Athos's appearance. Но тут честный слуга запнулся, пораженный наружностью Атоса.

- What? – Что? Planchet? Планше? - cried Athos. – вскричал Атос. - Is d'Artagnan really here? – Неужели д'Артаньян здесь?

"I'm here, my friend!" – Я здесь, мой друг! "I'm here, dear Athos!" Я здесь, дорогой Атос! – d'Artagnan muttered, almost staggering. – пробормотал, чуть не шатаясь, д'Артаньян.

Now even Athos's beautiful, calm face showed strong emotion. Теперь и прекрасное, спокойное лицо Атоса изобразило сильное волнение. Without taking his eyes off d'Artagnan, he took two quick steps towards him and tenderly embraced him. Не спуская глаз с д'Артаньяна, он сделал два быстрых шага к нему навстречу и нежно обнял его. D'Artagnan, having recovered from his embarrassment, in turn, warmly, with tears in his eyes, embraced his friend. Д'Артаньян, оправившись от смущения, в свою очередь, сердечно, со слезами на глазах, обнял друга.

Then Athos, taking his hand and squeezing it tightly in his own, led d'Artagnan into the living room, where there were several guests. Тогда Атос, взяв его за руку и крепко сжимая ее в своей, ввел д'Артаньяна в гостиную, где находилось несколько гостей. Everyone stood up. Все встали.

"Allow me to introduce you, gentlemen," said Athos, "to the Chevalier d'Artagnan, lieutenant of his Majesty's musketeers, my sincere friend and one of the bravest and noblest gentlemen I know." – Позвольте вам представить, господа, – сказал Атос, – шевалье д'Артаньяна, лейтенанта мушкетеров его величества, моего искреннего друга и одного из храбрейшихи благороднейших дворян, каких я знаю.

D'Artagnan, as usual, listened to the greetings of those

present, responded to them as best he could, and joined the company, and when the conversation, interrupted for a moment, resumed, he began to examine Athos. Д'Артаньян, как водится, выслушал приветствия присутствующих, ответил на них, как умел, и присоединился к обществу, а когда прерванный на минуту разговор возобновился, принялся рассматривать Атоса.

A strange thing! Странное дело! Athos had hardly aged. Атос почти не постарел. His beautiful eyes, without the dark circles from insomnia and drunkenness, seemed to have become even larger and clearer than before. Его прекрасные глаза, без темных кругов от бессонницы и пьянства, казалось, стали еще больше и еще яснее, чем прежде. His oval face, having lost its nervous mobility, became more majestic. Его овальное лицо, утратив нервную подвижность, стало величавее. Beautiful and still muscular, although thin hands, in lush lace cuffs, sparkled white, like hands in the paintings of Titian and Van Dyck. Прекрасные и по-прежнему мускулистые, хотя и тонкие руки, в пышных кружевных манжетах, сверкали белизной, как руки на картинах Тициана и Ван Дейка. He became slimmer than before; His broad, well-developed shoulders spoke of extraordinary strength. Он стал стройнее, чем прежде; его широкие, хорошо развитые плечи говорили о необыкновенной силе. His long black hair, slightly graying, naturally wavy, fell beautifully over his shoulders. Длинные черные волосы с чуть пробивающейся сединой, волнистые от

природы, красиво падали на плечи. His voice was still fresh, as if Athos were still twenty-five years old. Голос был по-прежнему свеж, словно Атосу было все еще двадцать пять лет. His perfectly preserved, beautiful white teeth gave his smile an indescribable charm. Безупречно сохранившиеся прекрасные белые зубы придавали невыразимую прелесть улыбке.

Meanwhile, the guests, sensing from the barely perceptible coldness of the conversation that the friends were burning with the desire to be left alone, began to rise one after another with the refined politeness of that time - farewell to the host was always an important matter for people of high society. Между тем гости, почувствовав по чуть приметной холодности разговора, что друзья сгорают желанием остаться наедине, стали с изысканной вежливостью того времени один за другим подниматься – прощание с хозяином всегда было важным делом у людей высшего общества. But then the loud barking of dogs was heard from the courtyard, and several people exclaimed in one voice: Но тут со двора послышался громкий лай собак, и несколько человек в один голос воскликнули:

- Here comes Raul! – Вот и Рауль вернулся!

At the mention of Raoul, Athos glanced at d'Artagnan, as if to note the curiosity this new name must have aroused in him. При имени Рауля Атос взглянул на д'Артаньяна, как бы желая подметить любопытство, которое должно было возбудить в том это новое имя. But d'Artagnan was so astonished by everything he had seen that he still did not

really understand anything; therefore, he turned around rather indifferently when a handsome young man of about fifteen, simply but tastefully dressed, entered the drawing room and bowed gracefully, removing his hat with long red feathers. Но д'Артаньян был так поражен всем виденным, что ничего еще толком не понимал; поэтому он довольно безразлично обернулся, когда в гостиную вошел красивый юноша лет пятнадцати, просто, но со вкусом одетый, и изящно поклонился, сняв шляпу с длинными красными перьями.

Nevertheless, the arrival of this new, completely unexpected person struck d'Artagnan. Тем не менее приход этого нового, совершенно неожиданного лица поразил д'Артаньяна. Many thoughts arose in his mind, suggesting to him an explanation for the change in Athos, which had seemed to him inexplicable until now. Множество мыслей зародилось у него в уме, подсказывая ему объяснение переменыв Атосе, казавшейся ему до сих пор необъяснимой. The striking resemblance of Athos to the young man shed light on the mystery of his transformation. Поразительное сходство Атоса с молодым человеком проливало свет на тайну его перерождения. D'Artagnan began to wait, looking closely and listening. Д'Артаньян стал выжидать, присматриваясь и прислушиваясь.

“Have you returned yet, Raoul?” – Вы уже вернулись, Рауль? said the Count. – сказал граф.

“Yes, sir,” the young man answered respectfully, “I have carried out your order.” – Да, сударь, – почтительно ответил

молодой человек, — я исполнил ваше поручение.

“But what’s wrong with you, Raoul?” — Но что с вами, Рауль? — Athos asked solicitously. — заботливо спросил Атос. — “You’re pale and seem agitated.” — Вы бледны и как будто взволнованы.

- It's because something bad happened to our little neighbor. — Это потому, что с нашей маленькой соседкой случилось несчастье.

— With Mademoiselle La Vallière? — С мадемуазель Лава-льер? — Athos asked quickly. — живо спросил Атос.

“What is it?” — Что такое? — several voices were heard. — раздалось несколько голосов.

— She was walking with her Marceline in the forest where the woodcutters cut logs; I saw her as I passed and stopped. — Она гуляла со своей Марселиной в лесу, где дровосеки обтесывают бревна; я увидел ее, проезжая мимо, и остановился. She saw me too, and wanted to jump down from the pile of logs she had climbed onto, but she stumbled, poor thing, and fell and could not get up. Она тоже меня увидела, хотела прыгнуть ко мне с кучи бревен, на которую взобралась, но оступилась, бедняжка, упала и не могла подняться. I think she sprained her ankle. Мне кажется, она вывихнула себе ногу.

— Oh my God! — О боже мой! — exclaimed Athos. — воскликнул Атос. — And does Madame de Saint-Remy, her mother, know about this? — А госпожа де Сен-Реми, ее мать, знает об этом?

- No, Madame de Saint-Remy is in Blois, with the Duchess of Orleans. – Нет, госпожа де Сен-Реми в Блуа, у герцогини Орлеанской. I was afraid that the girl had not received sufficient first aid, and I galloped up to ask your advice. Я побоялся, что девочке недостаточно хорошо оказали первую помощь, и прискакал спросить вашего совета.

– Send someone to Blois, Raoul! – Пошлите кого-нибудь в Блуа, Рауль! Or better yet, mount your horse and ride there yourself. Или лучше садитесь на коня и скачите туда сами.

Raoul bowed. Рауль поклонился.

“And where is Louise?” – А где Луиза? – the Count continued. – продолжал граф.

“I brought her here, Count, and placed her with Charlot’s wife, who for now makes her keep her foot in ice water.” – Я доставил ее сюда, граф, и положил у жены Шарло, которая покамест заставляет ее держать ногу в воде со льдом.

This news served as a pretext for the guests to leave. Это известие послужило гостям предлогом для ухода. They rose and began to say goodbye to Athos. Они поднялись и стали прощаться с Атосом. Only the old Duke de Barbier, who had been friends with the La Vallière family for twenty years, went to visit little Louise, who was in tears; but, seeing Raoul, she wiped her lovely eyes and immediately smiled. Один только старый герцог де Барбье, двадцать лет бывший в дружбе с семьей Лавальер, пошел навестить маленькую Луизу, которая заливалась слезами; но, увидев Рауля, она отерла свои прелестные

глазки и сейчас же улыбнулась.

The Duke offered to take her to Blois in his carriage. Герцог предложил отвезти ее в Блуа в своей карете.

“You are right, sir,” agreed Athos, “she had better go to her mother as soon as possible; but I am sure, Raoul, that your recklessness is to blame for everything.” – Вы правы, сударь, – согласился Атос, – ей лучше поскорее ехать к матери; но я уверен, Рауль, что во всем повинно ваше безрассудство.

“No, sir, I swear to you!” – Нет, сударь, клянусь вам! – the girl exclaimed, while the young man turned pale from the thought that perhaps he was the culprit of such a misfortune. – воскликнула девочка, между тем как юноша побледнел от мысли, что, быть может, он виновник такой беды.

“I assure you, sir...” Raoul stammered. – Уверяю вас, сударь... – пролепетал Рауль.

“Nevertheless, you will go to Blois,” the Count continued good-naturedly, “and ask Madame de Saint-Remy for forgiveness for both yourself and me, and then return back.” – Тем не менее вы отправитесь в Блуа, – добродушно продолжал граф, – и попросите у госпожи де Сен-Реми прощения и себе, и мне, а потом вернетесь обратно.

A blush appeared on the young man's cheeks again. Румянец снова выступил на щеках юноши. He asked Athos's permission with a glance, lifted the tearful and smiling girl, who had pressed her head to his shoulder, with his now youthfully strong arms, and carefully placed her in the carriage; then he jumped on his

horse with the dexterity and agility of an experienced rider and, bowing to Athos and d'Artagnan, rode alongside the carriage, not taking his eyes off its window. Он спросил взглядом разрешения у Атоса, приподнял уже юношески сильными руками заплаканную и улыбающуюся девочку, которая прижалась к его плечу своей головкой, и осторожно посадил ее в карету; затем он вскочил на лошадь с ловкостью и проворством опытного наездника и, поклонившись Атосу и д'Артаньяну, поскакал рядом с каретой, не отрывая глаз от ее окна.

Chapter XVI Глава XVI

Bragelonne Castle Замок Бражелон

D'Artagnan looked at this scene with his eyes wide open and his mouth almost open: everything was so different from what he expected that he could not recover from his amazement. Д'Артаньян глядел на эту сцену, вытаращив глаза и чуть не разинув рот: все это было так не похоже на то, чего он ожидал, что он не мог прийти в себя от изумления.

Athos took him by the arm and led him into the garden. Атос взял его под руку и увел в сад.

“While they are preparing dinner for us, you will allow me, won't you, my friend,” he said, smiling, “to clarify a little the riddle over which you are racking your brains?” – Пока нам готовят ужин, вы мне позволите, не правда ли, друг мой, – сказал он, улыбаясь, – несколько разъяснить загадку, над которой вы ломаете себе голову?

“Of course, Monsieur le Comte,” said d’Artagnan, feeling again the enormous superiority that Athos had always had over him. – Разумеется, господин граф, – сказал д’Артаньян, вновь почувствовав то огромное превосходство, которое Атос всегда имел над ним.

Athos, looking at him with a good-natured smile, said: Атос, поглядев на него с добродушной улыбкой, сказал:

– First of all, my dear d’Artagnan, there is no Count here. – Прежде всего, мой милый д’Артаньян, здесь нет графа. If I called you Chevalier, it was only to introduce you to my guests and so that they knew who you were; but for you, d’Artagnan, I hope I am still Athos, your comrade and friend. Если я назвал вас шевалье, то для того лишь, чтобы представить вас моим гостям и чтобы они знали, кто вы такой; но для вас, д’Артаньян, надеюсь, я по-прежнему Атос, ваш товарищ и друг. Perhaps you prefer ceremony because you love me less than before? Может быть, вы предпочитаете церемонность, потому что любите меня меньше, чем прежде?

“God forbid!” – Упаси боже! exclaimed the Gascon with the honest youthful impulse that is so rare in mature people. – воскликнул гасконец с честным молодым порывом, которые так редки у людей зрелых.

- Well, let's go back to our old customs and, to begin with, let's be frank. – Ну так вернемся к нашим старым обычаям и для начала будем откровенны. Everything here surprises you, doesn't it? Вас все здесь удивляет, не правда ли?

- Extremely. – Чрезвычайно.

“And most of all, I myself?” – И больше всего я сам? – Athos added with a smile. – с улыбкой прибавил Атос. – Admit it. – Признайтесь.

- I confess. – Признаюсь.

– I am still young, am I not; despite my forty-nine years, I am still recognizable? – Я еще молод, не правда ли; несмотря на мои сорок девять лет, меня все еще можно узнать?

“On the contrary,” replied d’Artagnan, ready to take full advantage of Athos’s offered frankness, “you are completely unrecognizable.” – Напротив, – ответил д’Артаньян, готовый до конца воспользоваться предложенной Атосом откровенностью, – вы совсем неузнаваемы.

“I understand!” – Понимаю! said Athos, blushing slightly. – сказал Атос, слегка покраснев. “Everything has an end, d’Artagnan, and this madness, like everything else. – Всему бывает конец, д’Артаньян, и этому сумасбродству, как всему другому.

- Besides, your financial affairs have changed, it seems to me. – К тому же и ваши денежные дела изменились, как мне кажется. You live in comfort, - after all, this house is yours, I suppose? Вы живете в довольстве, – ведь этот дом ваш, я полагаю?

- Yes. – Да. This is the same estate that, as I told you, I inherited when I retired. Это то самое имение, которое, как я говорил вам, досталось мне в наследство, когда я вышел в

отставку.

– You have a park, horses, hunting... – У вас есть парк, лошади, охота...

Athos smiled. Атос улыбнулся.

“The park has twenty acres; but part of it is taken up by vegetable gardens and outbuildings. – В парке двадцать акров; но из них часть взята под огороды и службы. I have only two horses; I don’t, of course, count the short-legged horse that belongs to my footman. Лошадей у меня всего две; я, понятно, не считаю кургузого конька, принадлежащего моему лакею. Hunting is limited to four bloodhounds, two greyhounds and one pointer. Охота ограничивается четырьмя ищейками, двумя борзыми и одной легавой. And all this hunting luxury is not for me,” added Athos, smiling. Да и вся эта охотничья роскошь заведена не для меня, – прибавил Атос, улыбаясь.

“I understand,” said d’Artagnan, “this is for the young man, for Raoul.” – Понятно, – сказал д’Артаньян, – это для молодого человека, для Рауля.

And d’Artagnan looked at Athos with an involuntary smile. И д’Артаньян с невольною улыбкой посмотрел на Атоса.

“You guessed right, my friend,” the latter replied. – Вы угадали, мой друг, – ответил последний.

– And this young man – is he your pet, your godson, your relative, perhaps? – А этот молодой человек – ваш питомец, ваш крестник, ваш родственник, быть может? Ah, how you have changed, my dear Athos! Ах, как вы переменились, мой

дорогой Атос!

“This young man,” Athos answered calmly, “is an orphan, abandoned by his mother to a poor village priest; I raised and educated him.” – Этот молодой человек, – спокойно ответил Атос, – сирота, которого мать подкинула одному бедному сельскому священнику; я вырастил и воспитал его.

- And he is probably very attached to you? – И он, вероятно, очень к вам привязан?

- I think he loves me like a father. – Я думаю, что он любит меня как отца.

- And of course, full of gratitude? – И конечно, исполнен признательности?

- Oh, as for gratitude, it must be mutual: I owe him as much as he owes me. – О, что касается признательности, то она должна быть взаимной: я обязан ему столько же, сколько он мне. I don't tell him this, but I'll tell you the truth, d'Artagnan: in essence, I'm in his debt. Я не говорю ему этого, но вам, д'Артаньян, скажу правду: в сущности, я в долгу у него.

“How so?” – Как так? – the musketeer was surprised. – удивился мушкетер.

- Of course, my God, how could it be otherwise! – Конечно, боже мой, как же иначе! After all, he is the reason for the change that you see in me. Ведь он причина перемены, которую вы видите во мне. I was drying up like a miserable felled tree, deprived of any connection with the earth; and only a strong attachment could make me put down new roots in life. Я засы-

хал, как жалкое срубленное дерево, лишенное всякой связи с землей; и только сильная привязанность могла заставить меня пустить новые корни в жизнь. A mistress? Любовница? I was too old for that. Я был для этого стар. Friends? Друзья? You were no longer with me. Вас уже не было со мной. And now in this child I have found again all that I had lost. И вот в этом ребенке я вновь обрел все, что потерял. No longer having the courage to live for myself, I began to live for him. Не имея более мужества жить для себя, я стал жить для него. Precepts are good for a child, but a good example is better still. Наставления полезны для ребенка, но добрый пример еще лучше. I set an example for him, d'Artagnan. Я подавал ему пример, д'Артаньян. I got rid of my vices and discovered virtues in myself that I did not have before. Я избавился от своих пороков и открыл в себе добродетели, которых раньше не имел. And I believe that I am not exaggerating, d'Artagnan. И полагаю, что не преувеличиваю, д'Артаньян. Raoul must become the most perfect nobleman that our impoverished times are capable of producing. Рауль должен стать совершеннейшим дворянином, какого только наше обнищавшее время способно породить.

D'Artagnan looked at Athos with growing admiration. Д'Артаньян смотрел на Атоса с возрастающим восхищением. They strolled along a cool, shady alley, through the foliage of which the slanting rays of the setting sun were breaking through. Они прогуливались в прохладной тенистой аллее, сквозь

листву которой пробивались косые лучи заходящего солнца. One of these golden rays illuminated the face of Athos, whose eyes seemed to radiate the same warm, calm evening light. Один из этих золотых лучей осветил лицо Атоса, глаза которого, казалось, излучали такой же теплый спокойный вечерний свет.

Suddenly d'Artagnan remembered Milady. Неожиданно д'Артаньян вспомнил о миледи.

“And are you happy?” – И вы счастливы? he asked his friend. – спросил он своего друга.

Athos's sharp gaze penetrated into the very depths of d'Artagnan's heart and seemed to read his thoughts. Острый взгляд Атоса проник в самую глубину сердца д'Артаньяна и словно прочел его мысли.

- As happy as a man can be on earth. – Так счастлив, как только может быть счастлив на земле человек. But finish your thought, d'Artagnan, because you haven't told me everything. Но договаривайте вашу мысль, д'Артаньян, ведь вы не все мне сказали.

“You are perceptive, Athos, nothing can be hidden from you,” said d'Artagnan. – Вы проницательны, Атос, от вас ничего невозможно скрыть, – сказал д'Артаньян. “Yes, I wanted to ask you if you sometimes experience sudden attacks of horror, similar to... – Да, я хотел вас спросить, не испытываете ли вы порой внезапных приступов ужаса, похожих на...

– Remorse? – Угрызения совести? – Athos picked up. – под-

хватил Атос. – I am finishing your sentence, my friend. – Я договариваю вашу фразу, мой друг. Yes and no. И да и нет. I do not feel remorse, because this woman, as I believe, deserved the punishment she suffered. Я не испытываю угрызений совести, потому что эта женщина, как я полагаю, заслужила понесенную ею кару. Because if she had been left alive, she would undoubtedly have continued her pernicious work. Потому что если бы ее оставили в живых, она, без сомнения, продолжала бы свое пагубное дело. However, my friend, this does not mean that I am convinced of our right to do what we did. Однако, мой друг, это не значит, чтобы я был убежден в нашем праве сделать то, что мы сделали. Perhaps all shed blood requires atonement. Быть может, всякая пролитая кровь требует искупления. Milady has already paid; perhaps, in turn, others will have to pay. Миледи уже поплатилась; может быть, в свою очередь, это предстоит инам.

“I sometimes think the same thing, Athos,” said d’Artagnan. – Я иногда думаю то же самое, Атос, – сказал д’Артаньян.

– This woman had, it seems, a son? – У этой женщины был, кажется, сын?

- Yes. – Да.

-Have you heard anything about him? – Вы слыхали о нем что-нибудь?

- Nothing. – Ничего.

“He must be twenty-three years old now,” whispered Athos. – Ему, должно быть, теперь двадцать три года, – прошептал

Атос. "I often think of this young man, d'Artagnan." – Я часто думаю об этом молодом человеке, д'Артаньян.

- That's strange. – Вот странно. I completely forgot about him. А я совсем забыл о нем.

Athos smiled sadly. Атос грустно улыбнулся.

– Do you have any news about Lord Winter? – А о лорде Винтере вы имеете известия?

"I know that he was in great favor with King Charles I. – Я знаю, что он был в большой милости у короля Карла Первого.

– And probably shares his fate, and it is sad at the moment. – И вероятно, разделяет его судьбу, а она в настоящий момент печальна. Look, d'Artagnan, - continued Athos, - this completely coincides with what I just said. Смотрите, д'Артаньян, – продолжал Атос, – это совершенно совпадает с тем, что я сейчас сказал. He shed Strafford's blood. Он пролил кровь Страффорда. Blood requires blood. Кровь требует крови. And the queen? А королева?

- What queen? – Какая королева?

– Henrietta of England, daughter of Henry IV. – Генриетта Английская, дочь Генриха Четвертого.

– She's in the Louvre, as you know. – Она в Лувре, как вам известно.

– Yes, and she is in great need, is she not? – Да, и она очень нуждается, не правда ли? During the severe cold this winter, her sick daughter, as I am told, was forced to stay in bed because

there was no firewood. Во время сильных холодов нынешней зимой ее больная дочь, как мне говорили, вынуждена была оставаться в постели, потому что не было дров. Do you understand this? Понимаете ли вы это? – said Athos, shrugging his shoulders. – сказал Атос, пожимая плечами. – The daughter of Henry IV is shivering with cold, without a bundle of firewood! – Дочь Генриха Четвертого дрожит от холода, не имея вязанки дров! Why did she not turn to any of us, instead of asking hospitality from Mazarin? Зачем не обратилась она к любому из нас, вместо того чтобы просить гостеприимства у Мазарини? She would not have wanted for anything. Она бы ни в чем не нуждалась.

- So you know her, Athos? – Так вы ее знаете, Атос?

- No, but my mother knew her as a child. – Нет, но моя мать знавала ее ребенком. Did I tell you that my mother was a lady-in-waiting to Marie de Medici? Я вам говорил, что моя мать была статс-дамой Марии Медичи?

- Never. – Никогда. You don't like to talk about such things, Athos. Вы ведь не любите говорить о таких вещах, Атос.

“Oh, my God, quite the opposite, as you can see for yourself,” replied Athos. – Ах, боже мой, совсем напротив, как вы сами видите, – ответил Атос. “There was simply no opportunity.” – Просто случая не было.

“Porthos would not have waited for him so patiently,” said d’Artagnan, smiling. – Портос не ждал бы его так терпеливо, – сказал, улыбаясь, д’Артаньян.

- Everyone has their own character, dear d'Artagnan. – У всякого свой нрав, милый д'Артаньян. Porthos, if you forget his vanity, has great virtues. Портос, если забыть о его тщеславии, обладает большими достоинствами. Have you seen him since then? Вы с ним виделись с тех пор?

“I parted with him five days ago,” said d'Artagnan. – Я расстался с ним пять дней назад, – сказал д'Артаньян.

And immediately, with the lively humor characteristic of the Gascons, he told of the magnificent life of Porthos in his castle of Pierrefonds. И тотчас же со свойственным гасконцам живым юмором он рассказал о великолепной жизни Портоса в его замке Пьерфон. And while picking apart Porthos, he touched on the worthy Mr. Mouston two or three times. А разбирая по косточкам Портоса, он задел два-три раза и достойного г-на Мустона.

“It is wonderful,” replied Athos, smiling at his friend's jokes, which reminded him of their glorious days, “it is wonderful that we met then by chance and are still united by the closest friendship, despite twenty years of separation.” – Замечательно, – ответил Атос, улыбаясь шуткам своего друга, напомнившим ему их славные дни, – замечательно, что мы тогда сошлись случайно и до сих пор соединены самой тесной дружбой, невзирая на двадцать лет разлуки. In noble hearts, d'Artagnan, friendship takes deep roots. В благородных сердцах, д'Артаньян, дружба пускает глубокие корни. Believe me, only an evil man can deny friendship, and only because he does

not understand it. Поверьте, только злой человек может отрицать дружбу, и лишь потому, что он ее не понимает. And Aramis? А Арамис?

"I saw him too, but he seemed cold to me." – Я его тоже видел, но он, мне показалось, был со мной холоден.

"So you have seen Aramis?" – Так вы виделись с Арамисом? said Athos, looking intently at d'Artagnan. – сказал Атос, пристально глядя на д'Артаньяна. "You have truly undertaken a pilgrimage to the temples of friendship, to use the language of poets. – Право же, вы предприняли паломничество по храмам дружбы, говоря языком поэтов.

"Of course," d'Artagnan answered, embarrassed. – Ну конечно, – ответил смущенно д'Артаньян.

"Aramis, you know yourself," continued Athos, "is cold by nature; besides, he is constantly entangled in intrigues with women. – Арамис, вы сами знаете, – продолжал Атос, – по природе холоден; к тому же он постоянно запутан в интригах с женщинами.

"He still has a very complex intrigue," d'Artagnan noted. – У него и сейчас очень сложная интрига, – заметил д'Артаньян.

Athos did not answer. Атос ничего не ответил.

"He is not curious," thought d'Artagnan. «Он не любопытен», – подумал д'Артаньян.

Athos not only did not answer, but even changed the conversation. Атос не только не ответил, но даже переменял разговор.

“You see,” he said, drawing d’Artagnan’s attention to the fact that they had already approached the castle, “after walking for an hour, we have walked around almost all of my possessions.” – Вот видите, – сказал он, обращая внимание д’Артаньяна на то, что они уже подошли к замку, – погуляв часок, мы обошли почти все мои владения.

“Everything about them is charming, and especially the fact that their owner is felt in everything,” replied d’Artagnan. – Все в них очаровательно, а в особенности то, что во всем чувствуется их владелец, – ответил д’Артаньян.

At that moment the sound of horse hooves was heard. В эту минуту послышался конский топот.

- This is Raoul returning, he will tell us about the poor little one. – Это Рауль возвращается, он нам расскажет о бедной крошке.

Indeed, the young man, covered in dust, appeared behind the bars and soon rode into the courtyard; he jumped off his horse and, handing it over to the groom, bowed to the Count and d’Artagnan. Действительно, молодой человек весь в пыли показался за решеткой и скоро въехал во двор; он соскочил с лошади и, передав ее конюху, поклонился графу и д’Артаньяну.

“This gentleman,” said Athos, placing his hand on d’Artagnan’s shoulder, “is the Chevalier d’Artagnan, of whom I have often spoken to you, Raoul.” – Этот господин, – сказал Атос, положив руку на плечо д’Артаньяна, – шевалье д’Ар-

таньян, о котором я вам часто говорил, Рауль.

“Monsieur d'Artagnan,” said the young man, bowing even lower, “the Count always mentioned your name to me when he wanted to give me an example of a brave and generous nobleman.” – Господин д’Артаньян, – сказал юноша, кланяясь еще ниже, – граф всегда называл мне ваше имя, когда хотел привести в пример отважного и великодушного дворянина.

This little compliment touched d'Artagnan's heart. Этот маленький комплимент тронул сердце д’Артаньяна. Extending his hand to Raoul, he replied: Протягивая руку Раулю, он отвечал:

- My young friend, all such praise should be addressed to the Count, because it was he who educated me, and it is not his fault if the student made so poor use of his lessons. – Мой юный друг, все такие похвалы надо обращать к графу, потому что это он воспитал меня, и не его вина, если ученик так плохо использовал его уроки. But you will reward him better, I am sure of that. Но вы его вознаградите лучше, в этом я уверен. I like you, Raoul, and your kindness touched me. Вы нравитесь мне, Рауль, и ваша любезность тронула меня.

Athos was extremely pleased with these words; he looked gratefully at d'Artagnan, then smiled at Raoul with that strange smile which makes children, when they notice it, feel proud of themselves. Атосу были чрезвычайно приятны эти слова; он благодарно взглянул на д’Артаньяна, потом улыбнулся Рау-

лю той странной улыбкой, которая заставляет детей, когда они ее замечают, гордиться собой.

“Now,” thought d’Artagnan, who did not miss the silent play of their faces, “I am sure of it.” «Теперь, – подумал д’Артаньян, от которого не ускользнула немая игра их лиц, – я в этом уверен».

“I hope,” said Athos, “the accident had no consequences?” – Надеюсь, – сказал Атос, – несчастный случай не имел последствий?

– Nothing is known yet, sir. – Еще ничего не известно, сударь. Because of the swelling, the doctor could not say anything definite. Из-за опухоли доктор ничего не мог сказать определенного. He is still afraid that the tendon may be damaged. Он опасается все-таки, не повреждено ли сухожилие.

– And you didn’t stay longer with Madame de Saint-Remy? – И вы не остались дольше у госпожи де Сен-Реми?

“I was afraid of being late for dinner, sir, and keeping you waiting for me.” – Я боялся опоздать к ужину, сударь, и заставить вас ждать себя.

At that moment, the peasant boy who was replacing the footman reported that dinner was served. В эту минуту крестьянский парень, заменявший лакея, доложил, что ужин подан.

Athos led his guest into the dining room. Атос проводил гостя в столовую. It was furnished very simply, but its windows on one side looked out onto the garden, and on the other, onto

a greenhouse with wonderful flowers. Она была обставлена очень просто, но ее окна с одной стороны выходили в сад, а с другой – в оранжерею с чудесными цветами.

D'Artagnan glanced at the table setting – it was magnificent; at first glance it was clear that it was all antique family silver. Д'Артаньян взглянул на сервировку – она была великолепна; с первого взгляда было видно, что это все – старинное фамильное серебро. On the sideboard stood a superb silver jug. На поставце стоял превосходный серебряный кувшин. D'Artagnan approached to look at it. Д'Артаньян подошел, чтобы посмотреть на него.

“What a wonderful piece of work!” – Какая дивная работа! he said. – сказал он.

“Yes,” replied Athos, “it is a masterpiece by a great Florentine master, Benvenuto Cellini.” – Да, – ответил Атос, – это образцовое произведение одного великого флорентийского мастера, Бенвенуто Челлини.

- What kind of battle does it depict? – А что за битву оно изображает?

– The Battle of Marignano, and at the very moment when one of my ancestors offers his sword to Francis I, who had broken his. – Битву при Мариньяно, и как раз то самое мгновение, когда один из моих предков подает свою шпагу Франциску Первому, сломавшему свою. For this, my great-grandfather Enguerrand de la Fère received the Order of Saint Michael. За это мой прадед Ангерран де Ла Фер получил орден Святого

Михаила. Moreover, fifteen years later, the king, who had not forgotten that he had fought for three hours with the sword of his friend Enguerrand without breaking it, gave him this jug and the sword which you have probably seen in my house before; also a fine piece of chased work. Кроме того, пятнадцать лет спустя король, не забывший, что он в течение трех часов бился шпагой своего друга Ангеррана, не сломав ее, подарил ему этот кувшин и шпагу, которую вы, вероятно, видели у меня прежде; тоже недурная чеканная работа. It was a time of giants. То было время гигантов. We are all dwarfs compared to those people. Мы все карлики в сравнении с теми людьми. Sit down, d'Artagnan, let's have some supper. Садитесь, д'Артаньян, давайте поужинаем. By the way, - Athos turned to the young footman who was serving the soup, - call Charlot. Кстати, – обратился Атос к молодому лакею, подававшему суп, – позовите Шарло.

The boy went out, and a minute later the servant whom our travelers had addressed upon their arrival entered. Паренек вышел, и спустя минуту вошел тот слуга, к которому наши путешественники обратились по приезде.

“My dear Charlot,” Athos said to him, “I entrust to your special attention Planchet, Monsieur d'Artagnan's footman, for the duration of their stay here. – Любезный Шарло, – сказал ему Атос, – поручаю вашему особенному вниманию Планше, лакея господина д'Артаньяна, на все время, пока они здесь пробудут. He loves good wine: you have the keys to the cellars.

Он любит хорошее вино: ключи от погребов у вас. He has often had to sleep on the bare ground, and he probably would not refuse a soft bed; please see to that too. Ему часто приходилось спать на голой земле, и, вероятно, он не откажется от мягкой постели, позаботьтесь и об этом, пожалуйста.

Charlot bowed and left. Шарло поклонился и вышел.

“Charlot is also a nice man,” said Athos. – Шарло тоже милый человек, – сказал Атос. “He has been serving me for eighteen years now.” – Вот уже восемнадцать лет, как он мне служит.

“You are very thoughtful,” said d’Artagnan. – Вы очень заботливы, – сказал д’Артаньян. “Thank you for Planchet, my dear Athos.” – Благодарю вас за Планше, мой дорогой Атос.

At this name, the young man opened his eyes wide and looked at the Count, not understanding whether d’Artagnan was addressing him. При этом имени молодой человек широко раскрыл глаза и посмотрел на графа, не понимая, к нему ли обращается д’Артаньян.

“Does that name seem strange to you, Raoul?” – Это имя кажется вам странным, Рауль? said Athos, smiling. – сказал, улыбаясь, Атос. “That is what my comrades in arms called me. – Так звали меня товарищи по оружию. I bore it in the days when d’Artagnan, two other brave friends and I showed our courage at the walls of La Rochelle under the command of the late Cardinal and de Bassompierre, now also deceased. Я носил его в те времена, когда д’Артаньян, еще два храбрых друга и я прояв-

ляли свою храбрость у стен Ла-Рошели под начальством покойного кардинала и де Бассомпьера, ныне также умершего. D'Artagnan likes to call me by this friendly name as before, and every time I hear it, my heart trembles with joy. Д'Артаньяну нравится по-старому звать меня этим дружеским именем, и всякий раз, когда я его слышу, мое сердце трепещет от радости.

“This name was famous,” said d'Artagnan, “and once it was awarded a triumph.” – Это имя было знаменито, – сказал д'Артаньян, – и раз удостоилось триумфа.

“How so, sir?” – Как так, сударь? – asked Raoul with youthful curiosity. – спросил Рауль с юношеским любопытством.

“Really, I know nothing about it,” said Athos. – Право, я ничего не знаю об этом, – сказал Атос.

- Have you forgotten about the bastion Saint-Gervais, Athos, and about that napkin that three bullets turned into a banner? – Вы забыли о бастионе Сен-Жерве, Атос, и о той салфетке, которую три пули превратили в знамя? I have a better memory, I remember everything, and now you will find out about it, young man. У меня память получше, я все помню, и сейчас вы узнаете об этом, молодой человек.

And he told Raoul the incident on the bastion, just as Athos had previously told the story of his ancestor. И он рассказал Раулю случай на бастионе, как раньше Атос рассказывал историю своего предка.

The young man listened to d'Artagnan as if he were witnessing

the exploits of the best times of chivalry, as narrated by Tasso and Ariosto. Молодой человек слушал д'Артаньяна так, словно перед ним воочию проходили подвиги из лучших времен рыцарства, о которых повествуют Тассо и Ариосто.

“But d'Artagnan didn't tell you, Raoul,” Athos remarked in turn, “that he was one of the best fighters of that time: legs as strong as iron, a hand as flexible as steel, an unerring eye and a fiery gaze – these were the qualities his opponents discovered in him!” – Но д'Артаньян не сказал вам, Рауль, – заметил, в свою очередь, Атос, – что он был одним из лучших бойцов того времени: ноги крепкие, как железо, кисть руки гибкая, как сталь, безошибочный глазомер и пламенный взгляд, – вот какие качества обнаруживали в нем противники! He was eighteen years old, only three years older than you are now, Raoul, when I first saw him in action, and against experienced men. Ему было восемнадцать лет, только на три года больше, чем вам теперь, Рауль, когда я в первый раз увидал его в деле, и против людей бывалых.

“And Monsieur d'Artagnan remained the winner?” – И господин д'Артаньян остался победителем? – asked the young man. – спросил юноша.

His eyes were burning and seemed to be begging for details. Глаза его горели и словно молили о подробностях.

“I think I killed one,” said d'Artagnan, asking Athos with his eyes, “and I disarmed or wounded the other, I don't remember exactly.” – Кажется, я одного убил, – сказал д'Артаньян, спра-

шивая глазами Атоса, – а другого обезоружил или ранил, не помню точно.

- Yes, you wounded him. – Да, вы его ранили. Oh, you were a terrible strongman! О, вы были страшный силач!

“Well, it seems to me that I haven’t weakened so much since then,” replied d’Artagnan, smiling with Gascon complacency. – Ну, мне кажется, я с тех пор не так уж ослабел, – ответил д’Артаньян, усмехнувшись с гасконским самодовольством. “Just recently... – Недавно еще...

Athos's look silenced him. Взгляд Атоса заставил его умолкнуть.

“You think, Raoul, that you are a clever swordsman,” said Athos, “but, lest you be sorely disappointed, I should like to show you how dangerous a man is who combines skill with composure.” – Вот вы полагаете, Рауль, что ловко владеете шпагой, – сказал Атос, – но, чтобы вам не пришлось в том жестоко разочароваться, я хотел бы показать вам, как опасен человек, который с ловкостью соединяет хладнокровие. I cannot give a more striking example: ask Monsieur d’Artagnan tomorrow, if he is not very tired, to give you a lesson. Я не могу привести более разительного примера: попросите завтра господина д’Артаньяна, если он не очень устал, дать вам урок.

– But, damn it, you, dear Athos, are a good teacher yourself and can teach me better than anyone what you praise me for. – Но, черт побери, вы, милый Атос, ведь и сами хороший учитель и лучше всех можете обучить тому, за что хвалите меня.

Just today, Planchet reminded me of the famous duel near the Carmelite monastery with Lord Winter and his friends. Не далее как сегодня Планше напоминал мне о знаменитом поединке возле монастыря кармелиток с лордом Винтером и его приятелями. Ah, young man, it could not have happened without the participation of a fighter whom I often called the first sword of the kingdom. Ах, молодой человек, там не обошлось без участия бойца, которого я часто называл первой шпагой королевства.

“Oh, I have spoiled my hand with that boy,” said Athos. – О, я испортил себе руку с этим мальчиком, – сказал Атос.

– There are hands that never spoil, my dear Athos, but often spoil the hands of others. – Есть руки, которые никогда не портятся, мой дорогой Атос, но зато часто портят руки другим.

The young man was ready to continue the conversation even all night, but Athos remarked to him that their guest was probably tired and needed rest. Молодой человек готов был продолжать разговор хоть всю ночь, но Атос заметил ему, что их гость, вероятно, утомлен и нуждается в отдыхе. D'Artagnan protested out of politeness, but Athos insisted that he take possession of his room. Д'Артаньян из вежливости протестовал, однако Атос настоял, чтобы он вступил во владение своей комнатой. Raoul led him there. Рауль проводил его туда. But since Athos foresaw that he would try to linger there in order to make d'Artagnan talk about the daring deeds of their youth, a minute later he came for him himself and ended this

glorious evening with a friendly handshake and a goodnight to the musketeer. Но так как Атос предвидел, что он постарается там задержаться, чтоб заставить д'Артаньяна рассказывать о лихих делах их молодости, то через минуту он зашел за ним сам и закончил этот славный вечер дружеским рукопожатием и пожеланием спокойной ночи мушкетеру.

Chapter XVII Глава XVII

Athos Diplomacy Дипломатия Атоса

D'Artagnan went to bed, wanting not so much to sleep as to be alone and think over everything he had heard and seen that evening. Д'Артаньян лег в постель, желая не столько уснуть, сколько остаться в одиночестве и обдумать все слышанное и виденное за этот вечер.

Being kind by nature and having felt for Athos at first sight an instinctive affection, which later developed into sincere friendship, he was now delighted to have found not a degraded drunkard, sipping wine, in filth and poverty, but a man of brilliant mind and in the prime of life. Будучи добрым по природе и ощутив к Атосу с первого взгляда инстинктивную привязанность, перешедшую впоследствии в искреннюю дружбу, он теперь был в восхищении, что нашел не опустившегося пьяницу, потягивающего вино, в грязи и бедности, а человека блестящего ума и в расцвете сил. He readily acknowledged Athos's usual superiority over himself and, instead of the envy and disappointment that a less magnanimous man

would have felt in his place, he felt only a sincere, noble joy, which reinforced the most optimistic hopes for the outcome of his enterprise. Он с готовностью признал обычное превосходство над собою Атоса и, вместо зависти и разочарования, которые почувствовал бы на его месте менее великодушный человек, ощутил только искреннюю, благородную радость, подкреплявшую самые радужные надежды на исход его предприятия.

However, it seemed to him that Athos was not entirely straightforward and frank. Однако ему казалось, что Атос был не вполне прям и откровенен. Who was this young man? Кто такой этот молодой человек? According to Athos, his adopted son, and yet he was so strikingly similar to his adoptive father. По словам Атоса, его приемыш, а между тем он так поразительно похож на своего приемного отца. What did this return to social life and the excessive abstinence he had noticed at table mean? Что означало возвращение к светской жизни и чрезмерная воздержанность, которую он заметил за столом? Even the apparently insignificant circumstance of the absence of Grimaud, with whom Athos had previously been inseparable and whom he had never even thought about, despite the fact that there were plenty of reasons for this, worried d'Artagnan. Даже незначительное, по-видимому, обстоятельство – отсутствие Гримо, с которым Атос был прежде неразлучен и о котором даже ни разу не вспомнил, несмотря на то что поводов к тому было довольно, – все это беспокоило д'Артаньяна. Obviously,

he no longer enjoyed his friend's confidence; perhaps Athos was somehow connected or had even been warned in advance of his visit. Очевидно, он не пользовался больше доверием своего друга; быть может, Атос был чем-нибудь связан или даже был заранее предупрежден о его посещении.

D'Artagnan involuntarily recalled Rochefort and his words in the Cathedral of Notre Dame. Д'Артаньяну невольно вспомнился Рошфор и слова его в соборе Богоматери. Had Rochefort really gotten ahead of him at Athos? Неужели Рошфор опередил его у Атоса?

There was no time to sort this out. Разбираться в этом не было времени. D'Artagnan decided to begin the investigation the following day. Д'Артаньян решил завтра же приступить к выяснению. The lack of funds, so cleverly concealed by Athos, testified to his desire to appear richer and revealed in him the remnants of his former ambition, which would not require much effort to awaken. Недостаток средств, так ловко скрываемый Атосом, свидетельствовал о желании его казаться богаче и выдавал в нем остатки былого честолюбия, разбудить которое не будет стоить большого труда. Athos's strength of mind and clarity of thought made him a more receptive person than others. Сила ума и ясность мысли Атоса делали его человеком более восприимчивым, чем другие. He would agree to the minister's proposal with all the more readiness because the desire for a reward would double his natural mobility. Он согласится на предложение министра с тем большей готовностью, что

стремление к награде удвоит его природную подвижность.

These thoughts kept d'Artagnan from sleeping, despite his fatigue. Эти мысли не давали д'Артаньяну уснуть, несмотря на усталость. He considered a plan of attack, and although he knew that Athos was a strong opponent, he nevertheless decided to open offensive operations the very next day, after breakfast. Он обдумывал план атаки, и, хотя знал, что Атос сильный противник, тем не менее решил открыть наступательные действия на следующий же день, после завтрака.

However, he also thought that, in such uncertain circumstances, he should proceed with caution, study Athos's acquaintances for a few days, observe his new habits, understand them thoroughly, and at the same time try to extract from the simple-minded youth with whom he would fence or hunt the additional information he lacked in order to find a connection between the former and the present Athos. Однако же он думал и о том, что при столь неясных обстоятельствах следует продвигаться вперед с осторожностью, изучать в течение нескольких дней знакомых Атоса, следить за его новыми привычками, хорошенько понять их и при этом постараться извлечь из простодушного юноши, с которым он будет фехтовать или охотиться, добавочные сведения, недостающие ему для того, чтобы найти связь между прежним и теперешним Атосом. This would not be difficult, because the personality of the mentor had probably left an imprint on the heart and mind of the pupil. Это будет нетрудно, потому что

личность наставника, наверное, оставила след в сердце и уме воспитанника. But at the same time, d'Artagnan, himself a man of insight, understood the disadvantage he could find himself in if some carelessness or awkwardness on his part allowed Athos's experienced eye to notice his tricks. Но в то же время д'Артаньян, сам будучи человеком проницательным, понимал, в каком невыгодном положении он может оказаться, если какая-нибудь неосторожность или неловкость с его стороны позволит опытному глазу Атоса заметить его уловки.

Moreover, it must be said that d'Artagnan, who was willing to cheat with the crafty Aramis and the vain Porthos, was ashamed to dissemble before Athos, a straightforward and honest man. Кроме того, надо сказать, что д'Артаньян, охотно хитривший с лукавым Арамисом и тщеславным Портосом, стыдился кривить душой перед Атосом, человеком прямым и честным. It seemed to him that if he outwitted Aramis and Porthos, it would only make them treat him with greater respect, while Athos, on the contrary, would respect him less. Ему казалось, что если бы он перехитрил Арамиса и Портоса, это заставило бы их только с большим уважением относиться к нему, тогда как Атос, напротив того, стал бы его меньше уважать.

“Oh, why isn't Grimaud here, silent Grimaud!” – Ah, зачем здесь нет Гримо, молчаливого Гримо! said d'Artagnan. – говорил д'Артаньян. “I would have understood a lot from his silence.” – Я бы многое понял из его молчания. Grimaud was so eloquent in his silence! Гримо молчал так красноречиво!

Meanwhile, little by little, everything in the house became quiet. Между тем в доме понемногу все затихало. D'Artagnan heard the slamming of doors and shutters being locked. Д'Артаньян слышал хлопанье запираемых дверей и ставен. Then the dogs, which had been barking in response to the barking of the village dogs, fell silent; the nightingale, hidden in the dense foliage of the trees and scattering its melodious trills in the middle of the night, also finally fell asleep. Потом замолкли собаки, отвечавшие лаем на лай деревенских собак; соловей, притаившийся в густой листве деревьев и рассыпавший среди ночи свои мелодичные трели, тоже наконец уснул. In the house, only the monotonous sounds of measured footsteps were heard above d'Artagnan's room; Athos's bedroom must have been located there. В доме слышались только однообразные звуки размеренных шагов над комнатой д'Артаньяна; должно быть, там помещалась спальня Атоса.

"He walks and thinks," thought d'Artagnan. «Он ходит и размышляет, – подумал д'Артаньян. "But about what?" – Но о чем? It is impossible to know. Узнать это невозможно. One can guess anything, but not this." Можно угадать все что угодно, но только не это».

At last Athos apparently went to bed, because these last sounds also died away. Наконец Атос, по-видимому, лег в постель, потому что и эти последние звуки затихли.

Silence and fatigue finally overcame d'Artagnan; he too closed his eyes and immediately fell asleep. Тишина и усталость одо-

лели наконец д'Артаньяна; он тоже закрыл глаза и тотчас же погрузился в сон.

D'Artagnan did not like to sleep long. Д'Артаньян не любил долго спать. As soon as dawn gilded the curtains, he jumped out of bed and opened the windows. Едва заря позолотила занавески, как он соскочил с кровати и открыл окна. Through the blinds, he saw that someone was wandering around the courtyard, trying to move silently. Сквозь жалюзи он увидел, что кто-то бродит по двору, стараясь двигаться бесшумно. In his habit of leaving nothing unnoticed, d'Artagnan began to carefully and attentively peer and recognized Raoul's garnet jacket and dark hair. По своей привычке не оставлять ничего без внимания, д'Артаньян стал осторожно и внимательно всматриваться и узнал гранатовый колет и темные волосы Рауля.

The young man - for it was really he - opened the stable door, brought out the bay horse he had ridden the day before, bridled and saddled it with the agility and dexterity of the most experienced groom, then led the horse along the right-hand alley of the orchard, opened the side gate leading onto the path, brought the horse out, locked the gate behind him, and d'Artagnan saw over the wall how he flew like an arrow, bending under the low flowering branches of acacias and maples. Молодой человек – так как это был действительно он – отворил дверь конюшни, вывел гнедую лошадь, на которой ездил накануне, взнуздal и оседлал ее с проворством и ловкостью самого опытного конюха, затем провел лошадь по правой ал-

лее плодового сада, отворил боковую калитку, выходящую на тропинку, вывел лошадь, запер калитку засобой, и д'Артаньян увидел поверх стены, как он полетел стрелой, пригибаясь под низкими цветущими ветвями акаций и кленов.

D'Artagnan had noticed yesterday that this path led to Blois. Д'Артаньян еще вчера заметил, что эта тропинка вела в Блуа.

“Aha,” thought the Gascon, “this fickle fellow is already acting up! «Эге, – подумал гасконец, – этот ветреник уже пошаливает! Apparently, he does not share Athos's hatred of the fair sex. Видно, он не разделяет ненависти Атоса к прекрасному полу. He could not go hunting without a gun and without dogs; he is hardly going on business, then he would not be hiding. Он не мог поехать на охоту без ружья и без собак; едва ли он едет по делу, он бы тогда не скрывался. Who is he hiding from? От кого он прячется?. . . From me or from his father? От меня или от отца?. . . I am sure that the Count is his father... Damn it! Я уверен, что граф – отец ему... Черт возьми! I will find out about that; I will have a frank talk with Athos himself.” Уж это-то я узнаю, поговорю начистоту с самим Атосом».

The morning was breaking. Утро разгоралось. D'Artagnan heard again all those sounds that had died away one after another the previous evening - everything was beginning to awaken: the birds in the branches, the dogs in their kennels, the sheep in the pasture came to life; even the barges moored to the bank on the Loire seemed to come to life and, separating from the banks, floated downstream. Д'Артаньян снова слышал все те звуки,

которые замирали один за другим вчера вечером, – все начинало пробуждаться: ожили птицы на ветвях, собаки в конурах, овцы на пастбище; ожили, казалось, даже привязанные к берегу барки на Луаре и, отделясь от берегов, поплыли вниз по течению. D'Artagnan, so as not to wake anyone, remained at his window, but, hearing the noise of doors and shutters opening in the castle, he once again smoothed his hair, twisted his mustache, out of habit cleaned the brim of his hat with the sleeve of his doublet and went down. Д'Артаньян, чтобы никого не будить, оставался у своего окна, но, заслышав в замке шум отворяемых дверей и ставен, он еще раз пригладал волосы, подкрутил усы, по привычке почистил рукавом своего колета поля шляпы и сошел вниз. Descending the last step of the porch, he noticed Athos, bending over to the ground in the pose of a man looking for a coin lost in the sand. Спустившись с последней ступеньки крыльца, он заметил Атоса, наклонившегося к земле в позе человека, который ищет затерянную в песке монету.

“Good morning, dear master!” – С добрым утром, дорогой хозяин! said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

- Good morning, dear friend. – С добрым утром, милый друг. How did you spend your night? Как провели ночь?

- Excellent, my friend; and everything here is excellent: the bed, and yesterday's dinner, and your entire reception. – Превосходно, мой друг; да и все у вас тут превосходно: и кровать, и вчерашний ужин, и весь ваш прием. But what are you looking

at so intently? Но что вы так усердно рассматриваете? Have you become, God forbid, a lover of tulips? Уж не сделали ли вы, чего доброго, любителем тюльпанов?

– This, my friend, is not something to laugh at. – Над этим, мой друг, не следует смеяться. In the village, tastes change a lot, and without noticing it, you begin to love all the beauty that nature brings to light from underground and that is so neglected in the cities. В деревне вкусы очень меняются, и, сам того не замечая, начинаешь любить все то прекрасное, что природа выводит на свет из-под земли и чем так пренебрегают в городах. I was just looking at the irises: I planted them yesterday by the pool, and this morning they were trampled. Я просто смотрел на ирисы: я посадил их вчера у бассейна, а сегодня утром их затоптали. These gardeners are such clumsy people. Эти садовники такой неуклюжий народ. We went to fetch water and didn't notice that the horse was walking on the garden bed. Ездили за водой и не заметили, что лошадь ступает по грядке.

D'Artagnan smiled. Д'Артаньян улыбнулся.

“Do you think so?” – Вы так думаете? he asked. – спросил он.

And he led his friend into the alley where many traces were imprinted, similar to those from which the irises suffered. И он повел друга в аллею, где отпечаталось немало следов, подобных тем, от которых пострадали ирисы.

“Here, it seems, are more traces, look, Athos,” d'Artagnan said indifferently. – Вот, кажется, еще следы, посмотрите,

Атос, – равнодушно сказал д'Артаньян.

- Indeed. – В самом деле. And still quite fresh! И еще совсем свежие!

“Quite fresh,” confirmed d'Artagnan. – Совсем свежие, – подтвердил д'Артаньян.

“Who could have left this morning?” – Кто мог выехать сегодня утром? – Athos asked anxiously. – спросил с тревогой Атос. – “Did the horse escape from the stable?” – Не вырвалась ли лошадь из конюшни?

“It doesn't look like it,” said d'Artagnan, “the steps are very even and calm.” – Не похоже, – сказал д'Артаньян, – шаги очень ровные и спокойные.

– Where is Raoul? – Где Рауль? – Athos exclaimed. – воскликнул Атос. – And how could it happen that I didn't see him! – И как могло случиться, что я его не видел!

“Shh,” d'Artagnan stopped him, putting his finger to his lips with a smile. – Ш-ш, – остановил его д'Артаньян, приложив с улыбкой палец к губам.

“What happened here?” – Что здесь произошло? asked Athos. – спросил Атос.

D'Artagnan told everything he saw, closely watching his master's face. Д'Артаньян рассказал все, что видел, пристально следя за лицом хозяина.

“Ah, now I guess what it is,” replied Athos, shrugging his shoulders slightly. – А, теперь я догадываюсь, в чем дело, – ответил Атос, слегка пожав плечами. “The poor boy went to

Blois.” – Бедный мальчик поехал в Блуа.

- Why? – Зачем?

- Yes, my God, to find out about the health of little La Valliere.

– Да затем, бог мой, чтобы узнать о здоровье маленькой Лавальер. Remember that girl who sprained her leg? Помните, той девочки, которая вывихнула себе ногу?

“Do you think so?” – Вы думаете? – d’Artagnan asked incredulously. – недоверчиво спросил д’Артаньян.

“I not only think so, but I am sure of it,” replied Athos. – Не только думаю, но уверен в этом, – ответил Атос. “Haven’t you noticed that Raoul is in love?” – Разве вы не заметили, что Рауль влюблен?

- What are you saying? – Что вы? At whom? В кого? At a seven-year-old girl? В семилетнюю девочку?

- My dear friend, at Raoul’s age the heart is so full that it is necessary to pour it out on something, be it a dream or reality. – Милый друг, в возрасте Рауля сердце бывает так полно, что необходимо излить его на что-нибудь, будь то мечта или действительность. Well, his love is both together. Ну а его любовь – то и другое вместе.

- You're kidding! – Вы шутите! How? Как? This little one? Эта крошка?

- Haven't you seen her? – Разве вы ее не видали? She is a most charming creature. Это прелестнейшее создание. Silver-blond hair and blue eyes, already mischievous and languid. Серебристо-белокурые волосы и голубые глаза, уже сейчас за-

дорные и томные.

- What do you say about this love? – А что скажете вы про эту любовь?

– I say nothing, I laugh and make fun of Raoul; but the first needs of the heart are so irresistible, the impulses of love's melancholy in young people are so sweet and so bitter at the same time, that they often bear all the signs of true passion. – Я ничего не говорю, смеюсь и подшучиваю над Раулем; но первые потребности сердца так неодолимы, порывы любовной тоски у молодых людей так сладки и так горьки в тоже время, что часто носят все признаки настоящей страсти. I remember that at Raoul's age I myself fell in love with a Greek statue that the good King Henry IV gave to my father. Я помню, что сам в возрасте Рауля влюбился в греческую статую, которую добрый король Генрих Четвертый подарил моему отцу. I thought I would go mad with grief when I learned that the story of Pygmalion was an empty fiction. Я думал, что сойду с ума от горя, когда узнал, что история Пигмалиона – пустой вымысел.

- It's from idleness. – Это от безделья. You don't try to occupy Raoul with anything, and he himself looks for something to do. Вы не стараетесь ничем занять Рауля, и он сам ищет себе занятий.

- Exactly. – Именно. I'm already thinking of removing it from here. Я уж подумываю удалить его отсюда.

- And you will do well. – И хорошо сделаете.

- Of course. – Разумеется. But that would mean breaking his

heart, and he would suffer as if from true love. Но это значило бы разбить его сердце, и он страдал бы, как от настоящей любви. Already three or four years ago, when he himself was a child, he began to admire this little goddess and please her, and now he will reach the point of adoration if he stays here. Уже года три-четыре назад, когда он сам был ребенком, он начал восхищаться этой маленькой богиней и угождать ей, а теперь дойдет до обожания, если останется здесь. The children make all sorts of plans together every day and talk about many serious things, as if they were twenty years old and were real lovers. Дети каждый день вместе строят всякие планы и беседуют о множестве серьезных вещей, словно им по двадцать лет и они настоящие влюбленные. At first, little La Valliere's relatives all laughed, but they, too, seem to be beginning to frown. Родные маленькой Лавальер сначала все посмеивались, но и они, кажется, начинают хмурить брови.

- Childishness. – Ребячество. But Raoul needs to unwind. Но Раулю необходимо рассеяться. Send him away from here quickly, otherwise, damn it, he will never become a man. Отшлите его поскорей отсюда, не то, черт возьми, он у вас никогда не станет мужчиной.

“I think of sending him to Paris,” said Athos. – Я думаю послать его в Париж, – сказал Атос.

“Ah,” responded d’Artagnan, and thought that the moment had come for an attack. – А, – отозвался д’Артаньян и подумал, что настала удобная минута для нападения. “If you

wish,” he said, “we can arrange the fate of this young man.” – Если хотите, – сказал он, – мы можем устроить судьбу этого молодого человека.

“Ah,” said Athos in turn. – А, – в свою очередь сказал Атос.

“I even want to consult with you about one thing that came to my mind. – Я даже хочу с вами посоветоваться относительно одной вещи, пришедшей мне на ум.

- If you wish. – Извольте.

– Do you think it’s time for us to re-enter the service? – Как вы думаете, не пора ли нам поступить опять на службу?

– Aren’t you always on duty, d’Artagnan? – Разве вы не состоите все время на службе, д’Артаньян?

- I will say more precisely; we are talking about active service.

– Скажу точнее; речь идет о деятельной службе. Does your former life no longer tempt you, and if real benefits awaited you, would you not be glad to renew your former adventures in the company of me and our friend Porthos? Разве прежняя жизнь вас больше не соблазняет и, если бы вас ожидали действительные выгоды, не были бы вы рады возобновить в компании со мной и нашим другом Портосом былые похождения?

“I think you’re proposing this to me?” – Кажется, вы мне это предлагаете? asked Athos. – спросил Атос.

– Directly and sincerely. – Прямо и чистосердечно.

- Take up arms again? – Снова взяться за оружие?

- Yes. – Да.

“For whom and against whom?” – За кого и против кого?

– Athos suddenly asked, fixing his clear and benevolent gaze on the Gascon. – спросил вдруг Атос, устремив на гасконца свой ясный и доброжелательный взгляд.

- Oh, damn! – Ах, черт! You are in too much of a hurry. Вы слишком тороптивы.

- First of all, I am precise. – Прежде всего я точен. Listen, d'Artagnan, there is only one person, or rather one cause, to which a man like me can be useful: the cause of the king. Послушайте, д'Артаньян, есть только одно лицо или, лучше сказать, одно дело, которому человек, подобный мне, может быть полезен: дело короля.

“That’s exactly what you said,” said the musketeer. – Вот это сказано точно, – сказал мушкетер.

“Yes, but first let’s agree,” Athos continued seriously. – Да, но прежде условимся, – продолжал серьезно Атос. “If taking the king’s side, in your opinion, means taking Mazarin’s side, you and I will not agree.” – Если стать на сторону короля, по-вашему, значит стать на сторону Мазарини, мы с вами не сойдемся.

“I didn’t say that,” the Gascon replied, embarrassed. – Я не сказал этого, – ответил, смутившись, гасконец.

“You know what, d’Artagnan,” said Athos, “let’s not play tricks on each other.” – Знаете что, д’Артаньян, – сказал Атос, – не будем хитрить друг с другом. Your silences and evasions clearly explain to me on whose behalf you came here. Ваши умолчания и увертки отлично объясняют мне, по чьему поручению вы сюда явились. They really don’t dare speak loudly

about such a matter, and those who are interested in it are recruited quietly, with downcast eyes. О таком деле действительно не решаются говорить громко и охотников на него вербуют втихомолку, потупив глаза.

- Ah, dear Athos! – Ах, милый Атос! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян.

“You understand,” continued Athos, “that I am not speaking of you—you are the best of all brave and courageous men—I am speaking of this stingy Italian intriguer, of this serf who is trying to put on his head a crown stolen from under his pillow, of this jester who calls his party the king’s party and locks up princes of the blood in prison because he does not dare to execute them, as our cardinal, the great cardinal, did. – Вы понимаете, – продолжал Атос, – что я говорю не про вас – вы лучший из всех храбрых и отважных людей, – я говорю об этом скаредном итальянце-интригане, об этом холопе, пытающемся надеть на голову корону, украденную из-под подушки, об этом шу-те, называющем свою партию партией короля и запирающем в тюрьмы принцев крови, потому что он не смеет казнить их, как делал наш кардинал, великий кардинал. Now in this place is the usurer, who weighs the gold and, clipping the coins, hides the clippings, fearing every minute, despite his cheating, to lose tomorrow; In short, I am talking about a scoundrel who, as they say, does not value the queen at all. Теперь на этом месте ростовщик, который взвешивает золото и, обрезая монеты, прячет обрезки, опасаясь ежеминутно, несмотря на свое шу-

лерство, завтра проиграть; словом, я говорю о негодяе, который, как говорят, ни в грош не ставит королеву. Well, so much the worse for her! Что ж, тем хуже для нее! This scoundrel will cause a civil war in three months just to save his income. Этот негодяй через три месяца вызовет междоусобную войну только для того, чтобы сохранить свои доходы. And you propose that I enter the service of such a man, d'Artagnan? И к такому-то человеку вы предлагаете мне поступить на службу, д'Артаньян? Thank you! Благодарю!

- God have mercy, but you have become even more hot-tempered than before! – Помилуй бог, да вы стали еще вспыльчивей, чем прежде! - said d'Artagnan. – сказал д'Артаньян. - The years have heated up your blood instead of cooling it. – Годы разожгли вашу кровь, вместо того чтобы охладить ее. Who tells you that I serve this gentleman and incline you to do the same? Кто говорит вам, что я служу этому господину и вас склоняю к тому же?

“Damn it,” he thought, “I can’t give away a secret to a man who is so hostile.” «Черт возьми, – подумал он, – нельзя выдавать тайну человеку, так враждебно настроенному».

“But in that case, my friend,” Athos objected, “what does your proposal mean?” – Но в таком случае, мой друг, – возразил Атос, – что же означает ваше предложение?

- Ah, my God, nothing could be simpler. – Ах, боже мой, ничего не может быть проще. You live on your own estate and, apparently, are completely happy in your golden moderation. Вы

живете в собственном имении и, по-видимому, совершенно счастливы в своей золотой умеренности. Porthos has fifty, and perhaps even sixty thousand livres of income. У Портоса пятьдесят, а может быть, и шестьдесят тысяч ливров дохода. Aramis still has fifteen duchesses who are vying with each other for the prelate, just as they once vying with the musketeer; This is the eternal darling of fate. У Арамиса по-прежнему полтора десятка герцогинь, которые оспаривают друг у друга прелата, как оспаривали прежде мушкетера; это вечный баловень судьбы. But what am I? Но я, что я собой представляю? For twenty years I have been wearing armor and breeches, and still I sit in the same, and unenviable, rank, moving neither back nor forward, not living. Двадцать лет ношу латы и рейтузы, а все сижу в том же, притом незавидном, чине, не двигаюсь ни назад, ни вперед, не живу. In a word, I am dead. Одним словом, я мертв. And now, when I am given the opportunity to revive at least a little, you all raise a cry: "This is a scoundrel! И вот, когда мне предоставляется возможность хоть чуточку ожить, вы все поднимаете крик: «Это подлец! А jester! Шут! A deceiver! Обманщик! How can one serve such a person? Как можно служить такому человеку?» Eh, damn it! » Эх, черт возьми! I think the same thing myself, but find me someone better or pay me a pension. Я сам думаю так же, но сыщите мне кого-нибудь получше или платите мне пенсию.

Athos thought for three seconds and in those three seconds he understood d'Artagnan's cunning, who, having been too

presumptuous at first, was now cutting everything off at once in order to hide his game. Атос задумался на три секунды и в эти три секунды понял хитрость д'Артаньяна, который, слишком зарвавшись сначала, теперь обрывал все разом, чтобы скрыть свою игру. He clearly saw that the proposal was made to him seriously and would have been stated in full if he had shown a desire to listen to it. Он ясно видел, что предложение сделано было ему серьезно и было бы изложено полностью, если бы он выказал желание выслушать его.

“So!” «Так!» he thought. – подумал он. “So, d'Artagnan is a supporter of Mazarin.” – Значит, д'Артаньян – сторонник Мазарини».

And from that moment on, Athos became extremely reserved. И с этой минуты Атос сделался крайне сдержан.

D'Artagnan, for his part, became even more cautious. Д'Артаньян, со своей стороны, стал еще осторожнее.

“But you probably have some intentions?” – Но ведь у вас, наверное, есть какие-то намерения? – Athos continued asking. – продолжал спрашивать Атос.

- Of course. – Разумеется. I wanted to consult with all of you and think of a way to do something, because each of us will always miss the others. Я хотел посоветоваться со всеми вами и придумать средство что-нибудь сделать, потому что каждому из нас всегда будет не хватать других.

- It's true. – Это правда. You told me about Porthos. Вы говорили мне о Портосе. Did you really persuade him to seek

wealth? Неужели вы склонили его искать богатства? It seems to me that he is rich enough. Мне кажется, он достаточно богат.

- Yes, he is rich. – Да, он богат. But man is so created that he always lacks something else. Но человек так создан, что ему всегда не хватает еще чего-нибудь.

- What is Porthos missing? – Чего же не хватает Портосу?

- Baronial title. – Баронского титула.

“Yes, it’s true, I forgot,” laughed Athos. – Да, правда, я и забыл, – засмеялся Атос.

“It’s true!” «Правда! thought d’Artagnan. – подумал д’Артаньян. “And how does he know? – А откуда он знает? Is he perhaps corresponding with Aramis? Уж не переписывается ли он с Арамисом? Ah, if I only knew this, I would know everything else!” Ах, если бы мне только это узнать, я бы узнал и все остальное!” »

Here the conversation was interrupted, as Raoul entered. Тут разговор оборвался, так как вошел Рауль. Athos wanted to kindly scold him, but the young man was so sad that Athos did not have the courage, he remained silent and began to ask what was the matter. Атос хотел ласково побранить его, но юноша был так печален, что у Атоса не хватило духу, он смолчал и стал расспрашивать, в чем дело.

“Isn’t it worse than our little neighbor?” – Не хуже ли нашей маленькой соседке? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян.

“Ah, sir,” Raoul answered, almost choking with grief, “the bruise is very dangerous, and although there is no visible damage,

the doctor is afraid that the girl will remain lame for the rest of her life. – Ах, сударь, – почти задыхаясь от горя, отвечал Рауль, – ушиб очень опасен, и, хотя видимых повреждений нет, доктор боится, как бы девочка не осталась хромой на всю жизнь.

“That would be terrible!” – Это было бы ужасно! said Athos. – сказал Атос.

D'Artagnan had a joke on the tip of his tongue, but seeing how much Athos was involved in this grief, he restrained himself. У д'Артаньяна вертелась на языке шутка, но, увидев, какое участие принимает Атос в этом горе, он сдержался.

“Ah, sir, it completely drives me to despair,” said Raoul, “that I myself am to blame for all this.” – Ах, сударь, меня совершенно приводит в отчаяние, – сказал Рауль, – то, что я сам виноват во всем этом.

- You? – Вы? How, Raoul? Каким образом, Рауль? - asked Athos. – спросил Атос.

- Of course, because she jumped off the log in order to run to me. – Конечно, ведь она соскочила с бревна для того, чтобы бежать ко мне.

“There is only one way left for you, dear Raoul: to marry her and thereby atone for your guilt,” said d'Artagnan. – Вам остается только одно средство, милый Рауль: жениться на ней и этим искупить свою вину, – сказал д'Артаньян.

“Ah, sir, you are laughing at genuine grief, that is very bad,” answered Raoul. – Ах, сударь, вы смеетесь над искренним го-

рем, это очень дурно, — ответил Рауль.

And, feeling the need to be alone to cry, he went into his room, from where he emerged only for breakfast. И, чувствуя потребность остаться одному, чтобы выплакаться, он ушел в свою комнату, откуда вышел только к завтраку.

The friendly relations between the two friends were not at all affected by the morning skirmish, and so they breakfasted with great appetite, occasionally glancing at Raoul, who sat at the table with his eyes wet with tears, with a heavy heart and could hardly eat. Дружеские отношения обоих приятелей несколько не пострадали от утренней стычки, а потому они завтракали с большим аппетитом, изредка посматривая на Рауля, который сидел за столом с влажными от слез глазами, с тяжестью на сердце и почти не мог есть.

Towards the end of breakfast, two letters were brought in, which Athos read with the greatest attention, involuntarily shuddering several times. К концу завтрака было подано два письма, которые Атос прочел с величайшим вниманием, невольно вздрогнув при этом несколько раз. D'Artagnan, who was sitting at the other end of the table and had excellent eyesight, was ready to swear that he recognized Aramis's small handwriting. Д'Артаньян, сидевший на другом конце стола и отличавшийся прекрасным зрением, готов был поклясться, что узнал мелкий почерк Арамиса. The other letter was written in a woman's, stretched out and uneven handwriting. Другое письмо было написано женским растянутым и неровным по-

черком.

“Let’s go fencing,” d’Artagnan said to Raoul, seeing that Athos wanted to be alone to answer the letters or think about them. – Пойдемте фехтовать, – сказал д’Артаньян Раулю, видя, что Атос желает остаться один, чтобы ответить на письма или обдумать их. “Come on, it will amuse you.” – Пойдемте, это развлечет вас.

The young man looked at Athos, who nodded affirmatively. Молодой человек взглянул на Атоса; тот утвердительно кивнул.

They went into the lower hall, where rapiers, masks, gloves, breastplates and other fencing equipment were hung. Они прошли в нижнюю залу, в которой были развешаны рапиры, маски, перчатки, нагрудники и прочие фехтовальные принадлежности.

“Well, how is it?” – Ну как? asked Athos, coming to them a quarter of an hour later. – спросил Атос, придя к ним через четверть часа.

“He has your hand entirely, dear Athos,” said d’Artagnan, “and if he had your composure in addition, there would be nothing better to be desired...” – У него совсем ваша рука, дорогой Атос, – сказал д’Артаньян, – а если бы у него было вдобавок и ваше хладнокровие, не оставалось бы желать ничего лучшего...

The young man felt ashamed. Молодой человек чувствовал себя пристыженным. If he had touched d'Artagnan's arm or

thigh two or three times, the last time he had stabbed him right in the chest twenty times. Если он два-три раза и задел руку или бедро д'Артаньяна, то последний раз двадцать кольнул его прямо в грудь.

Then Charlot entered and handed d'Artagnan a very urgent letter that had just been sent by courier. Тут вошел Шарлю и подал д'Артаньяну очень спешное письмо, только что присланное с нарочным.

Now it was Athos' turn to steal a glance at the letter. Теперь пришла очередь Атоса украдкой поглядывать на письмо.

D'Artagnan read it, apparently without any emotion, and said, shaking his head slightly: Д'Артаньян прочел его, по-видимому, без всякого волнения и сказал, слегка покачивая головой:

- That's what service means. – Вот что значит служба. By God, you're a hundred times right that you don't want to serve anymore! Ей-богу, вы сто раз правы, что не хотите больше служить! Treville is sick, and the regiment can't do without me. Тревиль заболел, и без меня не могут обойтись в полку. It looks like my vacation is wasted. Видно, пропал мой отпуск.

“Are you returning to Paris?” – Вы возвращаетесь в Париж? – Athos asked quickly. – живо спросил Атос.

“Yes, of course,” answered d'Artagnan. – Да, конечно, – ответил д'Артаньян. “Aren't you going there too?” – А разве вы не едете туда же?

“If I get to Paris, I'll be very glad to see you,” Athos replied,

blushing slightly. – Если я попаду в Париж, то очень рад буду с вами увидаться, – слегка покраснев, ответил Атос.

“Hey, Planchet!” – Эй, Планше! d’Artagnan shouted through the door. – крикнул д’Артаньян в дверь. “We’re leaving in ten minutes.” – Через десять минут мы уезжаем. Give the horses some oats. Задай овса лошадям. And, turning to Athos, he added: “I keep feeling like I’m missing something, and I’m very sorry that I’m leaving you without seeing good Grimaud.” – И, обернувшись к Атосу, прибавил: – Мне все кажется, будто мне чего-то не хватает, и я очень жалею, что уезжаю от вас, не повидавшись с добрым Гримо.

- Grimaud? – Гримо? - said Athos. – сказал Атос. - Indeed, I too am surprised why you do not ask about him. – Действительно, я тоже удивляюсь, отчего вы о нем не спрашиваете. I gave him to one of my friends. Я уступил его одному из моих друзей.

“Who understands his signs?” – Который понимает его знаки? asked d’Artagnan. – спросил д’Артаньян.

“I hope so,” replied Athos. – Надеюсь, – ответил Атос.

The friends embraced warmly. Друзья сердечно обнялись. D’Artagnan shook Raoul’s hand, took a promise from Athos that he would come to see him if he was in Paris, or write if he did not go there, and jumped on his horse. Д’Артаньян пожал руку Раулю, взял обещание с Атоса, что тот зайдет к нему, если будет в Париже, или напишет, если не поедет туда, и вскочил на лошадь. Planchet, as always in good order, was already in

the saddle. Планше, исправный, как всегда, был уже в седле.

“Would you like to come with me?” – Не хотите ли проехаться со мной? – d’Artagnan asked Raoul, laughing. – смеясь, спросил Рауль д’Артаньян. – “I’m going through Blois.” – Я еду через Блуа.

Raoul glanced at Athos; he held him back with a barely perceptible movement of his head. Рауль взглянул на Атоса; тот удержал его едва заметным движением головы.

“No, sir,” answered the young man, “I will stay with the Count.” – Нет, сударь, – ответил молодой человек, – я останусь с графом.

“Then farewell, my friends,” said d’Artagnan, shaking their hands for the last time. – В таком случае прощайте, друзья мои, – сказал д’Артаньян, в последний раз пожимая им руки. “May God protect you, as we used to say when we parted in the old days under the late Cardinal.” – Да хранит вас бог, как говорили мы, расставаясь в старину при покойном кардинале.

Athos waved goodbye, Raoul bowed, and d’Artagnan and Planchet left. Атос махнул рукой на прощание, Рауль поклонился, и д’Артаньян с Планше уехали.

The Count followed them with his eyes, leaning on the shoulder of the young man, who was almost the same height as him. Граф следил за ними глазами, опершись на плечо юноши, который был почти одного с ним роста. But as soon as d’Artagnan disappeared behind the wall, he said: Но едва д’Артаньян исчез за стеной, он сказал:

— Raoul, we are going to Paris this evening. — Рауль, сегодня вечером мы едем в Париж.

“What!” — Как! — exclaimed the young man, turning pale. — воскликнул молодой человек, бледнея.

— You can go and say goodbye to Madame de Saint-Remy and give her my farewell greetings. — Вы можете съездить попрощаться с госпожой де Сен-Реми и передать ей мой прощальный привет. I will expect you back at seven o'clock. Я буду ждать вас обратно к семи часам.

With a mixed expression of sadness and gratitude on his face, the young man bowed and went to saddle his horse. Со смешанным выражением грусти и благодарности на лице молодой человек поклонился и пошел седлать лошадь.

And d'Artagnan, having barely disappeared from their field of vision, pulled the letter out of his pocket and reread it: А д'Артаньян, едва скрывшись из поля их зрения, вытащил из кармана письмо и перечел его:

"Return immediately to Paris. «Возвращайтесь немедленно в Париж. Ж. Дж. М. М.» ».

"A dry letter," grumbled d'Artagnan, "and if there hadn't been a postscript, I might not have understood it; but fortunately there is a postscript." — Сухое письмо, — проворчал д'Артаньян, — и не будь приписки, я, может быть, не понял бы его; но, к счастью, приписка есть.

And he read the postscript, which reconciled him with the dryness of the letter: И он прочел приписку, примирившую

его с сухостью письма:

"P. «P. S. S. Go to the king's treasurer in Blois, tell him your name and show him this letter: you will receive two hundred pistoles." Поезжайте к королевскому казначею в Блуа, назовите ему вашу фамилию и покажите это письмо: вы получите двести пистолей».

"I certainly like this kind of prose," said d'Artagnan. – Решительно, такая проза мне нравится, – сказал д'Артаньян. "The Cardinal writes better than I thought." – Кардинал пишет лучше, чем я думал. "Come on, Planchet, let's pay a visit to the king's treasurer and then ride on." Едем, Планше, сделаем визит королевскому казначею и затем поскачем дальше.

– To Paris, sir? – В Париж, сударь?

– To Paris. – В Париж.

And both of them set off at the fastest trot their horses could manage. И оба поехали самой крупной рысью, на какую только были способны их лошади.

Chapter XVIII Глава XVIII

Duke de Beaufort Герцог де Бофор

This is what happened, and these were the reasons that required d'Artagnan's return to Paris. Вот что случилось, и вот каковы были причины, потребовавшие возвращения д'Артаньяна в Париж.

One evening, Mazarin, as usual, went to the queen when everyone had already left her, and, passing by the guard room,

from which the door opened into one of his reception rooms, he heard a loud conversation. Однажды вечером Мазарини, по обыкновению, пошел к королеве, когда все уже удалились от нее, и, проходя мимо караульной комнаты, из которой дверь выходила в одну из его приемных, услышал громкий разговор. Wanting to find out what the soldiers were talking about, he, as was his habit, crept up to the door, opened it slightly and stuck his head through the crack. Желая узнать, о чем говорят солдаты, он, по своей привычке, подкрался к двери, приоткрыл ее и просунул голову в щель.

There was an argument between the guards. Между караульными шел спор.

“And I’ll tell you,” said one of them, “that if Coisel predicted, then it’s as certain as if it had already come true.” – А я вам скажу, – говорил один из них, – что если Куазель предсказал, то, значит, дело такое же верное, как если б оно уже сбылось. I don’t know him myself, but I’ve heard that he’s not only an astrologer, but also a sorcerer. Я сам его не знаю, но слышал, что он не только звездочет, но и колдун.

- Damn it, if you're his friend, be careful! – Черт возьми, если ты его приятель, так будь поосторожнее! You're doing him a disservice. Ты оказываешь ему плохую услугу.

- Why? – Почему?

- Because he might be brought to court. – Да потому что его могут притянуть к суду.

- Oh no! – Вот еще! They don’t burn sorcerers anymore! Те-

перь колдунов не сжигают!

– That may be so, but it seems to me that very recently the late cardinal ordered Urbain Grandier to be burned. – Так-то оно так, но мне сдается, что еще очень недавно покойный кардинал приказал сжечь Урбена Грандье. I know about this. I myself stood guard at the fire and saw how he was roasted. Уж я-то знаю об этом: сам стоял на часах у костра и видел, какого жарили.

- Oh, my dear! – Эх, милый мой! Urbain Grandier was not a sorcerer, but a scientist - that is a completely different matter. Урбен Грандье был не колдун, а ученый, – это совсем другое дело. Urbain Grandier did not predict the future. Урбен Грандье будущего не предсказывал. He knew the past, and that is sometimes much worse. Он знал прошлое, а это иной раз бывает гораздо хуже.

Mazarin nodded approvingly; however, wanting to know what this prediction was about which they were arguing, he did not move from his place. Мазарини одобрительно кивнул; однако, желая узнать, что это за предсказание, о котором шел спор, он не двинулся с места.

“I don’t argue: maybe Coisel is a sorcerer,” objected another guard, “but I tell you that if he announces his predictions in advance, they may not come true.” – Я не спорю: может быть, Куазель и колдун, – возразил другой караульный, – но я говорю тебе, что если он оглашает наперед свои предсказания, они могут и не сбыться.

- Why? – Почему?

- Very clear. – Очень понятно. After all, if we start fighting with swords and I say to you: “I will make a straight lunge,” you will, of course, parry it. Ведь если мы станем биться на шпагах и я тебе скажу: «Я сделаю прямой выпад», ты, понятно, парируешь его. So it is here. Так и тут. If Coisel speaks so loudly and reaches the ears of the cardinal that “by such-and-such a day such-and-such a prisoner will escape,” the cardinal will obviously take measures, and the prisoner will not escape. Если Куазель говорит так громко и до ушей кардинала дойдет, что «к такому-то дню такой-то узник сбежит», кардинал, очевидно, примет меры, и узник не сбежит.

“Come on,” said the soldier, who seemed to be dozing on the bench, but despite the drowsiness that was overcoming him, he did not miss a word of the entire conversation. – Полноте, – заговорил солдат, казалось дремавший на скамье, но, несмотря на одолевающую его дремоту, не пропустивший ни слова из всего разговора. “You can’t escape fate.” – От судьбы не уйдешь. If the Duke de Beaufort is destined to escape, the Duke de Beaufort will escape, and no measures the cardinal can take will help. Если герцогу де Бофору суждено удрать, герцог де Бофор удерет, и никакие меры кардинала тут не помогут.

Mazarin shuddered. Мазарини вздрогнул. He was an Italian and therefore superstitious; he hurriedly entered the guards, who interrupted their conversation at his appearance. Он был итальянец и, значит, суеверен; он поспешно вошел к гвардейцам,

которые при его появлении прервали свой разговор.

“What are you talking about, gentlemen?” – О чем вы толкуете, господа? he asked kindly. – спросил он ласково. “It seems that the Duke de Beaufort has run away?” – Кажется, о том, что герцог де Бофор убежал?

“Oh no, Monsignor,” said the skeptical soldier. – О нет, монсеньор, – заговорил солдат-скептик. “He’s not even thinking about it now.” – Сейчас он и не помышляет об этом. They only say that he’s destined to escape. Говорят только, что ему суждено сбежать.

- And who says this? – А кто это говорит?

“Come on, tell your story again, Saint Laurent,” the soldier said to the storyteller. – Ну-ка, расскажите еще раз вашу историю, Сен-Лоран, – обратился солдат к рассказчику.

“Monseigneur,” said the guard, “I simply told these gentlemen, from hearsay, about the prophecy of a certain Coisel, who claims that no matter how closely they guard the Duke of Beaufort, he will escape before Trinity Sunday.” – Монсеньор, – сказал гвардеец, – я просто с чужих слов рассказал этим господам о предсказании некоего Куазеля, который утверждает, что как ни крепко стерегут герцога де Бофора, а он убежит еще до Троицына дня.

“Is this Coisel a fool or a madman?” – А этот Куазель юродивый или сумасшедший? asked the cardinal, still smiling. – спросил кардинал, все еще улыбаясь.

“Not at all,” replied the guardsman, who firmly believed in the

prophecy. – Нисколько, – ответил твердо веривший в предсказание гвардеец. “He predicted many things that came true: for example, that the queen would give birth to a son, that Coligny would be killed in a duel by the Duke of Guise, and finally, that the coadjutor would be a cardinal.” – Он предсказал много вещей, которые сбылись: например, что королева родит сына, что Колиньи будет убит на дуэли герцогом Гизом, наконец, что коадьютор будет кардиналом. And what happened, the queen gave birth not only to one son, but two years later to a second one, and Coligny was killed. И что же, королева родила не только одного сына, но через два года еще второго, а Колиньи был убит.

“Yes,” replied Mazarin, “but the coadjutor is not yet a cardinal.” – Да, – ответил Мазарини, – но коадьютор еще не кардинал.

- Not yet, Monsignor, but he will be. – Нет еще, монсеньор, но он им будет.

Mazarin winced, as if to say: “Well, he doesn’t have a hat yet.” Мазарини поморщился, словно желая сказать: «Ну, шапки-то у него еще нет». Then he added: Потом добавил:

- So, you are sure, my friend, that Monsieur de Beaufort will escape? – Итак, вы уверены, мой друг, что господин де Бофор убежит?

“I am so sure, Monseigneur,” the soldier replied, “that if Your Eminence were to offer me now the position of Monsieur de Chavigny, commandant of the Château de Vincennes, I would

not accept it." – Так уверен, монсеньор, – ответил солдат, – что если ваше преосвященство предложит мне сейчас должность господина де Шавиньи, коменданта Венсенского замка, то я ее не приму. But after Trinity, that is a different matter. Вот после Троицы – это дело другое.

Nothing convinces us so much as the deep faith of another person. Ничто так не убеждает нас, как глубокая вера другого человека. It influences even unbelievers; and Mazarin was not only not an unbeliever, but was even, as we have said, superstitious. Она влияет даже на людей неверующих; а Мазарини не только не был неверующим, но даже был, как мы сказали, суеверным. And so he left very worried. И потому он ушел весьма озабоченный.

"A miser!" – Скрыга! said the guard, who was leaning against the wall. – сказал гвардеец, который стоял, прислонившись к стене. "He pretends not to believe your sorcerer, Saint Laurent, just to avoid giving you anything; before he even gets to his own place, he'll have made money off your prediction." – Он притворяется, будто не верит вашему колдуну, Сен-Лоран, чтобы только ничего вам не дать; он еще и к себе не доберется, как заработает на вашем предсказании.

Indeed, instead of going to the queen's chambers, Mazarin returned to the study and, calling Bernouin, gave orders that the next day at dawn he should send for the overseer he had assigned to de Beaufort and that he should awaken himself immediately as soon as he arrived. В самом деле, вместо того чтобы пройти

в покои королевы, Мазарини вернулся в кабинет и, позвав Бернуина, отдал приказ завтра с рассветом послать за надзирателем, которого он приставил к де Бофору, и разбудить себя немедленно, как только тот приедет.

The soldier, without knowing it, had opened the cardinal's most painful wound. Солдат, сам того не зная, разбередил самую болезненную рану кардинала. During the five years that Beaufort spent in prison, not a day passed without Mazarin thinking that sooner or later, Beaufort would be released. В продолжение пяти лет, которые Бофор просидел в тюрьме, не проходило дня, чтобы Мазарини не думало том, что рано ли, поздно ли, а Бофор оттуда выйдет. You cannot keep the grandson of Henry IV in prison all his life, especially when this grandson of Henry IV is barely thirty years old. Внука Генриха IV в заточении всю жизнь не продержишь, в особенности когда этому внуку Генриха IV едва тридцать лет от роду. But no matter how he got out of prison, how much hatred he must have accumulated during his imprisonment for the one who was to blame for this; for the one who ordered his capture, rich, brave, crowned with glory, beloved by women and formidable for men; to the one who had taken away the best years of his life —after all, vegetating in prison cannot be called life! Но каким бы путем он ни вышел из тюрьмы – сколько ненависти он должен был скопить за время заключения к тому, кто был в этом повинен; к тому, кто приказал схватить его, богатого, смелого, увенчанного славой, любимого женщинами и гроз-

ного для мужчин; к тому, кто отнял у него лучшие годы жизни – ведь нельзя же назвать жизнью прозябание в тюрьме! Meanwhile, Mazarin was increasingly tightening his surveillance over Beaufort. Пока что Мазарини все усиливал надзор за Бофором. But he resembled the miser in the fable who could not sleep near his treasure. Но он походил на скупца из басни, которому не спалось возле своего сокровища. More than once he dreamed that Beaufort had been kidnapped from him, and he jumped up at night. Не раз ему снилось, что у него похитили Бофора, и он вскакивал по ночам. Then he inquired about him and each time, to his chagrin, heard that the prisoner was happily drinking, singing, playing, and amidst games, wine, and songs, he kept swearing that Mazarin would pay dearly for all the pleasures that were being forcibly given to him in Vincennes. Тогда он осведомлялся о нем и всякий раз, к своему огорчению, слышал, что узник самым благополучным образом пьет, поет, играет и среди игр, вина и песен не перестает клясться, что Мазарини дорого заплатит за все те удовольствия, которые насильно доставляют ему в Венсене.

This thought troubled the minister even in his sleep, so that when at seven o'clock Bernouin came in to wake him, his first words were: Эта мысль тревожила министра даже во сне, так что, когда в семь часов Бернуин вошел разбудить его, первыми его словами были:

- Ah? – A? What happened? Что случилось? Did Monsieur de Beaufort really escape from Vincennes? Неужели господин

де Бофор бежал из Венсена?

“I don’t think so, Monseigneur,” replied Bernouin, whose composure never failed him. – Не думаю, монсеньор, – ответил Бернуин, которому никогда не изменяла его выдержка. “In any case, you will now hear all the news, because the warden La Ramée, whom you sent for this morning at the Château de Vincennes, has arrived and is awaiting your orders. – Во всяком случае, вы сейчас узнаете все новости, потому что надзиратель Ла Раме, за которым вы послали сегодня утром в Венсенский замок, прибыл и ожидает ваших приказаний.

“Open the door and bring him in,” said Mazarin, adjusting the pillows to receive La Ramée, sitting up in bed. – Откройте дверь и введите его сюда, – сказал Мазарини, поправляя подушки, чтобы принять Ла Раме, сидя в постели.

The officer entered. Офицер вошел. He was a tall, plump man, chubby-cheeked and imposing. Это был высокий и полный мужчина, толстощекий и представительный. He had such a serene appearance that Mazarin became alarmed. Он имел такой безмятежный вид, что Мазарини встревожился.

“This guy looks like a fool to me,” he muttered. – Этот парень, по-моему, очень смахивает на дурака, – пробормотал он.

The warden stopped silently at the door. Надзиратель молча остановился у дверей.

“Come here, sir!” – Подойдите, сударь! – ordered Mazarin. – приказал Мазарини.

The warden obeyed. Надзиратель повиновался.

– Do you know what they are talking about here? – Знаете ли вы, о чем здесь болтают?

- No, Your Eminence. – Нет, ваше преосвященство.

– That the Duke of Beaufort will flee from Vincennes, if he has not already done so. – Что герцог Бофор убежит из Венсена, если еще не сделал этого.

The officer's face expressed the greatest astonishment. На лице офицера выразилось величайшее изумление. He opened his small eyes and large mouth wide, as if drinking in the joke with which the cardinal had honored him. Он широко раскрыл свои маленькие глазки и большой рот, словно впивая шутку, которой удостоил его кардинал. Then, unable to restrain himself from laughing at such a proposition, he burst out laughing so loudly that his fat body shook as if from a violent chill. Затем, не в силах удержаться от смеха при подобном предположении, расхохотался, да так, что его толстое тело затряслось, как от сильного озноба.

Mazarin was pleased with this rather irreverent intemperance, but nevertheless retained his serious appearance. Мазарини порадовался этой довольно непочтительной несдержанности, но тем не менее сохранил свой серьезный вид.

Having laughed his fill and wiped his eyes, La Ramee decided it was time to finally speak up and apologize for his indecent gaiety. Вдоволь насмеявшись и вытерев глаза, Ла Раме решил, что пора наконец заговорить и извиниться за свою

неприличную веселость.

“He will run away, Monseigneur!” – Убежит, монсеньор!
“He will run away!” Убежит! – he said. – сказал он. – “But doesn’t your Eminence know where the Duke de Beaufort is?” – Но разве вашему преосвященству не известно, где находится герцог де Бофор?

- Of course, I know that he is in the Château de Vincennes. – Разумеется, я знаю, что он в Венсенском замке.

- Yes, Monsignor, and in his room the walls are seven feet thick, the windows have iron bars, and each crossbar is an arm thick. – Да, монсеньор, и в его комнате стены в семь футов толщиной, окна с железными решетками, и каждая перекладина в руку толщиной.

“Remember,” said Mazarin, “that with a little patience you can break through any wall and saw through a grate with a clock spring.” – Помните, – сказал Мазарини, – что при некотором терпении можно продолбить любую стену и перепилить решетку часовой пружиной.

“You may not know, Monsignor, that the prisoner has eight guards: four in his room and four in the next room, and they never leave him for a minute.” – Вам, может быть, неизвестно, монсеньор, что при узнике состоят восемь караульных: четверо в его комнате и четверо в соседней, и они ни на минуту не оставляют его.

- But he comes out of his room and plays with balls and a ball. – Но ведь он выходит из своей комнаты, играет в шары и в

меч.

– Monsignor, all these entertainments are allowed to prisoners. – Монсеньор, все эти развлечения дозволены заключенным. However, if you wish, he can be deprived of them. Впрочем, если вам угодно, его можно лишить их.

“No, no,” said Mazarin, afraid that his prisoner, deprived of these pleasures, would leave the castle (if he ever left it) even more embittered against him. – Нет, нет, – сказал Мазарини, боясь, чтобы его узник, лишенный и этих удовольствий, не вышел из замка (если он когда-нибудь из него выйдет) еще более озлобленным против него. “I only ask with whom he is playing.” – Я только спрашиваю, с кем он играет.

“He plays with the guard officer, Monsignor, with me or with other prisoners. – Он играет с караульным офицером, монсеньор, со мной или с другими заключенными.

– Doesn’t he get close to the walls while playing? – А не подходит ли он близко к стенам во время игры?

– Doesn’t your Grace know what these walls are like? – Разве вашему преосвященству не известно, какие это стены? Almost sixty feet high. Почти шестьдесят футов высоты. It’s unlikely that the Duke of Beaufort was so tired of life that he would risk breaking his neck by jumping from such a wall. Едва ли герцогу Бофору так надоела жизнь, чтобы он рискнул сломать себе шею, спрыгнув с такой стены.

“Hm!” – Гм! – responded the cardinal, beginning to calm down. – отозвался кардинал, начиная успокаиваться. – So,

you think, my dear Monsieur La Rame, that... – Итак, вы полагаете, мой милый господин Ла Раме, что...

“As long as the Duke doesn’t manage to turn into a bird, I can vouch for him.” – Что пока герцог не ухитрится превратиться в птичку, я за него ручаюсь.

“Don’t get carried away,” said Mazarin. – Смотрите не увлекайтесь, – сказал Мазарини. “Monsieur de Beaufort told the guards who were taking him to the castle that he had often thought about being arrested, and therefore had forty ways of escaping from prison in reserve.” – Господин де Бофор сказал конвойным, отводившим его в замок, будто он не раз думал о том, что может быть арестован, и потому держит в запасе сорок способов бежать из тюрьмы.

“Monseigneur, if there had been at least one good way out of these forty,” La Rame replied, “he would have been free long ago.” – Монсеньор, если бы из этих сорока способов был хоть один годный, – ответил Ла Раме, – он бы давно был на свободе.

“Hm, you’re not as stupid as I thought,” Mazarin muttered to himself. «Гм, ты не так глуп, как я думал», – пробормотал про себя Мазарини.

“Besides, don’t forget, Monseigneur, that the commandant of the Château de Vincennes is Monsieur de Chavigny,” La Ramée continued, “and he is not one of the friends of the Duke de Beaufort.” – К тому же не забывайте, монсеньор, что комендант Венсенского замка – господин де Шавиньи, – продол-

жал Ла Раме, – а он не принадлежит к друзьям герцога де Бофора.

- Yes, but Monsieur de Chavigny sometimes goes away. – Да, но господин де Шавиньи иногда отлучается.

– When he is absent, I am left. – Когда он отлучается, остаюсь я.

- Well, when do you leave? – Ну а когда вы сами отлучаетесь?

- Oh, for this case I have one fellow who is aiming to become the king's overseer. – О, на этот случай у меня есть один малый, который метит сделаться королевским надсмотрщиком. This one, I guarantee you, guards conscientiously. Этот, ручаюсь вам, стережет на совесть. He has been serving me for three weeks, and I can only reproach him for one thing - he is too harsh with the prisoner. Вот три недели, как он у меня служит, и я лишь в одном могу упрекнуть его – он слишком суров к узнику.

“Who is this Cerberus?” – Кто же этот цербер? asked the cardinal. – спросил кардинал.

- A certain Mr. Grimaud, Monseigneur. – Некий господин Гримо, монсеньор.

- What did he do before he came to serve you at the castle? – А что он делал до того, как поступил к вам на службу в замок?

“He lived in the provinces, caused mischief there through stupidity, and now, it seems, is glad to hide from responsibility by putting on a royal uniform. – Он жил в провинции, набе-

докурил там по глупости и теперь, кажется, рад укрыться от ответственности, надев королевский мундир.

- Who recommended this person to you? – А кто рекомендовал вам этого человека?

- Manager of the Duke de Grammont. – Управитель герцога де Граммона.

- So, in your opinion, can he be relied upon? – Так, по-вашему, на него можно положиться?

- As for me, Monsignor. – Как на меня самого, монсеньор.

- And he is not a chatterbox? – И он не болтун?

- Lord Jesus! – Господи Иисусе! I thought for a long time, Monsignor, that he was mute: he speaks and responds only with signs. Я долго думал, монсеньор, что он немой: он и говорит и отвечает только знаками. It seems that his former master accustomed him to this. Кажется, его прежний господин приучил его к этому.

“Then tell him, dear Monsieur La Ramée,” continued the cardinal, “that if he is a good and faithful guard, we will close our eyes to his pranks in the provinces, we will put on him a uniform that will make everyone treat him with respect, and we will put a few pistoles in the pockets of his uniform so that he can drink to the health of the king.” – Так скажите ему, милый господин Ла Раме, – продолжал кардинал, – что, если он будет хорошим и верным сторожем, мы закроем глаза на его шалости в провинции, наденем на него мундир, который заставит всех относиться к нему с уважением, а в карманы мундира положим

несколько пистолей, чтобы он выпил за здоровье короля.

Mazarin was generous with his promises – the complete opposite of the glorious Grimaud, whom La Ramée praised so much: he said little, but did much. Мазарини был щедр на обещания – полная противоположность славному Гримо, которого так расхвалил Ла Раме: тот говорил мало, но делал много.

The cardinal bombarded La Ramée with a ton of questions about the prisoner, his quarters, how he slept, how he was fed. Кардинал забросал Ла Раме еще кучей вопросов об узнике, о его помещении, о том, как он спит, как его кормят. La Ramée gave such exhaustive answers to these questions that the cardinal let him go almost completely reassured. На эти вопросы Ла Раме дал такие исчерпывающие ответы, что кардинал отпустил его почти совсем успокоенный.

Then, as it was already nine o'clock in the morning, he rose, perfumed himself, dressed himself, and went to the queen to inform her of the reasons that had detained him. Затем, так как было уже девять часов утра, он встал, надушился, оделся и прошел к королеве, чтобы сообщить ей о причинах, задержавших его. The queen, who feared de Beaufort no less than the cardinal himself and was almost as superstitious, made him repeat word for word all the assurances of La Ramée and all the praise he had lavished on his assistant; then, when the cardinal had finished, she said in a low voice: Королева, боявшаяся де Бофора не меньше самого кардинала и почти столь же суе-

верная, заставила его повторить слово в слово все уверения Ла Раме и все похвалы, которые тот расточал своему помощнику; затем, когда кардинал кончил, сказала вполголоса:

– What a pity we don't have such a Grimaud for every prince.
– Как жаль, что у нас нет такого Гримо для каждого принца.

“Patience,” said Mazarin with his Italian smile, “perhaps someday we will achieve this, but for now...” – Терпение, – сказал Мазарини со своей итальянской улыбкой, – быть может, когда-нибудь мы этого и добьемся, а пока...

- And in the meantime? – А пока?. ..

– I will still take some precautions. – Я все же приму кое-какие меры предосторожности.

And he wrote to d'Artagnan to return immediately. И он написал д'Артаньяну, чтобы тот немедленно возвратился.

Chapter XIX Глава XIX

What did the Duke de Beaufort do for fun at the Château de Vincennes? Чем развлекался герцог де Бофор в Венсенском замке

The prisoner who inspired such fear in the cardinal and disturbed the peace of the entire court with his forty escapes had no idea of the fears that his person inspired in the Palais Royal. Узник, наводивший такой страх на кардинала и смущавший покой всего двора своими сорока способами побега, нимало не подозревал о страхах, которые внушала в Пале-Рояле его особа.

He was guarded so thoroughly that he realized the impossibility of breaking free, and his only revenge was to revile and curse Mazarin in every possible way. Его стерегли так основательно, что он понял всю невозможность вырваться на свободу, и месть его заключалась только в том, что он всячески поносил и проклинал Мазарини.

He even tried to compose poetry about him, but was soon forced to give it up. Он даже попробовал было сочинять на него стихи, но скоро принужден был отказаться от этого. Indeed, not only did Mr. de Beaufort not possess a poetic gift, but he even expressed himself in prose with the greatest difficulty. В самом деле, г-н де Бофор не только не обладал поэтическим даром, но дажеи прозой изъяснялся с величайшим трудом. It was not for nothing that Blot, a famous writer of satirical songs of that time, said of him: He thunders and sparkles in the battle, Inspiring fear in his enemies; But when we hear his speeches, Everyone has a smile on their lips. Недаром Бло, известный сочинитель сатирических песенок того времени, сказал про него:Гремит он и сверкает в сече,Своим врагам внушая страх;Когда ж его мы слышим речи,У всех усмешка на устах. Gaston is not accustomed to battle, But words are easy for him. Гастон к сражениям непривычен,Зато слова ему легки. Why is Beaufort tongue-tied? Зачем Бофор косноязычен? Why is Gaston missing an arm? Зачем Гастон лишен руки?

After this, it is clear why Beaufort limited himself to only swearing and cursing. После этого понятно, почему Бофор

ограничивался только бранью и проклятиями.

The Duke of Beaufort was the grandson of Henry IV and Gabrielle d'Estrées, as kind, brave and hot-blooded, and, most importantly, as Gascon as his grandfather, but not nearly as educated. Герцог Бофор был внук Генриха IV и Габриэли д'Эстре, такой же добрый, храбрый и горячий, а главное, такой же гасконец, как его дед, но далеко не такой образованный. After the death of Louis XIII, he was for some time the queen's favorite and confidant and played a leading role at court; but one fine day he was forced to yield the first place to Mazarin and move to the second. После смерти Людовика XIII он был некоторое время любимцем и доверенным лицом королевы и играл первую роль при дворе; но в один прекрасный день ему пришлось уступить первое место Мазарини и перейти на второе. And the next day, since he was so imprudent as to become angry, and so careless as to express his displeasure loudly, the queen ordered him to be arrested and sent to Vincennes, which was entrusted to Guiteau, the same Guiteau with whom the reader met at the beginning of our story and whom he will have the opportunity to meet again. А на другой день, так как он был настолько неблагоразумен, что рассердился, и настолько неосторожен, что высказал громко свое неудовольствие, королева велела арестовать его и отправить в Венсен, что и было поручено Гито, тому самому Гито, с которым читатель познакомился в начале нашей повести и с которым он будет иметь случай еще встретиться. It goes

without saying that when we say "queen", we mean "Mazarin". Само собой разумеется, что, говоря «королева», мы хотим сказать «Мазарини». Thus, not only did they get rid of Beaufort and his pretensions, but they completely stopped taking him into account, despite his former popularity, and now he was living for six years in the Château de Vincennes, in a room very unsuitable for a prince. Таким образом не только избавились от Бофора и его притязаний, но и совсем перестали считаться с ним, невзирая на его былую популярность, и вот он уже шестой год жил в Венсенском замке, в комнате, весьма мало подходящей для принца.

These long years, during which any other man might have come to his senses, had no effect on Beaufort. Эти долгие годы, в течение которых мог бы одуматься всякий другой человек, нисколько не повлияли на Бофора. Indeed, anyone else would have realized that if he had not persisted in his intention to compete with the cardinal, to neglect the princes and to act alone, without assistants, with the exception – in the words of Cardinal de Retz – of a few melancholic people who resemble empty dreamers, he would have long ago managed to either gain freedom or acquire supporters. В самом деле, всякий другой сообразил бы, что если бы он не упорствовал в своем намерении тягаться с кардиналом, пренебрегать принцами и действовать в одиночку, без помощников, за исключением – по выражению кардинала де Реца – нескольких меланхоликов, похожих на пустых мечтателей, то уж давно сумел бы

либо выйти на свободу, либо приобрести сторонников. But nothing of the sort occurred to the Duke of Beaufort. Но ничего подобного не приходило в голову герцогу Бофору. His long imprisonment only further embittered him against Mazarin, who received news about him every day that was not very pleasant for him. Долгое заключение только еще больше озлобило его против Мазарини, который получал о нем ежедневно не слишком приятные для себя известия.

Having failed in poetry, Beaufort turned to painting and drew a portrait of the cardinal on the wall with charcoal. Потерпев неудачу в стихотворстве, Бофор обратился к живописи и нарисовал углем на стене портрет кардинала. But since his artistic talent was very limited and did not allow him to achieve a great likeness, he, in order to avoid any doubts about the original, signed below: "Ritratto dell'illustrissimo Facchino Mazarini." Но так как его художественный талант был весьма невелики не позволял ему достигнуть большого сходства, то он, во избежание всяких сомнений относительно оригинала, подписал внизу: «Ritratto dell'illustrissimo Facchino Mazarini».

When M. de Chavigny was informed of this, he came to visit the Duke and asked him to choose some other occupation for himself, or at least to paint portraits without making signatures under them. Когда г-ну де Шавиньи доложили об этом, он явился с визитом к герцогу и попросил его выбрать себе какое-нибудь другое занятие или по крайней мере рисовать портреты, не делая под ними подписей. The very next day,

all the walls in the room were covered with both signatures and portraits. На другой же день все стены в комнате были испещрены и подписями, и портретами. The Duke of Beaufort, like all prisoners, was like a child who is always drawn to what he is forbidden. Герцог Бофор, как, впрочем, и все заключенные, был похож на ребенка, которого всегда тянет к тому, что ему запрещают.

M. de Chavigny was informed of the increase in profiles. Г-ну де Шавиньи доложили о приросте профилей. Not trusting his skill enough and not attempting to draw a face full face, Beaufort did not skimp on profiles and transformed his room into a veritable portrait gallery. Недостаточно доверяя своему умению и не пытаясь рисовать лицо анфас, Бофор не поскупился на профили и превратил свою комнату в настоящую портретную галерею. This time the commandant remained silent; but one day, when the Duke was playing ball in the courtyard, he ordered all the drawings to be erased and the walls to be re-whitewashed. На этот раз комендант промолчал; но однажды, когда герцог играл во дворе в мяч, он велел стереть все рисунки и заново побелить стены.

Beaufort thanked Chavigny for his attention to the preparation of more space for him to draw. Бофор благодарил Шавиньи за внимательность, с какой тот позаботился приготовить ему побольше места для рисования. This time he divided the room into several parts and dedicated each of them to some episode from the life of Mazarin. На этот раз он разделил комнату на

несколько частей и каждую из них посвятил какому-нибудь эпизоду из жизни Мазарини.

The first painting was supposed to depict the illustrious scoundrel Mazarin under a hail of blows from Cardinal Bentivolio, whose lackey he was. Первая картина должна была изображать светлейшего негодяя Мазарини под градом палочных ударов кардинала Бентиволио, у которого он был лакеем.

The second is the most illustrious scoundrel Mazarin, who plays the role of Ignatius Loyola in the tragedy of the same name. Вторая – светлейшего негодяя Мазарини, играющего роль Игнатия Лойолы в трагедии того же имени.

The third is the illustrious scoundrel Mazarin, stealing the portfolio of the first minister from Chavigny, who imagined that he already held it in his hands. Третья – светлейшего негодяя Мазарини, крадущего портфель первого министра у Шавиньи, который воображал, что уже держит его в своих руках.

Finally, the fourth is the most illustrious scoundrel Mazarin, who refuses to give clean sheets to Louis XIV's valet La Porte, because the French king only needs to change his sheets once every three months. Наконец, четвертая – светлейшего негодяя Мазарини, отказывающегося выдать чистые простыни камердинеру Людовика XIV Ла Порту, потому что французскому королю достаточно менять простыни раз в три месяца.

These paintings were conceived too broadly, far beyond the artist's modest talent. Эти картины были задуманы слишком

широко, совсем не по скромному таланту художника. And so for now he limited himself to just outlining the frames and making captions. А потому он пока ограничился только тем, что наметил рамки и сделал подписи.

But to irritate Mr. de Chavigny, the frames with signatures alone were enough. Но для того чтобы вызвать раздражение со стороны г-на де Шавиньи, достаточно было и одних рамок с подписями. He ordered the prisoner to be warned that if he did not give up the idea of painting the pictures he had planned, he would take away from him any opportunity to work on them. Он велел предупредить заключенного, что если тот не откажется от мысли рисовать задуманные им картины, то он отнимет у него всякую возможность работать над ними. Beaufort replied that, not having the means to gain military glory, he wanted to become famous as an artist. Бофор ответил, что, не имея средств стяжать себе военную славу, он хочет прославиться как художник. Unable to become a Bayard or a Tribulcio, he wanted to become a second Raphael or a Michelangelo. За невозможностью сделаться Баярдом или Трибульцием он желает стать вторым Рафаэлем или Микеланджело.

But one fine day, when Mr. de Beaufort was walking in the prison yard, the firewood was taken out of his room, and not only the firewood, but also the coals, and not only the coals, but even the ashes, so that, upon returning, he found absolutely nothing that could replace his pencil. Но в один прекрасный день, когда г-н де Бофор гулял в тюремном дворе, из его комнаты были

вынесены дрова, и не только дрова, но и угли, и не только угли, но даже зола, так что, вернувшись, он не нашел решительно ничего, что могло бы заменить ему карандаш.

The Duke cursed, swore, raged, and shouted that they wanted to kill him with cold and damp, as they had killed Puylaurens, Marshal Ornano, and the Grand Prior of Vendôme. Герцог ругался, проклинал, бушевал, кричал, что его хотят уморить холодом и сыростью, как уморили Пюилоранса, маршала Орнано и великого приора Вандомского. To this, Chavigny replied that the Duke only had to promise to give up painting, or at least promise not to paint historical pictures, and they would immediately bring him firewood and everything he needed for the fire. На это Шавиньи ответил, что герцогу стоит только дать слово бросить живопись или по крайней мере обещать не рисовать исторических картин, и ему сию же минуту принесут дрова и все необходимое для топки. But the Duke did not want to give this word and spent the rest of the winter in an unheated room. Но герцог не пожелал дать этого слова и провел остаток зимы в нетопленной комнате.

Moreover, one day, when Beaufort went for a walk, all his inscriptions were scraped off, and the room became white and clean, and not a trace remained of the frescoes. Более того, однажды, когда Бофор отправился на прогулку, все его надписи соскоблили, и комната стала белой и чистой, а от фресок не осталось и следа.

Then the Duke bought a dog named Pistache from one of the

guards. Тогда герцог купил у одного из сторожей собаку по имени Писташ. Since prisoners were not prohibited from having dogs, Chavigny allowed the dog to pass into the possession of another owner. Так как заключенным не запрещалось иметь собак, то Шавиньи разрешил, чтобы собака перешла во владение другого хозяина. The Duke sat locked up with it for hours at a time. Герцог по целым часам сидел с ней взаперти. It was suspected that he was training it, but no one knew what he was teaching it. Подозревали, что он занимается ее обучением, но никто не знал, чему он ее учит. Finally, when the dog was sufficiently trained, Monsieur de Beaufort invited Monsieur de Chavigny and the other officials of Vincennes to a performance which he intended to give in his room. Наконец, когда собака была достаточно выдрессирована, г-н де Бофор пригласил г-на де Шавиньи и других должностных лиц Венсена на представление, которое намеревался дать в своей комнате. The guests appeared. Приглашенные явились. The room was brightly lit; the Duke lit all the candles he could get his hands on. Комната была ярко освещена; герцог зажег все свечи, какие только ему удалось раздобыть. The performance began. Спектакль начался.

The prisoner broke a piece of plaster out of the wall and drew a long line on the floor with it, which was supposed to represent a rope. Заключенный выломил из стены кусок штукатурки и провел им по полу длинную черту, которая должна была изображать веревку. Pistache, at the first word of his master,

stood near the line, rose on his hind legs and, holding a reed in his front paws, walked along the line, grimacing like a real tightrope dancer. Писташ, по первому слову хозяина, встал около черты, поднялся на задние лапы и, держа в передних камышинку, пошел по черте, кривляясь, как настоящий канатный плясун. After walking back and forth two or three times, he gave the stick to the Duke and did the same without the balance beam. Пройдя раза два-три взад и вперед, он отдал палку герцогу и проделал то же самое без балансира.

The smart dog was awarded with applause. Умную собаку наградили рукоплесканиями.

The performance consisted of three parts. Представление состояло из трех отделений. The first ended, the second began. Первое кончилось, началось второе.

Now Pistache had to answer the question: what time is it? Теперь Писташ должен был ответить на вопрос: который час?

Chavigny showed him his watch. Шавиньи показал ему свои часы. It was half past six. Было половина седьмого. Pistache raised and lowered his paw six times, then raised it for the seventh time and held it in the air. Писташ шесть раз поднял и опустил лапу, затем в седьмой раз поднял ее и удержал на весу. It was impossible to answer more clearly: even a sundial could not show the time more accurately. Ответить яснее было невозможно: и солнечные часы не могли бы показать время точнее. Moreover, as everyone knows, they have one big drawback: you can't tell anything from them when the sun is not shining. У

них к тому же, как всем известно, есть один большой недостаток: по ним ничего не узнаешь, когда не светит солнце.

Then Pistache had to announce to the whole community who was the best jailer in France. Затем Писташ должен был объявить всему обществу, кто лучший тюремщик во Франции.

The dog walked around all those present three times and lay down most respectfully at Chavigny's feet. Собака обошла три раза всех присутствующих и почтительнейше улеглась у ног Шавиньи.

He pretended to find the joke charming and laughed through his teeth, and when he finished laughing, he bit his lips and frowned. Тот сделал вид, что находит шутку прелестной, и посмеялся сквозь зубы, а кончив смеяться, закусил губы и нахмурил брови.

Finally, the Duke asked Pistache a very tricky question: who is the greatest thief in the world? Наконец герцог задал Писташу очень мудреный вопрос: кто величайший вор на свете?

Pistache walked around the room and, without stopping in front of anyone present, ran up to the door and began scratching at it with a pitiful howl. Писташ обошел комнату и, не останавливаясь ни перед кем из присутствующих, подбежал к двери и с жалобным воем стал в нее царапаться.

"You see, gentlemen," said the Duke. – Видите, господа, – сказал герцог. "This amazing animal, not finding here the one I am asking him about, wants to leave the room. – Это изумительное животное, не найдя здесь того, о ком я его спраши-

ваю, хочет выйти из комнаты. But rest assured, you will still receive an answer. Но будьте покойны, вы все-таки получите ответ. Pistache, my friend,” continued the Duke, “come to me. Писташ, друг мой, – продолжал герцог, – подойдите ко мне.

The dog obeyed. Собака повиновалась.

- So who is the greatest thief in the world? – Так кто же величайший вор на свете? Is it not the king's secretary Le Camus, who came to Paris with twenty livres, and now has ten million? Уж не королевский ли секретарь Ле Камю, который явился в Париж с двадцатью ливрами, а теперь имеет десять миллионов?

The dog shook its head. Собака отрицательно мотнула головой.

- Then perhaps the Minister of Finance, Emery, who gave his son, Mr. Thore, a wedding gift of three hundred thousand livres and a house in comparison to which the Tuileries is a hut and the Louvre a hovel? – Тогда, быть может, министр финансов Эмери, подаривший своему сыну, господину Торе, к свадьбе ренту в триста тысяч ливров и дом, по сравнению с которым Тюильри – шалаш, а Лувр – лачуга?

The dog shook its head. Собака отрицательно мотнула головой.

“So it’s not him,” the Duke continued. – Значит, не он, – продолжал герцог. “Well, let’s look some more.” – Ну, поищем еще. “Could it be that most illustrious scoundrel Mazarin di Piscina, tell me!” Уж не светлейший ли это негодяй Мазарини

ди Пишина, скажи-ка!

Pistache raised and lowered his head a dozen times, which was supposed to mean "yes." Писташ с десятков раз поднял и опустил голову, что должно было означать «да».

"You see, gentlemen," said the Duke, turning to those present, who this time did not dare to smile even wryly, "you see that the greatest thief in the world turned out to be the most illustrious scoundrel Mazarin di Pishina." – Вы видите, господа, – сказал герцог, обращаясь к присутствующим, которые на этот раз не осмелились усмехнуться даже криво, – вы видите, что величайшим вором на свете оказался светлейший негодяй Мазарини ди Пишина. At least, that's what Pistache assures us. Так по крайней мере уверяет Писташ.

The performance continued. Представление продолжалось. "You know, of course, gentlemen," continued de Beaufort, taking advantage of the deathly silence to announce the program of the third part, "that the Duke of Guise taught all the Parisian dogs to jump over a stick in honor of Madame de Pons, whom he proclaimed the first beauty in the world. – Вы, конечно, знаете, господа, – продолжал де Бофор, пользуясь гробовым молчанием, чтобы объявить программу третьего отделения, – что герцог де Гиз выучил всех парижских собак прыгать через палку в честь госпожи де Понс, которую провозгласил первой красавицей в мире. Well, gentlemen, this is a trifle, because the dogs did not know how to make a distinction (Monsieur de Beaufort wanted to say "distinction") between the one for whom

they should jump and the one for whom they should not. Так вот, господа, это пустяки, потому что собаки не умели делать разделения (г-н де Бофор хотел сказать «различия») между той, ради кого надо прыгать, и той, ради кого не надо. Pistache will now prove to the Commandant, as well as to all of you, gentlemen, that he stands incomparably above his fellows. Писташ сейчас докажет господину коменданту, равнокак и всем вам, господа, что он стоит несравненно выше своих собратьев. Lend me your cane, please, Monsieur de Chavigny. Одолжите мне, пожалуйста, вашу тросточку, господин де Шавиньи.

Chavigny handed the cane to Monsieur de Beaufort. Шавиньи подал трость г-ну де Бофору.

Beaufort said, holding his cane horizontally a foot from the ground: Бофор сказал, держа трость горизонтально на фут от земли:

– Pistache, my friend, please jump in honor of Madame de Montbazon. – Писташ, друг мой, будьте добры прыгнуть в честь госпожи де Монбазон.

Everyone laughed: it was known that before his imprisonment, the Duke de Beaufort had openly been the lover of Madame de Montbazon. Все рассмеялись: было известно, что перед своим заключением герцог де Бофор открыто состоял любовником г-жи де Монбазон.

Pistache jumped over the stick without any difficulty. Писташ без всяких затруднений весело перескочил через палку.

“But Pistache, it seems to me, is doing the same thing as his brothers who jumped in honor of Madame de Pons,” remarked Chavigny. – Но Писташ, как мне кажется, делает то же самое, что и его собратья, прыгавшие в честь госпожи де Понс, – заметил Шавиньи.

“Wait,” said de Beaufort. – Погодите, – сказал де Бофор. “Pistache, my friend, jump in honor of the queen!” – Писташ, друг мой, прыгните в честь королевы!

And he raised his cane about six inches higher. И он поднял трость дюймов на шесть выше.

The dog jumped over her respectfully. Собака почтительно перескочила через нее.

"Pistache, my friend," said the Duke, raising his cane another six inches, "jump in honor of the King!" – Писташ, друг мой, – сказал герцог, поднимая трость еще на шесть дюймов, – прыгните в честь короля!

The dog ran up and, despite the fact that the cane was quite high from the floor, easily jumped over it. Собака разбежалась и, несмотря на то что трость была довольно высоко от полу, легко перепрыгнула через нее.

“Now, attention, gentlemen!” – Теперь внимание, господа! – continued the Duke, lowering his cane almost to the floor. – продолжал герцог, опуская трость чуть не до самого пола. – Pistache, my friend, jump in honor of the most illustrious scoundrel Mazarin di Piscin. – Писташ, друг мой, прыгните в честь светлейшего негодяя Мазарини ди Пишина.

The dog turned its back to the cane. Собака повернулась задом к трости.

“What does this mean?” – Что это значит? said the Duke, walking around the dog and again offering him the cane. – сказал герцог, обходя собаку и снова подставляя ей тросточку. “Jump, Mr. Pistache!” – Прыгайте же, господин Писташ!

But the dog again made a half-turn and stood with its back to the cane. Но собака снова сделала полуоборот и стала задом к трости.

The Duke performed the same maneuver and repeated his order. Герцог проделал тот же маневр и повторил свое приказание. But this time Pistache lost his patience. Но на этот раз Писташ вышел из терпения. He furiously rushed at the cane, tore it from the Duke's hands and bit it in half. Он яростно бросился на трость, вырвал ее из рук герцога и перегрызпополам.

Beaufort took the fragments from his mouth and, with the most serious air, handed them to Monsieur de Chavigny, showering him with apologies and saying that the performance was over, but that in about three months, if he wished to attend the performance, Pistache would learn new tricks. Бофор взял из его пасти обломки и с самым серьезным видом подал их г-ну де Шавиньи, рассыпаясь в извинениях и говоря, что представление окончено, но что месяца через три, если ему угодно будет посетить представление, Писташ выучится новым штукам.

Three days later the dog was poisoned. Через три дня собаку отравили.

They looked for the culprit, but, of course, they never found him. Искали виновного, но, конечно, так и не нашли.

Beaufort ordered a monument to be erected on the dog's grave with the inscription: "Here lies Pistache, the most intelligent of all dogs in the world." Бофор велел воздвигнуть на могиле собаки памятник с надписью: «Здесь лежит Писташ, самая умная из всех собак на свете».

There was nothing to object to the praise, and Chavigny did not protest. Против хвалы возразить было нечего, и Шавиньи не протестовал.

Then the Duke began to say publicly that they had tested the poison prepared for him on his dog; and one day, after dinner, he threw himself into bed, screaming that he had colic and that Mazarin had ordered him to be poisoned. Тогда герцог стал говорить во всеуслышание, что на его собаке проверяли яд, приготовленный для него самого; и однажды, после обеда, кинулся в постель, крича, что у него колики и что Мазарини велел его отравить.

Upon learning of this new trick of Beaufort, the cardinal was terribly frightened. Узнав об этой новой проделке Бофора, кардинал страшно перепугался. The fortress of Vincennes was considered a very unhealthy place: Madame de Rambouillet once said that the cell in which Puylaurens, Marshal Ornano and the Grand Prior of Vendôme died was worth its weight in arsenic,

and these words were repeated in every possible way. Венсен-ская крепость считалась очень нездоровым местом: г-жа де Рамбулье сказала как-то, что камера, в которой умерли Пю-илоранс, маршал Орнано и великий приор Вандомский, ценится на вес мышьяка, и эти слова повторялись на все лады. Therefore, Mazarin ordered that the food and wine that were served to the prisoner be tasted beforehand in his presence. А потому Мазарини распорядился, чтобы кушанья и вино, которые подавались заключенному, предварительно пробовались при нем. It was then that the officer La Ramée was assigned to the Duke as a taster. Вот тогда-то и приставили к герцогу офицера Ла Раме в качестве дегустатора.

The commandant, however, did not forgive the Duke for his insolence, for which the innocent Pistache had already paid. Командант, однако, не простил герцогу его дерзостей, за которые уже поплатился ни в чем не повинный Писташ. Chavigny was the favorite of the late cardinal; they even assured him that he was his son, and therefore he knew how to oppress famously. Шавиньи был любимцем покойного кардинала; уверяли даже, что он его сын, а потому притеснять умел на славу. He began to take revenge on Beaufort and first of all ordered that his silver forks be replaced with wooden ones, and his steel knives with silver ones. Он начал мстить Бофору и прежде всего велел заменить его серебряные вилки деревянными, а стальные ножи – серебряными. Beaufort expressed his displeasure to him. Бофор выказал ему свое неудовольствие. Chavigny ordered him

to tell him that since the cardinal had recently informed Madame de Vendôme that her son was imprisoned in the castle for life, he, Chavigny, was afraid that the duke, having learned this sad news, would decide to attempt on his life. Шавиньи велел ему передать, что так как кардинал на днях сообщил г-же де Вандом, что ее сын заключен в замок пожизненно, то он, Шавиньи, боится, как бы герцог, узнав эту горестную новость, не вздумал посягнуть на свою жизнь. Two weeks after this, Beaufort saw that the road to the place where he played ball was planted with two rows of branches as thick as a little finger. Недели через две после этого Бофор увидел, что дорога к тому месту, где он играл в мяч, усажена двумя рядами веток толщиной в мизинец. When he asked why they were planted, he was told that someday shady trees would grow there for him trees. Когда он спросил, для чего их насадили, ему ответили, что здесь когда-нибудь разрастутся для него тенистые деревья. Finally, one morning a gardener came to Beaufort and, as if wishing to please him, announced that he had planted asparagus for him. Наконец, раз утром к Бофору пришел садовник и, как бы желая обрадовать его, объявил, что посадил для него спаржу. Asparagus, as is well known, grows even now in four years, but in those times, when gardening was less perfect, it took five years. Спаржа, как известно, вырастает даже теперь через четыре года, а в те времена, когда садоводство было менее совершенным, на это требовалось пять лет. Such courtesy infuriated the Duke. Такая любезность привела герцога в ярость.

He came to the conclusion that the time had come for him to resort to one of his forty ways of escaping from prison, and he chose to begin with the simplest of them - bribing La Ramee. Он пришел к заключению, что для него наступила пора прибегнуть к одному из своих сорока способов бегства из тюрьмы, и выбрал для начала самый простой из них – подкуп Ла Раме. But La Ramee, who had paid fifteen hundred crowns for his officer's rank, valued it very much. Но Ла Раме, заплативший за свой офицерский чин полторы тысячи экю, очень дорожил им. Therefore, instead of helping the prisoner, he rushed with a report to Chavigny, who immediately ordered the number of sentries to be doubled, the posts to be tripled, and eight guards to be placed in Beaufort's room. А потому, вместо того чтобы помочь заключенному, он кинулся с докладом к Шавиньи, и тот немедленно распорядился удвоить число часовых, утроить посты и поместить восемь сторожей в комнате Бофора. From then on, the Duke walked with his retinue like a theatrical king on the stage: four people in front and four behind, not counting the rear guards. С этих пор герцог ходил со свитой, как театральный король на сцене: четыре человека впереди и четыре позади, не считая замыкающих.

At first, Beaufort laughed at this severity: it amused him. Вначале Бофор смеялся над этой строгостью: она забавляла его. "It's ridiculous," he said, "it gives me variety (Mr. de Beaufort wanted to say: "it entertains me," but, as we already know, he did not always say what he wanted to say). «Это преуморительно,

– говорил он, – это меня разнообразит (г-н де Бофор хотел сказать: «меня развлекает», но, как мы уже знаем, он говорил не всегда то, что хотел сказать). Besides,” he added, “when I get tired of all these honors and want to get rid of them, I will use one of the remaining thirty-nine methods.” К тому же, – добавлял он, – когда мне наскучат все эти почести и я захочу избавиться от них, то пушу в ход один из оставшихся тридцати девяти способов».

But soon this entertainment became a torment for him. Но скоро это развлечение стало для него мукой. He maintained his character of bragging for about six months; but in the end, constantly seeing eight people around him, who sat down when he sat down, stood up when he stood up, stopped when he stopped, the Duke began to frown and count the days. Из бахвальства он выдерживал характер с полгода; но в конце концов, постоянно видя возле себя восемь человек, которые садились, когда он садился, вставали, когда он вставал, останавливались, когда он останавливался, герцог начал хмуриться и считать дни.

This new embarrassment further increased the Duke's hatred of Mazarin. Это новое стеснение еще усилило ненависть герцога к Мазарини. He cursed him from morning until night and repeated that he would cut off his ears. Он проклинал его с утра до ночи и твердил, что обрежет ему уши. It was truly terrible to listen to him. Положительно, страшно было слушать его. And Mazarin, who was informed of everything that was happening

in Vincennes, involuntarily pulled his cardinal's hat deeper. И Мазарини, которому доносили обо всем, происходившем в Венсене, невольно поглубже натягивал свою кардинальскую шапку.

Once the Duke gathered all the guards and, despite his inability to express himself clearly and coherently (an inability that had even become proverbial), addressed them with a speech which, to tell the truth, had been prepared in advance. Раз герцог собрал всех сторожей и, несмотря на свое неумение выражаться толково и связно (неумение, вошедшее даже в поговорку), обратился к ним с речью, которая, сказать правду, была приготовлена заранее.

– Gentlemen! – Господа! – he said. – сказал он. – Will you really tolerate insults and subjecting to baseness (he wanted to say: “humiliation”) the grandson of the good King Henry the Fourth? – Неужели вы потерпите, чтобы оскорбляли и подвергали низостям (он хотел сказать: «унижениям») внука доброго короля Генриха Четвертого? The devil take it, as my grandfather used to say. Черт р-раз-дери, как говаривал мой дед. Do you know that I almost reigned in Paris? Знаете ли вы, что я почти царствовал в Париже? The King and the Duke of Orleans were under my protection for a whole day. Под моей охраной находились в течение целого дня король и герцог Орлеанский. The Queen was very merciful to me at that time and called me the most honest man in the state. Королева в те времена была очень милостива ко мне и называла ме-

ня честнейшим человеком в государстве. Now, gentlemen, set me free. Теперь, господа, выпустите меня на свободу. I will go to the Louvre, wring Mazarin's neck, and make you my guards, promote you all to officers and appoint a good salary. Я пойду в Лувр, сверну шею Мазарини, а вас сделаю своими гвардейцами, произведу всех в офицеры и назначу хорошее жалование. The devil take it! Черт р-раз-дери! Forward, March! Вперед, марш!

But no matter how touching the eloquence of the grandson of Henry IV was, it did not touch these stony hearts. Но как ни трогательно было красноречие внука Генриха IV, оно не тронуло эти каменные сердца. None of the guards moved. Никто из сторожей и не шелохнулся. Then Beaufort called them fools and made them all his mortal enemies. Тогда Бофор обозвал их болванами и сделал их всех своими смертельными врагами.

Whenever Chavigny came to the Duke – and he came to him two or three times a week – the Duke did not miss the opportunity to intimidate him. Всякий раз, когда Шавиньи приходил к герцогу, – а он являлся к нему раза два-три в неделю, – тот не упускал случая постращать его.

“What will you do,” he said, “if one fine day an army of Parisians, clad in iron and armed with muskets, comes here to free me?” – Что сделаете вы, – говорил он, – если в один прекрасный день сюда явится армия закованных в железо и вооруженных мушкетами парижан, чтобы освободить меня?

“Your Highness,” answered Chavigny with a low bow, “I have

twenty cannons on the rampart, and thirty thousand rounds of ammunition in the casemates.” – Ваше высочество, – отвечал с низким поклоном Шавиньи, – у меня на валу двадцать пушек, а в казематах тридцать тысяч зарядов. I will try to shoot as well as I can. Я постараюсь стрелять как можно лучше.

“And when you have fired all your charges, they will still take the fortress, and I will have to allow them to hang you, which, of course, will be extremely regrettable to me.” – А когда вы выпустите все свои заряды, они все-таки возьмут крепость, и мне придется разрешить им повесить вас, что мне, конечно, будет крайне прискорбно.

And the Duke, in turn, made the most exquisite bow. И герцог, в свою очередь, отвешивал самый изысканный поклон.

“And I, your Highness,” Chavigny objected, “as soon as the first of these idlers climbs the rampart or steps into the underground passage, I will be forced, to my greatest regret, to kill you with my own hands, since you are entrusted to my special supervision and I am obliged to keep you alive or dead.” – А я, ваше высочество, – возражал Шавиньи, – как только первый из этих бездельников взберется на вал или ступит в подземный ход, буду принужден, к моему величайшему сожалению, собственноручно убить вас, так как вы поручены моему особому надзору и я обязан сохранить вас живого или мертвого.

Here he bowed again to his lordship. Тут он снова кланялся его светлости.

“Yes,” continued the Duke. – Да, – продолжал герцог. “But

since these fellows, getting ready to come here, will first, of course, hang Giulio Mazarin on the gallows, you will not dare touch me and will leave me alive for fear that the Parisians will tie you by the hands and feet to four horses and tear you to pieces, which will be, perhaps, even worse than the gallows.” – Но так как эти молодцы, собираясь идти сюда, предварительно, конечно, вздернут на виселицу Джулио Мазарини, то вы не посмеете ко мне прикоснуться и оставите меня в живых из страха, как бы парижане не привязали вас за руки и за ноги к четверке лошадей и не разорвали на части, что будет, пожалуй, еще хуже виселицы.

Such bittersweet jokes continued for ten minutes, a quarter of an hour, twenty minutes at the most. Такие кисло-сладкие шуточки продолжались минут десять, четверть часа, самое большее двадцать минут. But the conversation always ended the same way. Но заканчивался разговор всегда одинаково.

“Hey, La Rame!” – Эй, Ла Раме! shouted Chavigny, turning towards the door. – кричал Шавиньи, обернувшись к двери.

La Rame entered. Ла Раме входил.

“I entrust the Duke de Beaufort, La Ramée, to your special attention,” said Chavigny. – Поручаю вашему особому вниманию герцога де Бофора, Ла Раме, – говорил Шавиньи. “Treat him with all the respect due to his name and high rank, and therefore do not lose sight of him for a moment.” – Обращайтесь с ним со всем уважением, приличествующим его имени и высокому сану, и потому ни на минуту не теряйте его из

виду.

And he left with an ironic bow, which drove the Duke into a terrible rage. И он удалялся с ироническим поклоном, приводившим герцога в страшную ярость.

Thus, La Ramee became the Duke's constant companion, his constant guard, his shadow. Таким образом, Ла Раме сделался непременно собеседником герцога, его бессменным стражем, его тенью. But it must be said that the company of La Ramee, a dashing fellow, a cheerful conversationalist and drinking companion, an excellent ball player and, in essence, a nice guy, who, from the point of view of Mr. de Beaufort, had only one serious flaw - incorruptibility, did not at all embarrass the Duke and even served as entertainment for him. Но надо сказать, что общество Ла Раме, разбитного малого, веселого собеседника и собутыльника, прекрасного игрока в мяч и, в сущности, славного парня, имевшего, с точки зрения г-на де Бофора, только один серьезный недостаток – неподкупность, вовсе не стесняло герцога и даже служило ему развлечением.

Unfortunately, La Ramée himself felt differently. К несчастью, сам Ла Раме относился к этому иначе. Although he appreciated the honor of being locked up with such an important prisoner, the pleasure of having the grandson of Henry IV as his friend still could not replace the pleasure of visiting his family from time to time. Хотя он и ценил честь сидеть взаперти с таким важным узником, но удовольствие иметь своим приятелем внука Генриха IV все-таки не могло заменить ему удо-

вольствие навещать от времени до времени свою семью.

One can be an excellent servant of the king and at the same time a good husband and father. Можно быть прекрасным слугой короля и в то же время хорошим мужем и отцом. And La Ramee dearly loved his wife and children, whom he saw only from the fortress walls, when, wanting to give him consolation as a father and husband, they walked on the other side of the moat. А Ла Раме горячо любил свою жену и детей, которых видел только с крепостных стен, когда они, желая доставить ему утешение как отцу и супругу, прохаживались по ту сторону рва. This, of course, was too little, and La Ramee felt that his cheerfulness (which he was accustomed to consider the cause of his excellent health, without thinking that it was rather a consequence of it) would not last long with such a way of life. Этого, конечно, было слишком мало, и Ла Раме чувствовал, что его жизнерадостности (которую он привык считать причиной своего прекрасного здоровья, не задумываясь над тем, что она скорее являлась его следствием) хватит ненадолго при таком образе жизни. When the relationship between the Duke and Chavigny became so strained that they stopped seeing each other altogether, La Ramee fell into despair: now all responsibility for Beaufort fell on him alone. Когда же отношения между герцогом и Шавиньи обострились до того, что они совсем перестали видеться, Ла Раме пришел в отчаяние: теперь вся ответственность за Бофора легла на него одного. And since, as we said, he wanted to have at least an occasional

day off, he enthusiastically responded to the offer of his friend, the steward of Marshal Grammont, recommend him an assistant. А так как ему, как мы говорили, хотелось иметь хоть изредка свободный денек, то он с восторгом отнесся к предложению своего приятеля, управителя маршала Граммона, порекомендовать ему помощника. Chavigny, to whom La Rame turned for permission, said that he would be happy to give it, if, of course, the candidate turned out to be suitable. Шавиньи, к которому Ла Раме обратился за разрешением, сказал, что охотно даст его, если, разумеется, кандидат окажется подходящим.

We consider it superfluous to describe to our readers the appearance and character of Grimaud. Мы считаем излишним описывать читателям наружность и характер Гримо. If, as we hope, they have not forgotten the first part of our story, they will probably have retained a fairly clear idea of this worthy man, who has changed only in that he has aged twenty years and, thanks to this, has become even more sullen and silent. Если, как мы надеемся, они не забыли первой части нашей истории, у них, наверное, сохранилось довольно ясное представление об этом достойном человеке, который изменился только тем, что постарел на двадцать лет и благодаря этому стал еще угрюмее и молчаливее. Although Athos, since the change took place in him, allowed Grimaud to speak, the latter, who had communicated by signs for ten or fifteen years, had become so accustomed to silence that this habit became his second nature.

Хотя Атос, с тех пор как в нем совершилась перемена, и позволил Гримо говорить, но тот, объяснявшийся знаками в течение десяти или пятнадцати лет, так привык к молчанию, что эта привычка стала его второй натурой.

Chapter XX Глава XX

Grimaud Enters the Service Гримо поступает на службу

So, with such a favorable appearance, Grimaud appeared at the Vincennes fortress. Итак, обладающий столь благоприятной внешностью Гримо явился в Венсенскую крепость. Chavigny considered himself infallible in his ability to recognize people, and this could, perhaps, serve as proof that he really was the son of Richelieu, who also considered himself an expert in these matters. Шавиньи мнил себя непогрешимым в умении распознавать людей, и это могло, пожалуй, служить доказательством, что он действительно был сыном Ришелье, который тоже считал себя знатоком в этих делах. He carefully examined the petitioner and came to the conclusion that Grimaud's fused eyebrows, thin lips, hooked nose and prominent cheekbones testified in his favor. Он внимательно осмотрел просителя и пришел к заключению, что сросшиеся брови, тонкие губы, крючковатый нос и выдающиеся скулы Гримо свидетельствуют как нельзя больше в его пользу. In questioning him, Chavigny uttered twelve words; Grimaud answered with only four. Расспрашивая его, Шавиньи произнес двенадцать слов; Гримо отвечал всего четырьмя.

“Here is a sensible fellow, I noticed that at once,” said Chavigny. — Вот разумный малый, я это сразу заметил, — сказал Шавиньи. “Go now to Monsieur La Rame and try to win his approval. — Ступайте теперь к господину Ла Раме и постарайтесь заслужить его одобрение. You can tell him that I find you suitable in every respect. Можете сказать ему, чтоя нахожу вас подходящим во всех отношениях.

Grimaud turned on his heel and went to La Ramée to undergo a more rigorous examination. Гримо повернулся на каблуках и отправился к Ла Раме, чтобы подвергнуться более строгому осмотру. It was much more difficult to please La Ramée. Понравиться Ла Раме было гораздо труднее. Just as Chavigny relied entirely on La Ramée, so the latter wanted to find a man on whom he could rely. Как Шавиньи всецело полагался на Ла Раме, так и последнему хотелось найти человека, на которого мог бы положиться он сам.

But Grimaud possessed just the right qualities to entice a prison warden choosing an assistant. Но Гримо обладал как раз всеми качествами, которыми можно прельстить тюремного надзирателя, выбирающего себе помощника. And finally, after many questions, to which only a quarter as many answers were given, La Ramee, delighted with such moderation in words, rubbed his hands cheerfully and accepted Grimaud into his service. И в конце концов, после множества вопросов, на которые было дано вчетверо меньше ответов, Ла Раме, восхищенный такой умеренностью в словах, весело потер себе ру-

ки и принял Гримо на службу.

– Instructions? – Предписания? – asked Grimaud. – спросил Гримо.

- Here: never leave a prisoner alone, take away from him anything sharp or cutting, do not allow him to make signs to strangers or talk for too long with the guards. – Вот: никогда не оставлять заключенного одного, отбирать у него все колющее или режущее, не позволять ему подавать знаки посторонним лицам или слишком долго разговаривать со сторожами.

– All? – Все? – asked Grimaud. – спросил Гримо.

“That’s all for now,” La Rame replied. – Пока все, – ответил Ла Раме. “Circumstances will change, and so will the regulations.” – Изменяться обстоятельства, изменятся и предписания.

“Okay,” said Grimaud. – Хорошо, – сказал Гримо.

And he entered the Duke de Beaufort's room. И он вошел к герцогу де Бофору.

At that moment he was combing his hair. Тот в это время причесывался. Wanting to annoy Mazarin, he did not cut his hair and grew a beard, showing off how badly he was living and how unhappy he was. Желая досадить Мазарини, он не стриг волос и отпустил бороду, выставя напоказ, как ему худо живется и как он несчастен. But a few days ago, looking from a high tower, he seemed to have made out in the window of a passing carriage the features of the beautiful Madame de

Montbazon, the memory of which was still dear to him. Но несколько дней назад, глядя с высокой башни, он как будто разобрал в окне проезжавшей мимо кареты черты прекрасной г-жи де Монбазон, память о которой была ему все еще дорога. So, since he wanted to make a completely different impression on her than on Mazarin, he, in the hope of seeing her again, ordered a lead comb to be brought to him, which was done. Итак как ему хотелось произвести на нее совсем другое впечатление, чем на Мазарини, то он, в надежде еще раз увидеть ее, велел подать себе свинцовую гребенку, что и было исполнено.

Mr. de Beaufort demanded a lead comb because, like all blond men, his beard was somewhat reddish: when he combed it, he dyed it at the same time. Г-н де Бофор потребовал именно свинцовую гребенку, потому что у него, как и у всех блондинов, борода была несколько рыжевата: расчесывая, он ее одновременно красил.

Grimaud, entering his room, saw the comb which the Duke had just placed on the table; Grimaud bowed low and took it. Гримо, войдя к нему, увидел гребенку, которую герцог только что положил на стол; Гримо низко поклонился и взял ее.

The Duke looked at this strange figure in surprise. Герцог с удивлением взглянул на эту странную фигуру.

The figure put the comb in its pocket. Фигура положила гребенку в карман.

- Hey there! – Эй, там! Someone! Кто-нибудь! What does

this mean? Что это значит? - shouted Beaufort. – крикнул Бофор. - Where did this fool come from? – Откуда взялся этот дурень?

Grimaud, without answering, bowed again. Гримо, не отвечая, еще раз поклонился.

“Are you mute or something?” – Немой ты, что ли? – shouted the Duke. – закричал герцог.

Grimaud shook his head. Гримо отрицательно покачал головой.

- Who are you? – Кто же ты? Answer now! Отвечай сейчас! I command! Я приказываю!

“The watchman,” said Grimaud. – Сторож, – сказал Гримо.
– Watchman! – Сторож! – repeated the Duke. – повторил герцог. – Just the kind of hanged man I need in my collection! – Только такого висельника и недоставало в моей коллекции! Hey! Эй! La Rame... someone! Ла Раме... кто-нибудь!

La Ramee entered the room hurriedly. Ла Раме торопливо вошел в комнату. Unfortunately for the Duke, La Ramee, relying entirely on Grimaud, was about to leave for Paris; he was already in the courtyard and returned with great displeasure. К несчастью для герцога, Ла Раме, вполне полагаясь на Гримо, собрался ехать в Париж; он был уже во дворе и вернулся с большим неудовольствием.

“What happened, Your Highness?” – Что случилось, ваше высочество? he asked. – спросил он.

“What kind of idler is this?” – Что это за бездельник? “Why

did he take my comb and put it in his pocket?” Зачем он взял мою гребенку и положил к себе в карман? asked de Beaufort. – спросил де Бофор.

“He is one of your guards, Your Highness, and a very worthy man. – Он один из ваших сторожей, ваше высочество, и очень достойный человек. I hope you will appreciate him as much as Monsieur de Chavigny... Надеюсь, вы оцените его так же, как и господин де Шавиньи...”

- Why did he take my comb? – Зачем он взял у меня гребенку?

“Indeed, why did you take the comb from His Highness?” – В самом деле, с какой стати взяли вы гребенку у его высочества? asked La Rame. – спросил Ла Раме.

Grimaud took a comb out of his pocket, ran his fingers over it and, pointing to the outermost tooth, answered only: Гримо вынул из кармана гребенку, провел по ней пальцами и, указывая на крайний зубец, ответил только:

- Colet. – Колет.

“That’s true,” said La Rame. – Верно, – сказал Ла Раме.

“What does this brute say?” – Что говорит эта скотина? asked the Duke. – спросил герцог.

- That the king did not allow sharp objects to be given to your highness. – Что король не разрешил давать вашему высочеству острые предметы.

- What, are you crazy, La Rame? – Что вы, с ума сошли, Ла Раме? After all, you yourself brought me this comb. Ведь вы же

сами принесли мне эту гребенку.

- And in vain. – И напрасно. By giving it to you, I myself violated my order. Давая ее вам, я сам нарушил свой приказ.

The Duke looked furiously at Grimaud, who gave the comb to La Rame. Герцог в бешенстве поглядел на Гримо, который отдал гребенку Ла Раме.

“I feel that I shall come to hate this rascal very much,” muttered de Beaufort. – Я чувствую, что сильно возненавижу этого мошенника, – пробормотал де Бофор.

Indeed, in prison every feeling reaches its extreme. Действительно, в тюрьме всякое чувство доходит до крайности. After all, everything there – both people and things – is either our enemy or our friend, so there one either loves or hates, sometimes with reason, and more often instinctively. Ведь там всё – и люди, и вещи – либо враги наши, либо друзья, поэтому там или любят, или ненавидят, иногда имея основания, а чаще инстинктивно. So, for the simple reason that Grimaud pleased Chavigny and La Ramée at first sight, he was bound to displease Beaufort, for the virtues he possessed in the eyes of the commandant and the warden were shortcomings in the eyes of the prisoner. Итак, по той простой причине, что Гримо с первого взгляда понравился Шавиньи и Ла Раме, он должен был не понравиться Бофору, ибо достоинства, которыми он обладал в глазах коменданта и надзирателя, были недостатками в глазах узника.

However, Grimaud did not want to quarrel with the prisoner from the first day: he needed not angry outbursts from the Duke,

but persistent, long-term hatred. Однако Гримо не хотел с первого дня ссориться с заключенным: ему нужны были не гневные вспышки со стороны герцога, а упорная, длительная ненависть.

And he left, giving up his place to the four guards, who, having finished breakfast, returned to guard the prisoner. И он удалился, уступив свое место четырем сторожам, которые, покончив с завтраком, вернулись караулить узника.

The Duke, for his part, was preparing a new trick, on which he was counting greatly. Герцог, со своей стороны, готовил новую проделку, на которую очень рассчитывал. The next day he ordered crayfish for breakfast and wanted to have a small gallows erected in his room by that time, in order to hang the best crayfish on it. На следующий день он заказал к завтраку раков и хотел соорудить к этому времени в своей комнате маленькую виселицу, чтобы повесить на ней самого лучшего рака. The red color of the boiled crayfish will be a hint for everyone, and the Duke will have the pleasure of executing the Cardinal in absentia until the opportunity arises to hang him in reality. По красному цвету вареного рака всякий поймет намек, и герцог будет иметь удовольствие произвести заочную казнь над кардиналом, пока не явится возможность повесить его в действительности. In this case, the Duke could only be reproached for hanging the crayfish. При этом герцога можно будет упрекнуть разве лишь в том, что он повесил рака.

All day long de Beaufort was busy preparing for the execution.

Целый день де Бофор занимался приготовлениями к казни. In prison, everyone becomes a child, and the Duke, more than anyone else, was inclined to this. В тюрьме каждый становится ребенком, а герцог больше, чем кто-либо другой, был склонен к этому. During his usual walk, he broke off two or three thin twigs that he needed and, after a long search, found a piece of glass - a find that gave him great pleasure - and, returning to his room, pulled out several threads from his handkerchief. Во время своейобычной прогулки он сломал нужные ему две-три тоненькие веточки и после долгих поисков нашел осколок стекла – находка, доставившая ему большое удовольствие, – а вернувшись к себе, выдернул несколько ниток из носового платка.

None of these details escaped Grimaud's keen eye. Ни одна из этих подробностей не ускользнула от проницательного взгляда Гримо.

The next morning the gallows was ready, and in order to install it on the floor, the Duke began to plane its lower end with his splinter. На другой день утром виселица была готова, и, чтобы установить ее на полу, герцог стал обстругивать ее нижний конец своим осколком.

La Ramee watched him with the curiosity of a father hoping to see a game with which he can later amuse his children, and the four guards watched him with that idle air which has always been and continues to be the distinguishing mark of a soldier. Ла Раме следил за ним с любопытством отца семейства, рас-

считывающего увидеть забаву, которой впоследствии можно будет потешить детей, а четыре сторожа – с тем праздным видом, какой во все времена служил и служит отличительным признаком солдата.

Grimaud entered at the moment when the Duke, not yet having completely planed the end of his gallows, put aside the glass and began to tie a thread to the crossbar. Гримо вошел в ту минуту, когда герцог, еще не совсем обстругав конец своей виселицы, отложил стекло и стал привязывать к перекладине нитку.

He cast a quick glance at Grimaud as he entered, in which yesterday's displeasure was still noticeable, but immediately returned to his work, enjoying in advance the impression that his new invention would make. Он бросил на вошедшего Гримо быстрый взгляд, в котором еще было заметно вчерашнее неудовольствие, но тотчас же вернулся к своей работе, заранее наслаждаясь впечатлением, какое произведет его новая выдумка.

Having made a loop on one end of the thread and a sliding loop on the other, the Duke examined the crayfish, chose the most magnificent one by eye and turned to take the glass. Сделав на одном конце нитки мертвую петлю, а на другом скользящую, герцог осмотрел раков, выбрал на глаз самого великолепного и обернулся, чтобы взять стекло.

The glass has disappeared. Стекло исчезло.

“Who took my glass?” – Кто взял мое стекло? asked the

Duke, frowning. – спросил герцог, нахмутив брови.

Grimaud pointed at himself. Гримо показал на себя.

- What, you again? – Как, опять ты? - exclaimed the Duke.
– воскликнул герцог. - Why did you take him? – Зачем же ты взял его?

“Yes,” asked La Ramee, “why did you take the glass from His Highness?” – Да, – спросил Ла Раме, – зачем вы взяли стекло у его высочества?

Grimaud ran his finger across the glass and limited himself to one word: Гримо провел пальцем по стеклу и ограничился одним словом:

– It cuts! – Режет!

“But he’s right, Monsignor,” said La Rame. – А ведь он прав, монсеньор, – сказал Ла Раме. “Oh, damn it!” – Ах, черт возьми! “This guy is priceless!” Да этому парню цены нет!

“Monsieur Grimaud, I ask you, in your own interests, to keep such a distance from me that I cannot reach you with my hand,” said the Duke. – Господин Гримо, прошу вас, в ваших собственных интересах, держаться от меня на таком расстоянии, чтобы я не мог вас достать рукой, – сказал герцог.

Grimaud bowed and walked to the far corner of the room. Гримо поклонился и отошел в дальний угол комнаты.

“Come, come, my lord!” – Полноте, полноте, монсеньор! said La Rame. – сказал Ла Раме. “Give me your gallows, and I will plan it with my knife.” – Дайте мне вашу виселицу, и я обстругаю ее своим ножом.

“You?” – Вы? – the Duke asked with a laugh. – со смехом спросил герцог.

- Yes, I did. – Да, я. After all, that’s what you wanted to do? Ведь это вы и хотели сделать?

- Of course. – Конечно. If you please, my dear La Ramee. Извольте, мой милый Ла Раме. It will be even funnier. Это выйдет еще забавнее.

La Ramee, who did not understand the Duke's exclamation, carefully planed the leg of the gallows. Ла Раме, не понявший восклицания герцога, самым тщательным образом обстругал ножку виселицы.

“Excellent,” said the Duke. – Отлично, – сказал герцог. “Now drill a hole in the floor, and I will prepare the criminal.” – Теперь просверлите дырочку в полу, а я приготовлю преступника.

La Ramee dropped to one knee and began to pick at the floor. Ла Раме опустился на одно колено и стал ковырять пол.

The Duke at this time hung the crayfish on a string. Герцог в это время повесил рака на нитку. Then, with a loud laugh, he erected the gallows in the middle of the room. Потом он с громким смехом водрузил виселицу посреди комнаты.

La Ramee also laughed heartily, without knowing why, and the guards echoed him. Ла Раме тоже от души смеялся, сам не зная чему, и сторожа вторили ему. Only Grimaud did not laugh. Не смеялся один только Гримо. He approached La Ramee and, pointing to the crayfish spinning on a thread, said:

Он подошел к Ла Раме и, указывая на рака, крутившегося на нитке, сказал:

- Cardinal? – Кардинал?

“Hanged by His Highness the Duke de Beaufort,” the Duke continued, laughing even louder, “and by the king’s officer Jacques-Chrysostom La Ramee!” – Повешенный его высочеством герцогом де Бофором, – подхватил герцог, хохоча еще громче, – и королевским офицером Жаком-Кризостомом Ла Раме!

La Ramee, with a cry of horror, rushed to the gallows, tore it from the floor, broke it into small pieces, and threw it out of the window. Ла Раме с криком ужаса бросился к виселице, вырвал ее из пола и, разломав на мелкие кусочки, выбросил в окно. In his haste, he almost threw the crayfish there too, but Grimaud took it from his hands. Второпях он чуть не бросил туда же и рака, но Гримо взял его у него из рук.

“You can eat it,” he said, putting the crayfish in his pocket. – Можно съесть, – сказал он, кладя рака себе в карман.

This whole scene gave the Duke such pleasure that he almost forgave Grimaud the role he played in it. Вся эта сцена доставила герцогу такое удовольствие, что он почти простил Гримо роль, которую тот в ней сыграл. But then, having thought carefully about the intentions that prompted the guard to act this way, and recognizing them as bad, he was filled with even greater hatred towards him. Но затем, подумав хорошенько о намерениях, которые побудили сторожа так поступить, и признав

их дурными, он проникся к нему еще большей ненавистью.

To La Ramée's great chagrin, this story became known not only within the fortress itself, but also beyond its borders. К величайшему огорчению Ла Раме, история эта получила огласку не только в самой крепости, но и за ее пределами. Mr. de Chavigny, who hated the cardinal in his heart, considered it his duty to tell this amusing incident to two or three of his well-intentioned friends, and they immediately spread it. Г-н де Шавиньи, в глубине души ненавидевший кардинала, счел долгом рассказать этот забавный случай двум-трем благонамеренным своим приятелям, а те его немедленно разгласили.

Thanks to this, the Duke felt quite happy for several days. Благодаря этому герцог чувствовал себя вполне счастливым в течение нескольких дней.

Meanwhile, the Duke noticed among his guards a man with a rather good-natured face and began to appease him, especially since he hated Grimaud more and more every day. Между тем герцог усмотрел среди своих сторожей человека с довольно добродушным лицом и принялся его задабривать, тем более что Гримо он ненавидел с каждым днем все больше. One morning, the Duke, accidentally left alone with this guard, began to talk to him, when suddenly Grimaud entered, looked at the interlocutors, then respectfully approached them and took the guard by the hand. Однажды поутру герцог, случайно оставшись наедине с этим сторожем, начал разговаривать с ним, как вдруг вошел Гримо, поглядел на собеседников, затем по-

почтительно подошел к ним и взял сторожа за руку.

“What do you want from me?” – Что вам от меня нужно? – the Duke asked sharply. – резко спросил герцог.

Grimaud took the guard aside and pointed to the door. Гримо отвел сторожа в сторону и указал ему на дверь.

- Go! – Ступайте! - he said. – сказал он.

The watchman obeyed. Сторож повиновался.

“You are unbearable!” – Вы несносны! exclaimed the Duke. – воскликнул герцог. “I’ll teach you a lesson!” – Я вас проучу!

Grimaud bowed respectfully. Гримо почтительно поклонился.

“Mr. Spy, I will break all your bones!” – Господин шпион, я переломая вам все кости! – shouted the angry Duke. – закричал разгневанный герцог.

Grimaud leaned over again and took a few steps back. Гримо снова наклонился и отступил на несколько шагов.

- Mister Spy! – Господин шпион! I will strangle you with my own hands! Я задушу вас собственными руками!

Grimaud, bowing again, took a few more steps back. Гримо с новым поклоном сделал еще несколько шагов назад.

“And right now... this very minute!” – И сейчас же... сию же минуту! – exclaimed the Duke, finding it better to finish it at once. – воскликнул герцог, находя, что лучше покончить разом.

He rushed, clenching his fists, towards Grimaud, who hastily pushed the guard out and locked the door behind him. Он бро-

сил, сжав кулаки, к Гримо, который поспешно вытолкнул сторожа и запер за ним дверь.

At that very moment the Duke's hands fell heavily on his shoulders and squeezed them like a vice. В ту же минуту руки герцога тяжело опустились на его плечи и сжали их, как тиски. But Grimaud, instead of resisting or calling for help, slowly put his finger to his lips and with the most pleasant smile said in a low voice: Но Гримо, вместо того чтобы сопротивляться или позвать на помощь, неторопливо приложил палец к губам и с самой приятной улыбкой произнес вполголоса:

– Shh! – Тсс!

A smile, a gesture, and a word were so rare in Grimaud that His Highness stood frozen in amazement. Улыбка, жест и слово были такой редкостью у Гримо, что его высочество от изумления замер на месте.

Grimaud hastened to take advantage of this. Гримо поспешил воспользоваться этим. He pulled out from the lining of his jacket an elegant sealed envelope, which, even after being under Mr. Grimaud's clothes for a long time, had not completely lost its original aroma, and, without uttering a word, handed it to the Duke. Он вытащил из-за подкладки своей куртки изящный конверт с печатью, который даже после долгого пребывания под одеждой г-на Гримо не окончательно утратил свой первоначальный аромат, и, не произнеся ни слова, подал его герцогу.

Even more astonished, the Duke released Grimaud and took

the letter. Пораженный еще более, герцог выпустил Гримо и взял письмо.

"From Madame de Montbazon!" – От госпожи де Монбазон! he cried out, recognizing the familiar handwriting. – вскричал он, узнав знакомый почерк.

Grimaud nodded. Гримо кивнул.

The Duke, completely stunned, passed his hand over his eyes, hastily tore open the envelope and read the letter: Герцог, совершенно ошеломленный, провел рукой по глазам, поспешно разорвал конверт и прочитал письмо:

"Dear Duke! «Дорогой герцог!

You can fully trust the honest man who will deliver my letter to you. Вы можете вполне довериться честному человеку, который передаст вам мое письмо. He is the servant of one of our supporters, who vouches for him, having tested his fidelity during twenty years of service. Это слуга одного из наших сторонников, который ручается за него, так как испытал его верность в течение двадцатилетней службы. He has agreed to become an assistant to the overseer assigned to you in order to prepare and facilitate your escape from the fortress of Vincennes, which we are planning. Он согласился поступить помощником к надзирателю, приставленному к вам, для того чтобы подготовить и облегчить ваш побег из Венсенской крепости, который мы затеваем.

The hour of your liberation is approaching. Час вашего освобождения близится. Take heart and be patient. Ободритесь же

и будьте терпеливы. Know that your friends, despite the long separation, have retained their former feelings for you. Знайте, что друзья ваши, несмотря на долгую разлуку, сохранили к вам прежние чувства.

Yours ever faithfully Ваша неизменно преданная вам
Marie de Montbazon. Мария де Монбазон.

I sign with my full name. Подписываюсь полным именем. It would be too presumptuous of me to think that you will decipher my initials after five years of separation." Было бы слишком самоуверенно с моей стороны думать, что вы разгадаете после пятилетней разлуки мои инициалы».

The Duke stood for a moment completely shocked. Герцог с минуту стоял совершенно потрясенный. For five years he had been searching in vain for a friend and assistant, and finally, at the moment when he least expected it, an assistant fell to him as if from the sky. Пять лет тщетно искал он друга и помощника, и наконец, в ту минуту, когда он меньше всего ожидал этого, помощник свалился к нему точно с неба. He looked at Grimaud in surprise and reread the letter again. Он с удивлением взглянул на Гримо и еще раз перечел письмо.

– My dear Maria! – Милая Мария! – he whispered. – прошептал он. – So I was not mistaken, it really was she who was riding by in the carriage. – Значит, я не ошибся, это действительно она проезжала в карете. And she has not forgotten me after five years of separation! И она не забыла меня после пятилетней разлуки! Damn it! Черт возьми! You only find such

constancy on the pages of Astrea. Такое постоянство встречаешь только на страницах «Астреи». So, you agree to help me, my dear? Итак, ты согласен помочь мне, мой милый? – he added, turning to Grimaud. – прибавил он, обращаясь к Гримо.

He nodded. Тот кивнул.

- And that's why you came here? – И для этого ты и поступил сюда?

Grimaud nodded again. Гримо кивнул еще раз.

“And I wanted to strangle you!” – А я-то хотел задушить тебя! – exclaimed the Duke. – воскликнул герцог.

Grimaud smiled. Гримо улыбнулся.

“But wait a minute!” – Но погоди-ка! said the Duke. – сказал герцог.

And he put his hand in his pocket. И он сунул руку в карман.

“Wait!” – Погоди! he repeated, rummaging through his pockets in vain. – повторял он, тщетно шаря по всем карманам. “Such devotion to the grandson of Henry IV should not go unrewarded. – Такая преданность внуку Генриха Четвертого не должна остаться без награды.

The Duke of Beaufort obviously had the best intentions, but at Vincennes all the money was prudently taken from the prisoners. У герцога Бофора было, очевидно, прекрасное намерение, но в Венсене у заключенных предусмотрительно отбирались все деньги.

Seeing the Duke's confusion, Grimaud took a purse filled with

gold from his pocket and handed it to him. Видя смущение герцога, Гримо вынул из кармана набитый золотом кошелек и подал ему.

“This is what you are looking for,” he said. – Вот что вы ищите, – сказал он.

The Duke opened his purse and was about to pour all the gold into Grimaud's hands, but he stopped him. Герцог открыл кошелек и хотел было высыпать все золото в руки Гримо, но тот остановил его.

“Thank you, Monsignor,” he said, “I have already been paid.” – Благодарю вас, монсеньор, – сказал он, – мне уже заплачено.

The Duke could only be even more amazed. Герцогу оставалось только еще более изумиться. He extended his hand to Grimaud. Он протянул Гримо руку. He came up and kissed it respectfully. Тот подошел и почтительно поцеловал ее. Athos's aristocratic manners were partly transferred to Grimaud. Аристократические манеры Атоса отчасти перешли к Гримо.

“And now what are we going to do?” – А теперь что мы будем делать? asked the Duke. – спросил герцог. “Where do we start?” – С чего начнем?

“It is now eleven o'clock in the morning,” said Grimaud. – Сейчас одиннадцать часов утра, – сказал Гримо. “At two o'clock in the afternoon, Your Highness will express a desire to play a game of tennis with Monsieur La Ramee and throw two

or three balls over the rampart.” – В два часа пополудни ваше высочество выразит желание сыграть партию в мяч с господином Ла Раме и забросит два-три мяча через вал.

- Okay. – Хорошо. And then? А дальше?

“Then your highness will approach the fortress wall and shout to the man who will be working in the ditch to throw the ball back to you. – Дальше ваше высочество подойдет к крепостной стене и крикнет человеку, который будет работать во рву, чтобы он бросил вам мяч обратно.

“I understand,” said the Duke. – Понимаю, – сказал герцог.

Grimaud's face lit up. Лицо Гримо просияло. He was unaccustomed to speaking and found it difficult. С непривычки ему было трудно говорить.

He moved towards the door. Он двинулся к двери.

“Wait!” – Постой! said the Duke. – сказал герцог. “So you don't want anything?” – Так ты ничего не хочешь?

- I would like to ask your Highness to make me one promise. – Я бы попросил ваше высочество дать мне одно обещание.

- Which one? – Какое? Speak. Говори.

- When we flee, I will always and everywhere go ahead. – Когда мы будем спасаться бегством, я везде и всегда буду идти впереди. If they catch you, Monsignor, then the matter will be limited to you being put back in the fortress; if I am caught, at the very least they will hang me. Если поймают вас, монсеньор, то дело ограничится только тем, что вас снова посадят в крепость; если же попадусь я, меня самое меньшее повесят.

“You are right,” said the Duke. – Ты прав, – сказал герцог. “It shall be as you wish – the word of a nobleman!” – Будет по-твоему – слово дворянина!

“And now I ask you, Monsignor, for only one thing: do me the honor of hating me as before.” – А теперь я попрошу вас, монсеньор, только об одном: сделайте мне честь ненавидеть меня по-прежнему.

“I’ll try,” the Duke replied. – Постараюсь, – ответил герцог. There was a knock at the door. В дверь постучались.

The Duke put the letter and the purse in his pocket and threw himself on the bed: everyone knew that he did this when melancholy attacked him. Герцог положил письмо и кошелек в карман и бросился на постель: все знали, что он делал это, когда на него нападала тоска. Grimaud unlocked the door. Гримо отпер дверь. La Ramee entered, having just returned from the cardinal after the conversation we have described. Вошел Ла Раме, только что вернувшийся от кардинала после описанного нами разговора.

La Ramee cast a searching glance around himself and smiled with satisfaction: the relationship between the prisoner and his guard had apparently not changed for the better. Бросив вокруг себя пытливый взгляд, Ла Раме удовлетворенно улыбнулся: отношения между заключенным и его сторожем, по-видимому, несколько не изменились к лучшему.

“Excellent, excellent,” said La Ramee, turning to Grimaud. – Прекрасно, прекрасно, – сказал Ла Раме, обращаясь к Гри-

мо. “And I was just speaking of you somewhere.” – А я только что говорил о вас в одном месте. I hope you will soon receive news that will not be unpleasant to you. Надеюсь, что вы скоро получите известия, которые не будут вам неприятны.

Grimaud bowed, trying to express his gratitude, and left the room, as he always did when his boss appeared. Гримо поклонился, стараясь выразить благодарность, и вышел из комнаты, что делал всегда, когда являлся его начальник.

“You seem to be still angry with the poor fellow, Monsignor?” – Вы, кажется, все еще сердитесь на бедного парня, монсеньор? asked La Ramee with a loud laugh. – спросил Ла Раме с громким смехом.

“Ah, is it you, La Ramee?” – Ах, это вы, Ла Раме? – exclaimed the Duke. – воскликнул герцог. – “It’s about time!” – Давно пора! I had already lain down on the bed and turned my nose to the wall, so as not to succumb to the temptation to fulfill my promise and not wring the neck of that scoundrel Grimaud. Я уже лег на кровать и повернулся носом к стене, чтобы не поддаваться искушению выполнить свое обещание и не свернуть шею этому негодяю Гримо.

“I don’t think, however, that he said anything unpleasant to your highness?” – Не думаю, однако, чтобы он сказал что-нибудь неприятное вашему высочеству? asked La Ramee, subtly hinting at the silence of his assistant. – спросил Ла Раме, тонко намекая на молчаливость своего помощника.

- Of course, damn it! – Еще бы, черт возьми! Dumb

Ethiopian! Немой эфиоп! By God, you're back just in time, La Ramee. Ей-богу, вы вернулись как раз вовремя, Ла Раме. I couldn't wait to see you! Мне не терпелось вас увидеть!

“You are too kind to me, Monseigneur,” said La Ramée, flattered by his words. – Вы слишком добры ко мне, монсеньор, – сказал Ла Раме, польщенный его словами.

- Not at all. – Нисколько. By the way, I feel very awkward today, which, of course, will be to your advantage. Кстати, я сегодня чувствую себя очень неловким, что, конечно, будет вам на руку.

“Are we going to play ball?” – Разве мы будем играть в мяч? – La Rame blurted out. – вырвалось у Ла Раме.

- If you don't mind. – Если вы ничего не имеете против.

- I am always at your Highness's service. – Я всегда к услугам вашего высочества.

“You are truly a charming man, La Ramée, and I would gladly remain in Vincennes for the rest of my life, if only not to part with you.” – Поистине, вы очаровательный человек, Ла Раме, и я охотно остался бы в Венсене на всю жизнь, лишь бы не расставаться с вами.

“In any case, your Highness,” said La Ramée, “it will not be the Cardinal's fault if your wish is not fulfilled.” – Во всяком случае, ваше высочество, – сказал Ла Раме, – не кардинал будет виноват, если ваше желание не исполнится.

- How so? – Как так? Have you seen him? Вы виделись с ним?

- He sent for me this morning. – Он присылал за мной сегодня утром.

- Really! – Вот как! To talk about me? Чтобы потолковать обо мне?

- What else can he talk to me about? – О чем же ему больше и говорить со мной? You torment him like a nightmare, Your Highness. Вы мучите его, как кошмар, ваше высочество.

The Duke smiled bitterly. Герцог горько улыбнулся.

“Ah, if only you would agree to my proposal, La Rame!” – Ах, если бы вы согласились на мое предложение, Ла Раме! – he said. – сказал он.

- Enough, enough, your Highness. – Полноте, полноте, ваше высочество. Here you are again talking about this. Вот вы опять заговариваете об этом. You see how unreasonable you are. Видите, как вы неблагоприятны.

“I have already told you,” continued the Duke, “and I repeat again that I will make you rich.” – Я уже говорил вам, – продолжал герцог, – и опять повторяю, что озолочу вас.

- How so? – Каким образом? You won't even have time to leave the fortress before all your property will be confiscated. Не успеете вы выйти из крепости, как все ваше имущество конфискуют.

- Before I even leave here, I will become the ruler of Paris. – Не успею я выйти отсюда, как стану владыкой Парижа.

- Quiet, quiet! – Тише, тише! Well, can I listen to such speeches? Ну, можно ли мне слушать подобные речи? Good

conversation for a royal official! Хорош разговор для королевского чиновника! I see, Monseigneur, that I will have to stock up on a second Grimaud. Вижу, монсеньор, что придется мне запастись вторым Гримо.

- Very well, let us leave it. – Ну хорошо, оставим это. So you were talking about me with the cardinal? Значит, ты толковал обо мне с кардиналом? The next time he sends for you, let me change into your clothes, La Ramee. В следующий раз, как он пришлет за тобой, позволь мне переодеться в твое платье, Ла Раме. I will go to him in your place, wring his neck and, honestly, if you make it a condition, I will return back to the fortress. Я отправлюсь к нему вместо тебя, сверну ему шею и, честное слово, если ты поставишь это условием, вернусь назад в крепость.

“It seems I shall have to call Grimaud, Monseigneur,” said La Ramée. – Видно, придется мне позвать Гримо, монсеньор, – сказал Ла Раме.

- Well, don't be angry. – Ну, не сердись. So what did that vile face tell you? Так что же говорила тебе эта гнусная рожа?

“I'll let you have that word,” said La Ramee with a sly look, “because it rhymes with ‘nobleman.’” – Я спущу вам это словечко, – сказал Ла Раме с хитрым видом, – потому что оно рифмуется со словом «вельможа». What did he tell me? Что он мне говорил? He told me to keep a close eye on you. Велел мне хорошенько стеречь вас.

“Why do you need to guard me?” – А почему надо сторо-

жить меня? – the Duke asked with concern. – с беспокойством спросил герцог.

- Because some astrologer predicted that you would run away.
– Потому что какой-то звездочет предсказал, что вы удерете.

“Ah, so the astrologer predicted it!” – А, так звездочет предсказал это! – said the Duke, involuntarily shuddering. – сказал герцог, невольно вздрогнув.

- Yes, honestly! – Да, честное слово! These damned sorcerers themselves don't know what to come up with, just to scare good people. Эти проклятые колдуны сами не знают, что выдумать, лишь бы пугать добрых людей.

- What did you answer to the most illustrious cardinal? – Что же отвечал ты светлейшему кардиналу?

“If this astrologer makes calendars, I would not advise His Eminence to buy them.” – Что если этот звездочет составляет календари, то я не посоветовал бы его высокопреосвященству покупать их.

- Why? – Почему?

- Because the only way you can escape from here is if you turn into a finch or a wren. – Потому что спастись отсюда вам удастся только в том случае, если вы обратитесь в зяблика или королька.

- Unfortunately, you are right, La Rame. – К несчастью, ты прав, Ла Раме. Well, let's go play ball. Ну, пойдем играть в мяч.

- I apologize to Your Highness, but I would like to postpone

our game for half an hour. – Прошу извинения у вашего высочества, но мне бы хотелось отложить нашу игру на полчаса.

- Why? – А почему?

- Because Mazarin does not behave as simply as your highness, although he is not of such noble origin. – Потому что Мазарини держит себя не так просто, как ваше высочество, хоть он и не такого знатного происхождения. He forgot to invite me to breakfast. Он позабыл пригласить меня к завтраку.

- Would you like me to order breakfast to be served here? – Хочешь, я прикажу подать тебе завтрак сюда?

- No, don't, Monsignor. – Нет, не надо, монсеньор. The thing is, the pie maker who lived opposite the castle, named Marto... Дело в том, что пирожник, живший напротив замка, по имени Марто...

- Well? – Ну?

- About a week ago I sold my establishment to a Parisian pastry chef, who, it seems, was advised by doctors to live in the village. – С неделю назад продал свое заведение парижскому кондитеру, которому доктора, кажется, посоветовали жить в деревне.

- What does it matter to me? – Мне-то что за дело?

- Allow me to finish, Your Highness. – Разрешите досказать, ваше высочество. This new pie shop has such delicious things on display in the windows that it makes your mouth water. У этого нового пирожника выставлены в окнах такие вкусные вещи, что просто слюнки текут.

- You glutton! – Ах ты, обжора!

– My God, Monseigneur! – Боже мой, монсеньор! A man who loves to eat well is not yet a glutton. Человек, который любит хорошо поесть, еще не обжора. By his very nature, man seeks perfection in everything, even in pies. По самой своей природе человек ищет совершенства во всем, даже в пирожках. So this rogue pastry chef, seeing that I had stopped near his exhibition, came out to me, covered in flour, and said: “I have a favor to ask of you, Monsieur La Ramee: please bring me some customers from among the prisoners in the fortress.” Так вот этот плут кондитер, увидав, что я остановился около его выставки, вышел ко мне, весь в муке, и говорит: «У меня к вам просьба, господин Ла Раме: доставьте мне, пожалуйста, покупателей из заключенных в крепости. My predecessor, Marteau, assured me that he was the supplier of the entire castle, which is why I bought his establishment. Мой предшественник, Марто, уверял меня, что он был поставщиком всего замка, потому я и купил его заведение. And yet I have been here for a week now, and, honestly, Monsieur Chavigny has not bought a single pie from me yet.” А между тем я водворился здесь уже неделю назад, и, честное слово, господин Шавиньи не купил у меня до сих пор ни одного пирожка». “Monsieur Chavigny must think that your pies are tasteless,” I said. «Должно быть, господин Шавиньи думает, что у вас пирожки невкусные», – сказал я. “Not tasty? «Невкусные? My pies!” Мои пирожки! – he exclaimed. – воскликнул он. – Be the judge yourself,

Monsieur La Ramee. – Будьте же сами судьей, господин Ла Раме. Why put it off? Зачем откладывать?” “I can’t,” I said, “I need to return to the fortress.” » «Не могу, – сказал я, – мне необходимо вернуться в крепость». – “Very well, go about your business, you really seem to be in a hurry, but come in half an hour.” – «Хорошо, идите по вашим делам, вы, кажется, и впрямь торопитесь, но приходите через полчаса». – “In half an hour?” – «Через полчаса? – “Yes.” » – «Да. Have you had breakfast yet? Вы уже завтракали?” – “I never thought of it.” » – «И не думал». – “Then I will make you a pie and a bottle of old Burgundy,” he said. – «Так я приготовлю вам пирог и бутылку старого бургундского», – сказал он. You understand, Monseigneur, I left on an empty stomach and, with your Highness’s permission, I wanted...” La Ramee bowed. Вы понимаете, монсеньор, я выехал натошак и, с позволения вашего высочества, я хотел... – Ла Раме поклонился.

“Well, go ahead, you brute,” said the Duke, “but remember that I’m only giving you half an hour.” – Ну ступай, скотина, – сказал герцог, – но помни, что я даю тебе только полчаса.

- Can I promise Uncle Marto's successor that you will become his buyer? – А могу я обещать преемнику дядюшки Марто, что вы станете его покупателем?

- Yes, but on the condition that he doesn’t send me mushroom pies. – Да, но с условием, чтобы он не присылал мне пирожков с грибами. You know that the mushrooms of the Vincennes forest are deadly for our family. Ты знаешь ведь, что грибы

Венсенского леса смертельны для нашей семьи.

La Ramee pretended not to understand the hint and left the room. Ла Раме сделал вид, что не понял намека, и вышел из комнаты. Five minutes after his departure, the guard officer appeared, ostensibly to keep the Duke from getting bored, but in reality, in accordance with the cardinal's orders, to keep sight of the prisoner. А пять минут спустя после его ухода явился караульный офицер, будто для того, чтобы не дать герцогу соскучиться, а на самом деле для того, чтобы, согласно приказанию кардинала, не терять из виду заключенного.

But during the five minutes he spent alone, the Duke managed to reread Madame de Montbazon's letter, which testified that his friends had not forgotten him and were trying to free him. Но за пять минут, проведенных в одиночестве, герцог успел еще раз перечитать письмо г-жи де Монбазон, свидетельствовавшее, что друзья не забыли его и стараются его освободить. How? Каким образом? He did not yet know this and decided, despite Grimaud's silence, to make him talk. Он еще не знал этого и решил, несмотря на молчаливость Гримо, заставить его разговориться. The trust the Duke felt in him increased even more, for he understood why he had behaved so strangely at first. Доверие, которое герцог чувствовал к нему, еще возросло, ибо он понял, почему тот вел себя так странно вначале. Obviously, Grimaud was inventing petty quibbles in order to silence any suspicion in the prison authorities about the possibility of a conspiracy between him and the prisoner.

Очевидно, Гримо изобретал мелкие придирки с целью заглушить в тюремном начальстве всякое подозрение о возможности сговора между ним и заключенным.

This clever trick gave the Duke a high opinion of Grimaud's intelligence, and he decided to trust him completely. Такая хитрая уловка создала у герцога высокое мнение об уме Гримо, и он решил вполне довериться ему.

Chapter XXI Глава XXI

What was the filling in the pies of Uncle Marto's successor? Какая была начинка в пирогах преемника дядюшки Марто

La Ramee returned half an hour later, lively and cheerful, like a man who had eaten well, and most importantly, drunk well. Ла Раме вернулся через полчаса, оживленный и веселый, как человек, который хорошо поел, а главное, хорошо выпил. The pies turned out to be magnificent, the wine excellent. Пирожки оказались великолепными, вино превосходным.

The day was clear, and the proposed game of ball could take place. День был ясный, и предполагаемая партия в мяч могла состояться. At the Vincennes fortress they played in the open air, and the Duke, following Grimaud's advice, had no difficulty in throwing a few balls into the moat. В Венсенской крепости играли на открытом воздухе, и герцогу, исполняя совет Гримо, нетрудно было забросить несколько мячей в ров.

However, until two o'clock – the agreed time – he still played quite well. Впрочем, до двух часов – условленного срока – он

играл еще довольно сносно. But he still lost all the games, under this pretext he pretended to be angry, began to get excited and, as always happens in such cases, made one mistake after another. Но все же он проигрывал все партии, под этим предлогом прикинулся рассерженным, начал горячиться и, как всегда бывает в таких случаях, делал промах за промахом.

As soon as two o'clock struck, the balls began to fall into the ditch, to the great joy of La Rame, who scored fifteen points for every miss made by the Duke. Как только пробило два часа, мячи посыпались в ров, к великой радости Ла Раме, который насчитывал себе по пятнадцати очков за каждый промах герцога.

Finally, the misses became so frequent that there weren't enough balls. Наконец промахи так участились, что стало не хватать мячей. La Ramee suggested sending someone to get them. Ла Раме предложил послать кого-нибудь за ними. The Duke very reasonably remarked that this would be a waste of time, and, approaching the edge of the wall, which, as La Ramee had rightly told Cardinal, was at least sixty feet high, he saw a man working in one of those tiny gardens that peasants grow along the edge of ditches. Герцог весьма основательно заметил, что это будет лишняя трата времени, и, подойдя к краю стены, которая, как верно говорил кардиналу Ла Раме, имела не менее шестидесяти футов высоты, увидел какого-то человека, работавшего в одном из тех крошечных огородов, какие разводят крестьяне по краю рвов.

“Hey, buddy!” – Эй, приятель! – shouted the Duke. – крикнул герцог.

The man raised his head, and the Duke almost cried out in surprise. Человек поднял голову, и герцог чуть не вскрикнул от удивления. This man, this peasant, this gardener – was Rochefort, who, in the Duke’s opinion, was sitting in the Bastille. Этот человек, этот крестьянин, этот огородник – был Рошфор, который, по мнению герцога, сидел в Бастилии.

“Well, what do you need?” – Ну, чего нужно? – asked the man. – спросил человек.

– Please pass us the balls. – Будьте любезны, перебросьте нам мячи.

The gardener nodded and began throwing balls, which were then picked up by the guards and La Rame. Огородник кивнул и стал кидать мячи, которые затем подобрали сторожа и Ла Раме.

One of these balls fell right at the Duke's feet, and as it was obviously intended for him, he picked it up and put it in his pocket. Один из этих мячей упал прямо к ногам герцога, и так как он, очевидно, предназначался ему, то он поднял его и положил в карман.

Then, having thanked the peasant, the Duke continued the game. Потом, поблагодарив крестьянина, герцог продолжал игру.

Beaufort was having a decidedly bad day. Бофору в этот день решительно не везло. The balls were flying around

haphazardly, and two or three of them fell back into the ditch. Мячи летали как попало, и два или три из них снова упали в ров. But since the gardener had already left and there was no one to throw them back, they remained in the ditch. Но так как огородник уже ушел и некому было перебрасывать их обратно, то они так и остались во рву. The Duke declared himself ashamed of his clumsiness and stopped playing. Герцог заявил, что ему стыдно за свою неловкость, и прекратил игру.

La Ramee was absolutely delighted: he had managed to beat a prince of royal blood! Ла Раме был в полном восторге: ему удалось обыграть принца королевской крови!

Returning to his room, the Duke went to bed. Вернувшись к себе, герцог лег в постель. He had been lying there almost all day long since his books were taken away from him. Он пролеживал почти целые дни напролет с тех пор, как у него отобрали книги.

La Ramee took the Duke's clothes under the pretext that they were dusty and needed cleaning; in reality, however, he wanted to be sure that the prisoner would not move from his place. Ла Раме взял платье герцога под тем предлогом, что оно запылилось и его нужно вычистить; на самом же деле он хотел быть уверенным, что заключенный не тронется с места. That's how prudent La Ramee was! Вот до чего предусмотрителен был Ла Раме!

Luckily, the Duke had already taken the ball out of his pocket and hidden it under his pillow. К счастью, герцог еще раньше

вынул из кармана мяч и спрятал его под подушку.

As soon as La Ramee left and closed the door behind him, the Duke tore the ball cover with his teeth: he had nothing to cut it with. Как только Ла Раме вышел и затворил за собою дверь, герцог разорвал покрывку мяча зубами: ему нечем было ее разрезать. They even brought him silver knives to the table, which bent and cut nothing. Ему даже к столу подавали серебряные ножи, которые гнулись и ничего не резали.

The ball contained a note with the following content: В мяче оказалась записка следующего содержания:

"Your Highness!" «Ваше высочество!

Your friends are awake, and the hour of your release is approaching. Друзья ваши бодрствуют, и час вашего освобождения близится. Order a pie to be delivered to you the day after tomorrow from the new pastry chef who has bought the establishment from the former pastry chef, Marteau. Прикажите доставить вам послезавтра пирог от нового кондитера, купившего заведение у прежнего пирожника Марто. This new pastry chef is none other than your butler, Noirmont. Этот новый кондитер не кто иной, как ваш дворецкий Нуармон. Cut the pie when you are alone. Разрежьте пирог, когда будете одни. I hope you will be satisfied with its filling. Надеюсь, что вы останетесь довольны его начинкой.

Your Highness's most devoted servant, both in the Bastille and everywhere, Count Rochefort. Глубоко преданный слуга вашего высочества как в Бастилии, так и повсюду, граф Рошфор.

You can completely trust Grimaud, Your Highness: he is a very intelligent man and devoted to us.” Вы можете вполне довериться Гримо, ваше высочество: это очень смысленный и преданный нам человек».

The Duke, who had been using the stove since he had given up painting, burned Rochefort's letter, just as he had burned Madame de Montbazon's note, though with much greater regret. Герцог, у которого стали топить печь с тех пор, как он отказался от упражнений в живописи, сжег письмо Рошфора, как раньше, хотя с гораздо большим сожалением, сжег записку г-жи де Монбазон. He was about to throw the ball into the stove, but then it occurred to him that it might still be useful for delivering a reply to Rochefort. Он хотел было бросить в печку и мяч, но потом ему пришло в голову, что он еще может пригодиться для передачи ответа Рошфору.

The Duke was guarded conscientiously: having overheard him moving about in his room, La Ramée entered. Герцога стерегли на совесть: подслушав, что он двигается у себя, в комнату вошел Ла Раме.

“What would you like, Your Highness?” – Что угодно вашему высочеству? asked La Rame. – спросил Ла Раме.

“I was cold and stirred the wood to get it burning well,” said the Duke. – Я озяб и помешал дрова, чтобы они хорошенько разгорелись, – сказал герцог. “You know, my dear, that the chambers of the Château de Vincennes are famous for their dampness. – Вы знаете, мой милый, что камеры Венсенско-

го замка славятся своей сыростью. It is very convenient to preserve ice here and extract saltpeter. Здесь очень удобно сохранять лед и добывать селитру. And those chambers in which Puylaurens, Marshal Ornano and my uncle, the Grand Prior, died are rightly worth their weight in arsenic, as Madame de Rambouillet put it. А те камеры, в которых умерли Пюилогранс, маршал Орнано и мой дядя, великий приор, справедливо ценятся на вес мышьяка, как выразилась госпожа де Рамбулье.

And the Duke went back to bed, tucking the ball even deeper under his pillow. И герцог снова лег в постель, засунув мяч еще глубже под подушку. La Ramee smiled. Ла Раме усмехнулся. He was, in essence, a good and kind man. Он был, в сущности, неплохой и добрый человек. He was very attached to his noble prisoner and would be in despair if any misfortune happened to him. Он горячо привязался к своему знатному узнику и был бы в отчаянии, если бы с тем приключилась какая-нибудь беда. And what the Duke said about his uncle and the two other prisoners was the absolute truth. А то, что говорил герцог про своего дядю и двух других заключенных, была истинная правда.

“You shouldn’t indulge in gloomy thoughts, Your Highness,” said La Rame. – Не следует предаваться мрачным мыслям, ваше высочество, – сказал Ла Раме. “Such thoughts kill faster than saltpeter.” – Такие мысли убивают скорее селитры.

- It's easy for you to say that, La Rame. – Вам хорошо гово-

рять так, Ла Раме. If I could go to pastry shops, eat pies from Uncle Marteau's successor and wash them down with Burgundy, like you, I wouldn't be bored either. Если бы я мог ходить по кондитерским, есть пирожки у преемника дядюшки Марто и запивать их бургундским, как вы, я бы тоже не скучал.

- Yes, it is true, your highness: his pies are excellent, and the wine is wonderful. – Да уж, что правда, то правда, ваше высочество: пироги у него превосходные, да и вино прекрасное.

– In any case, his kitchen and cellar must be better than those of Monsieur de Chavigny. – Во всяком случае, его кухня и погреб должны быть получше, чем у господина де Шавиньи.

“And who is stopping you from trying his cooking, Your Highness?” – А кто мешает вам попробовать его стряпню, ваше высочество? – said La Ramee, falling into the trap. – сказал Ла Раме, попадаясь в ловушку. – By the way, I promised him that you would become his customer. – Кстати, я обещал ему, что вы станете его покупателем.

“Very well,” agreed the Duke. – Хорошо, – согласился герцог. “If I am destined to sit in prison until my death, as my dear Mazarin took care to inform me, then I must think of some entertainment for my old age. – Если уж мне суждено просидеть в заключении до самой смерти, как позаботился довести до моего сведения милейший Мазарини, то нужно же мне придумать какое-нибудь развлечение под старость. I will try to become a gourmet by that time. Постараюсь к тому времени сделаться лакомкой.

– Listen to good advice, Your Highness, do not put this off until old age. – Послушайтесь доброго совета, ваше высочество, не откладывайте этого до старости.

“Each person, apparently, has been endowed by heaven with at least one of the seven deadly sins, if not two at once, for the destruction of soul and body,” thought the Duke. «Каждого человека, как видно, на погибель души и тела небо наделило хоть одним из семи смертных грехов, если не двумя сразу, – подумал герцог. “Gluttony is La Rame’s weakness. – Чревоугодие – слабость Ла Раме. Well, let’s take advantage of this.” Что ж, воспользуемся этим».

“The day after tomorrow is a holiday, I believe, dear La Rame?” – Послезавтра, кажется, праздник, милый Ла Раме? he asked. – спросил он.

- Yes, your highness, Trinity Day. – Да, ваше высочество, Троицын день.

– Would you like to give me a lesson the day after tomorrow? – Не желаете ли дать мне послезавтра урок?

- What? – Чего?

– Gastronomy. – Гастрономии.

– With great pleasure, Your Highness. – С большим удовольствием, ваше высочество.

- But for this we must be left alone. – Но для этого мы должны остаться вдвоем. Let us send the guards to dine in the dining room of Monsieur de Chavigny and arrange a dinner for ourselves, which I will ask you to order. Отошлем сторожей

обедать в столовую господина де Шавиньи и устроим себе ужин, заказать который я попрошу вас.

– Нм! – Гм! – said La Rame. – сказал Ла Раме.

The offer was very tempting, but La Rame, despite Mazarin's unfavorable opinion of him, was still a seasoned man and knew all the traps that prisoners could set for their guards. Предложение было очень соблазнительно, но Ла Раме, несмотря на невыгодное мнение о нем Мазарини, был все-таки человек бывалый и знал все ловушки, которые умеют подстраивать узники своим надзирателям. The Duke boasted more than once that he had forty ways to escape from the fortress. Герцог хвастал не раз, что у него имеется сорок способов побега из крепости. Could there be some trick here? Уж нет ли тут какой хитрости?

La Ramee thought for a moment, but then decided that since he would be ordering the dinner himself, nothing would be added to the food or the wine. Ла Раме задумался на минуту, но затем рассудил, что раз обед он закажет сам, значит, ничего не будет подсыпано в кушанья или подлито в вино. And the Duke, of course, could not hope to get him drunk; La Ramee even laughed at this suggestion. А напоить его пьяным герцогу, конечно, нечего и надеяться; Ла Раме даже рассмеялся при таком предположении. Finally, another thought occurred to him, which resolved the issue. Наконец ему пришла на ум еще одна мысль, решившая вопрос.

The Duke watched with alarm the reflection of this internal

monologue on La Rame's face. Герцог следил с тревогой за отражением этого внутреннего монолога на физиономии Ла Раме. Finally, the warden's face lit up. Наконец лицо надзирателя просияло.

“Well, is it okay?” – Ну что ж, идет? asked the Duke. – спросил герцог.

- Okay, your highness, but on one condition. – Идет, ваше высочество, но с одним условием.

- With which one? – С каким?

- Grimaud will serve us at table. – Гримо будет нам прислуживать за столом.

This could not have come at a better time for the Duke. Это было как нельзя более кстати для герцога.

However, he had enough strength to hide his joy, and he frowned with displeasure. Однако у него хватило сил скрыть свою радость, и он недовольно нахмурился.

“To hell with your Grimaud!” – К черту вашего Гримо! – he exclaimed. – воскликнул он. – “He’ll ruin my whole holiday.” – Он испортит мне весь праздник.

“I will order him to stand behind your chair, Your Highness, and since he usually does not say a word, you will neither see nor hear him. – Я прикажу ему стоять за вашим стулом, ваше высочество, а так как он обычно не говорит ни слова, то вы его не будете ни видеть, ни слышать. And if you wish, you can imagine that he is a hundred miles away from you. И при желании можете воображать, что он находится за сто миль

от вас.

“Do you know, my dear, what I conclude from all this?” – А знаете, мой милый, что я заключаю из всего этого? said the Duke. – сказал герцог. “You don’t trust me.” – Вы мне не доверяете.

– After all, the day after tomorrow is Trinity Day, Your Highness. – Ведь послезавтра Троицын день, ваше высочество.

– So what of it? – Так что ж из того? What do I care about the Trinity? Какое мне дело до Троицы? Or are you afraid that the Holy Spirit will descend to earth in the form of tongues of fire to open the prison doors for me? Или вы боитесь, что Святой Дух сойдет на землю в виде огненных языков, чтобы отворить мне двери тюрьмы?

– Of course not, your grace. – Конечно, нет, ваша светлость. But I told you what that damned astrologer predicted. Но я ведь говорил вам, что предсказал этот проклятый звездочет.

– What is it? – А что такое?

– That you will escape from the fortress before Trinity Day passes. – Что вы убежите из крепости прежде, чем пройдет Троицын день.

– So you believe in sorcerers? – Так ты веришь колдунам? Fool! Глупец!

“Their predictions are no more frightening to me than this one,” said La Rame, snapping his fingers. – Мне их предсказания не страшней вот этого, – сказал Ла Раме, щелкнув паль-

цами. “But Monsignor Giulio is indeed a little afraid.” – Но монсеньор Джулио и в самом деле побаивается. He is Italian and therefore superstitious. Он итальянец и, значит, суеверен.

The Duke shrugged. Герцог пожал плечами.

“Well, so be it, I agree,” he said with a well-feigned good nature. – Ну, так и быть, согласен, – сказал он с прекрасно разыгранным добродушием. “Bring your Grimaud, if you really can’t do without him, but not a single soul besides him, take care of everything yourselves.” – Тащите вашего Гримо, если уж без этого нельзя обойтись, но кроме него – ни одной души, заботьтесь обо всем сами. Order whatever dinner you like, but I make only one condition: that there be that pie you told me so much about. Закажите ужин какой хотите, я же ставлю только одно условие: чтоб был пирог, о котором вы мне столько наговорили. Order it for me, and let Marteau’s successor try. Закажите его для меня, и пусть преемник Марто постарается. Promise him that I will make him my supplier not only for the entire time I sit in the fortress, but also after I leave here. Пообещайте ему, что я сделаю его своим поставщиком не только на все время, которое просижу в крепости, но и после того, как выйду отсюда.

“Do you still hope to get out?” – Вы все еще надеетесь выйти? asked La Rame. – спросил Ла Раме.

“Damn it!” – Черт возьми! exclaimed the Duke. – воскликнул герцог. “At the very least, even after Mazarin’s death.” – В крайнем случае, хоть после смерти Мазарини. “After all, I’m

fifteen years younger than he is.” Ведь я на пятнадцать лет моложе его. “It’s true,” he added with a grin, “the years fly by faster in Vincennes.” Правда, – с усмешкой добавил он, – в Венсене годы мчатся скорее.

- Monsignor! – Монсеньор! - exclaimed La Rame. – воскликнул Ла Раме. - Monsignor! – Монсеньор!

“Or else they die earlier here,” the Duke continued, “which comes down to the same thing.” – Или же здесь умирают раньше, – продолжал герцог, – что сводится к тому же.

“Then I will order dinner, Your Highness,” said La Rame. – Так я закажу ужин, ваше высочество, – сказал Ла Раме.

- And you think that you will be able to achieve success from your student? – И вы полагаете, что вам удастся добиться успехов от вашего ученика?

“I very much hope so, Monsignor,” La Rame replied. – Очень надеюсь, монсеньор, – ответил Ла Раме.

“If you only have time,” muttered the Duke. – Если только успеете, – пробормотал герцог.

- What are you saying, Your Highness? – Что вы говорите, ваше высочество?

“My Highness asks you not to spare the purse of the cardinal, who has deigned to assume the costs of our maintenance.” – Мое высочество просит вас не жалеть кошелька кардинала, который соблаговолил принять на себя расходы по нашему содержанию.

La Ramee stopped at the door. Ла Раме остановился в две-

рых.

“Whom would you like me to send to you, Monsignor?” – Кого прикажете прислать к вам, монсеньор? – he asked. – спросил он.

- Whomever you want, just not Grimaud. – Кого хотите, только не Гримо.

- The guard officer? – Караульного офицера?

- Yes, with chess. – Да, с шахматами.

- Good. – Хорошо.

And La Rame left. И Ла Раме ушел.

Five minutes later the officer of the guard appeared, and the Duke de Beaufort seemed to be completely immersed in deep calculations of checks and checkmates. Через пять минут явился караульный офицер, и герцог де Бофор, казалось, совершенно погрузился в глубокие расчеты шахов и матов.

What a strange thing the human mind is! Странная вещь человеческая мысль! What revolutions one movement, one word, one glimmer of hope sometimes produces in it! Какие перевороты производит в ней иногда одно движение, одно слово, один проблеск надежды!

The Duke spent five years in prison, which seemed terribly slow for him. Герцог пробыл в заключении пять лет, которые тянулись для него страшно медленно. Now, when he recalled the past, those five years did not seem as long to him as those two days, those forty-eight hours that remained until his release. Теперь же, когда он вспоминал о прошлом, эти пять лет ка-

зались ему не такими длинными, как те два дня, те сорок восемь часов, которые оставались до освобождения.

But most of all he wanted to know how his release would take place. Но больше всего хотел бы он узнать, каким образом состоится его освобождение. He was given hope, but they kept from him what would be in the mysterious pie, what kind of friends would be waiting for him. Ему подали надежду, но от него скрыли, что же будет в таинственном пироге, что за друзья будут ждать его. So, despite the five years spent in prison, he still had friends? Значит, несмотря на пять лет, проведенные в тюрьме, у него еще есть друзья? In that case, he really was a prince with very great privileges. В таком случае он действительно был принцем с очень большими привилегиями.

He forgot that among his friends (which was quite unusual) there was a woman. Он забыл, что в числе его друзей (что было уж вовсе необыкновенно) имелась женщина. Perhaps she was not particularly faithful to him during their separation; but she did not forget about him, and that is already a lot. Быть может, она и не отличалась особенной верностью ему во время разлуки; но она не забыла о нем, а это уже очень много.

There was something to think about here. Тут было над чем призадуматься. And so, in the game of chess, the same thing happened as in the game of ball. А потому при игре в шахматы вышло то же, что при игре в мяч. Beaufort made mistake after mistake and lost to the officer in the evening, just as he lost to La Rame in the morning. Бофор делал промах за промахом

и проигрывал офицеру вечером так же, как утром проиграл Ла Раме.

However, successive defeats gave the Duke the opportunity to hold out until eight o'clock in the evening and somehow kill three hours. Однако очередные поражения давали возможность герцогу дотянуть до восьми часов вечера и кое-как убить три часа. Then night would come, and with it sleep. Потом придет ночь, а с ней и сон.

So, at least, the Duke thought. Так, по крайней мере, полагал герцог. But sleep is a very capricious deity, which does not come exactly when it is called. Но сон – очень капризное божество, которое не приходит именно тогда, когда его призывают. The Duke waited for it until midnight, tossing and turning on his bed, like Saint Lawrence on a hot grate. Герцог прождал его до полуночи, ворочаясь с боку на бок на своей постели, как святой Лаврентий на раскаленной решетке. Finally, he fell asleep. Наконец он заснул.

But at dawn he woke up. Но на рассвете он проснулся. All night long he was tormented by terrible dreams. Всю ночь мучили его страшные сны. He dreamed that he had grown wings. Ему снилось, что у него выросли крылья. It was only natural that he tried to fly, and at first the wings held him up perfectly. Вполне естественно, что он попробовал полететь, и сначала крылья отлично его держали. But, having risen quite high, he suddenly felt that he could no longer stay in the air. Но, поднявшись довольно высоко, он вдруг почувствовал, что не может

больше держаться в воздухе. His wings broke, he flew down into a bottomless abyss, and woke up with a cold sweat on his forehead, completely broken, as if he had really fallen from a height. Крылья его сломались, он полетел вниз, в бездонную пропасть, и проснулся с холодным потом на лбу, совершенно разбитый, словно и впрямь рухнул с высоты.

Then he fell asleep again and again plunged into a labyrinth of absurd, incoherent dreams. Потом он снова заснул и опять погрузился в лабиринт нелепых, бессвязных снов. Hardly had he closed his eyes when his imagination, directed toward a single goal - escape from prison, again began to draw attempts to carry it out. Едва он закрыл глаза, как его воображение, направленное к единой цели – бегству из тюрьмы, снова стало рисовать попытки осуществить его. This time everything went differently. На этот раз все шло по-другому. Beaufort dreamed that he discovered an underground passage from Vincennes. Бофору снилось, что он открыл подземный ход из Венсена. He went down into this passage, and Grimaud walked ahead with a lantern in his hand. Он спустился в этот ход, а Гримо шел впереди с фонарем в руке. But little by little the passage began to narrow. Но мало-помалу проход стал суживаться. At first it was still possible to walk, but then the underground passage became so narrow that the fugitive tried in vain to move forward. Сначала еще все-таки можно было идти, но потом подземный ход стал так узок, что беглец уже тщетно пытался продвинуться вперед. The walls of the underground passage were

getting closer and closer, they were getting tighter, the Duke was making incredible efforts and still could not move from the spot. Стены подземного хода все сближались, все сжимались, герцог делал неслыханные усилия и все же не мог двинуться с места. And meanwhile, a lantern was visible in the distance Grimaud, who was moving steadily forward. А между тем вдали виднелся фонарь Гримо, неуклонно шедшего вперед. And no matter how much the Duke tried to call him for help, he could not utter a word, the dungeon was suffocating him. И сколько герцог ни старался позвать его на помощь, он не мог вымолвить ни слова, подземелье душило его. And suddenly, at the beginning of the corridor, where he had entered, the hasty steps of his pursuers were heard, they were getting closer and closer; he was noticed, the hope of salvation was lost. И вдруг в начале коридора, там, откуда он вошел, послышались поспешные шаги преследователей, они все приближались; его заметили, надежда на спасение пропала. And the walls seemed to conspire with the enemy, and the more urgent the need to escape, the more they pressed him. А стены словно сговорились с врагами, и чем настоятельнее была необходимость бежать, тем больше они теснили его. At last he heard the voice of La Ramee, saw him. Наконец он услышал голос Ла Раме, увидел его. La Ramee stretched out his hand and, laughing loudly, grabbed the Duke by the shoulder. Ла Раме протянул руку и, громко расхохотавшись, схватил герцога за плечо. They dragged him back, brought him to the low vaulted chamber where Marshal Ornano,

Puylorans and his uncle died. Его потащили назад, привели в низкую сводчатую камеру, где умерли маршал Орнано, Пюилоранс и его дядя. Three mounds marked their graves, a fourth gaped right there, waiting for another corpse. Три холмика отмечали их могилы, четвертая зияла тут же, ожидая еще один труп.

Having woken up, the Duke was already straining all his strength not to fall asleep again, just as he had previously strained them to fall asleep. Проснувшись, герцог уже напрягал все силы, чтобы опять не заснуть, как раньше напрягал их, чтобы заснуть. He was so pale, he seemed so weak, that La Rame, who came in to him, asked if he was ill. Он был так бледен, казался таким слабым, что Ла Раме, вошедший к нему, спросил, не болен ли он.

“The Duke had a very restless night indeed,” said one of the guards, who had not slept the whole time because his teeth had ached from the dampness. – Герцог провел действительно очень тревожную ночь, – сказал один из сторожей, не спавший все время, так как у него от сырости разболелись зубы. “He was delirious and called for help two or three times.” – Он бредил и раза два-три звал на помощь.

“What’s the matter with you, Monsignor?” – Что же это с вами, монсеньор? asked La Rame. – спросил Ла Раме.

“It’s all your fault, you fool!” – Это все твоя вина, дурак! said the Duke. – сказал герцог. “Your stupid stories about escaping completely turned my head, and all night I dreamed that I was

breaking my neck while trying to escape. – Ты своими глупыми рассказками о бегстве совсем вскружил мне голову, и мне всю ночь снилось, что я, пытаюсь бежать, ломаю себе шею.

La Ramee burst out laughing. Ла Раме расхохотался.

“You see, your Highness,” he said. – Вот видите, ваше высочество, – сказал он. “This is a warning from above.” – Это предостережение свыше. I am sure that you will not be as careless in reality as in a dream. Я уверен, что вы не будете так неосмотрительны наяву, как во сне.

“You are right, my dear La Ramee,” replied the Duke, wiping the cold sweat from his forehead, which was still pouring down, although he had long since woken up. – Ты прав, любезный Ла Раме, – ответил герцог, отирая со лба холодный пот, все еще струящийся, хоть он и давно проснулся. “I no longer want to think about anything but food and drink.” – Я не хочу больше думать ни о чем, кроме еды и питья.

– Shh! – Tcc! – said La Rame. – сказал Ла Раме.

And under various pretexts he hastened to remove the guards, one after another. И под разными предлогами он поспешил удалить, одного за другим, сторожей.

“Well?” – Ну что? – asked the Duke when they were alone. – спросил герцог, когда они остались одни.

“Dinner is ordered,” said La Rame. – Ужин заказан, – сказал Ла Раме.

- What dishes will be served, Mr. Butler? – Какие же будут блюда, господин дворецкий?

– After all, you promised to rely on me, Your Highness! –
Ведь вы обещали положиться на меня, ваше высочество!

– Will there be pie? – А пирог будет?

- Of course. – Еще бы. Like a tower! Как башня!

– Made by Marto's successor? – Изготовленный преемником Марто?

- Ordered for him. – Заказан ему.

- And you said it was for me? – А ты сказал, что это для меня?

- He said. – Сказал.

- What did he answer? – Что же он ответил?

- That he will try to please your Highness. – Что постарается угодить вашему высочеству.

“Excellent,” said the Duke, rubbing his hands cheerfully. –
Отлично, – сказал герцог, весело потирая руки.

- Damn it! – Черт возьми! - exclaimed La Ramee. – воскликнул Ла Раме. - What progress you are making in terms of gluttony, Your Highness! – Какие, однако, успехи делаете вы по части чревоугодия, ваше высочество! Not once in five years have I seen such a happy face on yours. Ни разу за пять лет я не видал у вас такого счастливого лица.

The Duke realized that he was not in control of himself. Герцог понял, что плохо владеет собой. But at that moment Grimaud, who must have overheard the conversation and realized that he needed to distract La Ramee's attention with something, entered the room and made a sign to his superior, as

if he wanted to tell him something. Но в эту минуту Гримо, должно быть подслушав разговор и сообразив, что надо чем-нибудь отвлечь внимание Ла Раме, вошел в комнату и сделал знак своему начальнику, словно желая ему что-то сообщить.

He came up to him and they began to talk in low voices. Тот подошел к нему, и они заговорили вполголоса.

The Duke came to his senses during this time. Герцог за это время опомнился.

“I have, however, forbidden this man to enter here without my permission,” he said. – Я, однако, запретил этому человеку входить сюда без моего разрешения, – сказал он.

“Forgive him, your highness,” said La Rame, “it was I who told him to come.” – Простите его, ваше высочество, – сказал Ла Раме, – это я велел ему прийти.

- Why are you calling him, knowing that I don't like him? – А зачем вы зовете его, зная, что он мне неприятен?

- But, as we agreed, Your Highness, he will serve at our glorious dinner! – Но ведь, как мы условились, ваше высочество, он будет прислуживать за нашим славным ужином! Have you forgotten about dinner, Your Highness? Вы забыли про ужин, ваше высочество?

- No, but I forgot about Monsieur Grimaud. – Нет, но я забыл про господина Гримо.

“Your Highness knows that without Grimaud there will be no dinner.” – Вашему высочеству известно, что без Гримо не будет и ужина.

- Okay, do as you wish. – Ну хорошо, делайте как хотите.

“Come here, my dear fellow,” said La Ramee, “and listen to what I have to say.” – Подойдите сюда, любезный, – сказал Ла Раме, – и послушайте, что я скажу.

Grimaud, looking even more sullen than usual, came closer. Гримо, смотревший еще угрюмее обыкновенного, подошел поближе.

“His Highness,” continued La Ramée, “has done me the honor of inviting me to dinner tomorrow.” – Его высочество, – продолжал Ла Раме, – оказал мне честь пригласить меня завтра на ужин.

Grimaud looked at him with bewilderment, as if not understanding how this could concern him. Гримо взглянул на него с недоумением, словно не понимая, каким образом это может касаться его.

“Yes, yes, that applies to you too,” La Ramee answered this silent question. – Да, да, это касается и вас, – ответил Ла Раме на этот немой вопрос. “You will have the honor of serving us, and since, despite all our appetite and thirst, there will still be something left on the plates and in the bottles, there will be enough for your share.” – Вы будете иметь честь прислуживать нам, а так как, несмотря на весь наш аппетит и жажду, на блюдах и в бутылках все-таки кое-что останется, то хватит и на вашу долю.

Grimaud bowed in gratitude. Гримо поклонился в знак благодарности.

“And now I will ask your permission to leave, Your Highness,” said La Ramée. – А теперь я попрошу у вас позволения удалиться, ваше высочество, – сказал Ла Раме. “Monsieur de Chavigny, it seems, is leaving for a few days and before leaving, he wishes to give me some orders.” – Господин де Шавиньи, кажется, уезжает на несколько дней и перед отъездом желает отдать мне приказания.

The Duke looked questioningly at Grimaud, but he looked away indifferently. Герцог вопросительно взглянул на Гримо, но тот равнодушно смотрел в сторону.

“Okay, go ahead,” said the Duke, “but come back soon.” – Хорошо, ступайте, – сказал герцог, – только возвращайтесь поскорее.

- Perhaps your Highness would like to take revenge after yesterday's failure? – Вероятно, вашему высочеству угодно отыграться после вчерашней неудачи?

Grimaud nodded slightly. Гримо чуть заметно кивнул.

“Of course, I wish to,” said the Duke. – Разумеется, угодно, – сказал герцог. “And beware, La Rame, every day is different: today I intend to smash you to smithereens.” – И берегитесь, Ла Раме, день на день не приходится: сегодня я намерен разбить вас в пух и прах.

La Ramee left. Ла Раме ушел. Grimaud, without moving, watched him go, and as soon as the door closed, he pulled a pencil and a quarter of a sheet of paper out of his pocket. Гримо, не шелохнувшись, проводил его глазами и, как только дверь

затворилась, вытащил из кармана карандаш и четвертушку бумаги.

“Write, Monsignor,” he said. – Пишите, монсеньор, – сказал он.

“What should I write?” – Что писать? asked the Duke. – спросил герцог.

Grimaud thought for a moment and dictated: Гримо подумал немного и продиктовал:

- “Everything is ready for tomorrow evening. – «Все готово к завтрашнему вечеру. Wait for us from seven to nine o'clock with two saddled horses. Ждите нас с семи до девяти часов с двумя оседланными лошадьми. We will descend from the first window of the gallery.” Мы спустимся из первого окна галереи».

- What next? – Дальше? - said the Duke. – сказал герцог.

“Next, Monseigneur?” – Дальше, монсеньор? – Grimaud repeated in surprise. – удивленно повторил Гримо. – “Next, signature.” – Дальше подпись.

- That's all? – И все?

“What more, your Highness?” – Чего же больше, ваше высочество? said Grimaud, who preferred the most concise syllable. – сказал Гримо, предпочитавший самый сжатый слог.

The Duke signed. Герцог подписался.

- Did you destroy the ball, Your Highness? – А вы уничтожили мяч, ваше высочество?

- What ball? – Какой мяч?

– In which there was a letter. – В котором было письмо.

- No, I thought he might still be useful to us. – Нет, я думал, что он еще может нам пригодиться. Here he is. Вот он.

And, taking the ball from under the pillow, the Duke handed it to Grimaud. И, вынув из-под подушки мяч, герцог подал его Гримо. He tried to smile as pleasantly as possible. Тот постарался улыбнуться как можно приятнее.

- Well? – Ну? - asked the Duke. – спросил герцог.

“I will sew a note into the ball, Your Highness,” said Grimaud, “and you will throw it into the ditch during the game.” – Я зашью записку в мяч, ваше высочество, – сказал Гримо, – и вы во время игры бросите его в ров.

- What if he gets lost? – А если он потеряется?

- Don't worry. – Не беспокойтесь. There will be a man who will lift it. Там будет человек, который поднимет его.

– Gardener? – Огородник? – asked the Duke. – спросил герцог.

Grimaud nodded. Гримо кивнул.

- The same one, from yesterday? – Тот же, вчерашний?

Grimaud nodded again. Гримо снова кивнул.

- So, Count Rochefort? – Значит, граф Рошфор?

Grimaud nodded three times. Гримо трижды кивнул.

– Explain to me at least briefly our escape plan. – Объясни же мне хоть вкратце план нашего бегства.

– I was ordered to remain silent until the last minute. – Мне велено молчать до последней минуты.

- Who will be waiting for me on the other side of the moat?
– Кто будет ждать меня по ту сторону рва?

- I don't know, monsignor. – Не знаю, монсеньор.

- So at least tell me what they're sending us in the pie, if you don't want to drive me crazy. – Так скажи мне, по крайней мере, что пришлют нам в пироге, если не хочешь свести меня с ума.

- It will contain, Monsignor, two daggers, a rope with knots and a pear. – В нем будут, монсеньор, два кинжала, веревка с узлами и груша.

- Okay, I understand. – Хорошо, понимаю.

- As you can see, Your Highness, there is enough for everyone. – Как видите, ваше высочество, на всех хватит.

“We'll take the daggers and the rope for ourselves,” said the Duke. – Кинжалы и веревку мы возьмем себе, – сказал герцог.

“And we'll make La Rame eat the pear,” added Grimaud. – А грушу заставим съесть Ла Раме, – добавил Гримо.

“My dear Grimaud,” said the Duke, “I must give you credit: you don't speak often, but when you do, your words are pure gold.” – Мой милый Гримо, – сказал герцог, – нужно отдать тебе должное: ты говоришь не часто, но уж если заговоришь, то слова твои – чистое золото.

Chapter XXII Глава XXII

One of the Adventures of Marie Michon Одно из приключе-

чений Мари Мишон

At the very time when the Duke of Beaufort and Grimaud were plotting their escape from Vincennes, two horsemen, accompanied by a servant, were entering Paris through the Faubourg Saint-Marcel. В то самое время, как герцог Бофор и Гримо замыслили побег из Венсена, два всадника в сопровождении слуги въезжали в Париж через предместье Сен-Марсель. They were the Count de La Fère and the Viscount de Bragelonne. Это были граф де Ла Фер и виконт де Бражелон.

The young man was in Paris for the first time, and, to tell the truth, Athos, entering with him through this gate, did not take the trouble to show in the best light the city with which he had once been on great terms. Молодой человек первый раз был в Париже, и, по правде сказать, Атос, въезжая с ним через эту заставу, не позаботился о том, чтобы показать с самой лучшей стороны город, с которым был когда-то в большой дружбе. Probably even the last village of Touraine was more pleasant to look at than the part of Paris facing Blois. Наверное, даже последняя деревушка Турени была приятнее на вид, чем часть Парижа, обращенная в сторону Блуа. And it must be said, to the shame of this very famous city, that it made a very mediocre impression on the young man. И нужно сказать, к стыду этого столь прославленного города, что он произвел весьма посредственное впечатление на юношу.

Athos seemed, as always, calm and carefree. Атос казался, как всегда, спокойным и беззаботным. Having reached the

Faubourg Saint-Médard, Athos, who served as a guide to his companions in this labyrinth, turned onto the Rue du Poste, then onto the Rue des Tortures, then to the Ditches of Saint-Michel, then onto the Rue de Vaugirard. Доехав до Сен-Медарского предместья, Атос, служивший в этом лабиринте проводником своим спутникам, свернул на Почтовую улицу, потом на улицу пыток, потом к рвам Святого Михаила, потом на улицу Вожирар. Having reached the Rue Ferou, they rode along it. Добравшись до улицы Феру, они поехали по ней. In the middle of it, Athos glanced with a smile at one of the houses, which looked like a merchant's house, and pointed it out to Raoul. На середине ее Атос с улыбкой взглянул на один из домов, с виду купеческий, и показал на него Раулю.

“It was in this house, Raoul,” he said, “that I lived the seven happiest and most cruel years of my life.” – Вот в этом доме, Рауль, – сказал он, – я прожил семь самых счастливых и самых жестоких лет моей жизни.

Raoul also smiled and, taking off his hat, bowed low to the house. Рауль тоже улыбнулся и, сняв шляпу, низко поклонился дому. He revered Athos, and this was evident in all his actions. Он благоговел перед Атосом, и это проявлялось во всех его поступках.

As for Athos himself, as we have already said, Raoul was not only the center of his life, but, with the exception of old regimental memories, his only attachment. Что же касается самого Атоса, то, как мы уже говорили, Рауль был не толь-

ко средоточием его жизни, но, за исключением старых полковых воспоминаний, и его единственной привязанностью. From this one can understand how deeply and tenderly Athos loved Raoul. Из этого можно понять, как глубоко и нежно любил Рауля Атос.

The travelers stayed at the Green Fox Inn, on Old Dovecote Street. Путники остановились в гостинице «Зеленая лисица», на улице Старой Голубятни. Athos knew it well, having been there hundreds of times with his friends. Атос хорошо знал ее, так как сотни раз бывал здесь со своими друзьями. But over the past twenty years, everything had changed, starting with the owners. Но за двадцать лет тут изменилось все, начиная с хозяев.

Our travelers first of all took care of their horses. Наши путешественники прежде всего позаботились о своих лошадях. Entrusting them to the servants, they ordered that they be laid down some straw, given oats, and that their legs and chests be wiped with warm wine, since these thoroughbred horses had covered twenty miles in one day. Поручая их слугам, они приказали подостлать им соломы, дать овса и вытереть ноги и грудь теплым вином, так как эти породистые лошади сделали за один день двадцать миль. Only after this, as befits good riders, they asked for two rooms for themselves. Только после этого, как надлежит хорошим ездокам, они спросили две комнаты для себя.

“You need to change, Raoul,” said Athos. – Вам необходимо

переодеться, Рауль, – сказал Атос. “I want to introduce you to someone.” – Я хочу вас представить кой-кому.

– Today? – Сегодня? – asked the young man. – спросил юноша.

- Yes, in half an hour. – Да, через полчаса.

Raoul bowed. Рауль поклонился.

Not as tireless as Athos, who seemed to be forged from iron, Raoul would much rather have bathed in the Seine now - he had heard so much about it, although he was inclined to admit in advance that it was worse than the Loire - and then go to bed. He столь неутомимый, как Атос, который был точно выкован из железа, Рауль гораздо охотнее выкупался бы сейчас в Сене – он столько о ней наслышался, хоть и склонен был заранее признать ее хуже Луары, – а потом лечь в постель. But the Count spoke, and he obeyed. Но граф сказал, и он повиновался.

“By the way, dress better, Raoul,” said Athos. – Кстати, оденьтесь получше, Рауль, – сказал Атос. “I want you to appear handsome.” – Мне хочется, чтобы вы казались красивым.

“I hope, Count, that this is not a matter of matchmaking,” Raoul said with a smile, “for you know my obligations to Louise.” – Надеюсь, граф, что дело идет не о сватовстве, – с улыбкой сказал Рауль, – ведь вы знаете мои обязательства по отношению к Луизе.

Athos smiled too. Атос тоже улыбнулся.

- No, don't worry, even though I will introduce you to a

woman. – Нет, будьте покойны, хоть я и представлю вас женщине.

“A woman?” – Женщине? – Raoul asked again. – переспросил Рауль.

- Yes, and I would even really like you to love her. – Да, и мне даже очень хотелось бы, чтобы вы полюбили ее.

Raoul looked at the Count with some anxiety, but seeing that he was smiling, he calmed down. Рауль с некоторой тревогой взглянул на графа, но, увидев, что тот улыбается, успокоился.

“How old is she?” – А сколько ей лет? he asked. – спросил он.

“Dear Raoul, remember once and for all,” said Athos, “one does not ask about such things.” – Милый Рауль, запомните раз навсегда, – сказал Атос, – о таких вещах не спрашивают. If you can guess a woman’s age from her face, it is completely unnecessary to ask about it; if you cannot, your question is immodest. Если вы можете угадать по лицу женщины ее возраст – совершенно лишнее спрашивать об этом, если же не можете – ваш вопрос нескромен.

- Is she beautiful? – Она красива?

- Sixteen years ago she was considered not only the most beautiful, but also the most charming woman in France. – Шестнадцать лет назад она считалась не только самой красивой, но и самой очаровательной женщиной во Франции.

These words completely calmed Raoul. Эти слова совершен-

но успокоили Рауля. It was incredible that Athos was going to marry him to a woman who was considered beautiful a year before Raoul was born. Невероятно было, чтобы Атос соби-
рался женить его на женщине, которая считалась красивой за год до того, как Рауль появился на свет.

He went into his room and, with the coquetry characteristic of youth, fulfilling Athos's request, tried to give himself the most elegant appearance. Он прошел в свою комнату и с кокет-
ством, свойственным юности, исполняя просьбу Атоса, по-
старался придать себе самый изящный вид. With his natural beauty, this was not at all difficult. При его природной красоте это было совсем не трудно.

When he entered Athos's presence, the latter looked at him with the paternal smile with which he had greeted d'Artagnan in years past. Когда он вошел к Атосу, тот оглядел его с отече-
ской улыбкой, с которой в минувшие годы встречал д'Арта-
ньяна. Only there was now much more tenderness in this smile. Только в улыбке этой было теперь гораздо больше нежности.

First of all, Athos looked at Raoul's hair, his hands and feet - they spoke of noble origin. Прежде всего Атос посмотрел на волосы Рауля и на его руки и ноги – они говорили о бла-
городном происхождении. Following the fashion of the time, Raoul parted his hair in the middle, and dark hair fell in curls on his shoulders, framing a matte-pale face. Следуя тогдашней моде, Рауль причесался на прямой пробор, и темные воло-
сы локонами падали ему на плечи, обрамляя матово-бледное

лицо. Gray suede gloves, the same color as his hat, outlined his thin, graceful hands, and boots, also gray, like the gloves and hat, deftly hugged small feet, like those of a ten-year-old child. Серые замшевые перчатки, одного цвета со шляпой, обрисовывали его тонкие изящные руки, а сапоги, тоже серые, как перчатки и шляпа, ловко обтягивали маленькие, как у десятилетнего ребенка, ноги.

"If she is not proud of him," thought Athos, "she will be very difficult to please." «Если она не будет гордиться им, – подумал Атос, – то на нее очень трудно угодить».

It was three o'clock in the afternoon, the most opportune time for visiting. Было три часа пополудни – самое подходящее время для визитов. Our travelers went down the Rue de Grenelle, turned into the Rue des Roses, came out into the Rue Saint-Dominique and stopped at a magnificent house located opposite the Jacobin monastery and decorated with the coats of arms of the de Luynes family. Наши путешественники отправились по улице Гренель, свернули на улицу Розы, вышли на улицу Святого Доминика и остановились у великолепного дома, расположенного против Якобинского монастыря и украшенного гербами семьи де Люинь.

"Here," said Athos. – Здесь, – сказал Атос.

He entered the house with a firm, confident step, which immediately makes it clear to the doorkeeper that the person entering has the right to do so, went up the porch and, turning to a footman in a rich livery, sent him to find out whether the

Duchess de Chevreuse could receive the Count de La Fère. Он вошел в дом твердым, уверенным шагом, который сразу дает понять привратнику, что входящий имеет на это право, поднялся на крыльцо и, обратившись к лакею в богатойливрее, послал его узнать, может ли герцогиня де Шеврез принять графа де Ла Фера.

A minute later the footman returned with the answer: although the Duchess did not have the honor of knowing the Count de La Fère, she asked him to come in. Через минуту лакей вернулся с ответом: хотя герцогиня и не имеет чести знать графа де Ла Фера, она просит его войти.

Athos followed the footman through a long suite of rooms and stopped in front of a closed door. Атос последовал за лакеем через длинную анфиладу комнат и остановился перед закрытой дверью. He made a sign to the Vicomte de Bragelonne to wait for him there. Он сделал виконту де Бражелону знак, чтобы тот подождал его здесь.

The footman opened the door and announced Count de La Fère. Лакей отворил дверь и доложил о графе де Ла Фере.

The Duchess de Chevreuse, whom we have often mentioned in our novel *The Three Musketeers*, without ever having the opportunity to bring her on stage, was still considered a very beautiful woman. Герцогиня де Шеврез, о которой мы часто упоминали в нашем романе «Три мушкетера», ни разу не имея случая вывести ее на сцену, считалась еще очень красивой женщиной. In appearance, one could give her no more

than thirty-eight or thirty-nine years old, while in fact she was already forty-four or forty-five. На вид ей можно было дать не больше тридцати восьми – тридцати девяти лет, тогда как на самом деле ей было уже сорок четыре или сорок пять. She had the same wonderful fair hair, lively intelligent eyes, which so often opened wide when the Duchess was engaged in some intrigue, and which were so often closed by love, and a waist slender, like a nymph's, so that the Duchess, if you did not see her face, could be taken for a very young girl, as she was at the time when she jumped with Anne of Austria over the Tuileries moat, which deprived France of an heir to the throne in 1633. У нее были все те же чудесные белокурые волосы, живые умные глаза, которые так часто широко раскрывались, когда герцогиня вела какую-либо интригу, и которые так часто смыкала любовь, и талия тонкая, как у нимфы, так что герцогиню, если не видеть ее лица, можно было принять за совсем молоденькую девушку, какой она была в то время, когда прыгала с Анной Австрийской через тюильрийский ров, лишивший в 1633 году Францию наследника престола.

In the end, it was still the same crazy creature who knew how to give her love affairs such originality that they almost served to the glory of the family. В конце концов это было все то же сумасбродное существо, умевшее придавать своим любовным приключениям такую оригинальность, что они служили почти к славе семьи.

The Duchess was sitting in a small boudoir, the windows of

which looked out onto the garden. Герцогиня сидела в небольшом будуаре, окна которого выходили в сад. This boudoir, in accordance with the fashion of the time, which Madame de Rambouillet had introduced when decorating her mansion, was covered with blue silk material with pinkish flowers and gold leaves. Будуар этот по тогдашней моде, которую ввела г-жа де Рамбулье, отделывая свой особняк, был обтянут голубой шелковой материей с розоватыми цветами и золотыми листьями. Only a real coquette at the age of the Duchess de Chevreuse would have dared to sit in such a boudoir. Только изрядная кокетка решилась бы в лета герцогини де Шеврез сидеть в таком будуаре. And she was not even sitting, but reclining on the couch, leaning her head against the embroidered carpet hanging on the wall. А онадаже не сидела, а полулежала на кушетке, прислонившись головою к вышитому ковру, висевшему на стене.

She leaned her elbow on the pillow and held an open book in her hand. Опершись локтем на подушку, она держала в руке раскрытую книгу.

When the footman announced the Comte de La Fère, the Duchess rose slightly and looked curiously at the door. Когда лакей доложил о графе де Ла Фере, герцогиня слегка приподнялась и с любопытством посмотрела на дверь.

Athos entered. Вошел Атос.

He wore a purple velvet suit trimmed with laces of the same color with silver blued tips, a cloak without gold embroidery, and

a black hat with a simple purple feather. На нем был лиловый бархатный костюм, отделанный шнурками того же цвета с серебряными воронеными наконечниками, плащ без золотого шитья и черная шляпа с простым лиловым пером.

The collar of his shirt was made of expensive lace; the same lace hung down the tops of his black leather boots, and at his side hung a sword with a magnificent hilt, which Porthos had once admired so much on the Rue Ferou, and which Athos had never lent him. Отложной воротник его рубашки был из дорогого кружева; такие же кружева спускались на отвороты его черных кожаных сапог, а на боку висела шпага с великолепным эфесом, которой на улице Феру так восхищался когда-то Портос и которую Атос так ни разу и не одолжил ему.

There was so much nobility and grace in the face and manner of the Count de La Fère, whose name had just sounded completely unknown to the Duchess de Chevreuse, that she rose slightly and invited him to take a seat near her. В лице и манерах графа де Ла Фера, имя которого только что прозвучало как совершенно неизвестное для герцогини де Шеврез, было столько благородства и изящества, что она слегка привстала и предложила ему занять место возле себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.